Геннадий Моисеенко

ЭПОХА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Воспоминания пламенных лет!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, Геннадий Николаевич Моисеенко, кандидат технических наук, работник ряда отраслей оборонной промышленности. Вместе с отцом занимался историко-публицистической деятельностью, а после ухода отца из жизни, в память о нем и его сотоварищах, написал данную книгу.

Книга написана с использованием материалов Н.П. Моисеенко. Работа удачно связана с современной действительностью. В книге отображены события, участниками которых были известные личности страны: Л.И. Брежнев, А.А. Жданов, А.П. Кириленко, маршал авиации В.А. Судец, министры, руководители среднего звена и исполнители, описанные на основе совместной работы и личных впечатлений.

Книга показывает великий период истории страны: индустриализацию СССР, Великую Отечественную войну, эвакуацию промышленного комплекса и послевоенное возрождение. События развиваются на фоне жизни и деятельности Н.П. Моисеенко, и автора книги, построены в хронологической последовательности. Книга может быть хорошим помощником для анализа современной действительности, эпохи перестройки и реформ.

Книга Геннадия Моисеенко, посвящена эпохе победителей, когда страна добилась значительных успехов в своём развитии. Книга написана в стиле повествования детей войны, и может быть не только серьёзным подспорьем, созданному движению «Дети войны», а и стать основой для празднования победных дат Великой Отечественной Войны, таких как 70-летие победы ВОВ.

- Геннадий Николаевич Моисеенко
  -
  - 1. Издательское предисловие
  - 2. Авторское предисловие
  - 3. Введение
  - 4. Наша память хранит многое
  - 5. Весенние всполохи в судьбе отцов
  - 6. Наша жизнь и, правда, войны
  - 7. Брежневские беседы
  - 8. Черный сокол и семь кругов ада
  - 9. Быстрый взлет с Л. И. Брежневым
  - 10. Эпилог. Последний выстрел
  - 11. Приложения
  - 12. Перечень имен

- 13. Перечень понятий
- 14. БИБЛИОГРАФИЯ
- 15. Перечень источников
  -
  - 15.1. К главе 1-6
  - 15.2. К главе 7
  - 15.3. К главе 8
  - 15.4. К главе 9
  - 15.5. К главе 10

Геннадий Николаевич Моисеенко
Эпоха победителей

© Г.Н. Моисеенко, 2014
© Издательство ИТРК, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

ВЕЛИКОЙ ЭПОХЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Л.И. Брежнев. На встрече с рабочим классом Запорожья. 1947 год.

Справа налево: Л.И. Брежнев, Г.В. Енютин, Н.П. Моисеенко

1. Издательское предисловие

Книга, автора – Геннадия Моисеенко, «Эпоха победителей», характеризует Советскую эпоху, как эпоху успехов в области создания промышленного потенциала, обеспечившего победу в Великой Отечественной Войне, и послевоенном возрождении.

Основными действующими лицами этой эпохи являлись выходцы из рабочего класса, сумевшие преодолеть все трудности её становления.

Одним из ярких представителей этого класса был Л.И. Брежнев, которому посвящена значительная часть повествования. Он показан во взаимодействии с основными руководителями страны, руководителями среднего звена, рабочими, бригадирами и ученными.

Показано как развиваются события в эту эпоху, начиная с революционных лет.

Книга написана в жанре документально-исторической повести, использованы мемуарные материалы и архив отца автора – Н.П. Моисеенко, человека, чья личность формировалась вместе со становлением и развитием державы.

Одна из ярких страниц его жизни – встреча и работа с Л.И. Брежневым и другими видными деятелями государства; людьми, работавшими с ними и под их руководством.

В книге воспроизведены ранние впечатления автора, пронесенные через всю жизнь, и взгляды уже зрелого человека, воспоминания о встречах и беседах с очевидцами.

Автор знакомит читателя со многими малоизвестными событиями и материалами, о чем свидетельствуют личные документы и фотографии, опубликованные и неопубликованные литературные работы, приведенные в приложениях.

Книга прошла опробование и обсуждение в различных коллективах, и её характеризуют приведенные ниже рецензии родственников действующих лиц, ученых, специалистов и рядовых граждан страны.

* * *

С большим удовольствием прочел книгу «Память пламенных лет». Книга дает нашему молодому поколению историю борьбы наших отцов и дедов за свою страну, что особенно важно в это перестроечно-реформаторское время. Время шатаний и распада Великой державы. Мне особенно интересно было узнать

некоторые подробности жизни и деятельности моего прадедушки – Л.И. Брежнева, его сотрудников, друзей и товарищей.

Это особенно важно в наше время, когда многие стараются бросить камень в прошлое и представить образ нашей семьи, и Л.И. Брежнева в негативном виде.

Правнук Л.И. Брежнева Леонид Брежнев

* * *

Примите искренние слова признательности за ваш бесценный подарок для нашей библиотеки. Ваша книга «Память пламенных лет» займет достойное место в нашей коллекции. Имена героев, наших земляков, в том числе вашего Отца Николая Петровича Моисеенко, хорошо известны в нашем регионе. Их личный вклад в развитие и восстановление Днепрогэса, мощнейшего индустриального комплекса Юго-востока Украины – навеки останутся в истории и людской памяти.

Директор областной библиотеки им. Горького, г. Запорожья, заслуженный работник культуры Украины И.П. Степаненко.

* * *

Особенно ценным в книге Г.Н. Моисеенко является раскрытие оптимистического и созидательного характера деятельности советских людей в годы Великой Отечественной войны и послевоенного возрождения. Это качество книги обладает большой перспективой, так как показывает людям характер выхода из образовавшейся кризисной ситуации современности.

Книга посвящена героическому историческому прошлому, но автор умело вскрывает корни современных явлений и увязывает сюжеты с проблемами сегодняшней жизни, что придает книге вполне актуальное звучание.

Исторический опыт советского периода призван служить общественному прогрессу будущего. В этом отношении данная книга имеет большое значение для современного поколения людей, в особенности молодежи.

Доктор исторических наук, профессор – Ермалавичус Ю.Ю.

* * *

В книге умело, отражена эпопея, которой ещё не знала современная история, а именно, эвакуация промышленных предприятий из прифронтовой полосы СССР. Названы многие имена учёных, строителей, рабочих, инженеров, партийных работников.

Это усиливает достоверность рассказа, придает ему патриотическую направленность и оживляет воспоминания целого поколения советских людей – победителей в войне и труде.

В книге красной строкой просматривается глубокое понимание и художественное осмысливание автором роли И.В. Сталина, как вождя созидателя. Уместны и точны оценки в отношении других руководителей.

Часть материалов имеет научную и историческую ценность, и может быть использована для преподавательской и научной работы. Книга заслуживает опубликования и широкого распространения среди читателей России и бывших советских республик.

Доктор исторических наук, профессор – Малахов Г.А.

* * *

В книге отражены актуальные для современного читателя экономические и политические проблемы советского периода, особенности становления партизанского движения во время Великой Отечественной войны, его народная сущность. И не только на южном фланге Юго-Западного фронта, а и на сопредельных территориях, в частности в Словакии.

Автор раскрыл тактику борющихся сторон в Словацком Народном Восстании и участие в нем советских граждан. Показал глубину позиции Советского командования в отношении военнопленных и развеял миф об однозначно негативном отношении к этой проблеме.

Большое значение имеет материал о деятельности руководителей Советской страны, в особенности Л.И. Брежнева и А.П. Кириленко. Автор показал, насколько они были близки к народу и как они думали о его повседневной жизни и о его будущем, что основательно подрывает весь негатив современной пропаганды.

Доктор исторических наук, профессор – Гришин А.В.

* * *

Стилистически автору удалось придать книге захватывающий характер легко воспринимаемого повествования. Хорошо написанные эпизоды волнуют душу и несут конкретную информацию, малоосвещенного в литературе, первого периода Великой Отечественной войны и послевоенного возрождения. Автор показывает всю напряженность этой борьбы и даёт её реальную картину. В книге удачно показана связь исторических событий с современностью, средства и методы преодоления трудностей, которые могут быть полезны современному читателю.

1-й секретарь Восточного окружкома КПРФ, полковник Губенко Г.И. и группа читателей

В знак дружбы
утвердившейся
при совместной работе
в Запоротье.
Взглянешь Коля и
вспомнишь 1947 год.
25/XI 47 г. Л. Третяк

Л.И. Брежнев. 1947 г.

2. Авторское предисловие

Прежде чем взяться за перо и написать второе издание книги под названием: «Эпоха победителей», я вспомнил, как партия отмечала 100-летие со дня рождения Л.И. Брежнева, которое имело широкое звучание. А на юбилее Леонида Ильича, подошел к нам, распространителям книги, с группой депутатов ГОСДУМЫ и членов ЦК КПРФ Председатель ЦК партии Геннадий Андреевич Зюганов. И сейчас мне отчетливо вспомнился Геннадий Андреевич Зюганов, который способствовал выходу в свет первого издания книги подарил свою именную авторучку и сказал: «Не останавливайся на достигнутом, старайся расширить и дополнить материал – эта тема имеет большое значение».

Между нами завязался короткий, но содержательный разговор, из которого я понял, что Геннадий Андреевич имеет серьезные экономические, социальные и политические понятия о существе власти вообще, а в России в особенности.

И мне отчетливо вспомнился трудный перестроечный период, когда мы техническая интеллигенция, да и все работники промышленности, подвергались ударам со всех сторон, а основа нашей жизнедеятельности – промышленные предприятия сокращались, да и вовсе закрывались, и тогда я вновь обратился к рукописям отца.

Полностью погрузился в их содержание, ощутив события тех лет, чтобы, в конце концов, понять суть успехов того времени и причины неудач перестроечного и реформаторского этапов жизни нашей страны.

Я нашел фотографии и материалы, о жизни и деятельности Л.И. Брежнева, людей с которыми он работал его соратников и сподвижников, и не только это, а и материалы, касающиеся развития событий всей эпохи.

И именно тогда, я смог заново осмыслить и суть Советской эпохи, и образ Леонида Ильича, невзирая на все отрицательные аспекты его современной критики, и образ моего Отца – Моисеенко Н.П., как представителей эпохи.

Леонид Ильич Брежнев – выходец из рабочего класса, из пролетарской среды периода становления Советского государства, когда именно на этот класс делалась ставка во всех грандиозных планах развития. Такие люди выдвигались к руководству промышленностью страны, пройдя весь образовательный курс, который Советская власть создавала для выходцев из народа.

В дальнейшем, наиболее активные люди из этой среды,

преодолев все трудности развития, выдвигались на высшие руководящие посты партии и страны.

К этой среде, как и Леонид Ильич, принадлежал и мой Отец. Они жили и работали в Приднепровье, на Юге Российской империи, где в начале 20-го века разворачивались события, которые во многом отражали эпоху становления и развития Советского государства.

И мне захотелось заглянуть в прошлое этой эпохи, через судьбы моих предков. Так, мне казалось, будет правильно отражена эпоха, в которой созревали будущие руководители страны. И осуществились те великие события, которые удивили и потрясли весь мир!

Н.П. Моисеенко (1909–1975 гг.)

Вторым секретарем горкома партии работал Моисеенко.

Таким образом, мне было на кого опереться.

Л.И. БРЕЖНЕВ. Возрождение

3. Введение

Н.П. Моисеенко принадлежит к тому поколению людей, которые строили Советскую власть и вместе с ней росли, и формировались как личности. Рабочий железнодорожной станции, студент машиностроительного института, он стал инженером – конструктором, был выдвинут на комсомольскую и партийную работу в качестве первого секретаря обкома комсомола, а затем и обкома партии. Активно участвовал в предвоенной индустриализации страны.

Во время Великой отечественной войны он находился в числе тех, кто организовывал демонтаж и эвакуацию предприятий Запорожья, воевал, участвовал в партизанском движении, был начальником оперативной группы Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, впоследствии Северо-Кавказский фронт, уполномоченным Военного совета фронта. Выполнял ряд оперативных заданий ГКО и ЦК ВКП (б).

После победы, Н.П. Моисеенко, снова на ответственной партийной работе: секретарь горкома, обкома партии, заместитель генерального директора завода «Запорожсталь», председатель Госконтроля Запорожской области и др. В последние годы жизни занимался журналистской деятельностью.

Он непосредственный участник строительства, обороны, эвакуации и восстановления города, его промышленного комплекса, Днепрогэса и завода «Запорожсталь», что было одним из величайших примеров всей военно-индустриальной эпопеи Великого Советского Союза.

И в этой эпопее, в этом движении вперед на его долю выпало встречаться и работать с людьми, которые впоследствии определяли пути развития страны. Анализ этих путей, анализ этих встреч и бесед, может помочь понять причины, приведшие к распаду Великой державы. Понять, что погубило эту державу: мелкое тщеславие и ограниченность правителей, пришедших к власти в период перестройки и реформ, их проснувшиеся инстинкты стяжательства и наживы, перерождение элиты страны или в конечном итоге потворство народа этому перерождению.

4. Наша память хранит многое

Я уже не молод, седина подернула чело, но передо мной стоят первые картины памяти моего детства. Суровые сизые тучи над Днепром, покрытая туманной дымкой плотина Днепрогэса, истошный вой сирены воздушной тревоги, черные кресты самолетов, несущих смерть и разрушение, зеленые стены бомбоубежища, глухие удары сверху, осыпающаяся штукатурка первой в моей жизни бомбежки – осенью 1941 года.

Мой отец, Николай Петрович Моисеенко, один из секретарей Запорожского обкома партии, давно не ночевавший дома, в это тревожное время, пришел в военной форме, поставил карабин в угол и спокойно сказал:

– Завтра уходим к Днепру с ополчением, вниз за остров Хортица, нужно совместно с войсками сдержать немцев и выполнить приказ Верховного – вывезти заводы Запорожского промышленного комплекса.

Впервые я узнал, кто такой «Верховный» – это товарищ Сталин, наш вождь и учитель. Пока он с нами, мы победим немцев, которые громадной злой стаей, уничтожая все на своем пути, прут на нашу землю, а мы её должны защитить от позора и поругания.

Отец появился второй раз и сказал.

– Пора собираться: взорваны центральные бычки плотины, открыты все сливы, громадная волна смыла наступающие немецкие части на переправе, время для эвакуации заводов выиграно, поезда уходят на Восток, скоро заводы уйдут и наши войска, с громадным напряжением сдерживающие врага, оставят город.

Мы собираемся. Мать плачет – уезжаем в неизвестность, грузим вещи в вагоны, за Днепром слышен нарастающий гул канонады. Поезда с беженцами под прощальный гудок паровоза уходят на Харьков, оставив полупустые перроны и одиноких провожающих. Под Харьковом бомбежка, разбросаны вагоны разбитых эшелонов, плачущие, бегущие в разные стороны люди, женщины прижимающие детей к земле, и крики: «Илья пророк», громовержец и заступник, защити, спаси, закрой нас от огня и пламени».

Спрашиваю у стариков, кто такой «Илья громовержец»? Слышу ответ: «Это Великий вождь, собирающий силы под Москвой, чтобы огнем и мечом поразить врага, это Верховный главнокомандующий – Сталин!»

Поезд застрял в степи, перед маленьким разбитым

полустанком: стоим на открытом месте рядом с санитарным эшелоном, из которого вышли легко раненные, расположились на груде лома и разбитых вагонов, вертят самокрутки и задумчиво слушают тихий голос гармони. Бомбежка и бой – это бомбежка, а гармонь – это гармонь. Пока есть жизнь – есть гармонь.

Появился начальник караула полустанка, старший лейтенант, с усталым видом школьного учителя, с опухшими от бессонницы глазами, с глухим, каким-то надтреснутым голосом.

– Чего стоим, – старшой? – заговорили солдаты.

– Танки где-то прорвались, не дай бог сюда, у меня солдат то всего взвод, – как-то буднично заговорил он. Выдвину этот взвод вперед, для прикрытия и все. А там, что получится? На Москву вам, наверное, не пройти. А куда вас деть и сам не знаю.

Танки появились на горизонте. Угрожающе развернулись, показали свои кресты на броне, развернули башни и лениво плюнули снарядами, не целясь, так, для острастки, в сторону эшелонов.

Старший лейтенант с двумя солдатами и ящиком противотанковых гранат, с резким напряжением предчувствия близкого боя, просил раненых:

– Братцы, помогите. Братцы, сами не сдюжим. Братцы, ради всех Святых!

Деловито раздавал гранаты. И звал на смерть, как на обычную работу.

– Братцы, умирать, так не впервой, авось сдюжим, – заглядывал он им в глаза.

– Пацанву жалко. А так – хрен бы с ним! А, братцы? Я вам и пару ПТР дам, неплохое противотанковое ружье, бей по гусеницам и боковой броне, и танк одолеешь, только не робей!

Они ушли, молча, на ходу поправляя бинты, подтягивая пояса и рассовывая гранаты по карманам. Уходили они как-то сурово и буднично, как на тяжелую, но крайне необходимую работу.

Танки быстро продвинулись вперед, замерли, ответили уже прицельным огнем орудий на залп наших ПТР и, обстреляв беглым огнем эшелон, круто развернулись и ушли в сторону Харькова.

Паровозы прокричали: «НЕ пройдем! Не пройдем!» – Лязгнули буферами. Народ бросился к эшелонам, быстро заполняя вагоны. Паровозы сдали назад. Остановились. Прокричали:

«На Кавказ! На Кавказ!» – И начали медленно набирать скорость, уходя от ставшего таким опасным, полустанка.

Уезжаем на Кавказ, уходим от бомбежек, пролетают степные просторы. На станциях все бегают на вокзал за кипятком,

получают гороховый суп и хлеб, торопятся, кричат, боятся опоздать, отстать от поезда.

Прибывают эшелоны: пассажирские, товарные, открытые платформы с цветастой женской и детской массой, в уже по-осеннему прохладное время. Люди с платформ штурмуют поезда, тамбуры, заполняют проходы. Народ, снявшись со своих мест, отступает на Восток от грохочущего и приближающегося фронта.

Наш поезд загоняют в тупик. Все взволнованны, суетятся, выглядывают из вагонов, спрашивают:

– Что такое, что такое?

Пожилой усатый железнодорожник в промасленной форме, деловито простукивающий колеса, важно запрокинув голову, разъясняет:

– Пропускаем встречный. Воинский!

Проносятся встречные с пушками на платформах, с солдатами в проемах дверей, прощально машущими нам рукой. Деловито стучат колеса встречных.

– К фронту! К фронту! К фронту. На смерть! На смерть! На смерть!

На смерть они идут просто. Надо остановить немецкие танки. Надо и всё! Это потом власть в великой стране захватили маленькие карлики. Смерть великих людей оплевали. Придали ей форму мелкотравчатой политики, борьбы за должности и оклады, за дачи и обогащение. А тогда они делали своё дело! Немецкие танки не пройдут! Не пустим! Не дадим! Сурово говорили их прощальные взгляды.

Тогда мы жили под вой снарядов, но жили без теперешнего надрыва и отчаяния. Собирали эшелоны и снова в путь. Меняли на полустанках вещи, которые казались теперь не нужными, на хлеб и овощи, смотрели на небо – нет ли самолетов, слушали его:

– Это завывание, – прошел мессер. Это падающий свист – Юнкерса.

– А это, деловито жужжа, как осенние шмели, подходят наши истребители – ястребки (ЯКИ). Они ищут свои цели и вступают в бой, отгоняя немцев от эшелона. Боимся налетов. Бегаем, торопим машиниста – скорей, скорей уйти от ставшей такой опасной станции.

Машинист и сам с тревогой поглядывает на небо и ждет разрешение на выезд. Наш пассажирский поезд, по тем временам роскошь. В него вечно на полустанках набивается много народу. В вагоне становится душно от скопления людей и человеческого пота, невозможно ни жить, ни ехать. Есть приказ:

– Посторонних людей без разрешения коменданта не брать.

Говорят, немецкая агентура уже не раз пыталась посеять

панику, встраиваясь в наши ряды, проникнув в вагоны, и не только к нам, беженцам, а главное в воинские части. Врезаться в головную часть воинской колонны на марше и увести её с намеченного маршрута, создать неразбериху. Это было главной задачей одной из специальных абверкоманд отдела «Ост» германской разведки.

В наш поезд подсаживаются несколько инвалидов. В вагоне молодой одноногий инвалид, с подвязанной ногой, на костылях, вынимая финку, пугает пассажиров.

– Уходите из эшелона – ночью будет резня.

Кто-то бежит к начальнику эшелона. А это бывший сотрудник обкома, а теперь капитан Дейнека. Он появляется с двумя солдатами, с винтовками наперевес. Инвалид сразу умолкает, начинает суетиться.

– Мы что? Мы ничего. Мы пошутили. У нас даже финок нет.

– Вот посмотрите, – выворачивая карманы, он жалобно обращается к публике. Но начальника эшелона не проведешь, он резко рвет повязку на ноге инвалида и выбивает ногой костыли. Оказывается – инвалид липовый. Порядок восстановлен, и поезд выпускают до следующей – Узловой станции. На Узловой нас уже ждут эшелоны с раненными красноармейцами. Эти эшелоны, состоящие из открытых платформ, ушли от артобстрела, от самой кромки боя. Нам объявляют:

– Скоро придем на Узловую и у нас есть приказ «Верховного»: «Все пассажирские поезда, в зоне боевых действий, отправить под создание фронтовых госпиталей».

– На Узловой вам дадут новый состав из теплушек и двухосных товарняков.

Не успел поезд остановиться, как санитары начали заносить раненных бойцов. Раненные красноармейцы гладили детей и извинялись. Женщины всхлипывали, давали им фрукты, и причитали:

– Да что вы, родные! Мы все вам отдадим! Только бы вам устоять! Только бы побить проклятого!

Наш сосед по вагону, юркий, общительный, добродушный старик, отвоевавший своё, ещё в гражданку, уже осмотрел новый эшелон и прибежал за нами:

– Я получил такой телятник! Переоборудуем, закачаетесь, благодать, лучшего не придумаешь! Быстрей грузите вещи, а я побежал за печкой.

Вагон преображался на глазах. Женщины его вымыли до блеска, мужчины соорудили нары. В центре установили маленькую чугунную печку, которую почему-то называли «буржуйкой».

– Ну, теперь, родные благодать, тепло, сухо, воздух – есть, чем дышать.

Эта картина запомнилась на всю жизнь. И уже гораздо позже, в период перестройки и реформ, когда речь заходила о депортированных во время войны малых народах, разжигались национальные страсти – почему-то всегда говорили как о великом безобразии, об этих теплушках. Но так переезжали десятки миллионов людей, а тем депортированным, которых увозили от войны и фронта, хотя многие из их родственников выступили на стороне врага, ещё и пассажирские подай. Наши отцы сражались, и мы уезжали под бомбежками в теплушках, а им, видите ли, роскошь подай.

Выпустили джинна из бутылки, а теперь кровью харкают. Благо бы они. Народ страдает. Но это было потом, через много лет. А пока мы радовались теплу и возможности уснуть у печки, под монотонный стук колес.

Поезд набирает скорость и уже, кажется, ничто не мешает ему достучать до нашей конечной цели. Под окнами вагонов пошли роскошные ставропольские сады, полные прелести осеннего увядания, ещё не тронутого войной, а на полустанках появились такие дешевые ароматные яблоки, которые можно обменять на любую вещь.

Наконец, конечная точка нашего маршрута – большой и теплый город Ставрополь. Ставрополь запомнился привокзальной площадью, забитой людьми, и большим громкоговорителем, похожим на огромную, извилистую квадратную трубу, торчащую на верхушке столба посредине площади. Вечная толпа у громкоговорителя, ждущая новостей с фронта. Громкоговоритель, хрипя и откашливаясь, сообщает печальные вести: «Войска оставили! Оставили! Оставили!». Фронт приближается к Кавказу.

Люди плачут. Стою, всхлипываю, в общем страхе, с предчувствием скорого конца. Кто-то опускает мне ладонь на голову и говорит: «Не плачь, сынок. Сталин с нами, мы победим!» – Кажется, что что-то большое и сильное закрывает весь горизонт и спасает от такой близкой беды.

В Ставрополе, где наша жизнь, казалось бы, начала становиться спокойней, невзирая на войну, такой уж был, успокаивающий ритм жизни этого города. Нас начали одолевать новые волнения, даже после недолгих хлопот, когда местные власти наладили питание семей военнослужащих. И всегда, в эвакопунктах, можно было получить гороховый суп или пшенную кашу. Но опять появились печальные фронтовые новости. И наше пребывание оказалось не долгим, немцы подходили к Кавказу.

Опять дальше в путь, через горные просторы и сияющие

вершины, к полоске моря, блеснувшей синевой на горизонте, в манящий своим восточным своеобразием и нефтяной славой, город – Баку.

Ночевки на вокзалах, где все спят покатом на полу. В школах, прислонив голову к партам. И, наконец, долгожданное море. А вместе с ним и длинная металлическая баржа, с небольшим буксиром. Плывем в Красноводск через весь Каспий. А дальше путь в Среднюю Азию.

Несколько налетов авиации, черные кресты мессеров, пытающихся расстрелять юркий буксир. На барже красный крест, жирно нанесенный матросами через всю ржавую, давно не крашеную палубу, но нас всё равно бомбят и обстреливают, а в дополнение, баржу треплет шторм. Поголовная морская болезнь и страх перед налетами, изматывал людей до обморочного состояния.

Наконец все мытарства закончены, длинная и душная дорога по просторам Средней Азии завершена. Мы в Самарканде, с его плоскими крышами и глинобитными заборами. Сладкие фрукты в хозяйском саду и сладкое ощущение того, что можно поесть тутовника, растущего у арыков на улицах.

Самарканд запомнился жарким солнцем, экзотикой древнего азиатского города, шумными базарами и приездом отца в командировку по фронтовым делам. В 1942 году он навестил семью перед отъездом в Сталинград. Сталинград готовился к обороне, принимая первые удары. Отец пробыл несколько дней и ушел по пыльной Заводской улице, вдоль глинобитных заборов и арыков, сопровождаемый возницей верхом на маленьком ослике с квадратной, небольшой двухосной телегой, увозившей его вещи в Сталинград. Я долго бежал за отцом, хватал его за пыльные сапоги и орал: «Папа, не уезжай, тебя убьют». – Люди стояли, молчали и плакали.

Наконец, меня догнала и забрала мать, а отец ушел дальше по пыльной дороге. Запомнились самаркандские базары, с их восточной экзотикой. На этих базарах, помогая хозяйке торговать, можно заработать немного фруктов и отнести сестре и матери. И память об Отце, его портупее, кобуре с пистолетом и высоких хромовых офицерских сапогах, когда можно гордо сказать базарной малолетней шпане, скорой на расправу.

– У меня отец на фронте, в Сталинграде, вот он вам задаст! – и шпана вздрагивала, морщилась и отходила.

Внезапно нахлынувшая радостная весть:

– В Сталинграде Победа, – взбудоражила всю улицу. Все бегали, со двора во двор и спрашивали: «Вы слышали? В Сталинграде Победа!»

И далее, сообщение за сообщением: «Наши войска взяли! Взяли! Взяли!» Мы сразу привыкаем к победным реляциям. Ожидание возвращения в родные пенаты становится не таким тоскливым. А вот уже и победа под Курском! Фронт быстро идет на Запад! Он скоро уже под Запорожьем, начинаем собирать вещи, готовим провизию для долгого путешествия в теплушках, за движущимся фронтом. Все говорят:

– Если запастись мясом, залитым жиром, то можно выдержать длительное путешествие. Но какое там мясо, при нашей всеобщей бедности. Уже давно все обносились, все вещи ушли на провизию, мясо на рынках баснословной цены.

«Но выход есть», – говорит Елизавета Кириленко, жена Андрея Павловича, секретаря нашего обкома, который воевал с отцом где-то на Кавказе. С ней мы были в эвакуации, и она относилась к нам с особой приветливостью и добродушием.

– Если купить мясо ослика, которое стоит сравнительно дешево, и хорошо проварить, оно будет вполне съедобно.

Она устроилась в Самарканде на неплохую работу, где давали относительно хороший, по тем временам, паёк и кроме офицерских аттестатов отцов, которые пересылали нам с фронта, для какого-то существования семей, она помогала нам не только провизией, а и устроила в детский сад как детей фронтовиков.

Запомнилось, как мы давали концерты в госпиталях, раненным красноармейцам, и выводили нестройными детскими голосами:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

А главный врач, называя нас по взрослому – товарищи, благодарил и говорил, что для раненых это лучшее лекарство.

А.П. Кирпиленко. 1941–42 г.

Н.П. Моисеенко. 1941 г.

До сих пор помню больного, заросшего рыжей щетиной раненного, который протяжно стонал, смотрел на меня и тихо звал: «Сынок, подойди ко мне, подойди».

А я боялся его устрашающего вида и жался к ногам воспитательниц.

– Подойди, подойди, он очень «тяжелый», долго не протянет, – тихонько всхлипывая, говорили они. – Ему кажется, что ты его сын.

Потом я его уже не встречал, его перестали приносить в большую, общую палату, где мы давали концерты, но воспитательницы говорили между собой:

– Подумать только, такой тяжело-раненный, а пошел на поправку. Мальчишка его поднял, что ли?

Ослик варится долго-долго, страшно пенясь и испуская неприятней запах. Многие брезгуют, морщатся и предпочитают мясо местных черепах. Угощая их отваром, радостно улыбаясь найденному выходу для длительного путешествия, философски рассуждают: «Хм, хм, совсем не дурно, бульон почти куриный. Можно выдержать длительное путешествие!»

Отца я вспоминаю все чаще и чаще, в кожаном полушубке с портупеей и красной звездой на зимней шапке, как на фото – графин, стоящей на столике матери. Но встретились мы с ним уже в освобожденном Запорожье.

Небольшой, полуторный фордик, отслуживший свой срок в армии, тащил нас мимо разрушенных зданий. Здания вздымали в небо свои обгоревшие руки, словно моля о пощаде, и тоскливо смотрели на нас своими разрушенными глазницами. Город был полностью разрушен – ни одного уцелевшего кирпичного здания, ни одного цеха, ни одного завода.

Ф.С. *Матюшин. 1941 г.*

Отца отозвали с фронта, и он, с А.П. Кириленко, возглавил партийную организацию города и области. Разбирались завалы, разминировались минные поля, готовились строительные площадки, налаживалась мирная жизнь. А за Днепром еще были немцы. Их самолеты прорывались и бомбили вокзал и город.

В первое время, после освобождения, обком партии разместился в уцелевшем небольшом домике, на площади

«Шевченко», недалеко от полностью разрушенного немцами авиамоторного завода. Работать приходилось под канонаду, расположившейся рядом батареи дальнобойной артиллерии, замаскированной среди развалин. Грохот орудий, от которого вздрагивали первые посетители, мало тревожил их. К этому они привыкли за долгие годы фронтовой жизни.

Необходимо было восстанавливать партийные организации области, к тому же приближалась годовщина Октябрьской Революции. Для проведения торжеств нужно было найти подходящее помещение, которое при осмотре и изучении развалин найти не удавалось.

Наконец, им повезло. Просматривая руины авиамоторного завода, они нашли почти целый зал, где когда-то работали технологи и конструктора. Этот зал и стал первым звеном возрождаемой парторганизации. И сразу начали обсуждаться варианты возвращения авиамоторного завода, используя метод раздела его мощностей на две части, одна из которых должна остаться в Омске, а другая – возвратиться в Запорожье. Уже тогда планировалось создать опытно-конструкторское предприятие, которое должен возглавить Ивченко А.Г. Люди охотно шли работать к нему. Он мог создать творческую атмосферу вниманием и четкой расшифровкой своих технических идей. Впоследствии это КБ назвали ЗМКБ «Прогресс» имени А.Г. Ивченко.

В тот период к нам домой часто приходили гости: кто представиться после возвращения из мест, куда их забросила военная судьба, кто – вернувшись с фронта, а кто и с дружеским визитом, воспользовавшись фронтовым отпуском. Все горячо обсуждали мирные задачи восстановления города, с приближением скорого окончания войны. И были уверенны в том, что с такой задачей, как возрождение разрушенных объектов, сможет справиться только сильная парторганизация. Приходили и люди, крайне необходимые для проведения восстановительных работ, которые впоследствии отзывались с фронта и которых, уже через много лет, мне удавалось увидать в качестве больших руководителей. Особенно запомнились, ставшие в последующем секретарями обкома, армейский капитан Владимир Владимирович Скрябин, попыхивавший своей трофейной трубкой, выполненной в форме головы Мефистофеля. И интеллигентный Михаил Николаевич Всеволожский, тогда ещё совсем молодой, вполне подходивший для комсомольской работы. И, конечно, наиболее близкий отцу, всегда серьёзный, Андрей Павлович Кириленко, в последующем – известный секретарь ЦК КПСС, второй человек в стране.

Я всегда удивлялся их бескорыстной дружбе, прошедшей через всю жизнь, начиная с ранней комсомольской юности, о которой и сейчас напоминают старые пожелтевшие письма и телеграммы. Приходили и многие другие товарищи, игравшие, впоследствии, существенные роли в судьбах страны.

Увлекало меня, рождало спортивный азарт их стремление возродить спортивную жизнь в городе. Собрать вернувшихся с фронта спортсменов, накормить, натренировать потерявших спортивную форму после войны и ранений, создать первые футбольные и борцовские команды. С каким энтузиазмом, с какой радостью шел народ на эти товарищеские матчи. Да, это было время подъема духа всего Советского народа!

Я подрос. Отец стал брать меня на футбольные матчи, митинги и демонстрации. Многое осталось в памяти, многое слышал от отца, остались его воспоминания и рукописи. Все это прошло через меня, через современный перестроечный период и вылилось в определенный взгляд на вещи – оценку эпохи!

5. Весенние всполохи в судьбе отцов

Весна 44-го началась несказанной радостью в моей душе. Отец с Андреем Павловичем едут в Бердянск для подготовки партийной конференции и хотят взять меня на родину предков. Но опасная дорога, вся изрытая воронками, с остатками мин и снарядов, вызывает опасения. И они уезжают сами. Опасения подтвердились – отец возвращается с шишками и ссадинами. Шофер, объезжая воронку, не справился с управлением.

Наступает время партийной конференции, а дорога такая опасная, что необходимо срочное проведение восстановительных работ. Скоро приходит и мой черед, я уже в машине, мчащейся в этот небольшой приморский портовый город, где весной 1918 года развернулась цепь революционных событий, потрясших весь юг Российской империи, и вместе с ним жизнь и судьбу моих предков. Вот он и морской Бердянский залив, и порт, с маленьким буксиром, швартующим к пирсу баржу с солью и рыбой. Морская зыбь с плавно качающимися чайками на морской волне, в отблесках заходящего солнца, ласкающая мягкой морской волной борта полузатонувших кораблей, оставленных отступающим противником.

Вот здесь, в этом морском воздухе, пахнущем солью и рыбой, разворачивалась нелегкая судьба моих предков. Дедушка, Петр Моисеенко, родом из Черниговских казачьих поселений, депортированных в Бердянский уезд ещё в период ликвидации украинского казачества в царские времена, которые следовали один за другим, начиная со времен Екатерины II, обосновался в селе Новоспасском. Памятуя свой казачий нрав, долго не уживался с местными помещиками, его новыми хозяевами, и ушел в Бердянск, как только на заводе английского предпринимателя Гриевза начался набор рабочих. Обстановка на заводе Гриевза, да и других бердянских предприятиях, и Матиаса, и Горохова, была довольно революционна. Рабочие там получали первые навыки борьбы от большевистских групп, создававших революционные настроения. Вот там он и встретил, ещё совсем юную, мою бабушку Катю, сверловщицу этого завода, недавно переехавшую в поисках работы вместе с семьей из голодной, в то время, Курской губернии.

Дедушку рано забрали в армию, в 1912 году, и определили служить в Черниговский полк. Этот полк отличался революционными настроениями, ещё в тот предвоенный период. В 1915 году, в разгар войны, полк за отказ идти в наступление был расформирован и дедушка попал в 46-й Бердянский запасной

полк, где, невзирая на все старания царских властей, уже в 1916 году началось революционное брожение.

Это брожение быстро перекинулось на заводской рабочий класс. Завод Гриевза лихорадило, начались увольнения и бабушка, дети которой умирали после родов от болезней и недоедания, ушла работать в барское поместье в Миллерово.

Старый барин, выходец из немецких баронов, редко бывал в своём поместье. В округе пошаливали крестьяне, требующие раздела помещичьей земли. Но молодой барин часто наезжал на своей тройке гнедых, требуя с управляющего доходы. Он сразу чинил суд и расправу над работниками поместья и окрестными крестьянами, в стиле старых крепостнических, феодальных привычек, когда казацкая нагайка была основным методом выколачивания дохода.

Его короткие усы топорщились, лицо искажалось, когда нагайка со свистом вышибала недоимки. А, как только степь вспыхивала красным всполохом крестьянского бунта, его тройка уносилась в пределы Александровска под защиту царской охранки. А когда произошла Февральская революция в Петрограде, в Бердянске, вслед за заводскими забастовками, начали создаваться Советы.

Солдаты 46-го полка примкнули к революционному народу, захватили оружие и появились в окрестных деревнях. Тут и вспыхнула, как разливанное море, весенняя заря красной крестьянской свободы, зародившаяся ещё в период керенщины, и разлилась Советским морем весной 1918 года. Крестьяне, измученные безземельем, вековым помещичьим террором, смели помещиков и бросились делить помещичью землю. А съезд Советов Бердянского района, уже в феврале 1918 года, поддержал это движение и принял решение о конфискации помещичьих земель. Тут и бабушка моя, Екатерина Тихоновна Моисеенко работавшая на помещичьем подворье, как кормилица и нянька, получила свой надел.

Этот надел, в период промышленного спада и начавшихся повсеместных увольнений, позволял выжить семье, дети которой, так страдали от голода, что из восьми человек, рожденных бабушкой, выжили всего двое. Вот тогда они, собрав последние копейки, влезли в долги и купили белого мерина и начали обзаводиться хозяйством. Эта лошадь в бабушкиных рассказах выступала как белый в яблоках сказочный конь, с золотистой гривой и чеканными копытами. Он был надеждой на выживание, но счастье было таким недолгим.

С фронта, пробиваясь на Дон, пришел полк полковника Дроздовского, созданный ещё в царские времена, как карательно-

заградительный отряд, для предотвращения развала Царской армии. Он шел, громя Советы и возвращая землю помещикам. Разъезды дроздовцев появились в окрестностях. Начались расстрелы активистов. В мае дроздовцы расстреляли Бердянский Совет, расстрелы прокатились по всем селам уезда, а за расстрелами засвистела всё та же дворянская нагайка, пошли порки крестьян, взявших помещичью землю.

Дедушка, не долго думая, схватил свой кавалерийский карабин, вскочил в тачанку, несущуюся мимо под красным флагом, и был таков. Тачанка унеслась в степь и по оврагам, по буеракам степи закипал красно-казацкий, крестьянский гнев, поднималась степь на борьбу с дроздовцами. А пока по деревням, бело – казацкая нагайка секла и расстреливала крестьян.

Чайки над морем кричали.
Выли в степи кобели.
Злою казацкой нагайкой
Бабушку Катю секли.
Били за счастье! За волю!
Били, чтоб землю сдала.
Били, чтоб жизнь свою барам,
Всю до крови отдала.

А в это время в Петрограде, оторванная от реальной действительности, поэтесса Марина Цветаева пела золотую песню этим белым полкам, как белым лебедям её поэтического воображения.

И уже позже, нахожу стихи Отца, который ещё в детстве пережил весь ужас карательной экспедиции дроздовцев, боль и обиду за унижение своей матери и его душа обиженная этой расправой с болью и обидой писала.

П. Моисеенко – солдат Черниговского полка Императорской армии. 1912–1914 гг.

Не лебедей это белая стая,
Коршунов злобных стая косая.
Белым виденьем – страх упаси,
Тело крестьянское рвет на Руси!
Старого мира сильный укус,

Так и шли эти два года – с постоянной сменой властей, с их белым террором, репрессиями и жестокостью. Когда в город периодически входили то войска белого генерала Май-Маевского, сменяемые анархическими отрядами батьки Махно, то Деникинское наступление захлестывало город.

А уже в 1920 году город захватили войска барона Врангеля. Красные партизанские отряды, сельские отряды самообороны, вместе с отрядами анархистов, не давали покоя белой гвардии.

А вместе с тем, тотальный белый террор нарастал. Под Акимовкой белые захватили госпиталь и уничтожили всех раненных. Та же судьба постигла молодого, 19-ти летнего комсомольца, токаря железнодорожных мастерских – Дробязко В.И., шедшего в разведку и попавшего в засаду.

Первый испуг белого террора прошел и по деревням и рабочим посёлкам как выход измученной, отринувшей церковь как слугу господ, но ещё православной души, прокатилось:

П. Моисеенко. В центре: солдат 46-го Бердянского запасного полка Императорской армии с семьёй. 1915–1916

Как Дробязко рвал тельняшку,

серой пулей на груди,
Как запели, застонали
там степные ковыли.
Как пробитый злою пулей,
на ковыль траву упал,
Как оставленный на воле,
конь буланый застонал.
Так в акимовском рассвете
били раненых в полет.
Так забили, затоптали их
в простой земельный лед.
А когда пришло, пристало
им самим под пулю лечь.
Вдруг заплакали, заныли -
от таких кровавых сечь.
Закричали белой стаей -
отчего нас бьют теперь.
Это была месть простая -
за судьбу своих потерь.
Это была божья кара -
за кровавость их утех.
Бог решил – судьба такая.
Пуля в белый стан не грех.

Тогда махновские отряды ещё поддерживали Советы и действовали с отрядами красных партизан. И даже 3-я махновская бригада входила в состав, пришедшей с боями в Бердянск, 2-й Донской стрелковой дивизии Красной Армии и действовала в Бердянском уезде в районе села Новоспасовка.

Но это длилось не долго. В отрядах батьки Махно шел процесс расслоения, беднота присоединялась к Красной Армии, идущей в Крым на барона Врангеля. Тогда, в 1920 году, отряды Врангеля переправились через Днепр в районе Александровска и Никополя, а кулацкие отряды под черными знаменами уходили в степь и начинали громить и вырезать Советы, нанося серьезный урон крестьянству, которое все больше и больше поворачивалась лицом к большевикам.

И я понял боль и отчаяние моих предков при одном упоминании белого движения. Понял всё, когда в архивах отца, я нашел записи о том, что на особом совещании при главнокомандующем белой армии, был создан свод законов, от 26.08.1919-го года. В этом своде законов было сказано: «Об уголовной ответственности участников установления Советской

власти». А в реальной практике эта уголовная ответственность несла только одно – расстрел.

И со всей отчетливостью мне стало ясно, что несла народу военно-полицейская диктатура белого движения. И этих репрессий, этого белого давления крестьянство не выдержало и перешло к повсеместному восстанию, кулацкая часть которого продолжалась даже после прихода большевистских отрядов.

Политика умиротворения среднего крестьянства в этом громадном крестьянском движении, проводимая партией Большевиков, давала себя знать. Дедушка ушел с войсками Красной Армии на Крым, но скоро вернулся после контузии и работал в Бердянском Совете по организации предприятий общественного питания, используя свою вторую армейскую специальность, которой его обучили в Царской армии для обслуживания господ офицеров.

Дробязко В.И., 1919 г.

Бабушка продолжала работать на заводе, и была активной прфсоюзницей. Так и вырос Отец, шествуя рядом с матерью на демонстрациях, с красными знаменами, распевая песни: «Мы синеблузники! – Мы профсоюзники!» и революционные песни Красной Армии, вместе с вернувшимися с Крыма бойцами, овеянными славой побед в боях за Каховку, Перекоп и Чонгар, где

им удалось наголову разбить Врангелевские войска. Кричали – «Ура» на собраниях в профсоюзных клубах, под кумачовыми лозунгами, на которых красовались слова Ленина:

«Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии есть та полная, решительная замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем».

И под влиянием этой победы, решившей окончательный переход среднего крестьянства на сторону большевиков, часть кулацких махновских отрядов уходила вместе с Махно в Польшу. А к концу 20-го года Наркоминдел уже требовал его выдачи у Польских властей, опираясь на решение Верховного Ревтрибунала Украины – о привлечении Н. Махно к уголовной ответственности.

Дедушка продолжал наведываться в своё родное село Новоспассовку, которое в 1939 году было названо Осипенко в честь знаменитой советской летчицы Полины Осипенко. Но это было гораздо позже, в период успехов Советской власти. А тогда, каждая поездка могла кончиться печально. И тяга к воспоминаниям молодости, да и необходимость привезти продуктов, не лишних в те тяжелые годы, могли окончиться катастрофой. Наезды махновских отрядов, которые разгромили сельский Совет, в январе 1921 года, заменивший вырезанный ими же Ревком, и перенос в это село на некоторое время штаба махновских отрядов, не предвещал ничего хорошего.

Этот период остался в подсознании отца и особенно бабушки надолго, когда одно упоминание белой гвардии, да и махновцев, вызывало возмущение. И уже гораздо позже – в 1958 году, когда была издана поэзия Марины Цветаевой, а я увлекся её стихотворной символикой и в моих руках появились, в перепечатках, её стихи о Белой гвардии, бабушка не выдержала моего увлечения и со слезами отхлестала меня, уже взрослого парня, лозиной, со словами:

Не лебедей это белая стая,
Черного коршуна стая косая!

И всхлипывая от обиды, как я мог этого не понять, приговаривала:

Не секли тебя помещики, не миловали,
Только мать да отец тебя баловали!

Так и угас у меня всякий интерес к этой цветаевской поэзии.

Только уже в перестройку и реформы удалось черных

коршунов представить белыми лебедями, когда ушло поколение, познавшее их «лебединый» клекот на своей шкуре.

А тогда черные, разухабистые махновские тачанки, которые почти весь 21-й год врывались в Новоспассовку и громили избранные тем же крестьянином середняком Советы, не давали забыть это горе и отчаяние. И этот крестьянин, крестясь и отплевываясь, тихонько из-за плетня, постреливал в эти тачанки. Порядок и Советы ему были более с руки, чем махновский кураж и грабежи. И сколько бы пропаганда всех мастей и оттенков не говорила, что разгром махновщины был результатом только военного давления большевиков, сам Махно считал причиной своего поражения уход от него всего трудового крестьянства. И это он с болью выразил в своих стихах 21-го года.

И тачанка, летящая пулей,
Сабли блеск, ошалелый подвысь.
Почему ж от меня отвернулись
Вы, кому я отдал свою жизнь?

В моей песне ни слова упрека,
Я не смею народ упрекать.
Отчего же мне так одиноко,
Не могу рассказать и понять.

А, как только схлынули эти тачанки и перестали тревожить рабочих путейцев, отец начал работать на ремонте железнодорожных путей, помогая деду, и вскоре сам был принят на работу ремонтным рабочим. А, став подсобным рабочим на заводе Гриевза, выпускавшем сельхозмашины, в 1925 году вступил в комсомол и стал базовым вожатым пионерских отрядов, занятых борьбой с беспризорностью и организацией молодежного движения в близлежащих селах.

Тогда рабочая молодежь хорошо знала слова В.И. Ленина: «Чтобы не дать снова восстановиться власти капитала, – нужно торгашества не допустить. То поколение, которому сейчас 15 лет, увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество». Это вдохновляло рабочую молодежь. Конечно, авторитет В.И. Ленина в народе, в те годы был, велик. Авторитет Сталина И.В. только начинал расти. В моде было понятие Центральный Комитет. Попытки Троцкого внедрить свою личность в сознание народа вызывало раздражение в рабочих низах. Троцкий нажимал на ЦК и партию, торопился использовать остатки своей популярности времен Гражданской войны. Проповедовал идею героя и толпы.

Но основная масса населения, в которой жил авторитет В.И. Ленина, никак его потуги не воспринимала. В конечном итоге, на пленуме ЦК РКП (б) в январе 1925 года, он потерял свою должность председателя РВС СССР. Он не добился роста своей популярности, чтобы стать единоличным лидером страны. А с 1926 года, И.В. Сталин начинает продвигать идею снижения розничных цен и индустриализации страны, и на этой основе повышения жизненного уровня населения. Популярность Сталина начинает расти.

А идея борьбы за победу мировой революции, на далеких полях сражений, все меньше и меньше привлекает рабочую молодежь и популярность Троцкого падает. Идет раскол меньшевистских и эсеровских партий и групп, стоявших как на интернациональных, так и национальных позициях; и их вступление в ВКП (б), и даже кооптирование некоторых групп в состав партии.

Эти люди, обладая грамотностью, быстро продвигались в советском аппарате и занимали многие руководящие посты. Так что истоки борьбы, так называемого 37-го года, начинались ещё в 1925 году. И они вряд ли, за такой короткий период, как-либо меняли свою внутреннюю сущность, тем более что многие из них ранее были членами групп боевиков, ведущих боевую, как теперь модно называть, террористическую деятельность, ещё с царских времён. Но эти противоречия вскрылись гораздо позже, а пока эти группы радостно приветствовали Советскую власть, вслед за середняком, с уходом от них которого, они теряли свою прежнюю базу. Советская власть развивалась, а вместе с ней росла промышленность.

И, наконец, сбылась мечта Отца – стать рабочим специалистом. Так хотелось стать котельщиком паровозоремонтных мастерских, когда, работая на ремонте путей, он видел как мимо, хрипя, дыша паром и откашливаясь, проносились паровозы, которые казались главными и неповторимыми символами промышленной мощи.

Получив направление в Школу фабрично заводского ученичества тогдашнего уездного центра Александровска, отец уезжал туда, где его ждала новая жизнь и новая судьба в борьбе за лозунг И.В. Сталина: «Если мы не осуществим промышленный рывок за десять лет, который осуществили западные страны за столетия – нас сомнут!»

Уже начали идти работы по строительству Днепрогэса. Отец вспоминал:

– Именно тогда я с большим энтузиазмом взялся за создание трудовых батальонов, как молодежных отрядов помощи

строительству. И меня увлекла организация такой формы работы молодежных бригад, когда они направлялись на отстающие участки, конечно, с серьезной подготовкой фронта работ, поскольку без такой подготовки весь трудовой энтузиазм наших молодежных бригад зависал в воздухе, и всё победное настроение уходило в свисток. Конечно, мы участвовали на субботниках во многих работах на Днепрогэсе, когда весной 1927 года, в марте месяце, прогремели первые взрывы на днепровских скалах, казавшихся такими величественными в своей гордой красоте.

Первыми загремели, зашевелились скалы с романтическими названиями: «Богатырь», «Любовь», и «Сагайдачного». Это было, конечно, событие для всего народа, который в вековых легендах мечтал об обуздании ревущего Днепра, и народ спешил посмотреть на это событие, стекаясь со всех окрестных мест. И уже в июле от скалы «Любви» до небольшого острова «Стрелецкого» протянулась перемычка, по которой начали своё неторопливое движение краны, а в котлованах скал заревели экскаваторы, затрещали, застучали перфораторы, и на несколько километров протянулись скальные и земляные работы.

Но серьезной, запомнившейся на всю жизнь вехой, было морозное, ясное утро 4-го января 1928 года. Утро начала забивки шпунтов – громадных 17-ти метровых свай. С этой забивки свай, с этого момента начался отсчет времени строительства Днепрогэс и отсчет времени дальнейшей моей судьбы, – с романтической ностальгией вспоминал Отец.

– Сваи забиваются одна к другой, создавая сплошную гидротехническую стенку. И первый удар по этим сваям становится новой вехой в моей жизни.

И уже в 1929 году, после всепартийной дискуссии между сторонниками индустриализации страны и её противниками, как активного сторонника этой индустриализации, меня в клубе имени Дробязко, клубе паровозоремонтного завода, на открытом партсобрании принимают в партию, – вспоминает Отец. – Собрание идет под звуки вопросов бурлящего зала.

– А понимаешь ли ты значение индустриализации? – звучит из зала. – Сказал и вопросительно замолчал Отец? – И после короткой паузы добавил, такой очевидный сейчас, но не всем понятный тогда, ответ:

«Если мы не станем сильными, Запад нас сомнет». – И его принимают кандидатом в партию большевиков.

К тому времени популярность Троцкого, и основные лозунги троцкизма растаяли как дым. А рабочая молодежь была увлечена идеей индустриализации страны, союзом со средним крестьянством, и лозунгом, который в этом движении выдвинул

товарищ Сталин: «Кадры решают все!» Это особо увлекало рабочую молодежь. Она знала, что такими кадрами должны стать лучшие из них, активно участвующих в общественных делах. И мы активно участвовали в этих делах, – говорил Отец.

Особенно запомнилась наша творческая деятельность в стилизованном театре под названием – кружок «Малых форм», в клубе имени Дробязко, увековечившем имя, ещё совсем недавно погибшего, молодого героя Гражданской войны. Этот молодежный самодеятельный театр имел большой успех у тогдашней публики и, с помощью него, мы несли идеи борьбы и индустриализации в народ.

По решению партии и ВЦСПС они в числе «профтысячников», пройдя через пятимесячные подготовительные курсы, должны стать студентами институтов. И его, потомственного пролетария, выпускника Школы фабрично заводского ученичества, котельщика, комсомольского секретаря завода, для которого смена в цеху – это только одна смена, а вторая смена это общественная работа и помощь, все тому же среднему крестьянству, по налаживанию жизни и ремонту техники в товариществах по обработке земли.

И борьба за освобождение крестьянина середняка ещё от одного вида зависимости и гнета – кулацкого гнета, для него тоже была немаловажной задачей. Эта работа не раз проходила под свист кулацких пуль, выпущенных тайком из-за угла. И по всему по этому, окружком комсомола дал ему направление на учебу в институт.

И он, вспоминая те молодые годы, своих друзей и товарищей, говорил: – Так и мы с Михаилом Лесечко, одним из активистов молодежного движения, стали студентами однокашниками и на рабфаке, готовившем нас в институт, давая знания по физике и математике, которых так не хватало рабочей молодежи, и в машиностроительном институте.

Да, да – это тот самый Михаил Арсентьевич Лесечко, который впоследствии, пройдя путь от главного инженера одного из московских заводов до заместителя председателя Совета Министров СССР, участвовал во всех преобразованиях в стране, используя опыт первых пятилеток. И именно он использует этот опыт, когда становится представителем Советского Союза в Совете Экономической Взаимопомощи.

Второй ряд, слева направо – третий Моисеенко Н.П. и др. Инсценировка «5 лет без Ильина». 1929 г.

А тогда мы участвовали в воскресниках на ударной стройке Днепрогэса, строили здания института, жадно ловили на лекциях каждое слово преподавателей, и никто не мог сказать, что вчерашние рабочие, сегодняшние студенты, завтра станут красными директорами и министрами. Так стремительно развивалась страна, а вместе с ней росла и рабочая молодежь.

Это уже потом, в период перестройки и реформ, стали кричать, что индустриализация была проведена потому, что с крестьян драли три шкуры, не понимая, или делая вид, что не понимают – откуда у государства, без внешних займов, без ограбления колоний, берутся накопления для индустриализации.

А тогда, как и сейчас при новоявленном капитализме, основную часть цены товара присваивал себе капиталистический посредник, не участвующий ни в процессе производства, ни реализации товара. А государство, устранив посредника и взяв эту функцию на себя, и ко всему, организовав государственную торговлю, наоборот, освободило крестьянина – середняка от излишнего гнета и получило накопления для индустриализации страны.

Конечно, все это прошло через меня, под шум днепровских волн и гул Ненасытских порогов, – символа моей поэтической

юности, – вспоминал Отец годы своих юношеских увлечений.

– И моя работа как рабочего парня, и участие в крестьянской жизни, и усилия по созданию общественного хозяйства уже как кандидата в члены партии и уполномоченного райкома, которого временно сняли с занятий и направили в село. Это и было моей путевкой в партию, моей рекомендацией для принятия из кандидатов в её члены. А в институте меня ждало комсомольское собрание, которое избрало меня, молодого коммуниста, секретарем комитета комсомола.

– И сразу добавились новые проблемы – успеваемость студентов, в основном бывших рабфаковцев, выходцев из рабочей среды. Для многих из них учеба давалась с трудом, но тогда не отчисление, а организация помощи отстающим была основой системы обучения. И, главное, организация активного участия студенчества в помощи на стройках индустриальных гигантов, в особенности, в период чрезвычайных происшествий.

– Когда случилась авария на Днепрогэсе, прорвало земляную перемычку, насыпанную вокруг вбитых в землю громадных дубовых бревен, – на одном из собраний рассказывал Отец, – мы, большой отряд студентов, идем на плотину, напевая марш:

Наш паровоз вперед лети!
В коммуне остановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!

Мы идем на ликвидацию прорыва воды в котлован, на земляные работы и с возгласами: «Даешь перемычку!» – ликвидируем прорыв вместе со всем Днепростроевским народом.

Окончание института дало новые заботы, – пожимая плечами, вспоминал Отец. – Я был направлен на ликвидацию прорыва на Кировоградском заводе сельскохозяйственного машиностроения, на котором его продукция, а именно сельхозуборочные агрегаты, страдали не только низким качеством, а и конструктивными дефектами механизмов. Мне удалось привлечь к работе и организовать специалистов завода на быстрое решение этой задачи. А дальше – авиамоторный завод, с его проблемой испытательных стендов, и всё это не без общественной работы.

– Я был избран секретарем комитета комсомола и здесь у меня сложились довольно дружеские отношения с Андреем Павловичем Кириленко, который руководил заводской партийной организацией.

Уже начиная с 1932-го и к концу 1937 года, в строй начали входить промышленные гиганты Запорожья, многие из которых

были одной из основ обороноспособности страны. К 37 году начались разговоры о возможности германского нападения. Германия проявляла все большую агрессивность и уже планировала свои захватнические войны в Европе. Её движение на восток несколько сдерживали революционные события в Испании. Но уже тогда стало ясно, что нужно увеличить темпы ввода в строй промышленных мощностей, и уже в 38 году, после аншлюса Германией Австрии, выяснилось направление движения Германской военной машины.

События развивались быстро и, не успев развернуть, как следует, свои комсомольские и проектно-конструкторские дела, по рекомендации Андрея Павловича Кириленко меня, уже в 1938 году, избирают секретарем заводского, Ворошиловского райкома партии, где были нужны люди с высшим техническим образованием. Что бы ни говорили о Сталинской системе впоследствии, но тогда личные заслуги и активная работа человека были основанием для его дальнейшего продвижения. А в то время, ответственность секретаря райкома, а тем более «заводского райкома», за порученное дело была не меньшей чем у директора завода, тем более что секретарь райкома отвечал и за всю прилегающую инфраструктуру.

Только пошли первые успехи в освоении мощностей авиамоторного завода, как у нас началась подготовка к созданию Запорожской области. Этим шагом руководство страны хотело сконцентрировать внимание на Запорожском промышленном комплексе и, тем самым, ускорить ввод промышленных мощностей. К этой подготовке Центральный комитет привлек Андрея Павловича Кириленко, а он уже привлек меня. В конечном итоге он был избран секретарем обкома партии вновь созданной области, и председателем комиссии по подготовке первой областной комсомольской конференции, на которой я был избран первым секретарем обкома комсомола. В своём напутственном слове Андрей Павлович сказал:

– Николай, приступай к созданию первой в истории области, областной комсомольской организации. И помни главное – враг всё ближе и ближе подходит к нашим границам. Наша главная задача – вывести промышленность на максимальную мощность и подготовить город к обороне. Тем более что по предварительным подсчетам комсомольская организация может насчитывать не менее 100 тысяч человек. А это большая сила и в труде, и в обороне. Это уже если не фронт то, по мирным стандартам, группа армий.

– Как видите, и время было напряженноё и задачи не из легких, – не раз говорил Отец на встречах со своими молодыми

товарищами.

– Уже тогда нужно было готовить женщин-трактористок для замены мужчин, которые уйдут на фронт. Подготовить молодежь к сдаче норм готовности к труду и обороне, к отражению агрессии не только в боевом, но и в физическом, и моральном плане, к длительным боям и серьезным испытаниям.

А в плане форсирования строительства и налаживания промышленных объектов, надо было взять под комсомольский контроль и бросить в бой все комсомольские силы на такие объекты, как 3-я и 4-я доменные печи, и прокатный стан холодной прокатки – на «Запорожстали». К тому же требовало внимания окончание строительства и ввод в строй последних турбин Днепрогэса, при этом, не упуская из виду подготовку кадров и развитие мощностей нашего родного авиамоторного завода.

Казалось, ещё совсем недавно, 27 мая 31 года, мы, участники городского субботника по подготовке к монтажу турбины с завистью наблюдаем, как начинают работу её монтажники. Ещё совсем недавно присутствуем при закладке главой республики Г.И. Петровским, первого камня в тело Днепрогэса, а в 1932 году кричим: «Ура», на митингах по поводу ввода в строй первых мощностей Днепрогэса и завода «Днепроспецсталь», а уже перед нами стоят задачи окончания строительства этих объектов, – вспоминая свою жизнь, и свои трудные, но счастливые годы, говорил Отец.

– Ещё недавно, на глазах у главы государства М.И. Калинина и наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, на правом берегу, у здания электростанции, на многотысячном митинге по поводу пуска Днепрогэса, 10 октября 1932 года, оказываем помощь в строительстве их детища. И они, руководители государства, кажутся нам такими великими и недосягаемыми. А уже сегодня перед нами стоит задача ввода в строй мощностей завода «Запорожсталь». Кстати, именно Серго Орджоникидзе стоял у истоков проектирования и создания этого завода. А стан холодной прокатки, который Орджоникидзе всегда поддерживал, вообще вошел в мою жизнь как символ и сопровождал все мои действия долгие годы жизни. Вот поэтому, ввиду участия Орджоникидзе в создании завода, он и был назван его именем. А теперь перед нами, как это ни удивительно, стоят задачи, которым они посвящали свои жизни.

Конечно, мы радостно вспоминаем взволнованную беседу французского писателя Анри Барбюса, который, кажется, ещё вчера, беседуя с группой молодежи участницей торжеств первых пусков, вдохновлял нас на великие свершения. Называл нас счастливым поколением, которому удастся осуществить вековую

мечту человечества. А уже перед нами стоят эти грандиозные задачи. Тем более что эти задачи для меня имеют особое значение, гордясь прошедшим, вспоминал Отец, – потому что над строительством завода «Запорожсталь, да и над другими предприятиями шефствует комсомол. И успех в этом деле во многом зависит от ударных комсомольских батальонов и комсомольских экипажей кранов и паровозов.

И далее, немного подумав о моём вопросе: «А была ли подготовка к войне, а думали ли об этом – или находились в полном неведении?» – наклонившись вперёд, Отец продолжал:

– Я был делегатом ряда съездов комсомола республики. И сколько бы ни говорили, впоследствии, о самоуспокоенности, об отсутствии подготовки к войне, я такого сказать не могу. Всегда речь шла о подготовке молодежи к возможным скорым испытаниям на прочность.

В особенности, на 11 съезде, мне запомнились выступления Паши Ангелиной и Марии Демченко. Рассказывая о своих успехах, они объясняли тактику организации стахановского движения, говорили о приобретении женщинами мужских профессий, о возможном скором призыве, который ждет ребят. А что это, как не подготовка молодежи к отпору врагу, звучащий на съезде призыв быть – «Корчагинцами сороковых».

Хотя, в период Хрущевских реформ много говорили о 1937 годе, о массовых репрессиях. Вся эта тематика надолго затмила горизонт. Скорее всего, Хрущев Н.С. этим хотел парализовать волю своих оппонентов, да и всего народа в борьбе за власть, а потом этим методом пользовались и другие силы вплоть до перестройки и реформ. Отвечая на моё любопытство, уже в те годы, когда на эту тему лучше было не говорить, а поддерживать версию Никиты Сергеевича, – Отец говорил.

– Для нас этот год, а именно 1937, прошел в большей мере, как год подготовки к всеобщим выборам Верховного Совета СССР, когда были отменены все ограничения выборной системы. Этот год, в тот период, в народе воспринимали, как год развития СССР, от героев папанинцев до легендарного перелёта в Америку. Конечно, это происходило на фоне становления фашизма и авторитарных или, как их начали впоследствии величать, тоталитарных режимов, которые захватили почти всю Европу, да и весь Мир. И именно с этими процессами, а не с каким либо либерализмом, сравнивались все происходящие события. А эти выборы и у нас, да и во всем мире, воспринимались, как развитие демократии, а не какие-то репрессии.

И хотя в этом году были исключены из партии Бухарин Н.И. и Рыков А.И., но впечатления развития каких-то репрессий, тем

более массовых, это не вызывало. И конечно, и партию, и руководителей среднего звена, уже давно начало раздражать их противодействие любому решению.

Представьте себе, тогда трудно было ориентироваться в решении реальных вопросов и в низах, и в среднем руководящем звене. Тем более, все понимали, что до войны осталось, не так много времени, и стране было так необходимо ускоренное развитие.

Западные режимы, в частности Германский блок, а это в той или иной мере как и в армии Наполеона – вся Европа. И не только Европа, а и Турция, и Япония, сосредоточили уже все силы в одном кулаке, а мы продолжали бить растопыренными пальцами. Поэтому, исключение правых сил из партии особого беспокойства не вызывало. И этот год у нас прошел, как-то быстро. Возможно, мы были увлечены своим делом развития промышленности и Советской демократии и не имели достаточной информации. Но эти события, а именно массовые аресты, конечно, если они были, прошли мимо нас.

Естественно, какие-то аресты были. Но это были больше хозяйственные злоупотребления, которые в следственных органах рассматривались в трех версиях – либо хозяйственные преступления, либо вражеские диверсии, либо умышленное вредительство. Рассматривалось это как одно из возможных явлений, которое бытовало и ранее, а именно – умышленное доведение политики партии до абсурда. В этом отличались сторонники различных оппозиционных групп, ещё не так давно, в конце 20-х и начале 30 годов.

Но уже тогда, некоторые особенно ретивые партийные работники, выдвигали лозунг: «Довести борьбу с хозяйственными преступлениями до уровня политической борьбы».

Первый ряд справа. Н.П. Моисеенко в группе красноармейцев. 1934 г.

Но, так или иначе, количество заключенных, вместе с. традиционным уголовным элементом не превышало 800 тысяч человек. А заключенных по 58-й статье, то есть антигосударственной и антисоветской деятельности, колебалось в районе около 10 % от этого количества. И это оценивалось на фоне намного более высоких данных западных режимов, где на самом деле шли массовые репрессии.

В центре слева. Н.П. Моисеенко на армейской переподготовке партийных работников. 1940 г.

И естественно, сравнивая эти цифры, факты и воспоминания Отца, с современными данными по количеству заключенных, которые превосходят эти цифры в 2–3 раза, начинаешь думать.

– А не пропагандистская ли это легенда, а не черный ли это пиар, под названием – 1937 год?

Отец, вспоминая тот период и свои впечатления того времени, рассказывал.

– Такие аресты, по этой же статье были и ранее. Только ранее – эти аресты политически оформлялись, как борьба то ли с русским, то ли с украинским национализмом и попыткой захвата власти, то теперь, это начало трактоваться как борьба с правоменьшевистским течением в партии и стране. То есть изменилась только группа лиц, к которым применялись эти политические трактовки.

А сейчас, в период перестройки и реформ, все это напоминает борьбу с экстремизмом и терроризмом. И привлекаются к ответственности мелкие рядовые исполнители, а заказчики и крупные акулы остаются в тени, а преступность не уменьшается – потому это и называется демократией. А тогда, взяли крупных акул и ликвидировали преступность. А если под удар попали крупные акулы, то это уже, кричит буржуазная пресса, конечно репрессии, конечно тоталитаризм.

«А были ли сами события?» – вопрошал я, – и Отец вполне компетентно отвечал:

– Да, сами события происходили. Например: затопление котлована на Днепрогэсе, когда прорвало временную перемычку, погибло 6 человек рабочих, и была повреждена техника. Обвалилась в результате перегруза крыша одного из заводов, и опять же – погибли рабочие. В нескольких колхозах области погиб скот, от неправильного рациона питания и отравления. На авиамоторном заводе исчезли электродвигатели с важного импортного оборудования, что привело к большим экономическим потерям, и к гибели людей.

И органам безопасности приходилось гадать, что это – простая кража, умышленное вредительство под видом кражи, или прямая агентурная диверсия перед нападением врага. Ситуация была так запутана, а назревание и отмена военных событий так скоротечны, что точные определения были затруднительны.

В любом случае пользы от всего этого, естественно, никакой,

а вреда хоть отбавляй, и квалификация таких действий как «вредительство» было вполне естественно.

Вызывали удивление и некоторые случаи, когда, как например, на слете молодых инженерно технических работников колхозов и совхозов, были арестованы некоторые наиболее активные сторонники И.В. Сталина.

Конечно, создавая область, мы эти данные начали получать от силовых органов. На пленумах ЦК ВКП (б) и в марте 1937 года, и в январе 1938 года была осуждена практика необоснованных исключений из партии и, даже сам, товарищ Сталин осудил эту практику, в особенности необоснованные массовые исключения из партии, с требованием передачи этих дел в НКВД и судебные органы. Осудил эту практику как попытку перебить большевистские кадры. А в одном из своих выступлений он определил причины этих явлений как наличие перехлестов у некоторых партийных работников, активизацию бывших врагов Советской власти всех мастей и оттенков, бесхозяйственность и безответственность, наличие карьеристов и стяжателей.

И если товарищ Сталин осудил эти действия, мы уже по партийной и комсомольской линиям требовали ликвидации этих перегибов и, недопущения доведения всех действий, по обеспечению безопасности страны, до абсурда. Тем более что в январе 1938 года вышло постановление, осуждавшее репрессии, как попытку перебить большевистские кадры, посеять неуверенность и подозрительность в наших рядах. В той же трактовке, как и у И.В. Сталина. И начались реабилитации, которые в то время связывались с именем Сталина.

Правда на Украине находились такие люди, в частности секретарь ЦК КПУ Н.С. Хрущев, которые старались раскрутить спираль этой политики и страдали грехом максимализма и перегибов. Но выступление И.В. Сталина охладило их пыл и ситуация стабилизировалась, по крайней мере, в пределах нашей видимости и информации в прессе.

Нам тогда все эти события представлялись, как борьба двух направлений в партии, перенесенная в органы безопасности. Арестовывались то сторонники И.В. Сталина противниками его политики, то его противники сторонниками политики ЦК и индустриализации страны. Тогда было очевидно, что от этих действий пострадало, прежде всего, много сторонников И.В. Сталина, которые отстаивали путь дальнейшей индустриализации страны, путь третей пятилетки, которая и должна была вывести нас на такой уровень технического оснащения, когда нападение Германии мы могли бы отразить, в полной мере, ещё в начальный период борьбы. И эта политика

шла в противовес линии перенесения внимания на легкую промышленность и тем более обогащения отдельных личностей, о чем говорили сторонники бухаринской политики.

Изменить трактовки событий на прямо противоположные можно было тогда, когда основная масса людей забыла все это.

А в те годы это никак не вызывало сомнений. Тем более что в дополнение ко всему, вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б), осуждающие нарушение законности, следственный произвол и аресты по пустяковым мотивам. Подобные события происходили, в основном, в Центральном аппарате и серьезного распространения в наших краях не имели, – с уверенностью говорил Отец и при этом вспоминал:

– Но в мире происходила активизация деятельности германских и японских спецслужб, создание пятых колонн, которые вели антигосударственную и диверсионную деятельность и в Польше, и в Чехословакии, и во Франции, не говоря уже об Испании, где шли открытые боевые схватки с германскими отрядами. И было бы, естественно странно, если бы Советское правительство ничего не предпринимало. Вряд ли такая бездеятельность была бы понята народом. А мнение народа, что бы ни говорили, для каждого партийца тогда было важным, поскольку этому народу предстояло брать в руки оружие и отражать агрессию.

И уже в поздний период, когда Н.С. Хрущев начал борьбу с так называемым культом личности, многие, кто знал о постановлениях и 1937-го и 1938 годов, были удивлены – зачем дублировать эти постановления. Многие поняли действия Никиты Сергеевича как метод борьбы за власть, в особенности с группой Молотова В.М., Тем более что было памятно, как Никита Сергеевич стал первым секретарем ЦК КП (б) У, в январе 1938 года, используя все методы борьбы со своими противниками бытовавшие в его политической практике того периода.

Всё это было очевидно перед войной, поскольку тогда из заключения были освобождены, такие впоследствии крупные фигуры, как Рокоссовский К.К., Мерецков К.А., Богданов С.И., будущий генерал – армии Горбатов А.В., да и многие другие активные сторонники Сталинского курса, которые, даже после его смерти, оставались ему верны. А почему они так думали, даже в период борьбы с так называемым, культом личности? Да просто, они знали речь И.В. Сталина в мае 1937 года и его объяснение происшедших событий, как попытку перебить большевистские кадры. И конечно они знали, что их освобождение произошло не без участия товарища Сталина, иначе вряд ли они провели бы войну с таким энтузиазмом и решительностью.

Но потом, вплоть до перестройки и реформ, эти выступления И.В. Сталина и постановления правительства по этим вопросам, замалчивались. И создавалась ложная картина отсутствия противоречий и борьбы в стране.

Все это всплыло гораздо позже, а тогда тревожные события в Европе волновали больше и мы сосредоточили своё внимание на выполнении главных задач. А дальше события развивались уже в нормальном налаженном ритме, – вспоминал Отец уже в Хрущевский период, рассказывая о своих сомнениях того времени, конечно, в узком кругу друзей. Такие сомнения, дойди они до Никиты Сергеевича Хрущева, могли вызвать у него непоправимый гнев и плохо закончиться для человека, сомневающегося во всех его легендах и трактовках событий.

– Мои комсомольские дела и активное участие в наладке работы промышленности шли успешно, – продолжал Отец, – так успешно, что уже в 1940 году мне предлагают стать секретарем обкома партии по промышленности и начинают подключать к выполнению секретарских обязанностей.

– Это вызвало у меня некоторые сомнения, ввиду грандиозности поставленных задач и меня по привычке потянуло в Днепропетровский обком, ведь мы отделялись от этой области. Там на аналогичную должность был назначен Л.И. Брежнев. И я поехал туда, чтобы получить какую-то поддержку.

Первым секретарем Днепропетровского обкома был С. Задонченко, который успокоил меня, сказав, что, мол, это политика ЦК и помощь тебе окажет Центр. Я зашел к Леониду Ильичу, перебросится парой слов, и получил подтверждение этой позиции. И это ободрило меня, тем более что дела у него шли неплохо. Кстати, – вспоминал Отец:

– Уже гораздо позже стали распространяться слухи, что продвижение Л.И. Брежнева было связанно с освобождением мест в результате репрессий. Но это был явный обывательский вымысел, возведенный в степень перестроечной пропагандой. Это были вновь утвержденные должности, в связи с подготовкой промышленности для отпора врагу, и назначение на эти должности довольно квалифицированных работников, чтобы не говорила вся не только хрущевская, а и перестроечная пропаганда, имело смысл.

И эту подготовку к военным действиям более объективно оценивал противник. Даже сам Ф. Гальдер, начальник штаба ОКХ немецких войск, уже в начале войны, конечно в своих позже опубликованных дневниках, писал, что мы встретили сопротивление страны сознательно и настойчиво готовящейся к войне, которое мы ранее недооценили.

Немалую роль в этой подготовке играла политика назначения таких квалифицированных людей как Л.И. Брежнев. И если я, – вспоминал Отец, – уже имея высшее образование, прошел путь и первого секретаря обкома комсомола, и успел поработать на технической, и на партийной работе, то Леонид Ильич уже прошел путь, также имея высшее образование, и зав. отделом обкома партии, и секретаря по пропаганде. И эта политика, чтобы о ней не говорили, проходила на фоне того, что в руководящих кадрах, в тот период, было много выдвиженцев, не имевших высшего образования.

– Правда, тогда вышло постановление Политбюро о военной переподготовке работников партийных комитетов. Это, как я помню, было в марте 40-го года. И мне пришлось предварительно отправиться на военную переподготовку, а уже потом продолжить свои секретарские обязанности. – Вспоминал Отец все перипетии тех лет.

– И пройдя через всё это, я уже никак не мог впоследствии поддерживать слухи о том, что в тот период к войне не готовились. Тем более что мы занимались не только строевой и боевой переподготовкой, а и штабными играми по отражению атак противника, – нахмурившись, вспоминал Отец. – И уже в Хрущевский период, когда новые птенцы оттепели кричали на всех углах о мифическом культе личности, активно продвигаясь по службе, я либо сурово молчал, либо говорил, что мы как раз к войне готовились! А это вызывало их бурное недовольство. Но эти эмоции были, к счастью, гораздо позже. А тогда – начало 41-го года я уже встречаю в новом качестве секретаря обкома партии. И теперь, все задачи увеличения мощностей промышленности и её мобилизационной готовности выходят на первый план всей моей деятельности уже в полном объеме.

1941 год был довольно тревожным с точки зрения готовности к военному нападению Германии. Конечно, прямо об этом почти не говорили. Хотя впоследствии было много упреков и много критики, якобы полного невнимания к этому вопросу. Но было бы смешным и глупым, в пропагандистском плане во всеуслышание кричать на всех углах о наших намерениях и, тем самым, давать лишние козыри в руки противника.

Но, так или иначе, этот вопрос, возможного скорого нападения, недвусмысленно звучит даже в прессе в феврале 41 года, когда разбираются вопросы мобилизационной готовности промышленности и транспорта и на 18-й партийной конференции, и на февральском пленуме ЦК, посвященном этому вопросу. И сколько впоследствии ни говорили бы о том, что тогда даже съезды не собирались, это вызывало у осведомленных людей

только ухмылку. Ведь эта конференция, согласно уставным традициям партии, и исполняла роль съезда. Тем более, именно на ней, решался вопрос полного поворота внимания партийных организаций от сельского хозяйства к промышленности и транспорту, и резко возросла роль секретарей обкомов по промышленности, вышедших в областных комитетах на второе место, а в вопросах оборонной промышленности даже на первое место. А что ещё можно было думать, когда на 18-ой партийной конференции было сказано: «В условиях начавшейся мировой войны перед Коммунистической партией встала важнейшая задача – держать страну в постоянной мобилизационной готовности».

И тогда увеличение оборонной мощи виделось именно в увеличении ответственности партийных организаций, – как впоследствии вспоминал Отец свою оценку событий того предвоенного времени. И для всех ответственных и мыслящих людей было ясно, что война не за горами.

– А в марте 1941-го меня вызывают в Москву в ЦК ВКП (б), – говорит он, – в связи с утверждением в должности секретаря обкома партии, и там ставятся уже новые задачи. Там и дается информация, конечно конфиденциальная, конечно не для широкой публики, что Германия готовится к нападению на СССР и есть данные разведки, которые дают ориентировки на май 1942 года, но есть и данные по более раннему сроку.

По всему по этому, нужно быть готовыми и к худшим вариантам. Наращивая мощности, связанные с оборонной промышленностью, одновременно готовить и прорабатывать эвакуационные мероприятия, дабы в случае необходимости оперативно вывести заводы на Восток страны. С этим чувством я и уезжаю домой, и мы начинаем, уже тогда, новый этап жизни страны. И моё назначение, как мне казалось, и решения конференции, как раз были связаны с появлением, именно в этот период, первой информации о готовящемся нападении, тем более что эти мероприятия начали проводиться по всей стране, – говорит Отец, с полным энтузиазмом возвращающийся из Москвы, и берущийся за реализацию всех этих предначертаний.

При жизни Сталина И.В. такие мероприятия, проводимые по стране, были вполне естественными, а после его смерти начал распространяться слух, что Сталин войны не ждал и к ней не готовился. Но тогда у нас было серьезное возражение, как можно говорить об этом, когда ещё в конце мая 1941 года на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) Сталин заявил: «Мы можем подвергнуться внезапному нападению фашистской Германии». – И далее: «От таких авантюристов, как руководство

фашистской Германии, можно ждать всего».

Но как только Н.С. Хрущев вошел в силу, он превратил все эти факты в тайну. На тайне родилась ложь, а на лжи, уже впоследствии, вползла контрреволюция. К счастью, это было гораздо позже.

– Если бы все эти противоречия всплыли во время войны, – уже в шестидесятые годы вспоминал Отец, – мы бы вряд ли устояли. А тогда, с полным энтузиазмом, уверенные в единстве власти и народа, мы налаживали ускоренные темпы роста промышленного потенциала в преддверии войны. И эта напряженная работа длилась вплоть до первых предупреждений из ЦК, которые шли через Щербакова А.С., что вероятнее всего вот-вот начнется!

6. Наша жизнь и, правда, войны

Ранним весенним утром тяжело сидеть в гулкой, полупустой, послевоенной квартире. Изучен двор с его развесистой акацией, из-за которой, немного задержавшись на вершине, встаёт солнце. Осмотрен тайник, где хранятся патроны и снарядные гильзы, пулеметные ленты и солдатский штык – найденные в плавнях, где шли бои. Тогда и манит лежащий в руинах город с его тайнами былых сражений, хранящихся в сгоревших стенах. Хочется постоять у портрета Сталина, – единственного украшения этих руин. Походить вдоль него, когда он следит за тобой косым взглядом слегка прищуренных глаз. Вскочить в разрушенное здание старой гостиницы, которое мы называли просто – «горелка», подняться на второй этаж, дотянуться до оборванной лестницы и дальше вверх к гнездам. С восторгом повертеть в руках, большие усеянные коричневыми точками яйца, и взглянув ввысь, где уже начали волноваться парящие маленькие, степные ястребы, так же быстро спуститься вниз к плакату, на котором Советский воин штыком протыкает череп маленького сморщенного Гитлера и сурово вопрошает: «Все ли ты сделал для фронта, всё ли ты сделал для Победы?»

И поняв, что для победы сделано ещё не все, бежать дальше к заболоченной речушке Московке, где, упав с обрыва, под огнем наступающих частей Красной Армии, уткнувшись носом в ил, лежит мотоцикл БМВ с коляской и её хозяин с надписью на каске: «СС ЭСЛЯНД». А как хотелось завоевать СССР, стать арийцем, получить поместье на Украине и, конечно, русских рабов. И всё это получить, бесчинствуя в его пределах, в составе отдельных частей 20-й дивизии СС, сформированной в Эстонии. И такой простой конец – лежать холодным в далекой стране и ждать свою похоронную команду.

Речушка, петляя, уходит в Дубовую рощу, так заросшую ивняком и кустарником, что трудно пробраться к её центру. А там, согнувшись у пулемета, на вращающемся стуле, прикованный к нему, в большом круглом окопе, так и застыл ещё один штрафной завоеватель, которому обещали прощение, если он будет стоять до конца. Так он и стоял до конца, защищая подступы к речному порту от наступающих частей Красной Армии. А вот, наконец, и мой окоп, в котором сняли затворы с пулеметов. Но все равно можно усесться на круглый стул, прильнуть к нему и застрочить «по наступающим цепям противника» – та-та-та. Вот теперь, кажется, для победы сделано все. И можно бежать дальше к заветному камню.

На этом камне усесться, скрестив ноги и долго сидеть, глядя на подернутую легкой дымкой разрушенную плотину Днепрогэс, где через проран с ревом падает вода и, бурля между выступивших порогов, устремляется вниз к «Креслу Екатерины».

На этих громадных камнях, по преданию, сидела царица Российской империи, проезжая в Крым, и любовалась этими бурунами. Здесь по этим бурунам шли челны князя Игоря, а там, у острова Хортица, на своих «засеках», казаки сражались с татаро-монголами и совсем недавно, в 41 году, рядом у острова, у ажурных арок старого моста, взорванного немцами при отступлении, насмерть стояли солдаты батальона капитана Чистова и наших ополченцев. Вон они, в водно-солнечном мареве, бегут по мосту под огнем противника, падают, ползут и взрывают пролет моста, преграждая путь наступающим немецким частям. Но, кажется, я замечтался, солнце уже высоко, отец обещал взять меня на важную встречу.

В машине душно и пахнет бензином. Мы с шофером Володей ждем отца. Я вращаю руль, нажимаю педали и слушаю Володю. Володя, волнуясь, рассказывает о своих военных злоключениях. Как его молодого парня, ещё мальчишку, в группе молодежи, немцы, с помощью конных отрядов националистов, крымских татар; выполнявших карательные функции на юге Украины, угоняли в Германию, а он бежал с этапа и подался в партизаны. Показывает шрам от татарской нагайки и простреленное ухо, полученное на бегу в днепровские камыши, где он затаился от погони. А группу пленников, славянских рабов, «Арбайтен», погнали дальше, а он нашел лодку и переправился на левый берег Днепра, в район деревни Камянское, где его и подобрал, действовавший в Приднепровских плавнях партизанский отряд. С ним, с этим небольшим отрядом, он ходил в разведку и участвовал в операциях, дожидаясь прихода наших.

Наконец, пришел Отец. Володя успокоился и сел за руль. Я устроился на заднее сидение и начал атаковать отца вопросами, на которые он нехотя отвечал. Из ряда скупых ответов и, конечно, многих, более поздних задушевных бесед, у меня сложилась картина его фронтовой жизни.

Для наступающих немецких войск, Запорожский промышленный комплекс, с его Днепрогэсом, алюминием, сталью и авиамоторами, имел не только оборонное значение, а и был в существенной мере, символом Сталинской индустриализации, сделавшей громадный технический скачок, удививший Мир своими темпами. Без этого скачка, создание первоклассной техники, превосходящей германские образцы, а, следовательно, и Победа были бы вообще невозможны.

А Гитлер, как известно, требовал захвата символов Советской России, что, как он полагал, обеспечит ему победу и никогда не позволит возродиться России. Поэтому немецкие войска решили взять город штурмом, с ходу, не предвидя серьёзной обороны.

Хотя сейчас и много говорят о плохой подготовке к началу боевых действий, но обком партии, ещё за неделю до начала тревожных событий, приводил в порядок все службы города. А за 2–3 дня до начала войны, по сигналу из Москвы, уже был в полной боевой готовности и находился в ожидании чрезвычайных событий.

Да и как, в действительности, можно было быть не готовым к войне, как таковой, не готовым внутренне, морально, когда на это была направлена вся индустриализация страны. Скорее всего, эти трактовки событий были первыми попытками переписать заново историю и придать ей зловеще негативный характер. Как можно было это говорить, зная о прошедшей февральской конференции 1941 года, которая шла в условиях уже идущей мировой войны и ставила задачи промышленности и транспорту уже в преддверии военных событий.

Как можно было говорить об этом, когда производство средств производства по сравнению с 1937 годом выросло на 52 %, а производство средств потребления, по сравнению с этим годом выросло на 33 %. Такого быстрого роста жизненного уровня народа история вообще не знала. Так что, народу было, что защищать не только в национальном, не только в моральном и идеологическом плане, айв материальном плане.

А о чем говорило постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б)? – Об ответственности за подготовку и выполнение МОБПЛАНА по боеприпасам. Это постановление вышло уже 6-го июня 1941 года. Причем оно касалось не, только оборонных предприятий, но и гражданских, которые должны были переходить на военные рельсы. И я, не теряя времени, поскольку этот вопрос уже касался моих прямых обязанностей, выезжал на все предприятия проверить состояние дел в этом вопросе. Все директора предприятий задавали молчаливый вопрос: «Ну, что? Скоро?» – И получали такой же молчаливый кивок: «Скоро!» – Сурово и решительно, взмахом руки, отсекая невидимого противника, – вспоминал Отец.

Всем было ясно, что вот-вот события развернутся, не ясны были конкретные день и час, но по неделям ситуация была уже ощутимой, в крайнем случае, для осведомленного и ответственного руководства. И это предчувствие, эта осведомленность не обманули, и это грянуло! Война!

– В первые часы войны все секретари разъехались по заранее

спланированным участкам, организовывать работу для фронта. Сразу был создан мобильный штаб обороны города, охвативший своими действиями всю область. И уже в июле, начальник гарнизона города Запорожье, полковник Судец В.А. возглавил оборону города, вскоре ставшего прифронтовым.

– Связь с центром была постоянной и никакой паники, или растерянности не ощущалось. Все заводы продолжали работать в требуемом ритме.

Постепенно начала чувствоваться и работа Центрального Совета по эвакуации, созданного уже 24 июня 1941 года. Так что, мы приступили к конкретному делу с первых минут войны, решительно и сурово вспоминал Отец.

Секретарь обкома Кириленко А.П. отбыл на авиамоторный завод, а Отец на автомобильные и железнодорожные узлы, вокзалы и паровозоремонтный завод, где проходила его рабочая и комсомольская юность. Это задание имело особо большое значение для обеспечения фронтовых перевозок и подготовки эвакуации. Отец вспоминал:

– Я провел оперативные совещания с руководителями, с постановкой задачи на организацию обороны и обеспечение требований фронта, собрания трудовых коллективов и населения близлежащих районов. К моей взволнованной радости, в народе никакой паники не было, люди были морально готовы к отпору врагу. Если же неожиданность и растерянность у части населения и была, то только у тех людей, которые слишком далеки были от политики того времени и вели обывательский образ жизни. Или инерционность сознания, которых, была настолько велика, что они вплоть до начала войны ориентировались на уже давно снятые, лозунги времен «Хасана», «Халхин-Гола» и «Финской компании»: «Воевать малыми силами на чужой территории». Что в тот период и было реальностью.

А выдавать своё недомыслие за оценку Советско-Германских отношений, обстановки в стране и в мире, и пропагандировать, своё – недомыслие, к счастью в более поздний период, за якобы государственную политику того времени, было просто кощунственно. Тем более что эти лозунги уже в 40-м году были сняты с повестки дня. Но к нашему счастью, таких мыслей в начале войны, ни у кого, даже не появлялось. Все, более или менее ответственные люди, знали какой характер, будет носить война.

Сразу же началась запись в Красную Армию и народное ополчение. Мы понимали, что достаточного количества войск в городе нет и, в случае прорыва немцев, единственное спасение – создание ополчения, мобильных истребительных батальонов и

плановая заблаговременная закладка партизанских отрядов и партизанских баз. Все эти силы, совместно с войсками, могли обеспечить оборону города. Наши действия, и не только наши, а такую инициативу проявляли многие партийные организации, были одобрительно встречены в центре, который быстро организовался и уже 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны. Он почти сразу выпустил постановление о создании дивизий народного ополчения. Так что и характер войны, как всенародной и Отечественной, был правильно и оперативно определен руководством страны.

Однако мы слушали все новые и новые сообщения о неудачах нашей армии. И наши взоры были обращены к маршалу Тимошенко, который был назначен председателем образованной, уже 23 июня, Ставки Главного командования, и практически бывший Верховным Главнокомандующим. И в отличие от возникших после войны обвинений в адрес И.В. Сталина, у нас как раз, существовала уверенность, что перелом в ходе событий наступит, если Верховным Главнокомандующим будет назначен И.В. Сталин, и он сосредоточит в одних руках политическое, военное и хозяйственное руководство страной. Ведь Германия, к началу войны, такую централизацию командования уже давно имела, и это был один из факторов, приносивший ей успех в военных действиях на полях сражений в Европе. Правда потом, многие начали называть такое сосредоточение власти – тоталитаризмом, придавая этому слову дьявольское звучание, и совсем не учитывая той военной ситуации, в которой находилась страна. А тогда, речь шла о жизни и смерти, и централизация власти была оправдана. Но пока события развивались неутешительно.

В своих дневниках начальник генерального штаба немецкой армии, генерал Ф. Гальдер, уже в первые месяцы войны писал, что Красная Армия в районе между старой и новой границей разгромлена, и дальнейший путь на Москву открыт. Но Гальдер ошибался или, скорее, находился в плену у собственной пропаганды.

Сосредоточения всех наших войск на границе не произошло, а именно на это надеялась Германия и её агентура. Кстати и сам Ф. Гальдер, в изданных позже дневниках, признавал, что количество войск сосредоточенных в первой полосе обороны было нами (немецким командованием) переоценено.

Именно при таком развитии событий группировка наших войск была бы рассечена громадной, не имевшей прецедента в мировой практике, армией вторжения Германии, её сателлитов и союзников. Была бы рассечена её мощными танковыми

группировками.

Обладая преимуществом в танках и авиации, вопрос решили бы танковые колонны врага, а не те или иные генералы Красной Армии, которых, якобы напрасно, сместили перед войной. О чем шумит недобросовестная пропаганда, и по сей день.

И, конечно, хорошо, что войска были, кроме всего, расположены на линии Сталина. Это была оборонительная линии Днепр-Донбасс, с мощными, долговременными, железобетонными укреплениями в районе Киева. А оперативно усиленные мобилизованными резервами, отходящими войсками, и ополчением, они и создали вторую линию обороны.

Программа военной перестройки народного хозяйства, содержалась уже в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года, в котором он обратился к советскому народу и бойцам Красной Армии. А через неделю после начала войны был принят правительством мобилизационный план, переводящий экономику на военные рельсы. И, конечно, все эти мероприятия, так быстро разработанные и принятые, не могли бы состояться, если бы их не разработали заблаговременно.

– Обсуждалось у нас и предложение Хрущева Н.С., который, в тот период, был членом военного совета Юго-Западного фронта, и излучал некоторую нервозность и поспешность. Его предложения заключались в немедленной эвакуации, но мы ориентировались на позицию И.В. Сталина в этом вопросе. А именно, об эвакуации в случае крайней необходимости, а предложение Хрущева Н.С. казалось нам несколько паническим.

Конечно, наш вариант требовал необходимости держать руку на пульсе событий и увязать эвакуацию заводов со всем комплексом военно-оборонных задач. Нужно было обеспечить взаимоувязку действий войск, ополчения, партизанских отрядов и истребительных батальонов с работой промышленности, её подготовкой к эвакуации, и с самой эвакуацией одновременно, это требовало многоплановости мышления и большой, разносторонней, не прекращающейся ни на минуту, работы всех руководящих органов. А Никита Сергеевич уже тогда страдал одноплановостью мышления, и какой-то несбалансированностью, с чем он часто попадал впросак.

– В июне мы приступаем к созданию ополчения и истребительных батальонов и обсуждаем этот вопрос на бюро обкома, – вспоминал те тревожные дни Отец.

И уже в этом разговоре возникает мысль посмотреть какова ситуация у наших товарищей в Днепропетровске. Обстановка в Днепропетровском обкоме показалась мне какой-то взволнованной и обстоятельного разговора не получилось. Но я

узнал, что Леонид Ильич подал заявление, сдает дела и скоро уходит в действующую армию. А, по словам его сотрудников, он должен уйти в середине июля в одно из высших военных училищ, на военно-политический факультет. Случилось это так или нет, я не знаю – наши пути на время разошлись, – вспоминал Отец.

– Возвратился я несколько озадаченный, но Андрей Павлович Кириленко резко отверг мысли о немедленном уходе в армию. И со словами:

– Нам нужно решать вопросы бронебойных и броневых сталей, готовиться к обороне и эвакуации. Мы если и уйдем в Красную Армию, то вместе с ополчением, – резко прекратил разговор и предложил заняться срочными делами.

– Проанализировав ситуацию на бюро обкома, мы подготовили свои соображения по тактике конкретных действий для доклада в центр.

– Наши соображения, доложенные в центр, были близки к позиции И.В. Сталина. Поэтому вариант действий, созвучный нашим предложениям, и был принят, как руководство к действию, – говорил Отец.

– Этот вопрос возник сразу, как только немцы подошли к Никополю, расположенному на правом берегу Днепра, но имеющему удобные подходы для его форсирования, и удара во фланг нашей обороне.

В начале августа фашистские войска взяли Никополь и были остановлены в 50 км от Запорожья. Обком партии принял решение продолжать работу промышленности, несмотря на близость фронта, и одновременно готовиться к эвакуации. Некоторые считали это безрассудным шагом, но мы рассчитывали на то, что наши войска смогут остановить немецкое наступление в случае прорыва противника, если мы создадим народное ополчение и поручим ему, не только охрану важных объектов, но и отражение бомбовых атак вражеской авиации. Поэтому, несмотря на близость фронта, наша промышленность работала на полную мощность. Металлургия выплавляла чугун и сталь, а машиностроение выпускало авиационные моторы, так необходимые фронту. Фронтовой город делал всё возможное, чтобы до последнего мгновения помогать Красной Армии отражать натиск врага.

Наши надежды на успех такого подхода укрепились, когда 8-го августа председатель государственного комитета обороны И.В. Сталин, в обязанности которого входило курирование работы эвакуируемых объектов, был назначен Верховным Главнокомандующим. Теперь можно было не волноваться о слаженности действий войск и промышленности, и постоянно не

теребить штаб фронта, согласовывая процессы эвакуации с действиями войск.

К тревожному августу месяцу были созданы истребительные батальоны в количестве 3650 человек и полки народного ополчения, общей численностью около 50 тысяч человек. Они расположились по всей левобережной полосе Запорожской области. Партизанские отряды должны были начать свою боевую деятельность после нашего ухода. Всеми этими отрядами командовал старый коммунист, активный участник гражданской войны, Н.С. Суров.

Он прекрасно знал тактику партизанской борьбы времен гражданской войны, когда и Красная Армия, и противник, и партизанские отряды были вооружены однотипным стрелковым оружием. А партизанские отряды могли вступать, если не на равных – то довольно успешно, в противоборство с войсками противника. Теперь же картина менялась. Противник был вооружен не только автоматическим оружием, но и быстро вызывал авиационную, артиллеристскую и танковую поддержку. И попытки ввести в бой партизанские отряды, на правом берегу Днепра, в начале успеха не имели, а партизаны несли большие потери.

Тогда ещё единых штабов партизанского движения не было, борьбой партизан руководили партийные органы, зачастую решение принимали секретари райкомов на месте, по мере приближения противника. Но мы быстро сориентировались и начали применять тактику внезапного нанесения ударов в ночное время, в непогоду и в других скрытных условиях, рассчитанных на внезапность удара. А главное, истребительные батальоны начали выполнять двойную функцию: на левом берегу, где наши войска контролировали положение, истребительные батальоны уничтожали диверсантов, разведгруппы врага и вели борьбу с мелкими подразделениями противника. А при действиях на правом берегу, они применяли рейдовую тактику с переправой через Днепр, и уже, действуя как партизанские отряды, наносили внезапные удары.

Ополченцы несли охрану важных объектов и отбивали непрекращающиеся налеты вражеской авиации.

Такие отряды и истребительные батальоны были созданы во всей прибрежной полосе на 150-ти километровом участке левого берега Днепра.

В начале августа, когда немцы взяли Никополь, они попытались сходу переправиться на левый берег рядом с, довольно крупным, районным центром Каменкой-Днепровской, имевшей каменистый берег, удобный для ведения огня по

переправляющемуся противнику.

– В тот вечер, я дежурил в обкоме партии. Под вечер звонок из Каменки – Днепровской.

– Николай Петрович, на правом берегу бой. Немцы пытаются начать переправу. Никопольский партизанский отряд вступает в бой, мы переправляемся на правый берег и тоже вступаем в бой с немецкими частями. Что нам делать?

– Во-первых, звоните в штаб Сурову, Николай Степанович вырабатывает тактику ведения партизанской борьбы. А во-вторых, в открытом бою с немецкими частями вы понесете большие потери. Ведите скрытые ночные вылазки, уничтожайте плавсредства и противника на переправах из укрытий. Постоянно тревожьте их. Заставьте противника ждать подкреплений.

– Но наши отряды коммунистические.

– Тем более. Применяйте тактику выгодную для вас, а не для врага, используйте преимущества вашей местности.

В этот же день, серьезное столкновение с войсками противника, пытающегося переправиться на левый берег, произошло в районе села Благовещенки. Первые попытки были отбиты. Но обстановка оставалась серьезной.

Никопольский и Марганцевский отряды, принявшие бой с немецкими частями на правом берегу Днепра, понесли большие потери, до трети своего состава, и были вынуждены отойти в плавни. Тяжело раненный командир Марганцевского отряда не хотел быть обузой для отряда. Партизаны несли командира на, спешно сплетенных из ивняка носилках, быстрым маршем с перебежками отходили вдоль Днепра, ища удобное место для переправы на левый берег.

Чтобы дать возможность отряду уйти от преследования, и выйти из зоны минометного огня, командир остановил бегущих с тяжелой ношей парней, взглянул на небо в последний раз, тихо сказал, – прощайте хлопцы, – и застрелился! А отряду удалось уйти от преследования и переправиться на левый берег.

Однако Марганцевский отряд не сложил оружия. Переформировался и, уже с новым командиром, ушел опять на правый берег в один из первых партизанских рейдов, тревожить тылы противника. Как мы узнали гораздо позже, находясь уже на Кавказе, в районе Марганца отряд столкнулся с карателями, принял бой, понес большие потери и потерял своего нового командира, которого тяжело раненного немцы взяли в плен. На допросах он молчал, и немцы бросили его на растерзание голодным овчаркам. Но это было гораздо позже, а пока этот рейд мешал немецким переправам и облегчал наше положение.

Это положение облегчалось ещё и тем, что под Запорожьем

располагался авиационный корпус, которым командовал наш начальник штаба обороны города полковник Судец В.А., выходец из рабочего класса, бывший слесарь авиамоторного завода, секретарь комсомольской организации, в 18 лет, вступивший в комсомол, а затем и партию, добровольцем, ушедший в Красную Армию. Отец вспоминал.

– У нас с ним было много общего, но он несколько раньше меня окончил Механотехническую профтехшколу фабрично заводского ученичества и работал слесарем на заводе «Коммунар», который тогда назывался государственным заводом № 1, и участвовал в комсомольском движении.

Правда, в дальнейшем наши пути несколько разошлись. Он начал военную карьеру, получил основательное летно-военное образование – от авиатехнической и летной школы, до академии имени Фрунзе М.В. В последующем, будучи генерал-лейтенантом, командовал рядом воздушных армий, наносивших сокрушительные удары на многих направлениях Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза, окончивший академию генерального штаба, был маршалом авиации, заместителем министра обороны. А пока, из-под Запорожья, и других аэродромов дислокации его корпуса, он и его лучшие экипажи, летали на Констанцу и Варшаву – бомбить вражеские объекты, и не раз возвращались на изрешеченных бомбардировщиках.

Судец В.А. был летающий и сражающийся Начкор, а его летчики бомбили Данциг и отсекали вражеские войсковые колонны, устремляющиеся в прорыв. Он был начальником гарнизона своего родного Запорожья и, как начальник гарнизона, успешно вел оборону города, отражая не только воздушные, но и наземные атаки врага.

Отец констатировал:

– Нам удалось организовать работу так, что действовали все предприятия, одновременно ведя подготовку к эвакуации. Были подготовлены специальные, усиленные платформы, для перевозки крупнотоннажных грузов, которых не было в железнодорожном парке, не рассчитанном на экстремальные условия эвакуации такого крупного оборудования. Собран и отремонтирован весь подвижной состав, отправлены на Восток тысячи тонн металла, руды, материалов, продовольствия, скота. Люди сутками не уходили домой, а ополченцы, кроме своих рабочих функций, выполняли и новые оборонные задачи.

Мы успешно осуществляли лозунг: «Коммунисты вперед». Областной комитет партии направил в ряды бойцов, защищавших наш край, более 600 коммунистов в качестве армейских

политработников и рядовых политбойцов.

Но над нами часто висел немецкий самолет разведчик «Рама». Вот он завис, высматривая цели, сбросил листовки и улетел. Теперь жди налета. Уже в бомбоубежище прочел листовку, которая в хвастливом тоне сообщала о разгроме всей авиации Красной Армии в районе между старой и новой границей. Тогда у нас в это никто не верил, поскольку над головой, натужно гудя, набирали высоту и уходили на задание летчики полка дальней бомбардировочной авиации, дислоцированного под Запорожьем. Но на других участках фронта эта листовка могла оказать отрицательное воздействие.

А потом, уже в мирное время, в период озлобленной Хрущевской критики И.В. Сталина, которая почему-то называлась, критикой культа личности, эта пропагандистская листовка Геббельса начала иметь хождение уже как полуофициальная пропаганда. А тогда все, кому положено было знать, знали, что аэродромы, расположенные за Днепром, были надежно прикрыты и активно действовали весь первый период войны.

18 августа немецкие танки находились уже на подходе к городу со стороны правого берега Днепра. Стремительным броском они хотели овладеть плотиной и получить ключ к городу и его промышленности. В бой с ними вступил артиллерийский дивизион, прикрывающий плотину. Огнем орудий, прямой наводкой, продвижение танков удалось остановить. Немцы попытались фланговым обходом сбить батареи. При фланговых атаках противника солдаты со связками гранат, отбивали атаки врага. Первый удар был остановлен.

В то время командующим Юго-Западным направлением, которое в последующем было преобразовано во фронт, был С.М. Буденный. Опасаясь прорыва немецких танков, мы обратились к Семену Михайловичу с просьбой выделить нам хотя бы небольшую группу танков. Разделяя наши опасения, командующий выделил небольшую группу, которая и прибыла вскоре в наше расположение. Эту группу, всего из нескольких легких и средних танков, мы держали в резерве командования на случай прорыва мобильных немецких групп или высадки десанта.

– Передергивая плечами от остроты нахлынувших впечатлений и загораясь, как будто он сейчас идет в бой, вспоминал Отец.

– Но немцы в это, чуть прохладное, ясное, солнечное утро, установив орудия на правом берегу Днепра, начали обстрел заводов. Над городом появились вражеские самолеты. Наклонившись на крыло, они идут в пике и обстреливают людей у проходных.

Наша зенитная артиллерия отвечает беглым огнем. Самолеты, пробарражировав над заводами и городом, улетают. Не имея успеха на переправах в районе Никополя, немцы делают попытку переправы под Запорожьем, несколько ниже острова Хортица и стаскивают под обстрелом наших войск и ополчения плавсредства.

По решению обкома партии генераторы Днепрогэс были замкнуты накоротко и взорвана, в некоторых местах верхняя проезжая часть плотины.

Большая вода смыла плавсредства, подготовленные к переправе через Днепр. К тому же, наши контакты со штабом Юго-Западного направления не прошли бесследно и главнокомандующий направлением, 25 августа, отдал директиву войскам о срыве попыток врага форсировать Днепр в районе Кременчуга и Запорожья. Такие действия войск были возможны, пока на правобережье шла упорная оборона Киевского выступа и сохранялась угроза действия наших войск во фланг и тыл противника.

И чтобы не говорили впоследствии, даже ссылаясь на Г.К. Жукова, о якобы неправильной позиции И.В. Сталина в вопросе обороны Киева, которая длилась 71 день, но нам это давало возможность продолжить эвакуацию, так необходимую оборонной промышленности страны.

Наверное, Г.К. Жуков, при всем уважении к нему, в тот период, кстати, находясь вне Генерального штаба, думал о конкретной операции военного характера, а И.В. Сталин думал о выигрыше всей войны, которой без создания мощной промышленной базы на востоке страны был невозможен. Так или иначе, сражение под Киевом сделало своё дело. Немецкий «ударный клин» на центральном направлении понес большие потери, в особенности его танково-механизированные группы первого удара, и летнее наступление на Москву было остановлено.

А разговоры о трагедии обороны Киева, носили больше эмоционально пропагандистский характер, когда в чем-то нужно было обвинить И.В. Сталина. Конечно, были и тяжелые бои, и потери, на то и война, но главная задача обороны Киева была выполнена. Ещё в те годы рассказывали многие, вышедшие из окружения, солдаты и офицеры, до тех пор, когда этот вопрос не был затемнен антисталинской пропагандой.

Кроме того, наступление врага на Донбасс и Крым, через Запорожский узел, было также приостановлено.

Но нас ожидали новые неприятности, прекратилась подача электроэнергии на заводы. Нужно было задействовать заводские

ТЭЦ и организовать подачу электроэнергии из Донбасса. Наша артиллерия, занимавшая позиции на территории заводов, обстреливала скопления врага на правом берегу, а немецкая вела шрапнельный обстрел цехов, мешая эвакуации, но пока берегла для себя цеха и оборудование.

– В кабинете у секретаря обкома Кириленко А.П., совместно с директором завода «Запорожсталь» Кузьминым А.Н., мы принимаем решение, – выйти в Государственный Комитет Обороны с предложением о начале эвакуации заводов. И в ночь с 18 на 19 августа 1941 года заместителю наркома Шереметьеву был вручен пакет с постановлением ГКО о начале демонтажа оборудования, с указанием мест назначения. Оборудование заводов «Запорожсталь», Коксохимического, Огнеупорного направлялось на Магнитогорский металлургический комбинат, а «Днепроспецсталь» и завод Ферросплавов – на Кузнецкий металлургический комбинат. Авиамоторный завод уходил в Омск.

Конечно, такой всеобъемлющий план передислокации на Восток всей промышленности за два – три месяца, в условиях войны, разработать было трудно, но мы участвовали в его разработке ещё в 1939 году. Поэтому уже после войны, когда начали бытовать слухи о том, что Сталин якобы готовил первым удар по Германии, а Н.С. Хрущев то поддерживал версию, что к войне совсем не готовились, то версию о подготовке первого удара. Нас всегда удивлял этот вопрос: «Как можно готовить какой-то первый удар, когда разрабатывались эвакуационные планы, а укрепления, кроме приграничных округов, строились по линии Днепр-Донбасс». Стало ясно, что И.В. Сталина пытаются скомпрометировать при любой ситуации, на любых бездоказательных легендах.

Но это было всё потом, а пока стояла трудная задача эвакуации промышленности. Особенно трудная задача стоит перед А.Н. Кузьминым, который молодым, 35-летним инженером, но уже имевшим солидный инженерный опыт, в 1937 году был назначен директором завода. За два года завод вышел на проектную мощность, и Кузьмин был награжден орденом Трудового Красного знамени. Кстати, тогда это был не только его успех, таким же орденом был награжден и Днепрогэс, и Магниевый завод. Но это никак не уменьшало заслуг А.Н. Кузьмина, а наоборот только их подчеркивало. А теперь перед ним стояла обратная задача, – демонтировать и вывезти завод. В решительную минуту он правильно понял ситуацию и вышел в обком партии с предложением о начале эвакуации. В это время мы, в кабинете А.П. Кириленко, проводили совещание как раз по

этому вопросу, и все присутствующие сразу поддержали это предложение. Андрей Павлович со словами: «Да конечно пора, все это чувствуют». – Тут же снял трубку и стал звонить министру черной металлургии СССР И.Ф. Тевосяну, приговаривая: «Такие вопросы без центра не решаются».

Вопрос был настолько важным, что уже в ночь с 18 на 19 августа 1941 года пакет с постановлением ГКО, разрешающим демонтировать оборудование металлургических заводов Запорожья и Днепропетровска, с указанием места их назначения, был в руках у Шереметьева, и он, не теряя времени, сразу же смог выехать в Запорожье. А уже 20 августа А.Г. Шереметьев доставил в Запорожский обком партии постановление ГКО. И в деловом ритме, без малейшего намека на панику или нервозность, вместе с секретарем обкома, Кириленко А.П., мы выехали на заводы.

Все конечно были вооружены. Но Андрей Павлович все-таки предупредил, – не забыть оружие. Опасность встретится с немецкими диверсионными группами, которые периодически проникали в город с правого берега Днепра, была велика, тем более что от обкома партии до заводов расстояние было немалым. На заводах нас уже встречала группа начальников цехов и отделов, во главе с А.Н. Кузьминым и директором завода «Днепроспецсталь» А.Ф. Трегубенко. Здесь все были ознакомлены с содержанием пакета.

С директорами заводов и начальниками цехов выработали план сбора людей и демонтажа оборудования для обеспечения – выполнения уникальной, нигде ранее не решавшейся задачи. Под огнем противника разобрать и вывезти на Урал и в Сибирь сотни тысяч тонн оборудования и материалов, затем на новом месте смонтировать и ввести в действие в кратчайшие сроки; дабы увеличить выпуск танков и самолетов, без которых победа над врагом вообще была немыслима. Эта задача без твердой воли Сталина И.В., его организаторских способностей, громадной работоспособности и наличия ранее разработанных, эвакуационных планов, была нереальна.

– С огромным энтузиазмом мы взялись за эту задачу! – С торжествующим видом вспоминал Отец.

– С 3 июля, когда прозвучало выступление товарища Сталина – как набат! И мы услыхали по радио его голос:

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

– К вам обращаюсь Я, друзья мои…! Мы должны перестроить всю нашу работу на новый военный лад, не знающий пощады врагу. Угонять весь подвижной состав. Ни оставлять врагу ничего! Необходимо, чтобы в наших рядах не было нытиков трусов и

паникеров.

Эти слова Товарища Сталина и наш энтузиазм, нам удалось вселить в душу каждого инженера, каждого рабочего, и нужно было видеть, с какой инициативой люди взялись за эту работу. Народ внутренним голосом почувствовал.

– Это голос веков! Это голос предков!

– Тогда мы поняли. Мы выиграем, мы выстоим! Победа будет за нами!

– Пусть не сейчас. Пусть не сразу. Но все равно за нами!

Эвакуация заводов началась, но враг подтянул свежие силы, смял подразделения защищавшие мосты, захватил остров Хортица и стремительным броском вышел на левый берег Днепра. Установив артиллерию на острове Хортица, немцы начали обстрел заводов и города, уже на поражение. Командующий обороной выдвинул к мостам подразделения наших войск и локализовал прорыв. Фронтовой город не сдавался, больницы принимали раненых, убитых хоронили на площадях, и продолжали своё дело.

– Первые пленные показали, что немецкое командование группы войск «Юг» придает большое значение захвату этого плацдарма на восточном берегу Днепра. А технические специалисты немецких сталелитейных фирм, уже прибывшие в войска, больше всего интересовались спецсталями, поскольку, столкнувшись с первыми советскими танками Т-34, Х. Гудериан докладывал фюреру о том, что русские превзошли нас в области спецсталей.

И уже впоследствии в своих мемуарах Х. Гудериан, который в то время поворачивал свою 2-ю мотомеханизированную группу войск, так называемый «ударный клин», который только впоследствии был преобразован во 2-ю танковую армию, с Московского направления на Киевское, вспоминал, что Фюрер придавал большое значение этому плацдарму.

Его тревожило, что с «Крымского авианосца», так Гитлер называл Крым, русские ведут постоянные бомбежки румынских месторождений нефти, и он не может снабжать войска достаточным количеством горючего. И Фюрер стал считать всё южное направление, в данный период, более значимым, чем Московское. А немецкое верховное командование рассчитывало на организацию наступления на Крым с Запорожского плацдарма. Чувствуя это по усилению немецкого давления в нашем районе, мы продолжали усиленную борьбу.

– Поскольку я имел опыт работы в промышленности, мне поручили организовать ремонт и отправить передовым частям Красной Армии сотни автомобилей, оборудовать и отправить на

фронт передвижные автомастерские, организовать сбор теплых вещей для армии. Всё это делалось параллельно с обороной города и эвакуацией Заводов, – думая о напряженной усталости того времени, – говорил Отец.

– Резкий звонок телефона вывел меня из оцепенения, во время налета, хриплый голос в трубке – директора Днепровского алюминиевого завода сообщал, что при попытке отправки эшелона с оборудованием погибли начальник железнодорожного цеха и крановый машинист. Что делать?

– Маскируйте эшелон и отправляйте ночью.

Но вслед за этим нас постиг следующий удар.

– В середине сентября враг прорвал наши зенитные и авиационные заслоны и нанес мощный бомбовый удар в районе кабельного тоннеля. Не удалось избежать и прямого попадания авиабомб. Разрушения, конечно, были удручающими. Развороченный кабель, находящийся под напряжением, торчал из земли, повреждена подстанция. К великому нашему сожалению, бомба попала прямо в кабельный тоннель. Подача электроэнергии прокатным цехам прекратилась. Возникла угроза остановки работ.

Но, ни минуты не колеблясь, под огнем противника, бригада электриков Е.П. Налигацкого приступает к работе и ликвидирует аварию. Работы продолжаются, подача электроэнергии прокатным цехам возобновлена.

Возобновление работ – главная задача электриков, но им ещё удается демонтировать кабельное хозяйство и подготовить его к погрузке на платформы.

Выбывает из строя водонапорная станция, тут же сооружается плот, на него устанавливается мощный насос и подача воды, так нужной заводам и рабочим поселкам, возобновляется.

Обстрел и бомбежки замедлили темпы эвакуации. Нарушается рабочий ритм почти 10-ти тысячного рабочего коллектива. Чтобы продолжить эвакуацию, требуемыми темпами, нужно захватить мосты и выбить немцев с острова Хортица. Тем более что на заводе «Запорожсталь», также, появились первые рабочие, погибшие на демонтаже и погрузке оборудования, которых хоронили тут же, вблизи главной конторы завода.

Командование решило взять мосты штурмом и выдвинуло вперед штурмовой батальон, Для обеспечения его броска мы перенесли огонь батарей, прикрывающих заводы, по немецкой группировке, расположили истребительные батальоны и ополченцев на господствующих высотах и начали массированный обстрел противника.

Под прикрытием нашего огня штурмовой батальон выбил

немцев с левого берега Днепра, захватил мост, и саперы быстро продвинувшись вперед, взорвали пролет моста. Захват города через мосты был предотвращен. Работы продолжились.

Но это хоть и облегчило положение, но полностью задачу не решало. Мы стянули большое количество погрузочной техники, и подвижного состава, огонь немецких батарей с острова Хортица мог причинить ей серьёзный ущерб. Во избежание больших потерь, нужно было выбить немцев с острова.

Командование образовало десантную группу и при поддержке ополчения, осуществлявшего переправу войск, техники и боеприпасов, выбило немцев с острова. Вот они, ополченцы, грузят под обстрелом стянутые к переправе баркасы и гребут через Днепр к острову, доставляя боепитание нашим десантникам, атака которых начинает захлебываться. Слабеет огонь по немецким позициям. Но груз доставлен вовремя! Атака продолжается!

Десантная группа уничтожила немецкие батареи на острове. Эта операция войск Красной Армии проходила в период август-сентябрь 1941 г., при поддержке отрядов милиции, чекистов и отрядов войск НКВД, без которых успех операции был проблематичен. Группой поддержки командовал начальник областного управления госбезопасности В.И. Леонов.

Обстрел заводов на некоторое время прекратился. Но нам надо было, если не уничтожить, то временно подавить немецкие батареи, на правом берегу Днепра, – думая о дальнейшем ходе работ, рассказывал Отец.

– Встречаемся с командующим обороной т. Судец В.А., которого я знал ранее – ещё как секретаря комсомольской ячейки авиамоторного завода, который в то время назывался «Моторостроительный завод имени Баранова». Назывался он так после трагической гибели в авиакатастрофе, 5-го сентября 1933 года, П.И. Баранова, одного из создателей авиации СССР, начальника ВВС Красной Армии. Впоследствии, этот завод назывался: «Государственный авиамоторный завод № 29 имени П.И. Баранова» Куда и перешел работать Судец В.А. с завода «Коммунар», после того как увлекся авиацией. Это знакомство длилось с периода нашей комсомольской юности. Он и тогда уже увлекался авиацией, когда работал слесарем. Поэтому разговор принял непринужденный характер.

– Как подавить вражеские батареи? И дать суровый ответ германской пропаганде? – Решительно вопрошал он. И сам же отвечал:

– Хотя наша задача – это дальнее ночное бомбометание, но подавить немецкие цели, хотя бы временно, а именно ближние

цели, так мешающие эвакуации, мы сможем. А вот лучший метод противодействия вражеской пропаганде – это, как вы понимаете, внезапный, неожиданный, налет на Берлин. Но горючего у наших самолетов, для достижения таких дальних целей не хватит.

Тут же связываемся с А.П. Кириленко, который вел усиленную, первоочередную эвакуацию авиамоторного завода, конечно, не без директора завода Лукина М.М. Завод был оснащен первоклассным оборудованием, и потеря хоть какой-то части его, многого стоила. Все, конечно, понимали, что выпуск двигателей, даже в условиях эвакуации, не должен остановиться. Андрею Павловичу, как бывшему работнику этого завода, хорошо знавшему людей, руководившему заводской, а затем и областной партийной организацией, был поручен этот важный вопрос. Но, невзирая на свою занятость, он положительно отнесся к идее увеличения дальности полетов. И со словами:

– Бомбежки нас тоже сильно тревожат. – Связался с ещё оставшимися конструкторами СКБ, и к нам выехал, на обсуждение этой идеи т. Ивченко А.Г. Это потом он стал знаменитым авиаконструктором, разработчиком двигателей Советской авиации, а пока он решал текущие задачи производства двигателей в условиях эвакуации.

Это потом А.П. Кириленко стал членом политбюро и секретарем ЦК, а сейчас он эвакуировал завод. Андрей Павлович дело организовал настолько тщательно, что под вражеским огнем люди не только не разбежались, но каждый чувствовал себя так, что своё рабочее место мог оставить только по причине смерти. Андрей Павлович своими спокойными, но энергичными действиями не только дисциплинировал коллектив, но и вселял в людей веру в правильность нашего дела. Он всем своим поведением показывал, что, кроме административного права ещё имеет и моральное право требовать от людей самоотверженности. Не было на заводе ни одного угла, где бы ни побывал Андрей Павлович, и если он видел какие-то неполадки, то строго спрашивал. Тем более, все мероприятия проводились под неоднократными бомбежками вражеской авиацией и завода, и жилого массива. А сохранить людей была одна из первоочередных задач. Уезжали вместе с оборудованием и квалифицированные рабочие, и инженеры. И именно они там, на месте, в Омске – могли быстро наладить производство.

Эвакуация была проведена за 47 дней и настолько тщательно, что из запорожских деталей, в Омске, уже 7 ноября 1941 года был собран первый двигатель.

Прибыл Ивченко А.Г. Александра Георгиевича я хорошо знал по совместной работе на авиамоторном заводе, когда он, бывший

рабочий литейщик, после окончания Харьковского механико-машиностроительного института в 1935 году работал ведущим конструктором по двигателю М-89, а я руководил проектным бюро отдела главного механика. Тогда мы часто встречались по вопросу проектирования испытательных стендов. И меня удивляла его требовательность, в особенности фанатичная приверженность качеству работ и надежности, но, в конечном итоге, получались хорошие конструкции. Сейчас он готовился к отъезду в Омск, куда уже ушло большинство ценного оборудования авиамоторного завода. Оно там уже монтировалось почти под открытым небом.

А Г. Ивченко знал, что все вопросы серийного изготовления авиадвигателей будут идти при активном участии его конструкторов. И что в Омске ему предстоит возглавить серийное конструкторское бюро. Он подбирал людей и создавал бригаду конструкторов, которой предстояло решить задачу увеличения темпов производства, правильно определить пути развития боевой авиации, без которых достижение господства в воздухе, а, следовательно, и победа были невозможны. Он вел анализ конструкции и технологии изготовления под определенным углом зрения: насколько можно упростить, удешевить, ускорить изготовление двигателя без ухудшения его качества. Сейчас он готовился к решению этих задач.

Это потом он создавал двигатели для всемирно известных моделей самолетов: таких, как цельнометаллический истребитель Ла-5, знаменитого авиаконструктора Лавочкина, на котором летали герои Советского Союза – Алексей Маресьев, Александр Покрышкин, Иван Кожедуб. Бомбардировщика ДБЗ-Ф; Ту-2 – конструкции Туполева, на которых наша дальняя авиация бомбила Берлин и многих других моделей, превзошедших по своим тактико-техническим характеристикам немецкие самолеты. Это потом он был генеральным конструктором, доктором технических наук, академиком, героем социалистического труда, лауреатом Ленинской и Государственной премии, а сейчас, невзирая на все заботы, надо было решить вопрос с увеличением дальности полета наших бомбардировщиков.

Совместно с техническими специалистами авиакорпуса, был спроектирован и изготовлен дополнительный бензобак в форме авиабомбы емкостью 350 л.

Изготовленная из картона, обтянутая тканью и пропитанная бакелитовым лаком емкость, незначительно ухудшала аэродинамические характеристики самолета и вполне могла быть подвешена на усиленной внешней подвеске. Эта дополнительная нагрузка позволяла взять в полет еще десять стокилограммовых

авиабомб.

В полет уходят опытные летчики 748 полка – командир корабля М.В Симонов и штурман Г.И. Несмашный, уже бомбившие Данциг. Этот полк в последующем был объединен с 420 полком, в котором воевал А. Молодший, и был преобразован во 2-й гвардейский авиационный полк авиации дальнего действия.

Вообще подразделения 4-го авиакорпуса дальней ночной бомбардировочной авиации, которыми командовал Судец В.А., базировались, в то время, на приднепровских аэродромах от Смоленска до Запорожья и осуществляли взлеты и посадки в зависимости от фронтовой обстановки и дальности расположения целей бомбометания.

А штурман экипажа, Григорий Несмашный, один из лучших штурманов авиакорпуса, мастер поиска и уничтожения ночных целей, был уроженцем города Запорожье. Он учился и работал на запорожском заводе «Коммунар» и тогда уже увлекался авиацией – летал в юности на самолетах аэроклуба, базировавшихся недалеко от станции «Мокрая», где и располагался в то время один из полков дальней бомбардировочной авиации.

Слева направо: Несмашный Г.И., Молодчий А.И., Куликов С.А. У гвардейского знамени, 74 полк. 1942 г.

В 1938 году он оканчивает Чкаловское военно-авиационное училище, осваивает специальность штурмана, после чего попадает в бомбардировочный авиационный полк, где доводит свое мастерство до совершенства.

Конечно, беспрепятственно дойти до Берлина, с аэродромов Юго-Западного фронта, было тяжело. Когда уже при пересечении линии фронта, немецкие противовоздушные службы начинали отслеживать перемещение самолетов. И, на дальних подступах к Берлину, самолеты были взяты в перекрестие прожекторов.

– Ну, все, теперь поведут! Разрывы все ближе и ближе.

– Скоро накроют нас.

– Хрипит в ларингофон командир.

– Бросай машину в пике. – Штурман ему вторит.

Машина несется. Все ближе земля.

– Ручку давай на себя!

Еще немного, и над землей слышится крик. – Ушли!

Снова плавно моторы ревут, чувствуя ровный полет.

Стрелок-радист, сквозь шум кричит.

– Командир, радио есть! Уходим на Бухарест!

Отбомбившись в районе Бухареста, с пробоиной в крыле, через Карпаты и на честном слове дотянули домой. Потери минимальные. Многие говорили, что напрасно: «Главная цель не достигнута». Но они упрямо отвечали: «Пока не достигнута». Глубокие тылы противника были потревожены.

Противник сосредоточил внимание на противовоздушной обороне своего потревоженного Юго-Западного фланга и, на некоторое время, снизил интенсивность авиационного натиска на нашем участке.

А наши летчики уже в последующем, после передислокации, уже вдали от нас, в 42-м году, в группе А. Молодшего, который в октябре 41-го стал Героем Советского Союза, осуществили свою мечту, нанесли удар по логову и отбомбились по Берлину. И за мужество и отвагу, при нанесении ударов по глубоким вражеским тылам, стали Героями Советского Союза.

Вот они, на поляне, довольные и счастливые, замаскировав самолет еловыми ветками и усевшись рядом всем экипажем, после удачного налета на Берлин, обсуждают подробности этого, ставшего впоследствии героическим полета, принесшего командиру корабля – Симонову М.В. и штурману – Несмешному Г.И. в 1942 году звание Героев Советского Союза.

Но это было потом, а пока мы использовали относительное затишье и провели все организационные мероприятия.

Слева направо: Симонов М.В., Несмашный Г.И., Калашников, Дуриков. Экипаж самолета после бомбежки Берлина. Август 1942 г.

После этого техническое обеспечение работ, подача электроэнергии из Донбасса подача железнодорожных составов к месту погрузки была отлажена, можно сказать, на отлично – невзирая на все трудности фронтового бытия.

Ночью опять звонок: «Николай Петрович, составы подали, а чем кормить людей – наши запасы кончились». Тогда не принято было говорить: «Это не мой вопрос, обратитесь к другому товарищу». Тут же связываюсь с П.С. Резником, который в то время занимался сельским хозяйством.

– Петр Савельевич, давай передадим заводам запасы

продовольствия и стадо скота одного из совхозов.

– А на каком основании?

– Слышу в трубке его грубоватый, рокочущий голос.

– А на основании фронтовой необходимости. Под нашу ответственность. Проведем решением бюро.

И обком партии решает и этот вопрос. Что бы ни говорили впоследствии, вспоминая былые времена, говорил Отец, – а мы были готовы к такому ходу событий ещё, с февраля 41-го, когда 18-я партконференция подняла роль и значение партийных органов во всех вопросах.

Круглосуточное питание, слаженный ход работ, нам удалось организовать с такой четкостью, что в отдельные дни на Восток стало уходить до 800–900 вагонов. Не хватает железнодорожных платформ для перевозки тяжелых станин прокатных станов, усиливаются 60 тонные платформы, нет 150 тонных подъемных кранов – погрузка идет 75-тонными – поочередно каждого торца станины.

Однако немцы, ниже острова Хортица, начали готовить понтонную переправу, почти на глазах у наших истребительных батальонов левого берега Днепра. Это известие серьезно взволновало обком партии. Передав эту информацию в штаб фронта, и попросив принять оперативные меры, мы срочно собираем бюро обкома. И не дожидаясь помощи фронта, принимаем решение – взорвать центральный проран плотины. Конечно, известив центр о принятом решении.

Но в тех условиях, когда немецкие войска прорывали оборону на многих направлениях, часто решения принимались на месте, местными властями, конечно под их ответственность в случае неудачи, но тогда никакой перестраховки у руководителей не было, и они смело принимали решения в зависимости от остроты создавшейся ситуации. Гибель людей в боях меняла психологию.

Взорвав центральный проран и открыв все сливы, мы помешали попыткам противника наладить переправу. Однако на – долго ли? Если немцы подтянут серьезные резервы, нам не устоять без помощи центра. Нужно было знать истинные намерения противника. Возможно, это был отвлекающий маневр. Наши истребительные батальоны не раз ходили в тыл противника и сейчас мы использовали их возможности – засылая группы на правый берег Днепра. Кроме того, поступило аналогичное задание штаба фронта. Наши проводники повели в тыл несколько разведгрупп штаба фронта, а группа захвата принесла «языка» который показал, что действительная переправа, где немцы сосредотачивают основные силы и средства, готовиться у Каховки и Кременчуга и мы, несколько успокоенные этим сообщением,

усилили отправку эшелонов.

Но нужно было ещё и ещё раз проверить эти факты. Действия истребительных батальонов и партизанских отрядов, к тому времени, изменили свой характер. Новая тактика разрабатывалась на основе конкретного боевого опыта обкомом партии совместно со штабом обороны города. Партизанские отряды, составленные в основном из коммунистов, ещё долго тяготели к подчинению партийным органам. Они говорили:

– А как же ещё, ведь мы воюющая партия. Это продолжалось вплоть до организации Центрального и Украинского штабов партизанского движения, которые были созданы в период мая-июня 1942 года. И уже тогда весь накопленный опыт лег в распоряжения и приказы штабов партизанских движений.

Для поиска целей проведения диверсий в тылу противника, разгрома его подразделений охранения и захвата офицеров немецких частей, расположенных на правом берегу Днепра, были выделены бойцы истребительного батальона, того же Каменско-Днепровского района, во главе с бойцом Уткиным, который хорошо знал всю близлежащую местность.

На плоскодонных, просмоленных рыбацких челнах, управляемых местными рыбаками, ночью, чтобы весло не скрипнуло, и не вскрикнула испуганная чайка, взяв на борт взвод хорошо вооруженных бойцов Красной Армии, тихо, вперед через Днепр, в тыл противника. Уничтожив охранение укрепленного пункта противника, внезапным налетом на штаб части, им удается ворваться в его расположение и захватить оперативные документы. И быстро вниз к Днепру, уйти без потерь, растворившись в темноте ночи. Анализ этих документов подтвердил полученные ранее сведения. И работы продолжились нарастающим темпом.

Сорок пять дней и ночей уходили составы в Магнитогорск, Кузнецк, Омск, в Среднюю Азию. Немецкие войска уже форсировали Днепр у Каховки и Кременчуга, а отгрузка оборудования и материалов продолжалась. Эти материалы и часть оборудования были сразу использованы для производства танков и самолетов, которые уже в декабре шли в бой под Москвой.

А завод «Спецсталь», на Кузнецком комбинате, вывезенный из Запорожья и производивший до войны специальные и инструментальные стали под руководством А.Ф. Трегубенко, довоенного директора завода, выдал свою первую продукцию уже 5-го мая 1942 года.

Отгрузка оборудования, материалов и эвакуация людей продолжались. Но ситуация на правом берегу Днепра, а именно

начало отвода войск из Киевского укрепрайона, вызывала опасения. И мы всячески ускоряли эвакуацию.

А все разговоры об отводе войск из-под Киева, которые нас так волновали, в конечном итоге, вылились в директиву Верховного главнокомандующего. Эта директива дошла до нас, конечно, в иносказательной форме.

Она говорила о том, что прежде чем отвести войска из Киевского укрепрайона в чистое поле – под гусеницы, двигавшихся с севера танков Гудериана. Нужно сначала нанести удар по этой группировке. Построить укрепления на реке Псёл, а уже потом выводить войска.

И такой удар был организован Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным, который, кстати, накануне принял верховное командование войсками. И по свидетельству самого Х. Гудериана, конечно, уже впоследствии, в мемуарах, он нес серьезные потери не только от флангового давления пехоты противника, а и от авиационных ударов. Кстати авиационные удары наносила не только бомбардировочная авиация, а и истребительная, оперативно вооруженная малоразмерными кумулятивными бомбами, имевшими достаточную убойную силу.

А начальник штаба ОКХ Ф. Гальдер приводил такие красноречивые данные, что хотя немецким войскам удалось сомкнуть кольцо окружения под Лохвицей, но потери мотомеханизированных частей в боевой технике достигли 80-ти процентов.

И уже очевидцы, вышедшие из кольца окружения, рассказывали, что немцы, ввиду этих потерь, не смогли обеспечить плотное кольцо окружения, и в отдельных местах его практически не было. И наши части, так или иначе, выходили из этого кольца. И это позволило до конца держать войска в Киевском выступе, создавая немцам угрозу флангового удара вниз по Днепру, а нам продолжать эвакуацию, – вспоминал Отец истории своих фронтовых встреч и продолжал:

– Но для нас было ясно, что отвод войск из Киевского выступа это вопрос дней. Отвод войск начался к середине сентября. А приказ оставить Киев был отдан 19 сентября. И немцы, высвободившиеся части смогли бросить на форсирование Днепра в его нижнем течении.

В сентябре Запорожье с севера, вдоль Днепра прикрывала 12-я армия, а с юга 18-я армия, уже начавшие отвод войск в направлении на Донбасс и ещё продолжавшие вести оборону правого берега Днепра.

К нам приходили некоторые солдаты и офицеры, которые группами, и даже одиночками, выходили из окружения вниз по

Днепру, используя подручные средства, лодки, катера, и мелкие речные суда. Выходили в основном из Киевской группы войск, расположенных в районе Кременчуга.

И они, как катастрофу или трагедию, свой выход из окружения не воспринимали. К тому времени они уже привыкли к тактике отстаивания узловых центров типа Киева и к боям в окружении.

Конечно, гибель командующего Юго-Западным фронтом и части его штаба, само по себе было человеческой драмой, но стратегически войска выполнили свою задачу и в своём большинстве вышли из окружения. Невзирая на всю последующую пропаганду о катастрофе под Киевом. Так они считали тогда, так они думали и всю свою жизнь.

Командующий фронтом Кирпонос М.П. не смог, в сумятице отступления, определить правильного направления выхода из окружения, от него отвернулось военное счастье, и он погиб в бою. Тем более что колонна начальника штаба генерала Баграмяна И.Х., и большая часть колонны Кирпоноса М.П. из окружения вышли. И винить Сталина И.В. в сложившейся ситуации просто кощунственно. И это нисколько не дискредитирует боевого генерала, выполнившего свою задачу и погибшего в бою. Война есть война.

Но немцы, 19-го сентября, подтянув серьезные резервы, которым мы уже не смогли оказать существенного сопротивления, форсировали Днепр уже под Запорожьем, взяли Каменко-Днепровскую и начали продвигаться вдоль железной дороги в сторону Запорожья, нанося удар во фланг нашей обороняющейся группировке на подступах к городу.

Истребительные батальоны, ведя бои и отстреливаясь от наседающего противника, отходили с войсками, партизанские отряды оставались в местах их дислокации, разрушая мосты и коммуникации, мешая ускоренному продвижению противника, создавая на его пути все новые и новые препятствия.

Якимовский партизанский отряд, который обеспечивал проводниками части Красной Армии, 24 сентября, при подходе немецких частей, взорвал на своем участке железнодорожный мост, приостановив на некоторое время продвижение противника. Но немецкие части подходили все ближе и ближе и 2-го октября «Запорожскому партизанскому отряду» приходится взрывать мост уже на пригородной станции «Мокрая», а партизанскому отряду Каменского района отдается распоряжение утопить паром, чтобы приостановить дополнительную переправу немецких частей.

Общее руководство этим процессом осуществлял, бывший тогда первым секретарем обкома, Матюшин Ф.С.

Таким образом, цехи Запорожских заводов пустеют: вывезено самое ценное оборудование, приборы и сотни километров электрокабеля. А на авиамоторном заводе Кириленко А.П. удалось увезти даже телефонный кабель. Ушли на Восток: металл, руда и вспомогательные материалы. Уехали квалифицированные рабочие и специалисты.

Тревожным утром 2-го октября 1941 года командование Юго-Западного фронта приказало прекратить эвакуацию и вывезти людей. Немецкие части были рядом. Хорошо помню, – потирая виски от нервного напряжения и сурово улыбаясь, – говорил Отец, – это было 3-го октября, была пятница, день прощания с городом. Андрей Павлович обнял Кузьмина и отправил его с последним эшелоном, груженым оборудованием и материалами, уходившим с завода «Запорожсталь». Авиамоторный завод, к этому времени, уже ушел полностью.

Мы уходили уже под обстрелом противника, а немцы, наступая нам на пятки, входили в город, надеясь захватить богатые трофеи. Но их постигло разочарование.

Была совершена уникальная операция, которая изумила фашистского доктора Наумхайбера, прибывшего на завоёванные заводы. Он с изумлением констатировал: «Металлических сплавов мы практически не обнаружили. Даже руда была увезена из Запорожья – небывалый случай в истории военной эвакуации за весь период действия германских войск». Заводы были вывезены так, что за всё время оккупации немцы не смогли их пустить, хотя неоднократно пытались это сделать.

На заводах в период оккупации хозяйничали немецкие фирмы. Фирме «Штальверке-Брауншвейг» во главе с директором Кребсом достался завод «Запорожсталь». Когда попытки восстановить хоть что-то не увенчались успехом, правда этому в значительной мере мешали несколько подпольных групп, действовавших на заводе, фирма начала растаскивать остатки оборудования и металла.

На Урале, в Сибири, в Средней Азии, в суровые морозы или сильную жару, под открытым небом, день и ночь устанавливали увезенное оборудование и жили одной целью:

– Всё для фронта! Всё для победы!

Уральская Магнитка прилагала все силы, чтобы в тяжелых условиях установить оборудование и сразу же начать выпуск броневой стали. Не отходил от печи, осваивая, новый для него, технологический процесс варки броневой стали, наш мастер П. Дорошенко, пока сталь, так необходимая танковой промышленности, не пошла и не достигла требуемого качества. Насколько это было важно, в тот решающий период войны, можно

судить по тому, что каждый второй танк, и каждый третий снаряд производились из металла Магнитки. Но это уже было вдали от нас.

– А мы, тем временем, начали готовиться к отходу. Многие наши товарищи: работники райкома, горкома и райкома комсомола погибли при исполнении своих служебных обязанностей, и мы решили захоронить их, как героев обороны города, на площади «Свободы». Погибли: первый секретарь Сталинского райкома партии – Калинин Я.М., работники горкома партии – Опочинов И.В., Рыжевский Я.Д., Гриценко И.Г., Слободяник В.С. и Тихонов С.Л. – директор завода им. «Войкова». Скончался в госпитале от полученной раны заведующий горфинотделом Глухенький С.Я., был ранен, но выжил, секретарь горсовета Бучакчинский М.М. и другие товарищи. Прощаясь с ними, мы дали в воздух троекратный залп и поклялись вернуться и поставить памятник героям, – вспоминал отец.

– Ушло почти 10 тысяч вагонов с оборудованием за все эти пятьдесят дней, когда город, сдерживая врага, отгружал эшелоны.

– Третьего октября, во второй половине дня, захватчики вошли в город. Последними из города уходили Кириленко А.П. с группой работников обкома, горкома и горсовета. Пятьдесят дней фронтовой обком действовал, организуя помощь фронту, ведя бои вместе с передовыми частями Красной Армии. После боёв, прикрывавших вывоз заводов, мы переместились, под охраной истребительного батальона, в последний Куйбышевский район, в одно из ещё свободных сел на краю Запорожской области. Село это, имело выход на Донбасс, и было удобно в случае дальнейшего отступления.

Прибыли мы в эту местность где-то 6 октября 1941 года. И, расположившись в небольшом сельском доме, стали выполнять функции прифронтового обкома, продолжая оказывать влияние на ход процессов борьбы и организации сопротивления в уже оккупированной области.

Тем временем, немецкие войска двумя клиньями наступали в направлении Таганрога. К концу октября возникла угроза полного окружения группы наших войск, находившихся в этом районе.

– Перед уходом мы создали и оставили для подпольной работы, направили в партизанские отряды, несколько групп, с которыми впоследствии пришлось взаимодействовать. Дозоры, выставленные истребительными батальонами, прикрывавшими наше расположение, донесли о приближении противника и возможности окружения.

– Похоронив убитых, оставив раненных у надежных товарищей, попрощавшись с людьми, уходившими в партизаны,

мы подготовились к отходу. Проводили подпольную группу Андросова М. С ним уходили: Зинухова Юлия, Павлина Полина и многие другие. Группа оставалась в тылу врага с задачей ведения диверсионной работы, с последующим выходом на партизанский отряд Ковпака С.А., организационная база которого закладывалась в Сумской области. Там М. Андросов, впоследствии, был помощником по работе с молодежью.

Обком партии выходил в направлении на Северный Кавказ, а его работники вливались в ряды Красной Армии. Группа, возглавляемая А.П. Кириленко, соединилась с войсками, и Андрей Павлович был назначен членом Военного Совета 12-й армии, в звании полкового, а затем и дивизионного комиссара. И уже вместе с армией отходил на Таганрог и далее на Ростов.

Пока дорога на Крым была открыта, Отца на обкомовской «Эмке», груженной документами, в сопровождении группы охранения, расположившейся на небольшом полуторатонном автомобиле, который тогда называли «полуторка», отправили в Крым.

В Крыму 11-я немецкая армия, усиленная румынскими войсками, к концу октября расчленила группировку Советских войск на две части. Одна из них – 51-я отдельная армия отходила на Керченский пролив. Кстати, к тому времени полковник Судец В.А., наш бывший командующий обороной города, возглавлял военно-воздушные силы 51-ой армии. Однако отцу, в сутолоке крымского отступления 1941 года, встретиться с ним не удалось, увиделись как-то мельком. Он махнул рукой и сказал. – Бегу, некогда – Улетаю, улетаю».

Наши отходили с войсками по пыльным проселочным дорогам, преследуемые частью войск 11-ой немецкой армии, основные силы которой двигались на штурм Севастополя. Осталось воспоминание:

А над диким простором,
– солнце уходит ввысь.
И на полуторке
– снова трясет наш взвод.
Если погони не будет,
– доставим пакеты в срок,
А если будет,
– то примем мы снова бой!

К концу октября они уже были у Керченского пролива. Еще день и немецкие танки раздавят их. Машины быстро разобрали, соорудили плоты, остатки облили бензином и подожгли. На

плотах, с документами, формой, оружием и людьми, которые плавать не умели, а сами вплавь, держась за край плота, и подталкивая его вперед, через Керченский пролив, шириной от четырех до пятнадцати километров.

– Хорошо, что мы, в своей жизни, были связаны либо с рекой, либо с морем, и еще перед войной плавали на дальние, комсомольские, многокилометровые заплывы. Как пригодилось это сейчас, под огнем противника. – С довольным видом вспоминал Отец.

– Сталинский лозунг: «Будь готов к труду и обороне», – сыграл свою роль, мы выплывали в этих трудных условиях.

А утром их накрыл спасительный туман. Немцы уже не могли вести прицельный огонь. Тот, кто пришел в форме, с документами и оружием, получал назначение и отбывал к месту службы. А тот, кто бросил оружие, потерял документы и был деморализован, психологически сломлен или вызывал подозрение как агент Абвера, а немцы тогда часто в отступающие войска внедряли свою агентуру, подлежал дальнейшему разбирательству. Это вылилось в стихи:

Мы бились об лед,
– уходя сапогами,
По памяти наши отцов.
Мы бились об лед,
– наши души теряли,
Теряли друзей и бойцов.
Мы рвались к проливу,
– нас танки давили,
Манштейн наши души терзал.
Мы рвались к проливу,
– в последнем порыве,
Нас Сталин к отмщенью позвал!
Мы знали, не будет нам,
– больше пощады.
Мы бой проиграли в Крыму.
И если вернемся без чести и славы,
– то будем мы в черном дыму.
Быть может, простят,
– не поставят нас к стенке,
В бою нам дадут умереть.
Казаки мы были,
– по чести и крови.
И плен для нас хуже,
– чем смерть!

Отец получил назначение в оперативную группу Военного совета Южного Фронта и, как уполномоченный Военного совета, был откомандирован в район Ростова, где создалось угрожающее положение. Он выполнял в этом районе ряд оперативных заданий по подготовке контрудара и дестабилизации тыла наступающего противника с помощью диверсионно-партизанских действий.

Уже здесь на Южном фронте мне удалось вновь увидать Л.И. Брежнева, – вспоминал Отец начало своей новой службы.

– Я начал свою боевую деятельность в конце октября, когда Леонид Ильич уже в сентябре прошел боевой путь, работая в группе особого назначения, при Военном совете фронта и успешно действовал по обеспечению боевых операций. В то время в район Ростова и на Северный Кавказ отошло достаточно войск, чтобы сдержать наступление противника. Но войска были заражены синдромом отступления. Всю эту массу войск нужно было привести в порядок и не только сдержать противника, а и нанести контрудар, к тому же, облегчая положение наших войск под Москвой.

Леонид Ильич проявлял удивительную активность – под обстрелом и бомбежками мотался по частям с задачей психологической стабилизации всей массы войск, параллельно решая вопросы боевого и материального обеспечения. Командование уже тогда отмечало его положительно и считало боевым и сильным политработником, и он был назначен заместителем начальника политуправления фронта в звании полкового комиссара. А вот прошел ли он обучение в военном училище, мне так и не удалось узнать. Слишком короток был срок. Но тогда даже Академия Генерального штаба, не говоря уже о военных училищах, выпускала слушателей и через 6 месяцев и даже через 2–3 месяца. И военные учебные заведения действовали, как ускоренные командирские курсы.

Уже позже, в антисталинской пропаганде, упор делался на заградотряды и штрафбаты, как средство обеспечения стабилизации положения. Но приказ И.В. Сталина, как его называли: «Ни шагу назад», вышел только 28.07.1942 года, а положение о штрафных батальонах за подписью Г.К. Жукова вышло и того позже 26.09.1942 года. И эта система отбывания наказания за воинские преступления стабилизировалась только к концу 42-го года.

А успех в обеспечении боеспособности войск был связан с их морально-психологической и идеологической подготовкой, в которой Леонид Ильич достиг определенного успеха, что и

способствовало нанесению успешного контрудара под Ростовом.

Именно этот контрудар предотвратил захват немцами Кавказа в 1941 году. Всё напряжение той поры выразилось в словах:

Нас встретили строго,
– суровой походкой.
Приказ ведь Верховного есть.
Но нам всё простили,
– одели, обули и дали в бою умереть!
Опять под Ростов
– мы уходим тревожно.
И сабель нам больше не счесть.
Мы немцев порезали,
– ночью кромешной.
И танкам не дали взреветь!
С тех пор мы Верховного,
– славим вовеки.
И скоро уйдем по домам.
Нам Сталин ведь дал,
– умереть не с позором.
И жизнь нам достойную дал.

Правда, скоро уйти по домам не удалось, хотя немцы к концу ноября потерпели серьезное поражение. И это в условиях своего превосходства в танках и авиации.

Наши войска использовали, так часто высмеиваемую пропагандой, тактику ударов конницы, поддерживаемой танками, во фланг и тыл противника, и тактику контратак пехотных частей поддержанных артиллерией.

Правда, эти критики, исходили из желания хоть чем-то уязвить Сталина, и хоть как-то оправдать предвоенные попытки Тухачевского расформировать конницу, заменив её танковыми частями, не имея, к тому периоду, массового выпуска современных боеспособных танков.

Наверное, эти критики не знали, что в большинстве ударных клиньев немцев, имелись кавалерийские дивизии, а состояние конского состава сильно волновало немецкое верховное командование. И большие потери конницы в ранних боях, во многом определяли неудачи немецких войск на Кавказе и их стремление создать из местных народов, так называемые туркестанские батальоны, с использованием румынских частей, для зачистки предгорий от наших войск.

Но и здесь противник полного успеха не имел. И ударные

немецкие части, неся большие потери, вынуждены были отойти за реку Миус.

Такой контрудар родил новые надежды перехода в контрнаступление, – вспоминал Отец боевые эпизоды своей фронтовой жизни.

К этому моменту, после боёв на Днепре, на Ростовское направление отошла 18-я армия. Это было крупное воинское соединение, которое образовалось в июле 1941 года и состояло из нескольких дивизий, танковых и авиационных соединений, с июля месяца входивших в состав Южного фронта. А уже к ноябрю, при подготовке контрнаступления, членом Военного Совета этой армии был назначен наш товарищ, Кириленко А.П… Он был тогда в звании полкового комиссара.

Уже тогда, Л.И. Брежнев и А.П. Кириленко имели различный стиль работы. Если Леонид Ильич, где бы на фронтовых дорогах не встречал бывших сослуживцев, старался взять их под своё начало. Он любил работать с привычными людьми, а Андрей Павлович старался опереться на имеющиеся кадры.

– Но, так или иначе, – вспоминал Отец, – они запрашивали командование о моём переводе под их начало. Но я выполнял тогда ряд оперативных заданий, будучи уполномоченным, Военного совета Южного фронта, на юге Ворошиловградской области и командование сочло эти оперативные задания не менее важными, чем политработа в войсках; хотя Леонид Ильич докладывал и командованию фронта и даже в Ставку о больших потерях политработников при контрударе под Ростовом. А дальше всё это затерялось в калейдоскопе быстро меняющихся фронтовых событий.

Только уже после войны, когда были опубликованы дневники начальника генерального штаба немецкой армии генерал-полковника Ф. Гальдера, мне стал ясен ход развития событий. Оказалось, что немцы готовили свой контрудар, в связи с неудачей под Ростовом, именно на юге Ворошиловградской области, а наши действия, как раз, носили упреждающий характер. Конечно, эти намерения немецкого командования, возможно, были известны нашему командованию, а мы естественно узнали эти детали уже после войны.

В этот период, Леонид Ильич был ещё в звании полкового комиссара, которое он получил уже в ходе боевых действий, и вел активную работу по подготовке контрнаступления наших войск.

Разбирая эти материалы, я удивлялся той легенде, которая родилась в период перестройки и реформ. Эта легенда говорила о том, что Леонид Ильич ушел на фронт сразу в звании полковника. И что он получил это звание якобы как благодеяние

Н.С. Хрущева. Но таких званий у политсостава Красной Армии ещё не было, и членом Военного Совета Южного фронта, решавшего эти вопросы, вообще был далеко не Н.С. Хрущев, а бывший председатель СНК Украины тов. Корниец Л.Р. А звание полковника Л.И. Брежнев получил уже в 1943 году. Так пытаются свести патриотический порыв Л.И. Брежнева, ушедшего добровольцем на фронт, в серию карьерных интриг.

– А тогда нас интересовало первое контрнаступление, – вспоминал Отец. В действительности мы готовили первое крупное контрнаступление наших войск, переходя от тактики довольно мелких контрударов которые, правда, по свидетельству немецкого верховного командования, изматывали немецкие войска, приводя даже Верховного Главнокомандующего сухопутных войск – фельдмаршала фон Браухича, в уныние, – как свидетельствовал тот же Ф. Гальдер. Его волновал срыв всех сроков наступления немецкой армии, о которых он замечал и в начальный период боевых действий, и в особенности уже под Житомиром. То, что наши некоторые историки и отдельные поддакивающие им военные, конечно из конъюнктурных соображений, в пылу анти Сталинской пропаганды, считали трагедией Красной Армии, Браухич считал неудачей Вермахта. Срыв всех планов молниеносного удара, срыв всей тактики «Блицкрига», потеря пробивной силы немецких ударных клиньев, в результате ударов нанесенных Красной Армией, начиная с приграничных сражений и до Кавказа, Москвы и Ленинграда. За это, как он правильно предполагал, фюрер его не помилует. Браухич, чувствовал начало провала всей летней компании 1941 года, и считал это трагедией немецких войск. Так что трагедия в 1941 году была, но не у Красной Армии, а у Вермахта, так предполагал и считал Браухич.

А у Красной Армии задача стало в организации контрнаступления, направленного на разгром немецких «ударных клиньев», и тем самым, хотят ли того наши критики или нет, к выигрышу компании 1941 года, невзирая на большие территориальные потери, а во многом даже благодаря им, – как писал впоследствии Ф. Гальдер, что наша беда (немецкой армии) – это страшная растянутость коммуникаций, сковывающей свободу маневра, и громадные территории, требующие массу тыловых войск. И далее:

– Наши войска растянуты благодаря бескрайним российским просторам, и мы испытываем большие затруднения в организации взаимодействия войск и их маневрирования.

– А наше контрнаступление было призвано, не только нанести поражение немецкой ударной группировке, но и

облегчить положение наших войск под Москвой, и тем самым отработать тактику Ставки Верховного командования. Оно шло от стабилизации обороны, через морально-психологическую стабилизацию войск, к нанесению контрудара. А уже в развитие контрудара – переход в контрнаступление. Это требовало частых выездов в войска, и Леонид Ильич использовал для этого каждую возможность. – Вспоминал Отец свои впечатления поздней осени 1941 года.

После двухнедельной подготовки и передислокации войск этот контрудар перешел в Барвенково-Лозовскую наступательную операцию.

Первое контрнаступление началось с ударов по дивизии СС «Викинг». И далее, в январе 1942 года, зайдя в тыл немцам, наши войска разгромили группировку немецкого «ударного клина» группы армий «Юг», призванного уничтожить советские войска на Кавказе, в 1941 году.

– А ещё в конце ноября, за первые успехи в контрнаступлении, Леониду Ильичу присвоили звание бригадного комиссара, а чуть позднее за боевые заслуги и проявленный героизм его наградили первым орденом – Красного знамени.

Нашей радости не было предела, когда мы узнали, что кроме удара на Кавказе, терпит поражение под Москвой «ударный клин» группы армий «Центр». Операция «Тайфун» по захвату Москвы провалилась. Танковая армия Гудериана отступает, а разгром немецких войск завершается их окружением под Сухиничами. Завяз под Ленинградом и не имел успеха «ударный клин» группы армий «Север».

Именно этим «ударным клиньям» армии вторжения, Главком сухопутных сил Германии фельдмаршал фон Браухич придавал основное, превалирующее значение в захвате и уничтожении промышленной мощи Росси. И конечно мы узнали гораздо позже, вспоминал Отец, – что на совещании в ставке фюрера генерал – фельдмаршал Кейтель заявил:

– Таких сухопутных войск, какими мы располагали к июню 1941 года, мы уже никогда больше иметь не будем. Мы начали осознавать, что полной победы достичь мы не сможем, – докладывал Кейтель.

Этим было признано, что армия вторжения, и её «ударные клинья», невзирая на весь трагизм ситуации, часто раздуваемый в пропагандистских целях, была разгромлена в России несколько более чем за 200 дней, потерей более 1-го миллиона человек отборных моторизованных и танковых войск. И достигнуто это по свидетельству генерал – полковника Ф. Гальдера, постоянными

контратаками русских войск, начиная с момента пересечения немецкими войсками государственной границы Советского Союза. И ключевое слово в его дневниках:

– Русские постоянно контратакуют. Это его основное впечатление, которое он вынес из компании 1941 года.

И эта операция завершается тем, что 19 декабря генерал-фельдмаршал Браухич, был у фюрера и сдал свои обязанности Главкома. Фюрер принял командование сухопутными силами на себя. Он принимает чрезвычайные меры. Все резервы будут брошены на Восточный фронт. Так заканчивается первое поражение Германской армии и армий её европейских союзников. И начинается мобилизация сил и средств, практически всей Европы, для восстановления ударной мощи и нанесения новых ударов в 1942 году. Проиграв компанию 1941 года, Фюрер готовиться к летней компании 1942 года. И смысл этой компании по свидетельству Ф. Гальдера, на одном из совещаний у Фюрера, высказал от штаба ОКВ генерал Йодль:

– Ключ от Кавказа лежит во взятии Сталинграда.

А Фюрер считал, что теперь борьба пойдет на истощение сил и средств и это истощение произойдет, у кого угодно, только не у нас, – говорил Гитлер. Он даже не мог предположить, что ресурсы всей Европы не устоят перед ресурсами России, и он бросает все силы на создание группы войск, под названием 6-я армия Паулюса.

А вслед за этим, летом 1942 года, оперативная обстановка на Кавказе и Сталинградском направлении ухудшается. В июле и в августе разворачивается первый этап Сталинградской битвы. 12 июля, на базе полевого управления войск Юго-Западного фронта, был создан Сталинградский фронт во главе с маршалом С.К. Тимошенко. 17 июля авангарды 6-ой немецкой армии встретились с передовыми отрядами Красной Армии и завязали бои.

В этот период ГКО ставит задачу всесторонней помощи Сталинградскому узлу обороны. А главное, ставит серьёзную задачу – увеличить выпуск танков на заводах Сталинграда и на всей прилегающей инфраструктуре – в два и более раза. И самое главное это увеличение должно произойти оперативно быстро, в течение двух-трех недель. Тогда же приходит приказ И.В. Сталина, группе войск, расположенной на Кавказе, организовать оперативное взаимодействие со Сталинградским узлом обороны. Отец, летом 1942 года, получает довольно важное задание, ради которого его временно отзывают с фронта.

Это задание он получает как уполномоченный ГКО и ЦК ВКП (б), – решить вопрос с увеличением поставок металла, в

особенности броневой стали, для танковой промышленности Сталинграда, на Кузнецком, Чусовском, Новосибирском и других заводах, где, кроме всего, уже работало оборудование и люди, эвакуированные из Запорожья. Кстати эти усилия касались не только Отца, а имели довольно широкий характер, к тому же, и Кириленко А.П. отзывается из 18-й армии и работает как представитель ГКО, но уже в авиационной промышленности.

Это задание Отец выполнял, уже имея поручение оперативной группы Военного совета сначала Южного фронта, а впоследствии и Северной группы войск Закавказского фронта, по подбору людей для засылки в тыл противника, в районы Запорожской области, знакомые многим запорожцам, находившимся в эвакуации. Ведя работу по увеличению поставок продукции, и в разговорах по улучшению производства, естественно, возникал вопрос о состоянии дел на фронте. И здесь тяжело было разделить, где оперативное задание фронта, а где партийное задание ЦК.

– Рассказывая о боях на северном Кавказе, и о наших трудностях по отражению атак противника, я, с подходящими для этой цели людьми, начинал разговор об их участии в этой борьбе. Многие товарищи сразу соглашались, а некоторые просили время на раздумье, вспоминая своих боевых товарищей, рассказывал Отец.

– А Кузьмин А.Н., бывший директор завода «Запорожсталь», который был назначен директором Новосибирского металлургического комбината, сразу заявил.

– Николай Петрович, давай меня на фронт!

– Ну – ты, Анатолий Николаевич, не торопись. Тебе и здесь дел хватит, ты и тут, осваиваешь высококачественные стали, для нужд обороны. Лучше порекомендуй мне подходящих людей. Многие товарищи, которых он рекомендовал, согласились и были заброшены для подпольной работы, и в партизанские отряды.

– С этой же целью я посетил Ташкент. Именно там уже начинал работу вывезенный из Запорожья, единственный в то время в стране; завод абразивных изделий. Продукция этого завода была так необходима для шлифовки деталей танковых двигателей. В особенности, нужны были так запомнившиеся мне, абразивные круги с зеленоватым отливом, круги карбида кремния зеленого.

Директором этого завода был хорошо мне известный товарищ – Решетняк Петр Мартынович. Находясь в Ташкенте, я получил телеграмму, которая предписывала мне продлить свою командировку, с той же целью, уже в Самарканд. Эту командировку я воспринял с нескрываемой радостью. Наконец

мне, за такой долгий срок, удастся увидеть семью в Самарканде, – вспоминая военные переживания, говорил Отец.

Решение производственных вопросов, как в Ташкенте, так и Самарканде, конечно, имело важное оборонное значение, но оно носило больше характер прикрытия по подбору и вербовке людей для оперативной деятельности. Здесь уже речь шла о Сталинградском направлении.

После выполнения задания, проведав семью в Самарканде, Отец отбывает в город Сталинград для выполнения специального задания Военного совета Южного фронта. Там с группой товарищей, во взаимодействии с Украинским штабом партизанского движения, который летом 1942 года, в связи с изменившейся оперативной обстановкой и организацией Сталинградского фронта, был передислоцирован, на определенное время, в Сталинград, организует партизанские отряды и диверсионно-разведывательные группы, засылаемые в тыл наступающей немецкой армии.

Разделить партийную и чисто военную сторону вопроса в создании партизанского движения в Сталинградской области было трудно, поскольку они продолжали числиться в резерве ЦК ВКП (б), и выполняли его решение о создании и укомплектовании партизанских отрядов, подписанное товарищем Сталиным, как секретарем ЦК.

Поэтому гораздо позже, когда возникали разговоры о том, что народ победил без партии и без Сталина, мне это казалось диким и крайне не компетентным желанием исказить историю, а попытки вбить эти мысли в сознание народа просто преступными. Но это было потом, гораздо позже, а пока УШПД, опираясь на оперативные группы на фронтах, в августе-сентябре 1942 года сформировал и перебросил в тыл врага 14 партизанских отрядов и 59 организаторских и диверсионно-разведовательных групп, которые начали свою деятельность в тылу наступающих немецких войск.

– 5 сентября 1942 года, мы получили приказ Народного Комиссара обороны И.В. Сталина: «О задачах партизанского движения». В этом приказе говорилось о том, что партизанское движение становится одним из решающих условий победы над врагом. Мы вышли на Сталинградский обком партии и усилили проводку подрывников, разведчиков и агентурных специалистов различного плана.

В этот период прифронтовые обкомы партии имеют решающее значение в формировании партизанских отрядов. – Как вспоминал Отец.

Г.К. Жуков. Генерал армии. Сталинград, 1942 г.

– Людей нам, конечно, подбирал и передавал Сталинградский обком партии. Мы проводили оперативное обучение и инструктаж и осуществляли заброску в тыл наступающим немецким частям. Сплошной линии фронта тогда ещё не было. Люди уходили в близлежащие села, используя местный попутный транспорт. А товарищей, которые уходили в зону близкую к району боевых действий, приходилось доставлять

на выделенной в наше распоряжение обкомовской «Эмке».

Слева направо: Н.П. Моисеенко, Я.Т. Жуков. Сталинград, Август 1942 г.

Выезжаем в одно из дальних сел Сталинградской области, на заднем сидении устраиваются, вплотную прижавшись, друг к другу, четверо бойцов из истребительных батальонов, уходящих в тыл противника для организации разведывательно-диверсионного отряда. Подъезжаем к цели. Духота в машине и яркое солнце, нестерпимы. Наша черная «Эмка», блестящая на солнце, на фоне пыльной дороги и выгоревшей травы, – прекрасная цель для немецкой артиллерии.

Впереди идет бой наших частей, отступающих к Сталинграду. Пытаемся проскочить на большой скорости, но нас замечают немецкие артиллерийские наблюдатели и открывают по нам минометный огонь, пристреливаясь к нашей скорости движения.

– Ну, ребята, давайте, прыгайте в близлежащие развалины, а мы отвлечем огонь на себя. – Ребята выпрыгивают на ходу в кювет и скрываются в развалинах.

Мы резко разворачиваемся и на предельной скорости уходим от обстрела. Бой остается далеко позади. К вечеру подъезжаем к одной из деревень, где в уцелевших от артобстрела домах расположились на ночлег отходящие к Сталинграду части.

В близлежащем доме народу набито столько, что ни прилечь, ни продохнуть невозможно. Шофер просится на ночлег в дом.

Ночью в машине довольно прохладно, а он простужен. С горечью соглашаюсь, сам не сплю третью ночь, и засыпаю тревожным сном, сидя в машине. Сквозь сон слышу вой снаряда, просыпаюсь от взрыва, вместо дома огромная воронка, машину посекло осколками, выбило стекла, а я, хоть и исцарапан осколками стекла, но цел. Только отделался казавшейся тогда легкой контузией. Правда, потом шум в голове и тошнота долго не проходили, даже в послевоенное время. Мой шофер и все бойцы в доме погибли. Отдышавшись, и дождавшись пока шум в голове немного утихнет, забираю лейтенанта вместе с его сержантом. Они вышли покурить и остались живы.

– Вот тебе и шальной снаряд, вот тебе и фронтовая случайность, если бы не вышел покурить, лежал бы уже в братской могиле от снаряда, – печально говорит лейтенант. Сажусь за руль, и, не включая фар по проселочной дороге, изрытой воронками и ухабами, скорее от пристрелянного места. Как бы ни ахнул новый снаряд. Въезжаю в Сталинград, там хоть можно отоспаться в одном из бомбоубежищ. Не успел отоспаться и сразу вызов в обком.

Наша группа привлекается к подготовке обороны города, которая идет под усиливающейся бомбежкой.

В город, для руководства работой промышленного узла, прибыл заместитель председателя Совета Народных комиссаров СССР В.А. Малышев, к тому же он, в тот период, был и наркомом танковой промышленности. А ответственность в Политбюро за выпуск танков была возложена ещё до войны на Вячеслава Михайловича Молотова.

С Малышевым прибывают и другие ответственные работники. Перед ними стояла задача в 10 дней удвоить выпуск танков на заводах области.

Группа Отца заканчивает свои основные фронтовые задачи, поставленные перед ней. Её работа в Сталинграде подходила к концу. Бои уже шли на внешнем обводе. Но группа Малышева привлекла их для решения некоторых задач по производству танков и самолетов.

И, изучая эти материалы уже в годы перестройки и реформ, я сталкивался с очень живучей легендой, что не будь Тухачевского М.Н., мы бы не имели такой мощной танковой промышленности, и эта легенда существовала тогда, когда Тухачевский никогда не принадлежал танковой промышленности ни сном, ни духом. Где, кто и когда пустил эту легенду, уже определить трудно, но она существует и поныне в буржуазной прессе.

А тогда, в район Сталинграда, прибыл представитель верховного командования Г.К. Жуков, для ознакомления с

обстановкой, и мы почувствовали жесткую стабилизирующую роль его действий. Он находился в Сталинграде вместе с Маленковым Г.М… Жуков Г.К. занимался вопросом координации действий различных видов вооруженных сил, а Маленков действовал от имени ГКО.

Тогда работа этих ведомств часто пересекалась. Они пробыли в Сталинграде недолго и отбыли по вызову Верховного Главнокомандующего.

Начинается величайшая Сталинградская битва, а вместе с ней разворачивается и битва за Кавказ. О тесном оперативном взаимодействии этих двух направлений, для обеспечения стабильной обороны и недопущения фланговых ударов противника, позаботился Верховный Главнокомандующий.

К этому времени оперативная обстановка на Кавказе ухудшается. 6 августа противник овладел Ставрополем и Армавиром. 8 августа создается, в срочном порядке, Северная группа войск Закавказского фронта, в последствии Северо-Кавказский фронт. Отец назначается начальником оперативной группы, Военного совета этой группы войск, и в сентябре отбывает по назначению.

Положение на Северном Кавказе, да и во всей стране, создается тревожное. Турция и Япония обещали Гитлеру вступить в войну после взятия Кавказа. Ещё один успех германской армии и Турция вступит в войну. И их срочно отзывают на Кавказ к своим фронтовым обязанностям. Перед отъездом их принимает командующий армией, награждает часами от президента США и представляет к медали «За оборону Сталинграда».

Медаль «За оборону Сталинграда» как тогда, так и уже после войны, была особенно ценной реликвией для всех фронтовиков, да и для всего народа. Получает её он уже на Кавказе. Уже в разгар сражений за Кавказ.

К концу августа 1-я танковая армия Клейста вышла к Тереку и Баксану, но здесь в ожесточенных боях была остановлена войсками Северной группы. Под Орджоникидзе создается угрожающее положение, и командование направляет на этот участок часть оперативной группы Отца для помощи в организации обороны.

Враг был на подступах к Орджоникидзе, пытался выйти к Военно-Грузинской дороге и захватить Грозный, Баку и Тбилиси. А, захватив Бакинскую нефть, хотел решить исход борьбы за Кавказ в свою пользу. Вся ожесточенность борьбы за Кавказ была предопределена позицией самого Гитлера, который считал, в какой – то степени даже мистически, что если он не захватит кавказскую нефть, то возможен проигрыш всей военной кампании

в России. Он рвался к руководству всеми действиями немецкой армии по захвату кавказской нефти и с этой целью он приезжал в Полтаву.

А.П. Кирпиленко. Кавказ, 1942 г.

Н.П. Моисеенко. Сталинград-Кавказ, 1942 г.

В 1941 г. начальник генерального штаба немецкой армии в своём дневнике писал: «В Великороссии необходимо применение жесточайшего насилия. Идеологические узы недостаточно прочно связывают русский народ. Жесткое насилие позволит разорвать эти узы и добиться победы». Такие инструкции получали

наступающие немецкие войска, надеясь жестким ударом на Кавказе разорвать эти узы и посеять межнациональную рознь.

А, как говорил И.В. Сталин в своей речи 6 ноября 1941 г.: «Но немцы и здесь жестоко просчитались и не смогли добиться серьезного успеха и в этом вопросе».

Правда, в отдельных случаях, с некоторыми малыми народами Северного Кавказа, немцы имели частичный успех, и из этих народов было создано ряд подразделений, выступивших на стороне врага. Однако меры принятые Верховным командованием локализовали и ограничили их успех. И, как говорил товарищ Сталин: «Широкого успеха, в этом вопросе, противник не имел».

Какие же это были меры, о которых создано так много легенд, действующих и поныне. Не знаю, как впоследствии развивались события, – говорил Отец, – но в 1942–43 годах на Грозненском направлении немцы создали мусульманский батальон из народов Кавказа.

Никакого национального недоверия к народам Кавказа у Советского правительства, в тот период не было. Создавались национальные подразделения и армянские и азербайджанские, да и других народов Кавказа. И даже была попытка создания чеченской кавалерийской дивизии.

Но в одном из аулов на Грозненском направлении была проведена мобилизация молодежи, которая приняла присягу и получила оружие. Однако под влиянием агентуры исламского батальона, они перебили присланный из фронтовых частей сержантско-старшинский состав, и ушли в горы.

И тут же загремели выстрелы и взрывы на дорогах. Эти люди начали диверсионную деятельность по дестабилизации тыла, именно тогда, когда немцы проводили наступательные операции.

С фронта была снята одна из частей НКВД, где она сдерживала наступление противника и была расквартирована в этом ауле. Насколько я помню, – говорил Отец, – эта часть принадлежала 11-й стрелковой дивизии НКВД, занимавшей оборону на реке Баксан. Образовавшимся диверсионно-подрывным группам, было предложено сложить оружие. Но взрывы и нападения продолжались.

Тогда командование решило, выселить из зоны боевых действий жителей аула, которые оказывали восставшим всяческое содействие. И сколько бы впоследствии не говорили, что это были мирные жители, но они в условиях, когда речь шла о самом существовании народа, оказывали активное содействие противнику.

Подъехала колонна машин, в неё усадили жителей аула, разрешив взять с собой часть имущества и даже мелкий скот, и

отправили по маршрутам беженцев с тем же обеспечением, что остальных. Никаких других условий, более худших или более лучших им не создавали, да и создать в тех условиях не могли. Эти страхи уже были дорисованы в пропагандистских легендах впоследствии.

Боевикам вторично предложили сложить оружие, пообещав отправить их к семьям. Кто спустился с гор, был отправлен по маршрутам беженцев. А по тому, кто продолжил борьбу был открыт огонь на уничтожение, как по фашистским наймитам, по всем законам военного времени. Кстати эта очистка тыла, как её начали называть впоследствии «депортация», была одобрена, для всех воюющих сторон, на совещании большой тройки в Тегеране, тем более что немцы применяли в действительности зверские методы для очистки тыла в прифронтовых полосах. Ну, все эти рассуждения были намного позже, а пока, на других участках фронта противник продолжал активные боевые действия наступательного характера, которые нужно было незамедлительно отразить.

Под Орджоникидзе, из курсантов военного училища, был создан особый полк НКВД, который был брошен в прорыв и, нанося контрудар, перешел в наступление. Комиссаром этого полка был Г.И. Алейников, впоследствии генерал, а заместителем политрука, один из воспитанников Запорожского комсомола, Аркадий Климашевский, который в бою под Орджоникидзе, уничтожив восемь фашистов, грудью закрыл своего командира Г.И. Алейникова, а сам погиб.

– А погиб то как? Красавец, герой! – Рассказывал, вышедший из боя, с горящим лицом и горящими глазами Алейников.

– Проходим первую траншею – забрасываем её гранатами, а потом в рукопашную выбиваем немцев, вторая траншея дается легче, немцы по ходам сообщения уходят в третью траншею. Стреляя на ходу с криком «Ура», короткими перебежками движемся к третьей траншее. Впереди за горой, за диким камнем, поросшим мхом, почти слившись с ним, в зеленоболотной форме, залег немец. Я меняю обойму и вдруг вижу, дуло «Шмайсера» почти в упор на меня. Климашевский рядом, нажимает на гашетку ППШ, выстрела нет, диск кончился.

– Ну, думаю все! Конец! – Но Климашевский делает шаг вперед и закрывает меня грудью. – «Шмайсер» дергается, изрыгает огонь. Климашевский падает. – Наконец обойма входит в патронник. Навскидку, почти не глядя, выпускаю всю обойму в немца. Немец мертв. Бросаюсь к Климашевскому, пульс еле слышен. Кричу:

– Санитар! Санитар! Вокруг тишина. Все ушли вперед. Так он

и умирает у меня на руках с криками. – Санитар! Санитар!

– Никогда не забуду, отважный был парень! Добровольцем ушел на фронт. Отличный курсант. Всё мечтал скорее сразиться с врагом. В нем горел внутренний огонь отмщения, и идеологической верности, который многих увлекал за собой. Уже потом, он был посмертно награжден орденом Ленина и навечно зачислен в списки первого дивизиона Орджоникидзевского училища имени Кирова МВД СССР.

Справа налево: Гагарин Ю.А., генерал Алейников Г.И. Проездом в Крым. Запорожье, Артек, 1972 г.

Кстати, это зачисление произошло, как, только по инициативе Сталина И.В., была возрождена старая русская традиция – навечно зачислять защитников отечества в списки тех частей, в которых они совершили свой подвиг.

Он захоронен в братской могиле героев Великой Отечественной войны на окраине Орджоникидзе.

Впоследствии, я не раз встречался с генералом Алейниковым, он часто приезжал в Запорожье повидаться с матерью А. Климашевского. Однажды заезжал с Юрием Гагариным, проездом в Крым. И вообще делал все, чтобы увековечить память об А.

Климашевском, – вспоминал Отец.

Но это было уже потом. А пока, 25 октября, немцы перешли в наступление. Клейст шел на Баку через Эльхотовские ворота, живописную долину между горными хребтами, надеясь на стремительный проход. Положение создавалось серьёзное.

Тогда членом Военного совета Северокавказского и Закавказского фронтов был Каганович Л.М., назначенный по предложению И.В. Сталина. Ходили легенды, что он мог в критической ситуации даже ударить того или иного командира. Но, объективности ради, хочу сказать, что когда мне пришлось присутствовать на одном из докладов группы командиров члену Военного совета и члену ГКО, а именно Кагановичу Л.М., который тогда прихрамывал и опирался на палку, он был ранен во время бомбежки, такого не происходило. В этой критической ситуации, в действительности, палка взметнулась вверх, а кулак мелькнул в воздухе, и раздалось резкое: «Не отступать! Не отступать! Орудия на прямую наводку!»

Но, конечно, избиения никакого не было. Войска тогда с предельным напряжением сил, но все, же устояли. Надежда Клейста на прорыв к Грозному не состоялась. Позже нахожу стихи:

Как тогда не знали боли,
– как тогда в атаки шли.
Как держали в нашей воле,
– на Кавказе рубежи.
Под Эльхотом умирали,
– в ржавой, пахнущей пыли.
Закрывали нашей кровью,
– против танков рубежи.
Мы детей своих спасали,
– на Баку они ушли,
Мы Россию закрывали
– танки Клейста не прошли!

К слову, семьи военнослужащих в то время находились в Баку и ждали отправки в Красноводск. Как в вопросе эвакуации оборудования, так и в вопросе отправки семей, Верховный всегда был против панической и преждевременной отправки и неоднократно говорил, что солдатам нужно иметь, что защищать. В нашем случае это было, скорей всего, стечение фронтовых обстоятельств, но так или иначе, мы все время находились в тылу армий, где сражались наши отцы, наверное, и наше присутствие сыграло определенную роль в стойкости защитников Кавказа.

К этому периоду, речь зашла о создании заградотрядов, в основном для борьбы с дезертирством. Серьезным доводом в обсуждении этого вопроса играло то, что немцы, даже при своих успехах, уже давно имели и полевую жандармерию и заградотряды. Кагановичу Л.М. было поручено шефство над создаваемыми, к этому времени, заградотрядами, которые создавались в порядке эксперимента, на Кавказских фронтах. Эти заградотряды впоследствии сильно демонизировались пропагандой всех сортов и оттенков, хотя на самом деле они предназначались для борьбы с воинскими преступлениями. И что удивительно, более объективно их оценивал противник. Так Рейнхард Гелен, начальник разведотдела «Восток» штаба ОКХ, говорил.

– Прослушивание русских заградотрядов, исполняющих роль полевой жандармерии, было полезным занятием.

Наше командование быстро поняло, что их использование, для борьбы с дезертирством в горных условиях, которое начало проявляться среди некоторых малых народов Кавказа, бесперспективно и их начали выдвигать на танкоопасные направления. А Каганович Л.М. сосредоточил своё внимание на повышении боеспособности войск, отступивших на Кавказ из районов России и Украины.

Он, не долго пробыл в Северной группе войск Закавказского фронта, и отбыл в Черноморскую группу, прикрывавшую Туапсинское направление, где создалось более угрожающее положение. Туда же и отошла 18-я армия. А Л.И. Брежнев занял должность заместителя начальника политуправления этой группы войск, а в дальнейшем начальника политуправления 18-й армии.

В этом районе было достаточно сил, чтобы сдержать наступление противника, однако в войсках существовал синдром «отступления» и «танкобоязни», в особенности среди молодого пополнения, не знавшего успешной борьбы с танками 41 года.

Каганович Л.М. уделил внимание морально психологическим методам укрепления боеспособности войск и массовой боевой политической агитации. В этой работе он вплотную взаимодействовал с Л.И. Брежневым, опираясь на директиву И.В. Сталина и от его имени.

– Оборону горных рубежей строить на упорных контратаках. Вам необходимо взять в свои руки, заставить их драться и правильно построить оборону в предгорьях, – цитировал он Иосифа Виссарионовича на одном из собраний, – а Леонид Ильич ему отвечал, как заместитель начальника политуправления.

– Мы, фронтовые политработники, донесем слова И.В. Сталина до каждого бойца и каждого командира.

– Конечно, фронтовые операции на разных направлениях разделили нас, – вспоминал Отец, – и я узнал некоторые подробности этих сражений от Л.И. Брежнева уже в 1947 году. Так или иначе, но оборона стабилизировалась, войска закрепились на горной местности, и наступление немцев захлебнулось.

Положение на Кавказе остается острым ещё в течение 4–5 месяцев, наши ведут оборонительные бои и постоянно контратакуют. В ноябре 37-я и 9-я армии на подступах к Орджоникидзе окончательно останавливают врага. – Думая о прошедшем, вспоминал Отец.

Немецкая эйфория, по поводу водружения на Эльбрусе своих флагов, и, казалось бы, неотвратимых успехов операции «Эдельвейс», так же неотвратимо проваливается.

К концу декабря 1942 года, противник окончательно выдыхается, положение на Кавказе стабилизируется. И если в последний период Отца, не привлекали ни к каким другим вопросам, кроме боев на Кавказе, то уже в декабре и марте начинаются вызовы в Москву, в ЦК КП (б) У, для решения, как фронтовых вопросов, так и вопросов партизанского движения.

К тому времени УШПД передислоцировался из Сталинграда в Москву и расположился рядом с ЦК КП (б) У, и правительством Советской Украины, на Тверском бульваре 18, – в отдельном флигеле удобном для оперативной работы. А Центральный штаб партизанского движения постепенно передавал дела республиканским штабам. И, впоследствии, 7 марта 1943 года был расформирован постановлением ГКО.

Партизанское движение, к осени 1942 года, существенно расширило свою боевую деятельность и разрослось, и по объемам, и по территориям. А на одном из совещаний, с участием основных руководителей партии и правительства и командиров крупнейших партизанских отрядов, И.В. Сталин поставил задачу: «Сделать партизанскую войну всенародной».

В ЦК КП (б) У, в то время, вопросами партизанской борьбы занимался секретарь ЦК – Коротченко Д.С. Он действовал совместно с УШПД, который практически являлся боевым органом ЦК, и участвовал в детальной разработке планов усиления этой борьбы. Нас привлекали к разработке этих планов, поскольку, во многом, эта работа шла через Военные советы фронтов и их оперативные группы. – Немного задумавшись, продолжал Отец:

– Привлекали нас не только как экспертов, хорошо знающих свои местности, но и как секретарей обкомов, от имени которых работали подпольные органы партии, и которые формировали

партизанские отряды и агентуру на длительное залегание. Кроме того, Коротченко Д.С. с начальником УШПД т. Строкачем Т.А., планировали передислокацию отрядов, сначала на правобережную Украину, а затем в Польшу и Словакию, а вместе с тем и создание национальных формирований.

Эта тактика, конечно, согласовывалась в Ставке Верховного Главнокомандования с И.В. Сталиным. На одном из этих заседаний присутствовал и Коротченко Д.С., и Строкач Т.А. и они же, рассказывали, что товарищ Сталин впервые предложил использовать в партизанской борьбе артиллерию. Он ожидал большого эффекта от этого шага, не только боевого, но и пропагандистского.

– Люди скажут! Смотрите, у них ещё и артиллерия!

– Говорил, величественно подняв голову, товарищ Сталин, – и лицо его выражало непреклонную решимость.

Приходилось мне прилетать в Москву и в апреле 1943 года, в расположение ЦК КП (б) У. – Вспоминал Отец так, как будто он, как тогда, трясся на одном из фронтовых «Дугласов», осуществлявших периодические рейсы в Москву по фронтовым делам:

– Там мне пришлось работать в течение 20-ти дней, – говорил он.

– Вспоминаю один эпизод. Один из начальников отдела УШПД говорит.

– Выбрасываем в Приднепровские плавни, причем неоднократно, в район села «Беленькое» и «Скельки», и партизанские отряды, и организационные группы, и одиночных разведчиков, Выбрасываем, естественно, самолетом и каждый раз их, почти на месте, уничтожают каратели. – На что я замечаю.

– Конечно, будут уничтожать. В этих районах живет много прокулацки настроенных элементов и, по нашим сведениям, многие из них пошли служить в полицию. А вы выбрасывайте ночью, ближе к промышленным районам, – говорю я, – и их не выдадут, они смогут уйти и добраться до места назначения как погорельцы из прифронтовых полос, где немцы жгут села и изгоняют население под угрозой расстрела, создавая зону безопасности в своих фронтовых тылах. Через неделю оператор бежит мне навстречу довольный – отряд прошел. И, взволнованно размахивая руками, благодарит!

– А то у меня была неудача за неудачей, уже контрразведчики начали поговаривать о начале расследования. Люди гибнут, а результата нет.

– Но эти вызовы в Москву были короткими эпизодами фронтовой жизни. Каждый раз я возвращался к своим фронтовым

обязанностям и начинал участвовать в подготовке очередного контрнаступления, – вспоминал Отец.

– Уже стало ясно, что фашистский план по захвату Кавказа – «Эдельвейс» провалился, и мы начинаем наступательные операции в Ставропольском направлении, ведя бои с переменным успехом. В это время приходит директива И.В. Сталина, которая предопределяет действия войск на Кавказе. Директива имела, как всегда, многогранный характер. Хорошо отшлифованный текст говорил о том, что немцев не следует вытеснять с Кавказа, что бы они не оказались на Украине, а необходимо окружить их и локализовать на Таманском полуострове.

Мы начинаем наступательные действия и, практически, замыкаем немцев, как предписано в директиве, а в дальнейшем развиваем наступление на Украину.

В этот период, южная группа наших войск и 18-я армия, где уже Л.И. Брежнев вел активную деятельность, как начальник политотдела, ещё находилась в поле нашего зрения. Окончив Новороссийскую операцию, 18-я армия переходит в состав Северо-Кавказского фронта и ведет бои, наступая на Тамань.

Полностью замкнуть кольцо на Таманском полуострове не удаётся и немецкие войска, с большими потерями в Керченском проливе, уходят в Крым, а 18-я армия, частично приняв участие в Крымской операции, уходит в резерв Ставки и в дальнейшем перебрасывается в направлении Киева. Здесь наши пути расходятся, и Леонид Ильич, на какой-то период, выпадает из моего поля зрения, – вспоминал Отец, – а мы продолжаем наступление на Украину, действуя в Запорожском направлении.

Потерпев поражение под Курском в 1943 году, немецкие войска откатывались к Днепру, одновременно укрепляя свою оборону на его рубежах, и кричали о её неприступности. О неприступности, так называемого, «Восточного вала».

В свою очередь И.В. Сталин, в своих директивах войскам, говорил о том, что необходимо быстрей организовать выход наших войск к Днепру и на реку Молочную, Запорожской области; легче сходу будет захватить плацдармы. Кроме того, это необходимо и по моральным причинам, – говорил он.

– Немцы, отступая, уничтожают всё на своём пути. Гибнут женщины и дети. Необходимо помешать этому, надо быстрей немцев отбросить за Днепр.

В период февраль-август, район Харькова был окончательно освобожден от врага. А в период апрель-май, создаются условия подготовки операции по освобождению Запорожья, и отца вызывают в Москву в распоряжение ЦК КП (б) У, где обсуждается вопрос о формировании в Харькове Запорожского обкома партии

и усиления разведывательно-диверсионных, и партизанских действий в районе Запорожья.

Именно в этот период пленные «языки» показали, что Гитлер приказал, командующему группой армий «Юг», фельдмаршалу Манштейну: «Во что бы то ни стало удерживать Запорожский плацдарм, как узел, обеспечивающий снабжение всей немецкой группировки нижнего течения Днепра, мощной оборонительной линии на реке Молочной, Мелитопольского узла обороны, и всей Крымской группировки противника».

В связи с этим южную опорную точку «Восточного вала» немцы укрепляли особенно тщательно. Город был опоясан несколькими оборонительными обводами, усилен танковыми и моторизованными войсками, и сюда отходили из Донбасса потрепанные немецкие части.

– К нам поступали разведданные, – неоднократно рассказывал Отец, – о том, что Гитлер, а также Геринг приезжали в Запорожье с инспекционными поездками и посещали штаб Манштейна, при этом очевидцы рассказывали детали этих проездок по улицам города:

– На этих улицах была установлена сильная эсесовская охрана вдоль всего маршрута движения, во дворах расположились агенты в штатском, запрещавшие жителям выходить из своих домов.

– Никакие предлоги не принимались, только попытаешься открыть дверь, сразу огонь на поражение, – вспоминали очевидцы. Но некоторым всё – же удалось увидать всю процессию и они рассказывали:

– Гитлер проехал в открытой машине, стоя приветствовал войска охранения, был в коричневом костюме военного покроя и в фуражке с лаковым козырьком и высокой тульей. Он был какого-то серо-обыкновенного вида без эмоций и эйфории, как его представляла германская кинохроника.

Однако не исключено, что в этих проездах участвовали двойники, и это было не чем иным, как инсценировкой для поднятия духа Южной группы немецких войск, которым Гитлер придавал такое значение. Но, так или иначе, такие сведения поступали, и на них нужно было реагировать.

При этом наши группы сообщали, что принимаются чрезвычайные меры безопасности перед каждым приездом особо важных визитеров.

Форсирование Днепра нашими войсками уже успешно началось выше Запорожья, под Днепропетровском, в сентябре 1943 года. Лишь в районе Запорожья противник оставался на левом берегу Днепра.

В этот период отец отзывается сначала в резерв ЦК ВКП (б) и действует как его уполномоченный, а в сентябре, в связи с подготовкой решающего штурма города Запорожья, направляется в город Харьков и прибывает в распоряжение Запорожского обкома партии, который только начинает формироваться. В Харькове, кроме задач по формированию обкома, он выполняет оперативные задания штаба фронта по подготовке штурма города, за что получает благодарность командования.

Здесь, во фронтовых условиях, ещё раз встречается, уже с генерал-лейтенантом Судец В.А. В это время он командовал 17 воздушной армией, принимавшей участие в боях за Запорожье и входившей в состав Юго-Западного фронта. Его армия бомбила склады и переправы, вела аэрофотосъёмку плотины, пытаясь определить места её минирования, о которых доносили наши разведгруппы.

Нанося бомбовые удары вокруг плотины, авиация пыталась повредить кабели, идущие к зарядам в её теле. Запланировав взорвать плотину до основания, чтобы сделать невозможным её восстановление, немцы закладывали в большом количестве тяжелые авиабомбы, в потерну – туннель в теле плотины, проходивший на всем её протяжении, и это было самым удобным местом для полного уничтожения плотины.

Наши войска накапливали силы, и технические средства на левом берегу Днепра, ниже города Запорожья, готовясь к форсированию, и взрыв плотины с большим сбросом воды мог помешать нашим войскам. Кроме того, всем было ясно, какой народно – хозяйственный урон это может принести стране.

За удачные боевые действия авиации, двум авиационным дивизиям и одной эскадрилье, генерал-лейтенанта Судец В.А. было присвоено звание «Запорожских». А сам Судец В.А. стал почетным гражданином города Запорожье. И, конечно, он не забывал свой родной город, и после войны, всегда откликался на все предложения, о его участии во всех праздничных мероприятиях, связанных с Великой Отечественной войной. А как приятно было увидать его в составе делегации министерства обороны со своими боевыми товарищами, генералом армии Д.Д. Лелюшенко, генерал полковником А.С. Желтовым, прибывшим на празднование 30-ти летней годовщины освобождения Запорожья. Они с теплотой вспоминали своё участие в освобождении города, рассказывал Отец о своих впечатлениях и встречах, уже в мирное время.

Но, мельком вспомнив мирное время, Отец вернулся к своему военному прошлому, наболевшему и тревожившему его всю жизнь. Он вспоминал:

– Мы подготовили листовки для населения и несколько оперативных групп, с задачей восстановить все прерванные связи и активизировать деятельность нашей агентуры, оставленной ещё при отступлении, и агентуры засылавшейся за весь период войны. Эти группы начали действовать уже в 1941 году, но связь с некоторыми из них, по тем или иным, причинам была потеряна.

– Так, 17 декабря 1941 года, немецкий полевой комендант города Запорожье сообщал, что был перерезан телефонный кабель, ведущий в воинскую часть. Наблюдались факты распространения листовок и слухи о слабости немецкой армии, её неудачах под Москвой, за что был расстрелян, один из активно действовавших подпольщиков, коммунист Марьян Куб.

Немецкое командование, в связи с этими действиями, предупреждало население, которое начало поднимать голову под влиянием этой пропаганды. Оно говорило, что все аналогичные попытки будут караться расстрелом или повешением. Других наказаний немецкое командование не предусматривало.

Отец припоминал, – как весной 1942 года он разрабатывал листовку с текстом обращения обкома и облисполкома к населению, оккупированной Запорожской области, и подписывал её у Федора Семеновича Матюшина, который в период с 1941 по 1943 г. был первым секретарем областного комитета партии. А в мае – июне, наша авиация сбрасывала эти листовки над территорией области, и они переходили из рук в руки, пробуждая патриотические чувства у населения.

– Приходила к нам и информация о повреждении дальней связи, саботаже на немецких фирмах по ремонту военной техники, налетах на вражеские комендатуры. В городе действовала подпольная группа Гончара Н.Г., однако многие наши товарищи на связь не выходили, кто-то из них погиб, а о ком-то не было никакой информации.

– Не вышел на связь и И.К. Балюта, рабочий завода «Запорожсталь», который оставался для подпольной работы, а разведотдел фронта запрашивал, не тот ли это Балюта, который под псевдонимом Ягупов, создал в Словакии партизанский отряд имени «Чапаева».

Таких вопросов и новых задач накопилось много. Эти задачи и должны были решить вновь созданные группы, которые предполагалось сбросить самолетами в районе, довольно протяженных, покрытых зарослями и озерами, Приднепровских плавней.

Войска Юго-Западного фронта подошли к внешнему обводу немецких войск и завязали бои, с попыткой с ходу прорвать оборону противника. Однако внешний обвод, протянувшийся на

60 километров, был наиболее укреплен. Во всю длину внешнего обвода располагались противотанковые рвы. Завязались длительные бои на изматывание сил и средств противника. Немцы контратаковали небольшими танковыми группами и пехотой. Начался этап подготовки штурма города.

8 сентября, ставка направляет директиву командующему фронтом Р.Я Малиновскому: «Полностью очистить от немцев Запорожский плацдарм».

Этот решающий штурм он назначает на 22 часа 13 октября.

Используя разведданные о расположении складов боеприпасов и вооружений немецких армий группы «Юг», на станции Барвенково и данные аэрофотосъёмки, 17 воздушная армия нанесла удар по этим объектам и уничтожила их, затруднив боепитание немецкой группировки войск на весь период штурма.

– Прижав противника к земле, мощными бомбовыми ударами авиации и применив тактику ночного боя, наши войска двинулись вперед, – убедительно жестикулируя, вспоминал Отец. Операция началась с форсирования затопленной врагом долины реки Вильная, где противник удара не ждал. Нанося удары с трех охватывающих направлений, введя в прорыв 23-й танковый корпус и посеяв панику в рядах противника внезапностью удара, войска Р.Я. Малиновского ворвались в город и завязали уличные бои. Ночных операций таких масштабов с применением крупных танковых соединений, за весь период войны, ещё не было.

Немцы хорошо подготовили город к ведению уличных боев, создав и расположив в домах группы истребителей танков и расположив в укрытиях большое количество противотанковой артиллерии. Однако, сдержать наступательный порыв наших танковых экипажей, которые действовали мастерски, им не удалось. Наши танковые подразделения, сопровождаемые пехотой, торопились. Фашистские отряды огнеметчиков, при отходе своих войск, жгли дома – часть города уже пылала.

– В этих событиях, – рассказывал отец, – мы принимали участие уже на территории Запорожской области. Ещё 16 сентября наши войска заняли Андреевский район, затем был взят мой родной Бердянск, а затем Пологовский район, куда мы, с Андреем Павловичем, сразу выехали и почти месяц осуществляли руководство областью с его территории.

После освобождения города Запорожья, 14 октября 43-го года, войсками Юго-Западного фронта, Н.П. Моисеенко приступает к исполнению своих обязанностей, в качестве секретаря обкома партии.

А Юго-Западный фронт, разгромив остатки немецких войск

на левом берегу Днепра и форсировав его, ушел дальше на Никополь. 20 октября фронт был переименован в 3-й Украинский. Однако на правом берегу Днепра и острове Хортица, отдельные немецкие группы оставались ещё вплоть до января 1944 года. В январе месяце противник был окончательно сброшен с острова Хортица. Но первые рабочие группы приступили к работам в октябре 1943 года, когда немцы ещё находились на острове.

Истории военной жизни оканчиваются, впереди плотина, откуда так хорошо видно здание электростанции. Немцы долго оборонялись в её здании, используя прочно и надежно изготовленные стены, покрытые розовым армянским туфом, когда весь левый берег Днепра уже был занят нашими войсками.

Только позже, прижатые плотным огнем штурмующих частей, они были вынуждены оставить станцию. От станции они оставили груду развалин, проведя ряд направленных взрывов. Остались развороченные взрывом металлоконструкции и остатки разрушенных турбин.

Войскам взрыв плотины удалось предотвратить. Разведчики перерубили кабель, ведущий к замурованным в тело плотины авиабомбам, но при этом погибли. Так и нашли безымянного солдата, последний вздох которого был – разрубленный кабель. Этот солдат так и застыл в бронзе памятника, поставленного ему на территории станции благодарными потомками.

Разминирование плотины было окончено, уже приступили к разбору завалов, уже телеграф принес весть, что ГКО вынес постановление: «О подготовке к пропуску весеннего паводка и восстановлению Днепровской гидроэлектростанции имени Ленина».

Наш фронт, как мы его называли, уже давно взял Никополь и находился на Южном – Буге, он давно переименован в 3-й Украинский, а у людей, приступивших к работам, волнение не проходит, хочется увидать командующего – генерала армии Р.Я. Малиновского. Обком обращается в штаб фронта с просьбами. И вот он приезжает!

С левого берега идет старая гвардия днепростроевцев: мастера турбинного цеха, генераторщики, крановщики, водолазы, монтажники – те, чьими руками создавался Днепрогэс. Около щитовой стенки останавливается группа военных машин, из неё выходят офицеры. Впереди, плотного телосложения, со звездой на груди, генерал армии Р.Я. Малиновский. Он здоровается со всеми, подходит к группе рабочих, протягивает руку:

«Я Родион Малиновский!»

Все радостно улыбаются, спрашивают, как дела на фронте. Родион Малиновский, с мягкой картавиной говорит:

«Товарищи Запорожцы, можете не волноваться, фронт уверенно идет на Запад, плотина полностью разминирована, никакой опасности нет». – Все рукоплещут с криками: «Ура!»

Родион Малиновский осмотрел разрушения, подошел к перилам, посмотрел на подернутый легкой дымкой, лежащий в лоне Днепра, как малахитовый перстень, остров Хортица, вдохнул прохладу водных бурунов и солнечных брызг, попрощался с товарищами и, кивнув офицерам, сел в машину. Машины, скрипнув тормозами на повороте, умчались в штаб фронта, оставив за собой взбудораженный митинг.

В те годы, когда шла война, а люди каждый день слышали гортанный голос Левитана, сообщавшего фронтовые новости, приезд командующего фронтом был большим событием. Восстановительные работы стабилизировались и уверенно набирали темпы.

Встреча с Р.Я. Малиновским: будущим маршалом, дважды героем Советского Союза, будущим Главкомом сухопутных сил и Министром обороны запомнилась надолго!

Но это было гораздо позже, а пока они, въезжали в город под грохот канонады и думали, где расположиться и с чего начинать свою деятельность в новых условиях. Как создать и наладить работу городских властей, восстановить и организовать работу городского хозяйства.

7. Брежневские беседы

Отгремели залпы победных салютов. Текучка мирных дел отодвинула события войны на второй план, но память упрямо возвращалась к судьбам людей, воевавших в тылу врага, и будоражила мою душу. И всегда передо мной стоял вопрос, а какими они были, что двигало их вперед на подвиг или бесславие. И Отец рассказывал истории, захватывающие моё воображение.

– Ещё шли бои на городских окраинах, ещё пулеметное подразделение Анатолия Пономаренко выбивало из домов немецких истребителей танков, ещё догорал танк лейтенанта Яценко, который первым ворвался в город, водрузил победный красный флаг и погиб на этих улицах, став героем Советского Союза. Еще немцы вели огонь с правого берега Днепра, а они уже въезжали в город и располагались во вновь созданной комендатуре, подыскивая себе жилье, уцелевшее в разрушенном городе, и мечтали поскорей увидать свои семьи, которые были в далекой эвакуации, и по которым так истосковалась душа за годы войны.

– А пока было удобней и безопасней вести прием людей, которые пошли сразу, как только они появились. Торопил Военный совет фронта, его интересовала информация о подпольных группах, партизанских отрядах, подпольщиках и разведчиках, работавших в тылу врага. И они начали собирать информацию:

– Как сражалась связная Таня Ткаченко, в критическую минуту рванувшаяся к пулемету погибшего пулеметчика, прикрывая пулеметным огнем, отход своего отряда, который выходил из окружения и пробивался через линию фронта, к своим.

– Как погиб в своём первом бою, заброшенный в тыл врага, в июле 1942 года, командир партизанского отряда Проскура В.Г. Окруженный карателями в Ореховском районе, он отстреливался до последнего патрона.

А отряд Баранова К.И., только в результате засад на дорогах уничтожил 14 автоколонн противника с большим количеством живой силы и военных грузов.

Количество актов саботажа, нарушений линий связи, ребята из отряда даже перестали считать, полагая их мелкими диверсиями. Но в этих боях они потеряли своего командира, который пал в одном из боев смертью храбрых.

Был замучен в гестапо, но не выдал своих товарищей

заместитель командира подпольной группы Камышевахского района Сизоненко Ф.Ф.

Почти вся погибла, активно действовавшая подпольная группа Н.Г. Гончара. Подпольщики мужественно держались перед смертью. А один из них, Леонид Вайнер, имел возможность бежать, но тогда бы немцы, по своему обыкновению, уничтожили бы всю его семью и он, в самый решительный момент, отменил побег. Перед смертью Леонид написал жене записку, которую удалось переправить на волю.

«Я имел много возможностей испытать счастье свободы. Но из-за любви к тебе и детям, я этого не сделал. Когда дети вырастут, объясни это им. Люби и береги их. Целуй их за меня, милая мамулька. Целую тебя. Прощай, прощай навеки. Леонид!»

Собирались документы и по другим, довольно многочисленным группам, и отправлялись по назначению. Несколько групп действовало в городских поселках. Хорошая информация пришла по действиям подпольной группы, даже верней отряда, действовавшего на Днепровском Алюминиевом заводе. Этот отряд, испортив механизмы, не позволил пустить не только завод, а и отдельные его цеха, которые немцы пытались наладить, в связи с острой нехваткой алюминия в германской авиационной промышленности. Сожгли цех красок, подожгли здание, где жили немецкие солдаты и офицеры, произвели ряд взрывов.

– Но, как говорил Отец, – он всегда помнил о подвиге Аркадия Климашевского, закрывшего грудью своего командира в боях на Кавказе, и постарался разыскать его мать. После того, как были высказаны соболезнования, рассказаны эпизоды боевой жизни её сына, Отец поинтересовался движущими пружинами поступка Аркадия. И Мария Павловна рассказала:

– Я и по призванию и по профессии учительница, всегда старалась воспитывать сына трудолюбивым человеком, но меня саму удивляло, как легко он учился. Ему одинаково легко давались и гуманитарные дисциплины, и математика, и физика, но особенно он увлекался художественной литературой, много читал. Аркадий с детства увлекался ранним романтизмом Горького. Его любимый герой был Данко, который вырвал из груди своё сердце и осветил им путь людям.

Вот и Аркадий мечтал о подвиге, о жертвенности во имя справедливости. Когда он работал воспитателем детского дома в селе Михайло-Лукашево, как раз перед уходом в армию, он любил рассказывать детям эти произведения романтического героизма, вселяя в них веру в прекрасный и жертвенный подвиг.

В своих письмах, уже из военного училища, он всегда рвался

на фронт, его коробило постоянное отступление, хотя он понимал, что такое отступление спасительно для армии и страны. Но все равно душа его рвалась в бой. Он писал:

«Всё понимаю, что отступление – это спасение, но душой принять не могу. Скорее бы на фронт! Скорее бы в сражение! Может наше участие быстрей остановит врага, который в моей душе ничего, кроме неприязни и ненависти не вызывает».

И когда современные демократы, оскорбляя память павших героев, кричат на всех углах о том, что этих людей гнали вперед под дулами автоматов, конечно ориентируясь по своей мелкотравчатой, корыстной, и трусливой душе; то народу, наверное, нужно понять, что такие люди не достойны права управлять страной.

– Свою награду – орден Ленина, которую Аркадий получил посмертно и свое место в списках личного состава его, Орджоникидзевского училища МВД, которое ему отдано навечно, он, конечно, заслужил всей своей жизнью и коротким, но ярким подвигом. Захоронен он в братской могиле на окраине Орджоникидзе. Кто они? – русские, украинцы? – Кто? Никто тогда не спрашивал, и пусть беснуется буржуазная пропаганда всех мастей и оттенков, общие братские могилы позовут нас вперед, к новому объединению!

Так говорила и его мать, стоя на могиле сына, как почетный гость военного училища, ещё в те Советские годы. Тогда такие люди были в почете, и никто не смел плюнуть на могилу героев.

– И таких людей, как Аркадий, в войсках НКВД было много, – будоража свою военную память, рассказывал Отец:

– Я побывал на многих фронтах и в отступлении, и в наступлении. Был свидетелем, когда в прорыв бросались и отдельные части, и целые дивизии НКВД, которые тогда назывались заградотрядами, но они закрывали, порой ценой своей жизни, прорыв немецких механизированных соединений и у стен Москвы, и под Сталинградом, и на Кавказе. А вот начавшие бытовать живописания об уничтожении заградотрядами своих отступающих частей, я не встречал нигде. Скорее всего, это были пропагандистские агитки на потребу отдельных личностей и агентов влияния, уже тогда, когда подросло поколение, не знавшее войны.

Сколько же их, надо было – этих частей НКВД, когда фронт отступал на всем своем протяжении от Прибалтики до Черного моря? Мы же отступали, и Мы же, собравшись с силами, и наступали, – с суровой решительностью вспоминал Отец, – а части НКВД, задерживая врага, давали нам возможность отойти и окопаться. Так было, в частности под Ростовом. Так было и под

Киевом, когда в Дарницкий район было введено три полка НКВД, чтобы прикрыть отход частей, оборонявших Киев. Эти части были наиболее боеспособны, даже в первый период войны, когда наши войска терпели поражения и иногда оставляли позиции без приказа. А части НКВД такого никогда не позволяли и продолжали вести бой до последнего человека, до последнего патрона. Так они и погибли в Киеве, прикрывая отход войск. И мне неоднократно приходилось это слышать от людей, которые вышли из-под Киева и потом воевали на Кавказе.

Рассказывал об этом, конечно уже гораздо позже, Отец, опираясь на данные телохранителя товарища Сталина, А. Рыбина, который, по его словам, после смерти Сталина получил распоряжение В.М. Молотова, отданное ему в одной из коротких бесед:

«Уезжай ты из Москвы и сиди где-нибудь тихо, и не вспоминай, кем ты был все это время. Пока Н.С. Хрущев у власти, он, конечно, не преминет убрать реальных свидетелей событий».

Особенно страшились властные структуры, хрущевского периода, его рассказов о готовившихся покушениях на И.В. Сталина, и как им, его охране, приходилось принимать контрмеры по защите Иосифа Виссарионовича. Все данные А. Рыбина шли в разрез официальной пропаганде утверждавшей, что всё это вымыслы связанные, якобы, с ложными страхами И.В. Сталина. А Рыбин в пику им утверждал, что в структурах органов безопасности, в начале тридцатых годов, как раз перед убийством Кирова, существовала специальная группа, ведущая активные тренировки, которая должна была проникнуть в Кремль, под видом охраны, ликвидировать И.В. Сталина и его ближайших соратников.

Так, А. Рыбин и появился в Запорожье. Жил тихо, занимался общественной работой, работал с пионерами, воспитывал молодежь. А когда изменилась ситуация и на эти темы появилась возможность безбоязненно говорить, он не только стал рассказывать эти эпизоды и воспоминания своей жизни людям, связанным с журналистикой, но и даже выступал несколько раз по телевидению. А уже позже начал издавать свои воспоминания. Затрагивал он и тему заградотрядов и действия частей НКВД.

Люди часто не задумываются над тем, что же лепит недобросовестная пропаганда. Если бы тогда были эти массовые расстрелы, кто бы шел в наступление. Но эти рассуждения были потом, а пока надо было заканчивать сбор материалов по партизанскому движению и переходить к хозяйственным проблемам. На заводах уже начали работать группы по учету разрушений и подсчету убытков и бригады по расчистке завалов.

По просьбе командования эти группы были направлены на строительство насыпи для железнодорожного временного моста через Днепр, который проходил по южной оконечности острова Хортица и был предназначен для обеспечения боепитания ушедших вперед войск.

Это был деревянный, нависший низко над Днепром мост, изготовленный из собранных военными саперами ферм. А вот на вспомогательные работы приглашали уже заводские бригады. И все считали за великую честь поработать на нужды Красной Армии.

Деньги, полученные за эти работы, по решению самих же бригад, были направлены для обеспечения фронта на имя Верховного Главнокомандующего – И.В. Сталина, и товарищ Сталин, своей рукой, направил эти деньги на строительство авиационной эскадрильи имени «Полины Осипенко».

Все эти рассказы и материалы к ним отец собирал и систематизировал. Делал он это не только, а верней не столько, для того, чтобы рассказать их сыну, или использовать в своей журналистской и пропагандистской деятельности. А как он вспоминал, – ими заинтересовался сам Л.И. Брежнев, уже позже, когда он стал секретарем Запорожского обкома и вел идеологическую работу в области. Его интересовали эти примеры героизма, местного населения, и он ими часто пользовался, когда нужно было поднять людей уже не на боевые, а на трудовые свершения.

– Так что, – задумавшись, произнес Отец.

– Мне их приходилось не раз рассказывать и Леониду Ильичу, и использовать их в своей пропагандистской работе. И дальше он продолжал, вспоминая свои брежневские беседы.

– Наши первые успехи мирного строительства начинали расти, но это никак не устраивало оставленную в нашем тылу германскую агентуру и она начала толкать к террористической деятельности, не только уголовные элементы, а и оставшиеся националистические формирования различных типов, которые немцы хорошо подготовили для подрывной работы. – Говорил Отец, анализируя весь ход событий уже в 1946 году, когда он получил серьёзную информацию, беседуя с Леонидом Ильичём о сущности событий, происходивших в наших краях до прибытия Леонида Ильича.

В центре: Брежнев Л.И. с офицерами 18-й армии перед наступлением на Житомир. С. Колонщина Киевская обл., 1943 г.

Он внимательно анализировал полученную информацию, методы борьбы с происходившими событиями диверсионного и подрывного характера. Это привлекало его внимание, невзирая на то, что их интенсивность была гораздо ниже, чем действия, происходившие во фронтовой полосе.

Эти трудности были так близки к тыловым проблемам 18-й армии, которая, пройдя мимо Запорожья, несколько выше Днепродзержинска, ушла на Киев. И тогда, как и в 1941 году, нас начали волновать события на Киевском направлении.

На этом направлении немцы перешли в контрнаступление и группа германских армий «Юг» взяла Житомир, а тревога снова закралась в сердце. И уже позже от Леонида Ильича мы узнали весь ход событий.

– Их перебросили с Таманского полуострова под Киев, штаб армии остановился в деревне Колонщина и начал подготовку к контрудару. К концу декабря, армия, прорвав оборону

противника, заняла Житомир. А, взяв в марте 1944 года, город Хмельник начала продвигаться по Тернопольской области, в направлении небольшого городка Коломыи. Этот город имел развитую инфраструктуру пригодную для подготовки дальнейшего наступления на Закарпатскую Украину.

– Действия наших войск и опыт Леонида Ильича, по взаимодействию с населением и обеспечению тыла войск на Западной Украине привлекли наше внимание, в особенности информация о том, как действовали созданные немцами из различных националистических организаций группы, которые в народе именовали бандеровскими.

В Запорожье появились, такие группы и тут же прогремело несколько диверсионных актов: на вокзале и на железнодорожном мосту. Они заложили заряд в опоры моста. Но серьезной катастрофы, подходившего к мосту воинского эшелона с боеприпасами, удалось избежать, благодаря тому, что мы перед каждым воинским эшелоном пускали два паровоза в сцепке.

Медленно продвигавшуюся вдоль моста сцепку, резко дернуло, опора просела, и первый паровоз провалился и завис над водой, удерживаемый вторым паровозом. Большая катастрофа воинского эшелона, который разнес бы всё в щепки, была предотвращена. Произошло и несколько мелких диверсий, распространение которых удалось локализовать. Расследование показало, что все концы ведут в Западную Украину. Всё это я рассказал Л.И. Брежневу в одну из наших бесед, – вспоминал Отец. А Леонид Ильич, на этот рассказ, откликнулся своими воспоминаниями.

– А у нас, в этот период, где-то в июле 1944 года из южного крыла 1-го Украинского фронта, образовался 4-й Украинский фронт, в состав которого и вошла наша 18-я армия. Я тогда ещё был в звании полковника, вспоминал Леонид Ильич.

– Взяв штурмом Коломыю, мы начали подготовку наступления на Закарпатскую Украину. Вот тут нам и пришлось взаимодействовать с местным населением, которое встретило нас радужно, как освободителей, с цветами, хлебом-солью. Но, начиная с Тернопольской области, повысилась активность вот этих «бандеровские» групп. И чем дальше мы продвигались по Западной Украине это давление, в особенности на местное население, усиливалось.

Слева. Первый ряд. Брежнев Л.И. на партсобрании 18-й армии. Западная Украина, Коломыя, 1944 г.

– Прежде всего, вспоминал Леонид Ильич, мы провели серию партийных собраний, где учили личный состав контактам с местным населением. А затем, изолировав «бандеровские» банды, начали их уничтожать, как германских наёмников – по законам военного времени.

– Налаженный контакт с населением действовал, – уверенно говорил Леонид Ильич, – оно предупреждало нас о появлении таких банд.

– Шел июль 44 года. Укрепив свои тылы, подготовив армию к наступлению и проведя учебный бой, за которым наблюдало командование армией, начали наступательную операцию. Продвинувшись к Румынской границе, взяли города Ясиня и Рахов на реке Тиса. И уже в ходе Карпатско-Ужгородской операции взяли крупный центр Закарпатской Украины город Мукачево, а за ним и Ужгород.

– Наши войска преодолели все трудности, в особенности действие террористических бандеровских групп на наше пополнение из местного населения. Это пополнение приходило к нам морально подавленным из-за опасения расправы с их семьями. Вот так мы и вышли на Венгерскую равнину. Ну а нам, – рассказывал Отец Леониду Ильичу, – этот период принес большие огорчения. Опять подернулись болью сердца, уставшие от военных потерь.

– В городе произошел крупный террористический акт. Был убит секретарь горкома партии Комаров П.Н. Петр Николаевич, был молодой, но достаточно опытный партийный работник. История его гибели вызвала гнев и возмущение всего города.

– Он решил присутствовать на партийной конференции запасного Уральского полка, который дислоцировался в городе Запорожье и располагался в так называемых Уральских казармах, – вспоминал Отец, – рассказывая подробности дела Леониду Ильичу.

– Ночная дорога, в эти казармы, была темна и проходила по высокой дамбе с крутым подъемом, ведущим на автомобильно-пешеходный мост через железнодорожные пути.

– Это место было выбрано неспроста, рядом располагался вокзал, и отсюда было легко уйти в любом направлении.

Справа налево: Колонии С.Е., Журавлев Е.П., Брежнев Л.И. Командование 18-й армии наблюдает за учебным боем. Коломыя, 1944 г.

– Конференция прошла успешно, настроение было приподнятое. Наши войска успешно продвигались на запад. И под победно звучащий радиоголос Левитана, офицеры предложили отметить эти события. Петр Николаевич согласился и в хорошем расположении духа, после небольшого ужина, сел в машину и отбыл из воинской части. Машина миновала мост и перед крутым и извилистым спуском, в свете фар, появился офицер, жестами

просящий подвезти.

Машина, мигнув фарами, под скрип тормозов остановилась. Офицер сел на заднее сидение, а его взволнованный вид, тяжелое дыхание и свирепое выражение лица не вызвали у, благодушно настроенного, Петра Николаевича никаких подозрений.

Офицер устроился на заднем сидении, и не успела машина тронуться, выхватил пистолет и выстрелом в голову убил секретаря горкома партии. Приставив пистолет к шее шофера, убийца резко приказал. – Гони!

Машину дернуло на первой колдобине, прогремел выстрел и шофёр, теряя сознание, бросил управление. Машина врезалась в угол дома и остановилась. Офицер выскочил из машины и бросился бежать, пытаясь уйти к железной дороге. Но рядом находилась военная комендатура.

– На шум и стрельбу выскочили автоматчики. Увидав бегущего человека, очередью по ногам уложили и скрутили преступника. Задержанный пытался разыграть безумного и всё время твердил, что он стрелял в немцев. Рассказывал Отец.

– Мы, конечно, подключили следственные органы и МВД и МГБ, говорил Отец Леониду Ильичу, – следствие затягивалось, но было ясно, что он немецкий агент, имеющий бандеровские корни. Дальнейшее расследование требовало экспертиз, и его положили в психбольницу на обследование.

– А тем временем весь город твердил, – вспоминал Отец.

– Агентура гестапо! – Бандеровцы! – Бандеровцы!

Слушая рассказ, как раз к этому, – Леонид Ильич добавил.

– А мы, в это время, уже завершили Карпатско-Ужгородскую операцию и готовились к переходу на территорию Словакии. Получили мы распоряжения об усилении контроля в тылах армии, в особенности после гибели, от рук всё тех же «бандеровцев», командующего 1-м Украинским фронтом, генерала армии Н.Ф. Ватутина.

Бандеровские отряды усилили давление на наши тылы. В особенности страдало мирное население в зоне наших действий. Нужно было мобилизовать офицерский состав и не только политотдела, а и всех армейских разведслужб на борьбу с этой напастью. И мы провели ряд инструктивных совещаний, с офицерским составом подготовив их, фронтовых офицеров, к деятельности свойственной спецслужбам. И после одного из таких инструктажей приступили к решительной деятельности.

В центре: Брежнев Л.И. с офицерами 18-й армии. Карпаты, 1944 г.

– Опираясь на контакты политотдела с местным населением, мы смогли ликвидировать эту угрозу, – говорил Леонид Ильич, – и приступить к подготовке наступления. Хотя немцы, да и если честно сказать, то и наши союзники, миссии которых в то время прибыли в Словакию, рассчитывали с помощью дестабилизации тыла, опираясь на это же «бандеровское» подполье, задержать наше продвижение в Словакию.

А мы, – продолжал Леонид Ильич, – к осени 1944 года расправились со всем этим бандитским сбродом, в своём тылу, и начали готовиться к переходу границы и вступлению на территорию Словакии.

К слову сказать, я к тому времени уже получил звание генерала, за успешные боевые действия, и начал изучать обстановку в Словакии. В особенности интерес представляло действие партизанских отрядов на её территории. Эти отряды должны были помочь нам преодолеть немецкую оборону. К этой работе подключался весь наш политотдел, который к тому времени представлял сильный и боеспособный коллектив.

В центре: Брежнев Л.И. с офицерами политотдела 18-й армии. Закарпатье, 1944 г.

Но, невзирая на все ухищрения противника, к концу октября мы от Ужгорода начали наступление на Требишев, уже на территории Словакии, а 31-го декабря 1944 года были уже в Михаловцах, – вспоминал Отец рассказы Л.И. Брежнева.

А Отец вторил Леониду Ильичу, ему хотелось показать, что они в тылу то же не «лаптем щи хлебали», а опасность терактов подстерегала и их. И он рассказал Леониду Ильичу историю покушения уже на него самого. Историю, так похожую на покушение на Комарова П.Н., что трудно было не сказать: «Это имеет одни и те же корни».

Леонид Ильич, как раз тогда, приступил к борьбе с преступностью в области, так что эти рассказы его заинтересовали, и он внимательно слушал.

– После похорон Комарова П.Н., продолжал Отец, – которые прошли на площади «Свободы», под звуки траурного марша военного духового оркестра, под сенью склоненных траурных знамен, народное горе выплеснулось наружу, скупой слезой ветеранов и стонами женщин. И на слова оратора.

– Сплотимся же товарищи и дадим отпор врагу! Толпа сжалась и, на едином дыхании воскликнула.

– Дадим отпор врагу!

После похорон Петра Николаевича мне пришлось взять

шефство над всё той же воинской частью, в тех же «Уральских казармах». И, в один из вечеров, я поехал проводить беседу, в эту же воинскую часть. Окончив мероприятие, отказался от угощения, несмотря на обиды товарищей, сел в машину и покинул территорию казарм.

– Только мы проехали, мост, как в свете фар появилась женщина с ребенком, которую держал под руку мужчина. Они, жестами, просили остановиться.

– Неестественная поза этих людей вызвала у меня подозрение, продолжал Отец.

– Я выкрикнул. – Гони!

Машина проскочила эту странную пару. Оглянувшись, я увидал женщину, бросившую пакет, изображавший ребенка, и стрелявшую вслед удаляющемуся автомобилю и мужчину бросавшего гранату. Граната рванула сзади, осколки посекли корпус машины, пуля, пробив заднее многослойное стекло, потеряла убойную силу и застряла в сидении. Комендантский взвод сразу прочесал местность, но ничего уже найти не смог. Они растворились в темноте ночи, оставив на мокрой дороге сверток набитый тряпьём, воронку от взрыва гранаты и несколько стреляных гильз.

Наши следственные органы начали повальный обыск всех подозрительных мест и вынудили группу покинуть город. Террористические акты прекратились. А я ещё долго ездил с пробитым пулей стеклом, напоминая прохожим об этих коварных событиях, – вспоминал Отец детали дела, так заинтересовавшие Леонида Ильича. А тем временем в местной психбольнице убийца Комарова П.Н. ещё долго продолжал разыгрывать невменяемого.

8. Черный сокол и семь кругов ада

Отец уже заканчивал свои фронтовые дела, когда к нему пришел сильно обросший человек с большой рыжей бородой, из которой торчала солома, застрявшая в её свалявшихся прядях. Он упал на колени и со слезой в голосе запричитал.

– Николай Петрович, – хоть казни, хоть милуй. Страх попутал. Меня в городе все знают. Выйду на улицу и страх тенью за мной по пятам, сейчас арестуют. Отпустил бороду, уехал к деду на пасеку, в деревню. Подпольную работу забросил, группа думала, что я погиб, и работала самостоятельно. Я никого не выдал, никого не предал. Пощади, душа болит – согрешил я. Слаб стал.

– Они видели, что человек не в себе и отпустили его домой. Так он потом и работал в деревне. Они только исключили его из партии и оставили в покое. А дед его приезжал, благодарил. И всё повторял: «Не в себе он. Не в себе».

– Дед его был человек юркий и довольно наблюдательный. Он дал много информации обо всем периоде оккупации, о действиях немцев и подпольщиков, пытаясь что-то сделать, чтобы загладить вину внука. Кстати, потолкавшись среди соседей, он дал некоторую информацию и об И.К. Балюте. О нем запрашивал штаб фронта, поскольку именно он – стал командиром партизанского отряда в Словакии. Рассказали о нем, кое-что, и его старые друзья и товарищи:

– При отступлении наших войск, в 1941 году, беспартийный рабочий, токарь завода «Запорожсталь», к тому же невоеннообязанный по состоянию здоровья, при его согласии, был оставлен для подпольной работы в качестве резерва, а друзьям и родственникам он сказал, чтобы не вызывать никаких подозрений, что его забирают в армию. Это было в августе 1941 года, когда завод начал проводить работы по подготовке отгрузки оборудования.

На заводе он работал токарем лекальщиком, в инструментальной группе, и его использование в оперативной деятельности, в 1941 году и начале 1942 года, не предусматривалось. Но по рассказам соседей, как только немцы оккупировали город, он сразу начал вести антигерманскую пропаганду, убеждая всех, что жить в германской оккупации для советского человека большой позор и, что он такую жизнь не приемлет. Призывал всех не верить в германскую победу и приступать к борьбе.

– Но вскоре он исчез, скорее всего, попал в уличную облаву

при угоне рабочей силы в Германию.

На заводе Запорожсталь, в период оккупации, работало несколько подпольных групп, производивших диверсии и саботаж, препятствуя пуску цехов, который пытались осуществить оккупационные власти.

Однако эти подпольные группы допустили ряд оплошностей и, в конечном итоге, многие из них были арестованы и погибли. Но некоторые подпольщики остались живы и дали необходимую информацию. Позже мы с этой проблемой долго не сталкивались, перешли к восстановительным работам и как-то о Балюте стали забывать.

Война продолжалась с её быстротечностью событий и сменой человеческих лиц. Балюта появился в июле 1945 года. Он приехал из Киева, пришел на приём и обратился по поводу работы. Вот тогда и начала приоткрываться завеса над его непростой судьбой, связанной с массой случайностей и роковых совпадений.

Вернулся он из Киевского управления госбезопасности, где он был задержан до выяснения обстоятельств, и сам рассказывал, что он был вызван в Киев, Украинским штабом партизанского движения, дважды. Первый раз для награждения орденом Красного Знамени, за успешное ведение боевых действий и для оформления всей партизанской документации, на него самого, и на его отряд. При вручении награды его приняли тепло и поздравили с успешными боевыми действиями!

После вручения награды он возвращается в свой отряд, который начал отражать атаки немецких фронтовых частей, брошенных на его подавление. Однако после такого славного и, можно сказать, триумфального возвращения, которое не устраивало националистические, профашистские, да и либеральные круги, по одному из каналов радиосвязи, расположенному в Словакии, в УШПД поступила радиограмма о связи Балюты И.К. с гестапо.

Эта радиограмма была передана довольно странным образом – без подписи автора и указания источника получения информации. УШПД сомневался в достоверности этой информации, подозревал, что эта радиоточка работает под контролем противника.

Специалисты считали, что эта информация, скорее, рассчитана на то, чтобы посеять сомнения в руководстве отряда в критический период его активных и, можно с уверенностью сказать, успешных боевых действий, и говорила, скорее, о начале каких-то игр иностранных разведок вокруг соединения «Чапаев», и вокруг развития всей ситуации в Словакии. Эта информация поступала в период конца августа, начала сентября 1944 года в

период обострения ситуации вокруг партизанского соединения.

Слева направо: Балюта – командир партизанского соединения «Чапаев», врач соединения Г.Я. Катрук.

По законам военного времени она должна была быть перепроверена. Поэтому его вызвали на Большую землю вторично, решили ряд оперативных вопросов по тактике отражения атак немецких войск и, объяснив ситуацию, передали в Киевское управление госбезопасности, Киевское управление проверило информацию по своим каналам. Эта информация не подтвердилась. Но поскольку фронт приближался к району боевых действий партизанского соединения «Чапаев», а соединение без своего командира попало в тяжелое положение и просило разрешение для выхода на соединение с частями Красной Армии, его оставили в управлении до прихода отрядов. После выхода отрядов, никакого компромата на него не поступило, и управление запросило у местных властей дополнительную информацию.

В это время на побывку с семьей, в город Запорожье, прибыл капитан А. Ладыгин, которого отозвали из ставки короля

Румынии – Михая, где он, в качестве одного из представителей группы советников, занимался агентурной деятельностью.

Слева направо: Э. Вейзенбауэр, Т.А. Львов, партизанский проводник, К.В. Болдеров, перед отправкой в партизанский отряд. 1943 г.

Мост, взорванный на трассе Прешов-Кысак, 1944 г.

К тому времени фашистское правительство Антонеску пало, и Румыния объявила войну Германии. Он отзывался для работы в Киевское управление МГБ как специалист по агентурной разведке на Украине.

Эту деятельность он начал ещё в 1941 году, когда работал в Кунцевском разведцентре «Анти-Сатурн», который был создан для противостояния немецкому разведцентру «Сатурн», действовавшему на центральном направлении.

Его новая деятельность проходила в конце июня 44-го года, в период краткосрочного отпуска, как раз при подготовке к уходу за линию фронта. Перед уходом он подарил на память два маленьких фото, на одном из которых написал: «Коле и Ане в дни Отечественной войны», – и добавил: «Если что – не оставьте моих родных и близких», – и шагнул в темноту ночи. И только потом, уже в 1945 году мы узнали, что это был парашютный прыжок в район Словакии.

Капитан А. Ладыгин. Перед заброской в тыл противника. Словакия, 1944 г.

Когда пришел второй запрос на И.К. Балюту – они, с капитаном Ладыгиным, как раз встречались по его семейным

делам. – Доверительно рассказывал Отец.

– Он тогда говорил и о Любови Шевцовой, члене Молодогвардейской организации. Ему приходилось заниматься её подготовкой и обучением всем премудростям разведслужбы – от составления шифровок до радиосвязи, от конспирации до того, как почувствовать и оторваться от агентурной слежки. Люба была очень способная ученица и быстро ухватывала все азы разведки.

– Она была заброшена для разведывательной деятельности на оккупированную территорию. Кстати, готовили её не долго – что-то около месяца. Многие потом говорили, что это крайне малый срок подготовки и даже пытались искать виновников такой поспешности, но, слава богу, они тогда поняли, что основной виновник это фронтовая необходимость. Да и люди тогда были отмобилизованы настолько, что усваивали материал во много раз быстрей. Так что месяц во фронтовых условиях, – скажу вам, – это не мало.

Однако её группа, по причинам совсем не связанным с подготовкой, а скорее уже с успешной деятельностью контрразведки противника, – при приземлении, наткнулась на засаду и почти вся погибла. Шевцова несколько задержала прыжок, приземлилась далеко от своей группы и тем самым избежала ареста. Потеряв связь, она примкнула к группе Молодогвардейцев. Впоследствии через линию фронта перешел человек с шифрованной запиской от неё, с просьбой дать ей санкцию на работу в группе Молодогвардейцев и такую санкцию она конечно получила.

Вот этого человека, конечно, капитана Ладыгина, Отец и попросил разобраться быстрей с делом Балюты, охарактеризовав его, как ранее преданного товарища, на которого никакого компромата просто нет.

Не знаю, помог ли Ладыгин или нет. Эти люди были не особо разговорчивы. Но после выхода отряда из окружения, никаких подтверждений версии связи Балюты с гестапо не последовало, и его отпустили домой как невоеннообязанного. Он занялся своей обычной мирной жизнью и о своей трагической, и героической судьбе особенно не рассказывал – разве что в узком кругу друзей и товарищей.

Уже гораздо позже, когда разворачивалась антисталинская пропаганда, а птенцы оттепели, всячески старались привязать любое событие к этому процессу и говорили ему, почему вы молчите, ведь вам не додали полагающейся вам доли славы и привилегий. Он скромно отмалчивался и, наконец, сказал.

– Таких как я было много и все люди, которые прошли войну, считали, что их главная награда – это жизнь, а у них есть только

одна привилегия – долг перед павшими товарищами. Это уже потом взыграли страсти, и началась борьба честолюбий.

Уже через много лет, после смерти отца, когда я пытался издать его работы, я спросил у того же А. Ладыгина уже у подполковника, заместителя начальника отдела контрразведки.

– Как же так быстро разобрались в деле Балюты. И услыхал его хрипловатый голос.

– В Словакии традиционно, в то время, была сильна английская разведка, которая имела агентуру во всех партиях и движениях, и действовала тонко – чужими руками. Мы это знали и отслеживали ситуацию. ЦРУ тогда в Словакии ещё не вошло в силу и по почерку действовало более грубо.

– Кроме того, агенты влияния английской разведки в Словацком национальном совете только начинали военную борьбу и были недостаточно опытными. Они инспирировали версию о связи руководства отряда, с гестапо, когда против партизанских отрядов в этом районе действовал Абвер и, в связи с действиями 108 дивизии СС, была подключена для агентурной работы в горных массивах разведслужба СД.

И вообще, до августа 1944 года все операции против партизанского движения и подпольной деятельности проводились словацкой полицией и службой безопасности. Только в исключительных случаях аресты проводило гестапо и убирало неугодных лиц. Я это хорошо знаю, поскольку мне, в тот период приходилось осуществлять парашютный прыжок в эти районы, а перед прыжком хорошо изучить ситуацию в Словакии вместе с моим напарником, с которым мы должны были действовать в тылах немецких войск, как заезжие коммерсанты…

– Правда, мой прыжок оказался неудачным, сели мы на условленные костры, но у этих костров нас уже ждала словацкая служба безопасности.

На каком – то этапе произошла утечка информации, где и как я не интересовался. Этим делом уже занималась контрразведка. Мне чудом удалось спастись, я завис на дереве. А в дальнейшем уходил лесами, к нашим войскам, через партизанские базы. Так что ситуацию в Словакии я знал на собственном опыте.

Да и потом, уже в шестидесятых годах в период руководства Дубчека, когда борьба в Чехословакии вновь обострилась, западная пропаганда использовала тот же метод. Поэтому их ход и не имел окончательного успеха. Уничтожив, пять-шесть человек руководства чапаевцев, заставив отряды выходить на соединение в тяжелых для них условиях, да ещё и без командира, наши союзники и германское командование проглядели главный удар Красной Армии в другом районе.

Красная Армия сломила сопротивление противника и вышла на оперативный простор, окончательно решив, тем самым, исход борьбы за Восточную Европу. Выиграв частную операцию, и германское командование, и английская разведка проиграли в целом борьбу за восточную Европу. План Черчилля отсечь Советские войска от Балкан, высадкой английских войск в Греции, с последующим их выходом на Венгерскую равнину, провалился.

– Вот поэтому, дело Балюты с самого начала было ясно для специалистов. Продержав этого человека до полного развития ситуации, его отпустили домой, как невоеннообязанного.

Когда разведслужбы, действовавшие в Словакии, поняли, что вариант опорочить Балюту И.К. не удался, и уничтожить своих политических противников руками советских органов безопасности они не смогут, они перешли к своему резервному варианту. Но этот вариант был уже вне сферы деятельности наших разведслужб и на его развитие мы уже не могли оказать никакого влияния, тем более, что ситуация начала развиваться так стремительно, что и времени на какие-то шаги уже не было, – закончил свой рассказ подполковник.

До войны Балюта был неплохим токарем-лекалыциком, но за время войны он потерял навыки и ему предложили освоить строительные профессии, организовать бригаду, способную освоить поточный метод строительства. С чем он охотно согласился. Вот тут мы и начали узнавать подробности его подлинной судьбы, которая была так сложна и запутанна, изобиловала такими трагическими случайностями, что его судьбу вполне можно сравнить с семью кругами ада.

В действительности, он был схвачен во время облавы и отправлен в Германию в качестве рабочей силы. Долгие переезды в товарных вагонах, набитых людьми до отказа, так что спать приходилось стоя. Лай собак на полустанках, когда открывались двери и в вагон вбрасывали грубую и грязную пищу. Духота и волнения за свою судьбу закончились где-то в Моравии.

В начале 1942 года его определили в рабочий лагерь, где он встретил, к своей радости, знакомого товарища из Запорожья, Володю Погорелова. Первое время, невзирая на все тяготы лагерной жизни, кормили их довольно терпимо, конечно, по лагерным нормам того времени. Германии была нужна продукция, которую они выпускали – точили продолговатые стальные детали, похожие на снарядные гильзы. У Балюты это вызывало вечное раздражение и, мало того, что он делал постоянный брак, он ещё вел разговоры о мерзости такой проклятой жизни и скорой гибели всей этой военной германской

системы. Володя Погорелов тысячу раз ему говорил: «Иван прекрати эти разговоры, ты что, не видишь – это же зверьё. Они тебя не пожалеют, упекут в концлагерь и пропадешь».

Арест не заставил себя долго ждать, его бросили в холодный, темный, как бетонный склеп карцер. Допрос следовал за допросом. Ему задавали один и тот же вопрос коммунист ли он? А он упрямо молчал. Между допросами, два громадных верзилы в серой мышиной форме, избивали его, выбивали из рук пищу, как только он к ней пытался дотянуться, и издевательски смеялись над его жалкими потугами. Так продолжалось шесть дней, которые он, конечно, не выдержал бы, если бы в щель под дверью Володя не подсовывал, по ночам, кусочки пищи. Тогда простой, черствый хлеб казался таким спасительным. На седьмой день он безразлично сказал женщине со злобным лицом, так подходившим к её серо-зелённой униформе, которая, на этот раз, вела его допрос:

– Не мучайтесь. В России все большевики. Она нервно записала в дело: «Сознался в большевизме». Бросила папку на стол. И крикнула в открытую дверь. «Следующий!» – Конвейер работал исправно.

Опять этап. Опять арестантский вагон. Опять лай собак на полустанках. Опять арестантская машина, похожая на душегубку. Пересыльные тюрьмы с камерами набитыми до отказа. Небольшая бомбежка в пути, вселившая надежду на освобождение и отмщение за все муки. Скрип тормозов и перед ним лагерь, окруженный несколькими рядами высокой колючей проволоки, с пулеметными вышками по углам. Мюнхенский пересыльный лагерь. Охрана втолкнула его в русский барак и удалилась.

На нарах сидели и лежали сумрачные изможденные люди, которые сразу, с большой долей недоверия, захотели узнать его судьбу. Его тельняшка была вся в крови после последнего избиения, но немцы проделывали и не такие фортеля, засылая в бараки осведомителей, поэтому обитатели бараков вели себя крайне осторожно. А подозрительного субъекта ночью могли и придушить. Невзирая на его незавидную участь, судьба в последнюю минуту опять посылала ему спасительный шанс. С нар поднялся человек и с криком: «Ваня. Ванюша!» – Начал его обнимать. Это был его друг детства, его сменщик на токарном станке, на котором они так дружно работали в то далекое мирное время – Шура Мозолевский. Обстановка сразу разрядилась и Шура рассказал свою историю, так похожую на его страдания.

– Когда Балюта сидел в карцере, ещё в рабочем лагере, Шура, со своим товарищем, бежал из лагеря, но их быстро поймали и отправили в тюрьму, а потом аналогичными путями он оказался

здесь.

– Это предбанник лагеря смерти, – как мы его называем, – бежать отсюда невозможно. И не только из-за режима охраны, но и местное население сразу выдаст. Они нас не только не любят, а и презирают, – сумрачно говорил он.

– Правда, здесь, рассказывают, было два случая побега. Один побег был организован на очень высоком уровне:

– Подъехала машина с людьми в форме, они вручили документы на транспортировку одного заключенного и увезли его. А потом оказалось, что это побег.

– Весь лагерь долго держали на плацу, но беглецов так и не нашли.

– Был и второй побег. Но тот заключенный ушел в рай. Команды, которые работали на земляных работах, одного заключенного присыпали землей, чтобы ночью он выбрался и бежал. Заключенных всего лагеря охрана, по своему обыкновению, держала на ногах, людей, которые с ним работали, пытали и расстреливали, но они молчали. Только к вечеру, этого бежавшего заключенного нашли овчарки, он самостоятельно выбраться не смог и задохнулся.

Но надежда у них ещё оставалась, и Мозолевский рассказал ему довольно простую тактику выживания.

– Здесь такой порядок: «Утром нагайками гонят к умывальнику, а там, кто не успел, бьют и гонят в барак, не доходя до барака, опять бьют, и гонят обратно и всё повторяется сначала. Так ты бегай посередине, не добегай и до умывальника и до барака, и останешься цел».

– Потом берегись второй процедуры. Всех выстраивают на плацу. Поднимают знамя и заставляют кричать: «Хайль Гитлер!» Кто не кричит, того избивают. А ты рот открывай, а кричать – не кричи. И голову сохранишь, и совесть будет чиста. Затем завтрак: 50 грамм суррогатного хлеба и пустой черной жижи, именуемой кофе. Потом снова издевательства – так называемая физзарядка. Людей в голом виде заставляют улечься на битый щебень и вытянуть руки. Кто не правильно лег, по их разумению, снова избивают, – с волнением рассказывал Мозолевский.

Во время этих рассказов, его спасала одна мысль о будущем отмщении. Но Шура продолжал, выводя его из оцепенения своим резким голосом:

– Затем обед – бурда из картофельного лушпая и 50 грамм такого же хлеба, а дальше работа на строительстве и ремонте железнодорожной ветки. И так, с одуряющей монотонностью, день за днем.

Надежда бежать из этого лагеря у них ещё была. И они,

подобрав нескольких товарищей, начали готовиться к побегу. Собирали на железной дороге металлические прутья, костыли для крепления шпал и делали из них заточки, готовя нападение на охрану. Прятали это оружие под бараками. Они мечтали напасть на караульное помещение, убить нескольких охранников, добыть автоматы и в побег, а там будь, что будет.

Но их ночью вызвали в караульное помещение, избили без всякого объяснения причин, и бросили ждать арестантскую машину. Конечно в голове сразу мысль, – кто-то выдал, – но тогда сразу был бы расстрел. Опять роковое совпадение. Расстрела не последовало. Их втолкнули в арестантскую машину и повезли.

Привезли их в концлагерь Дахау. Провели через строй охранников с собаками, постоянно избивая дубинками, и втолкнули во двор, где, выстроившись на плацу, уже стояла большая группа заключенных, ожидая следующей процедуры.

А дальше так называемая баня, где заключенных облили густой неприятной жидкостью, выдали старую солдатскую форму, снятую с убитых советских солдат, и заставили пришить два знака на груди. На правой стороне груди красный треугольник, а на левой – красную полосу с лагерным номером. У Балюты этот номер был – 33 763. Это означало политический заключенный 19-го барака.

Укоротили волос до одного сантиметра, простригли полосу в центре головы, отделили от группы ослабевших, которых отвезли в крематорий, и отвели в барак. В этом бараке раньше находились командиры Красной Армии. Заключенные с волнением рассказывали их судьбу.

– Зная, что их готовят на расстрел, они оказали сопротивление. Из барака не выходили, а тех охранников с собаками, кто пытался войти внутрь, уничтожали. Душили и охранников, и их собак – голыми руками.

– Они продержались без пищи шесть дней, а на седьмой день, поддавшись провокационным обещаниям, вышли во двор, где были построены и уведены в лес. Поняв, что их обманули, они напали на охрану, завязалась драка, в которой многие были убиты, но некоторые завладели автоматами и открыли огонь по охране, бой был не равный, все они погибли. Их захоронили в этом лесу, не оставив следов. Никто не знает место их захоронения.

Лагерь был построен на болоте. В это болото вгонялись десятки тысяч человеческих жизней, которые создали слой, засыпанный землей и на котором гулко отдавались шаги. Земля стонала. Лагерь был обнесен проволочной сеткой, любое приближение к которой вызывало огонь с пулеметных вышек и

неизбежную смерть. Побег отсюда был невозможен.

Балюте с Мозолевским дали работу по уборке территории. Без головного убора, весь день, под палящим солнцем они двигались по территории лагеря и собирали каждую пылинку. Балюта вскоре заболел бытовавшей в лагере болезнью, когда все тело покрывается нарывами, не только надкожными, а и подкожными и человек заживо загнивал. Иван полностью ослабел, двигался механически, держась за своего друга. Каждый шаг в лагерных деревянных колодках вызывал нестерпимую боль. Любое падение – и смерть рядом. Сразу подъедет тележка на велосипедных колесах, которую возил один из заключенных, и отвезет в крематорий.

Мучения становились нестерпимыми, и уже смерть у лагерной сетки казалась спасением. Лишь бы не самая страшная смерть, когда человека привязывают к столбу и спускают овчарок, рвущих его в клочья. И самое страшное было в том, что никто не знал, за что такая жестокая кара. Или не менее страшная смерть – привязанного к специальной раме, обнаженного заключенного засекают до смерти нагайками из бычьих жил. Иван прилег в тени за бараком с мыслью.

– Сил больше нет. Кончается ещё один круг ада, который он прошел. Набраться сил и к проволоке, а там быстрая смерть без мучений. В последнее мгновение, когда замыкался этот круг ада, судьба совпадений и случайностей вновь посылает ему спасение.

К нему подошел человек из немецких заключенных, которые имели некоторые привилегии: работали старшими заключенными на кухне, в лагерных мастерских, медицинских лабораториях, конечно, так только называемых, а на самом деле эти лаборатории вели преступные опыты над заключенными.

Этот человек представился Карлом Вебером, осмотрел Ивана, дал сигарет и хлеба и начал расспрашивать обо всей его жизни. Поинтересовался довоенной специальностью и, узнав, что он токарь – попросил держаться, обещал принести лекарства. На другой день, при построении, Карл Вебер подошел к старшему надзирателю русского барака, тоже из немецких заключенных, передал лекарство для Балюты и попросил облегчить режим.

Их старший был из уголовников, на его груди были пришиты зеленные знаки. Он был достаточно свиреп в обращении с русскими заключенными, но Вебера он послушал, разрешил Ивану остаться в бараке, лечь и лечить свои раны. Спасение нежданно начало приходить к нему. Позже он узнал, что Карл Вебер, этот плотный человек, с редкими русыми волосами, высоким лбом и благородным волевым лицом, когда-то работал со сторонниками Эрнста Тельмана и даже, как он говорил, был

сам с ним знаком, и не только знаком, а и участвовал в совместной деятельности.

Он уже восемь лет находился в заключении и, по не писанным лагерным законам, обладал большим авторитетом во всех службах, где работали заключенные. Сотрудничал Карл Вебер и с Эрвином Гешонеком, будущим известным киноактером и кинорежиссером ГДР, который там, в Дахау, был в конце 1944 года старостой 24 барака как писал, уже позже, И.К. Балюте один из заключенных Дахау М.С. Наседкин.

Аналогичным образом Гешонек подбирал и передавал в команду Карла Вебера заключенных, действуя через помощника Карла Вебера – чеха по фамилии Страк. Эта команда называлась «Прецефикс». Так работали немецкие коммунисты по спасению заключенных, переводя их в эту команду, которая давала надежду на жизнь.

Когда Балюта несколько поправился, его перевели на работы в механические мастерские. В этих мастерских работали в основном, заключенные немцы, и было несколько судетских чехов.

К концу 1942 года обстановка для германской армии на фронтах ухудшилась, мобилизация следовала за мобилизацией. Рабочих в Германии явно не хватало, и немцы начали ослаблять режим для заключенных немецкой национальности, для других он только ужесточался. Заключенных немцев стали привлекать не только для внутрилагерных работ, а и формировать команды для работы в других лагерях и лагерях на территориях заводов.

Вот в такую команду и включил Карл Вебер И.К. Балюту, вместо умершего заключенного, немца по национальности; дав ему его номер и назвав фамилию для переклички, на случай если им подробно заинтересуется охрана. Колонна построилась, прошла перекличку, миновала ворота и направилась на погрузку. Гудок паровоза, и прощай такое ненавистное Дахау. Еще один круг ада позади. Поезд набирает скорость, стучат колеса, позади Германия с её аккуратными домами и кирхами.

Если подтянуться на руках к маленькому зарешеченному смотровому окну, то по пейзажам можно определить – за окном пошла Чехия. По прибытии на место его побег выяснится сразу, хотя бы по языку. Тогда смерть. Но немецкие товарищи это понимают. Они помогают выбить решетку и выбраться на крышу. Поезд замедляет ход, и Иван скатывается вниз по насыпи. Задний фонарь мелькнул за поворотом и исчез. Теперь свобода.

Уже через много лет, в шестидесятых годах, от бывшего узника Дахау Онопченко С.Е., который, как, оказалось, был в том же 19-ом блоке, он узнает дальнейший ход событий. Онопченко

их описывает, как друг по несчастью, откликнувшийся на его беду. Его предположения были правильными. В Дахау его побег был обнаружен. После недолгих поисков лагерная охрана объявила заключенным: «Узник номер 33 763 пойман и повешен». А чех-переводчик, Пето Иванович, сказал: «Запомните, вы бараны, отсюда невозможно бежать. Ещё ни один человек отсюда не убежал. Все ваши потуги абсолютно напрасны».

Эта история в 80-х годах среди наших литературных кругов, да и не только литературных, а особенно среди тех, кто сейчас гордится своим демократизмом, бормочет о слезе ребенка и доверии к человеку – вызывала сильное недоверие и сомнения в достоверности событий и личности Карла Вебера. Причем, эти либеральные по теперешним временам круги, до настоящего времени, интенсивно распространяют версию, что всех бывших заключенных, якобы, считали шпионами и отправляли в лагеря. У них этот эпизод вызывал гораздо больше сомнений, чем в самом МГБ. В период перестройки и реформ, сменив красный халат на белый, и быстро переодевшись в новую идеологическую одежду. Став либералами, а то и монархистами, такими смешными крестьянскими – дворянами. Они перешли на другую сторону, и усиленно критикуют тех красных. И завираются порой так, что сами начинают верить, что это были не они, так называемый второй эшелон власти, а какие-то те прилетевшие, наверное, с Марса, неведомые и загадочные личности.

И уже мне самому, после внезапной смерти отца, пришлось заниматься доказательством справедливости этой, такой необычной истории. Я писал письма в ГДР, надеясь найти следы Карла Вебера. И, наконец, в июле 1980 года, получил письмо за, подписью директора Центрального партархива института Марксизма-Ленинизма ГДР, профессора, доктора Вобке, который любезно сообщал.

– Анализ архивов МВД Германии показал, что Карл Вебер в их картотеке не числится, то есть, во внутрилагерной агентуре он не состоял. Что уже говорило о том, что он человек честный. И дальше профессор сообщал:

«По результатам консультаций с бывшими узниками концлагеря Дахау, товарищами Робертом Шобером и Оскаром Хинкелем, являющимися членами комитета бывших узников Дахау, можно сказать, что они хорошо помнят Карла Вебера и подтверждают его политическую деятельность в Дахау. Товарищ Оскар Хинкель работал слесарем в мастерских концлагеря Дахау вместе с Карлом Вебером. Как утверждают оба этих товарища, Карл Вебер, в тот период, проживал в Штутгарте ФРГ и являлся активным членом Коммунистической Партии Германии.

И, наконец, письмо от самого Карла Вебера, который пишет:

– Я, в действительности был осужден в 1935 году фашистским судом за подготовку, конечно по их разумению, государственной измены и находился в заключении в тюрьме, с последующим переводом в концлагерь Дахау. Ваше письмо для меня было большой радостью, так как подтверждало мою антифашистскую деятельность.

– К моему огорчению моя жизнь, после войны, складывалась не совсем безоблачно. В 1967 году я был привлечен к судебной ответственности как один из организаторов запрещенной в ФРГ, Коммунистической партии Германии. Хотя, в пропаганде, наши послевоенные власти кричали о своем демократизме, правах и свободах человека, а на деле мне, да и многим другим вновь, как и в фашистский период, было очень туго. Я опять начал подвергаться преследованиям и ждал судебного процесса.

– Тогда на процесс приходило много писем и доказательств моей антифашистской деятельности и моей помощи, заключенным разных национальностей, в том числе и советским гражданам. Они писали: «Из всех Капо, работавших в лагерях, не многие решались помогать заключенным и спасать их от произвола и уничтожения СС, как это делал Карл Вебер. Чем он и приобрел авторитет среди честных людей». Карл Вебер подтверждал:

– В действительности, мы с товарищем Хинкелем, с 1942 года были в команде «Прецефикс». Эта команда, состоявшая из лагерных заключенных, насчитывала до 400 человек и обслуживала механический цех. Мы подбирали и переводили в эту команду, спасая от неминуемой смерти, заключенных разных национальностей. Будучи патриотами Германии, мы ещё, несмотря ни на что, были и интернационалистами. В этой команде, за всё время, было довольно много русских, около 100 человек. Фамилий штаб СС нам не давал, общались мы по именам или кличкам, среди русских было несколько человек, которых называли «Иван». Мы с Оскаром Хинкелем готовили несколько побегов.

– Была такая возможность спрятать заключенных в машинах с грузом, но эти побеги часто кончались неудачно. СС спускало собак, заключенных держали на лагерном плацу под пулеметами, и никто не знал, откуда придет смерть – слева или справа. Это делалось по одному мановению руки лагерьфюрера. Такие эпизоды как вы описываете, были у нас часто.

– Насколько были удачны побеги из этих команд, конечно, нам никто не докладывал. Если это случалось в поездах, то заключенных сильно пытали. Но после войны мне писали

некоторые товарищи, особенно из Чехословакии, что им удалось спастись таким образом. Таким человеком был Властимил Прохазка.

Но все это было потом, а пока Иван Балюта ночами пробирался по Чехии, питаясь остатками овощей на полях, на Восток в Словакию. Отношение к русским военнопленным в Чехии было почти таким же, как в Германии, местные жители часто выдавали беглецов, а кто не подчинялся этому порядку, того самого ждал либо лагерь, либо расстрел. И заключенные, прощаясь с ним ещё в поезде при побеге, советовали идти в Словакию.

В Словакии близкий язык и благосклонное отношение к русским. В её лесах уже в начале 1943 года было много беглых военнопленных. Уже четвертый день он блуждал в словацких горах, питаясь поздними ягодами и корой деревьев, которую он тщательно пережевывал, высасывая из неё все соки. Почки и молодые побеги казались такими спасительными.

Голова кружилась от голода, когда он выходил на большую светлую поляну. Зажмурившись на солнце и прикрыв глаза рукою, тряхнул головой, отгоняя наваждение. Ему показалось, что на поляне кошара для овец, он вгляделся: «Нет! В действительности, кошара», Да еще к крыше этого строения были подвязаны небольшие мешки, с уложенным на просушку овечьим сыром, который так вкусно пах, разжигая его голодные галлюцинации. Гонимый голодом, Балюта быстро взобрался на крышу кошары, запустил руку в мешок и стал жадно есть сыр. Утоляя свой голод, он даже не услыхал блеяния овец и не заметил пастухов, гнавших отару на ночевку.

– С криками: «Вор! Вор!» Пастухи начали хлестать его длинными пастушьими бичами, заставляя спуститься с крыши.

– Жандармам его! Жандармам! Отдадим его гардистам». Кричали они, перебивая друг друга. Балюта слез с крыши и взмолился:

– Не нужно жандармам. Не нужно гардистам. Ваши фашисты не лучше – немецких. Они меня убьют. Я русский. Я русский. Военнопленный. Бегу из германского концлагеря. Иду на Восток к своим войскам. Наши придут! Наши скоро будут здесь! Вы тогда ещё пожалеете. – Пастухи остановились и загомонили:

– Это русский. Это русский. Идёт к своим. Накормим его, и пусть идет подальше от греха. Пусть идет к границе.

Словаки всё поняли из его сбивчивого рассказа. Они набили ему рюкзак провизией, дали в провожатые молодого парня, который хотел навестить родственников, пасших отары в тех краях, и они отправились в путь. На польской границе их

остановила пограничная стража и на объяснение молодого проводника, говорившего о том, что они идут к родственникам, офицер стражи всё, поняв, добродушно сказал.

– По вашему истрепанному виду видно, что вы давно бродите по лесам, и никаких родственников в Польше у вас нет. Скорее всего, вы прячетесь от властей, а может быть и беглые военнопленные. Хотите сохранить жизнь – слушайте меня:

– Вернитесь назад в Словакию. Идите между Вагом и горами, вдоль Важской долины, там гораздо легче пройти и народ добрее, идите в Восточную Словакию в сторону Сельницы. В Польше вас немцы сразу схватят, а у них разговор короткий. Сразу к стенке. С проводником пришлось распрощаться, их пути расходились. И дальше в путь по ориентирам вдоль реки.

Был конец августа, когда он попал в район Кральован и, гонимый голодом, зашел в село Райков, где некоторые жители знали немного русский язык как давние выходцы из России. Вот они и были теми первыми словаками, которые отнеслись к нему тепло и радушно и, накормив его, отправили дальше в путь.

Пройдя довольно большое расстояние, Балюта решил идти в лесистые горы искать партизан. И, дойдя до одной из деревень, свернул с дороги, решив запастись пищей. Для этого подходили вареные овощи, которые крестьяне часто оставляли свиньям. Когда он набивал мешок остатками пищи из свиного корыта, в усадьбе на окраине села его заметила женщина. Из дома вышел старик, спросил пару слов по-русски и, убедившись, что этот человек русский, протянул краюху хлеба. Узнав, что Иван ищет партизан, разрешил ему жить в сарайчике на подворье и не торопиться.

– Партизаны сами найдут тебя. Это было село Бобровник, усадьба столяра Павла Романа. Вскоре к нему в сарайчик стали приходить люди, с которыми его связал хозяин. Это были люди из антифашистского подполья, большей частью словацкие коммунисты. Здесь его познакомили с владельцем сельской гостиницы Берджихом Бобровницким.

С семьёй Бобровницких у Балюты завязались дружеские отношения. Они подолгу беседовали о жизни в Союзе, о его нелегкой судьбе и один из Бобровницких, Франц Бобровницкий, предложил ему легализоваться через его организацию и пойти работать на минный завод.

Опять работать на фашистов, – да ещё делать мины. Это предложение никак не устраивало Балюту. Пособничество фашистам даже в такой вынужденной форме вызывало протест в его душе. Он настаивал на партизанской деятельности и рвался к скорому уходу на территорию Советского Союза, где он и

планировал начать свою новую жизнь. Но его товарищи убеждали.

– Туда ещё нужно дойти, в пути можно и погибнуть, а здесь ты почти у цели, подожди, скоро мы организуем отряд и начнем бить фашистов.

В это время Словакия представляла собой государство фашистского типа во главе с правительством президента Тисо. Активно действовала профашистская гардистская партия, а в этих местах господствовала молодежная организация «Глинковская молодежь», как одна из фашистских структур. В некоторых селениях, ко всему, активно действовала немецкая фашистская организация ФС (Фэйвейге Шутцстафел). Во время расистских репрессий эта организация была достаточно активна против евреев и чехов, а в особенности её агрессивность проявлялась против коммунистов. Впоследствии, многие из её активных членов ушли на Запад, а некоторые остались сотрудничать с фашистским режимом Словакии. Несколько позже, в период оккупации Германией, это сотрудничество продолжилось и с немецкими фашистами.

Словакия шла в русле Германской политики и вела Войну с Советским Союзом. Такая небольшая страна, как Словакия, отправила на Советско-Германский фронт две дивизии и несколько вспомогательных тыловых подразделений. Они находились в Белоруссии, на Украине, в Крыму. Конечно, эти подразделения активных боевых действий не вели, считались не надежными, симпатизирующими русскому народу. В их рядах были отдельные люди и небольшие отряды, переходившие на сторону советских партизан.

В среде словацкого народа бытовали старые дружеские симпатии к русским. Поэтому кандидатура И.К. Балюты была вполне подходящей для организации партизанского отряда. Коммунистическая партия Словакии, после определенных споров, тоже сочла этот момент подходящим для перехода к вооруженной борьбе и созданию партизанских отрядов.

Круг его знакомых расширялся. Он уже был знаком с семьёй Ивановских, с почтовым служащим Владо Волко из Сельницы, который представился работником подпольной коммунистической партии Словакии. В то время, Владо Волко, весну 1943 года считал слишком ранним периодом для начала боевых действий, но Ванюша, как тогда его называло его ближайшее окружение, настаивал и доказывал, что момент вполне подходящий.

И, наконец, с помощью Владо Волко, который не преминул его познакомить с нужными людьми, уже через них, он начинает

сотрудничать с представителем ЦК Компартии Словакии, бывшим летчиком, надпорутчиком словацкой армии, Людовитом Кукарелли по кличке – Мартин, который действовал под фамилией Минарович. Мартин получил среднее образование в Кошицах, где его отец работал железнодорожником. А потом учительствовал в одном из сел на Ораве. В начале войны, после окончания летной школы, служил лётчиком в Пештянском полку в звании надпорутчика и за попытку побега и подготовку к угону самолета, был осужден на два года.

Отсидев свой срок, он устроился торговым представителем фирмы по ремонту пишущих машинок, что было вполне надежным прикрытием его нелегальной деятельности. При первой же встрече он рассказывал Балюте, как был арестован за антигосударственную деятельность и бежал с этапа прямо в наручниках, которые перетер о выступы камней в горах. Именно он, хорошо знавший обстановку в этом районе и настроения людей, и был сторонником начала боевых действий в Восточной Словакии.

Мартин установил связь с товарищем Войтехом Боровским, в Ганушевцах, где Боровский был достаточно влиятельным лицом и занимал должность начальника жандармерии. Эта должность позволяла вести, довольно безопасно, нелегальную деятельность.

– Сделав много для организации партизанского движения, – как писал Владо Волко, – Боровский уже в дальнейшем, после победы, к сожалению, отошел от дел, ушел на пенсию и занялся воспоминаниями военных лет. Но пока была весна и лето 1943 года, и сотрудничество с Кукорелли и Боровским, приносило хорошие плоды. Организация дела значительно ускорилась.

Словацкие коммунисты внедряли своих людей, как в армию, так и в жандармерию. Владо Волко, быстро ставший для Балюты, не только хорошим товарищем, а настоящим другом и доверенным лицом, приводит к нему поручика жандармерии. Когда поручик появился в проеме двери, Балюта вздрогнул и для уверенности взялся за топор. В то время это было его единственное оружие. Владо усмехнулся.

– Не волнуйся, Ваня, это свой товарищ.

– Знакомься, – Йозеф Масоряк.

– Тут уже разговор переходит в практическую плоскость: где и как доставать оружие, и где организовывать первые базы партизанского отряда. И Иосиф Масоряк, и привлеченный к этой работе, несколько позже, Стефан Зуберец, из той же жандармерии, который постоянно слушал радиоприёмник и снабжал информацией своих товарищей, активно занялись работой по организации партизанского движения. Эти люди были

членами подпольной Компартии Словакии и выполняли свои функции, как подпольщики, работая в жандармерии.

Третьим товарищем в этой группе, – как вспоминал в последствии Балюта, был Ферро Спишак, работавший заместителем начальника жандармского участка в Михаловцах.

– С ним меня познакомили И. Масоряк и С. Зуберец, как со своим давним другом, в прошлом областным писарем, который учился в Братиславе и начал давать сведения для подпольной работы ещё в 1939 году. А сейчас он предоставлял много информации для отряда «Чапаев» и зачастую, непосредственно, мне самому, – с удовольствием вспоминая прошедшие годы, говорил Балюта.

– Однако, в тот начальный период нашей партизанской борьбы, его развед-деятельность, в пользу словацких коммунистов, была сильно завуалирована, и для командования партизанского отряда не все аспекты её были известны и ясны. Конечно, словацкие товарищи так ставили дело из соображений безопасности. Они считали, что обстановка в Словакии осенью 1943 году такова, что в перспективе можно вести речь о создании бригады. В лесах, и окрестных деревнях, скрывалось от властей большое количество советских военнопленных. А обстановка в народе была настолько накалена, что зародись движение и к нему тут же примкнут местные жители. Конечно, это была не только надежда на стихийное созревание ситуации, а и работа по её созданию.

Подпольщики уже подготовили две группы к вступлению в партизанский отряд. Это были 8 человек русских военнопленных скрывавшихся в разных местах и 7 человек словаков, местных жителей, готовых приступить к партизанской борьбе.

Все позиции сторонников партизанской деятельности полностью проясняются и Людовит Кукарелли, как профессиональный военный и как местный житель, предлагает расположить первую базу партизанского отряда в горах, над селом Матяшка. Справедливости ради можно сказать, что и до этого были случаи организации партизанских отрядов. В 1942 году начал действовать партизанский отряд Павла Вороша. Но тогда обстановка ещё не созрела и отряд погиб в том же году.

Для подготовки создания отряда Балюта переезжает жить к Владо Волко, где они соорудили небольшую мастерскую по ремонту оружия. Там они ремонтировали старое оружие, которое доставляли их товарищи, работавшие в жандармерии. Эти товарищи добыли и привезли Ванюше пишущую машинку для печатания прокламаций. Позже ему пересылают ещё три пистолета, винтовку С.В.Т. и знакомят с шестью проверенными

русскими ребятами. Мартин связывается с ЦК Компартии Словакии, оформляет знамя и печать, утверждает название отряда:

– Партизанский отряд имени «Чапаева».

Балюта выезжает в Ружомберк, на связь с Мосаряком, и обсуждает детали отправки оружия и людей в Ганушевцы. Деньги для создания отряда, которых могло бы хватить на первое время его существования, добыл Боровский. А организационную работу, в этом направлении, вел подпольный окружной комитет КПС, в Гуменном.

С первой группой людей, под видом рабочих, возвращающихся домой с дальних промыслов, с оружием и всем имуществом, упакованным как подарки семьям, в сопровождении Мосоряка, в своей жандармской форме, отводившей всякие подозрения от этой группы, их переправляют в Восточную Словакию.

Поезд останавливается на маленькой станции в Ганушевцах. На вокзале их встречают Мартин и Боровский со своим легковым автомобилем. Загрузив вещи в автомобиль, они отправляются к месту первой дислокации.

Беседуя с ними, Боровский представился не только работником КПС, но и работником Коминтерна, и рассказал о результатах своей встречи в Центральном комитете партии, который тогда располагался в Братиславе, и доложил о материальном обеспечении отряда и подпольных групп. Этот канал связи, со словацкими коммунистами, через товарища Боровского, действовал ещё долго. Он использовался для доставки то оружия, то людей. Эта организационная группа и была первым партизанским отрядом в Словакии.

Это потом, за славные боевые подвиги, их знамя было награждено высшей чехословацкой наградой и было помещено в Военно-исторический музей в Праге. А пока они ехали в стареньком железнодорожном вагоне, по изношенной словацкой железке, вздрагивали при появлении каждого контролера и любого подозрительного субъекта, и дальше на автомобиле Боровского, который он подогнал к их конечной станции, по незнакомым для них местам.

В одном из сел их встретил посыльный словак и отвел в лес у горы Матяшка, где уже была вырыта землянка. Недалеко от горы – в лесистой местности располагалось и село Матяшка. Этот район подчинялся Ганушевскому жандармскому участку, и все розыски подозрительных особ проходили через руки начальника участка, всё того же Боровского. Так что место было вполне надежным.

Уже здесь Ивана познакомили с людьми, с которыми ему предстояло сотрудничать в предстоящей, не легкой партизанской борьбе – Петром Бабеем и Стефаном Кубиком, который скрывался в этих местах от преследования службы государственной безопасности Словакии и одновременно вел подпольную работу, как работник четвертого ЦК Компартии Словакии. Они то и снабдили И.К. Балюту деньгами, для закупки хотя бы первых партий продовольствия, вручили ему стеклограф, а добычу оружия, дальнейшее существование и развитие отряда возложили на самого Ивана Балюту. А, тем временем, четвертый состав ЦК КПС (три состава ЦК уже были арестованы и многие товарищи погибли в борьбе) подбирал человека на начальника штаба этого отряда.

В это время Елена Грубонева, которая была на связи с ЦК словацкой компартии, связала с этим, уже четвертым ЦК, надпорутчика Кукарелли, который и был назначен на работу в Ганушевцы. Тут он и стал начальником штаба отряда и начал работать вместе с Балютой, ведя работы по организации отряда, и по обеспечению его боевой деятельности.

Первое, чем занялся отряд, как обычно бывает в таких случаях – распространением листовок. В округе начали появляться письма, информация о положении на фронтах. Во всех армейских подразделениях, на вокзалах, в местах дислокации немецких подразделений появились листовки: «Смерть фашизму!»

Партийные отделения на местах стали присылать людей, для которых партизанский отряд был путем к спасению и отмщению за все свои мытарства. Приходили в отряд и люди, бежавшие из концлагерей. В то время активно действовал лагерь советских военнопленных в Усти на Ораве, который был создан с началом строительства электростанции в этих местах в связи с острой потребностью в рабочей силе. Бежали люди и с минного завода, где работало много советских военнопленных. Бежавших военнопленных словацкие коммунисты укрывали в окрестных селах, а потом, собрав в небольшие группы и придав им проводников, отправляли в лес к партизанам. Так попала в отряд группа военнопленных бежавших из лагеря в Усти на Ораве: Г.А. Львов, К.В. Болдеров, Эдуард Вейзенбауэр, с приданым им проводником, который и вывел их на связь с отрядом.

Отряд начал разрастаться и переходил к боевым действиям, базируясь в Сланских горах. Конечно, первые акции были в наиболее простых и доступных местах, ещё пока почти не охранявшейся железнодорожной линии Прешов-Гуменнэ-Гиральтовицы, через которые следовали немецкие транспорты на

восточный фронт. И это, конечно, были акции разрушения небольших переправ и железнодорожных путей. При этом действовали группы партизан, в три – пять человек, которые наносили ущерб железной дороге и быстро уходили на базу.

Центром совещаний партизан с партийной организацией стало село Сельница и эти совещания, в большинстве случаев, проходили под руководством Владо Волко.

Так начинались действия первого партизанского отряда в Словакии. Правда, уже после войны многие партизаны спорили, кому отдать пальму первенства – отряду «Чапаев» или отряду «Пугачев», активно действовавшему в Средней Словакии, и к созданию которого так же были причастны словацкие коммунисты. В частности, Ферро Спитак, который в большей мере занимался этим отрядом, чем отрядом «Чапаев».

У истоков этого отряда, вместе с Пряшевским комитетом Компартии Словакии и с их товарищами, служившими в жандармерии, стоял – всё тот же Масоряк, принимавший участие в создании отряда «Чапаев». А в чехословацкой литературе начали появляться сведения, что какие то неведомые отряды создавались и в 1942 году. Но, как говорил И.К. Балюта: «Это уже относилось к области литературной фантастики, если такие попытки и были, то это нельзя принимать всерьез, поскольку никаких боевых действий в этой местности тогда не наблюдалось».

Но первым словацким партизанским отрядом всё-таки был отряд Яна Налепки, действовавший в составе соединения т. Сабурова на правобережной Украине и, созданный в мае 1943 г.

Этот отряд организовал бывший школьный учитель из села Смижаны, недалеко от города Спишска-Нова-Вес, который перед войной окончил офицерскую школу и служил в дивизии, которая была направлена в Советский Союз – воевать на стороне Германии.

Под влиянием идеи всемирного славянского братства и созванного, по инициативе товарища Сталина, 3-го Всеславянского митинга, состоявшегося в Москве, в солдатской среде началось брожение. И в ответ на письменное предложение т. Сабурова, Ян Налепка, во главе отряда солдат словацкой дивизии, перешел на сторону партизан и начал боевые действия в составе советского партизанского соединения генерал-майора Сабурова.

Но это было на Украине, а в Словакии начинал свои боевые действия отряд «Чапаев» под командованием Ягупова, такой боевой псевдоним взял себе Иван Балюта. Кстати, это была девичья фамилия его жены, это согревало его душу и будило

память о семье и Родине.

Первые боевые действия этого отряда носили локальный характер: нападения на продовольственные обозы и их захват, ликвидация жандармских патрулей, которые пытались арестовывать партизан при их появлении в деревнях, порча линий связи словацкой армии. Немаловажной была работа по расширению отряда. Всю работу по созданию и укреплению отряда нужно было систематизировать и привести в порядок.

В середине января 1944 года, в Сельнице у Владимира Волко, было проведено совещание партийного комитета с участием Ягупова и Мартина Минаровича. На этом совещании, после жарких споров, была установлена система проведения подпольных работ, а проще говоря, первый план с назначением ответственных за выполнение его этапов.

Возникла необходимость, для обеспечения устойчивой работы в регулярном проведении таких совещаний. Для этой цели лучше всего подходил отель «Сршено», хозяин которого был давно привлечен к нелегальной деятельности. В этом, 14-ти квартирном отеле, у него была помощница Хелена Вродзинская, которая хотя и была немка по национальности, что у многих товарищей вызывало подозрение, но все, же была привлечена в движение сопротивления. Тогда и пополз слух, что Балюта бывает там. – А не любовная ли там связь?

И даже некоторые пытались столкнуть Балюту и Кукорелли, на почве предполагаемой любовной интриги, поскольку и он бывал в этой гостинице.

В Словакии, в движении сопротивления, были кроме коммунистических групп, буржуазные небольшие группы, которые именовали себя всевозможными гражданскими обществами. Они боевой деятельности практически не вели, но подозрения и слухи сеяли исправно. Тем более, объект любовной интрижки, как им казалось, или они его преднамеренно имитировали, была немкой и её, а, следовательно, и всех, кто там бывал, было легко заподозрить в связях с немцами.

Эти слухи и у меня зародили некоторые подозрения, – писал Ф. Спитак. – Но проверка связей Хелены Вродзинской показала полную несостоятельность этих слухов. Всё это было забыто и отброшено, поскольку только мешало делу. Там же, на этих совещаниях было принято решение.

– Пополнять отряд русскими военнопленными, организовав побеги из лагеря в Усти на Ораве и, обеспечив их перемещение к месту назначения, добиться роста отряда. Это поручили Владимиру Волко и Елене Грубоневой.

– Оружие решили складировать у Владимира Волко, в

Сельнице. Пленных на вокзал отправлять ему же, а дальше, к месту назначения, Иосифу Масоряк. Связь по всем возникшим вопросам и получение необходимой информации держать через Войтеха Боровского. С Мосаряком встречаться на вокзале в Левочи. Это и была первая партизанская организационная инфраструктура, которая потом расширялась и развивалась.

Осваивая весь канал прохождения информации, доставки людей и оружия, а также изучения ещё не знакомой для него обстановки, Ягупов приехал для сопровождения одной из групп военнопленных на вокзал в Левочи. Прибыл он как раз тогда, когда там появился со своей свитой, уверенный в себе и действовавший с большой помпой, руководитель словацких гвардейцев, фашистской организации Словакии. Ему и в голову не могло прийти, что под прикрытием его встречи на вокзале, Ягупов и Масоряк будут переправлять в отряд группу военнопленных.

Но эти операции серьёзного урона противнику не наносили, и в штабе отряда возникает мысль повреждения стратегических линий связи германской армии, а это, в основном, подземные кабели, вот это-то и могло вывести фашистское командование из равновесия. Где они, как найти места их расположения и трассы, по которым они проходят? В то время в отряде серьёзной агентурной разведки не было. Но Балюта, а тем более Кукарелли, знали, что люди партии, работающие в жандармерии, могут иметь такую агентуру и обратились в партийный комитет через Влада Волко, об оказании помощи в таком тонком деле, как налаживание агентурной разведки.

Им выделили курьера для связи, через которую они должны были получать информацию, Розалию Зарембову. Эту работу она делала раньше для подпольщиков партии, а теперь ей поручили и нарастающее партизанское движение. Каким путем добывалась эта информация, партизаны не знали. Их ознакомили только с внешним источником информации.

Получив сведения о месте прохождения кабеля, партизаны почти беспрепятственно разрушили подземный кабель, который соединял командование Южной и Северной группировок немецких войск, находившихся на Балканах, и ликвидировали важную связь между Белградом и Варшавой. Операция прошла успешно, без потерь, поскольку эти линии связи, в то время, почти не охранялись. Но главной задачей, все-таки, была линия Берлин фронт.

Такая эпизодическая агентурная связь а, следовательно, и информация, отряд больше не устраивала. Нужно было иметь человека и место, куда в любое время, при подготовке операции,

мог заходить партизанский посыльный. Конечно, об установлении такой агентурной связи партизаны что-то знали, а для меня этот вопрос выяснился, когда после смерти И.К. Балюты и моего отца, я старался узнать все тонкости агентурной деятельности, поскольку, не зная их, трудно было отбросить все наветы на И.К. Балюту и остальных руководителей отряда. И я написал письмо Генеральному секретарю ЦК КПЧ и Президенту ЧССР, товарищу Густаву Гусаку. И получил несколько ответов от довольно информированных товарищей.

Особое внимание привлекло письмо Ферро Спишак, который сообщал, что в то время он работал заместителем начальника жандармской станции в Ружомберке, а впоследствии в Михаловцах и входил в нелегальную тройку работников жандармерии. В то время и жандармерия, и служба безопасности, не желая брать на себя вину за начавшиеся партизанские акции, сообщала в Берлин, что партизан в Восточной Словакии нет, а есть отдельные беглые военнопленные Красной Армии, которых нужно изловить и тогда прекратятся эти случайные акции.

Из Берлина был получен ответ об усилении охраны линий связи. Для получения более детальной информации, необходимо было иметь своего агента в самой службе государственной безопасности Словакии. И в этом вопросе помог случай – сама служба безопасности вербовала агента среди жандармов, чтобы иметь второй канал информации о действиях партизан.

И когда их агенты предложили эту работу Ф. Спитак, он, получив соответствующее задание от партийного центра, дал согласие на такую деятельность и стал выполнять довольно трудную функцию, если не тройного – то двойного агента.

Руководством жандармерии были предложены меры охраны линий связи пешими и конными двойными патрулями, для чего необходимо было знать трассу залегания кабеля и расположение ретрансляционных усилительных пунктов, с которыми служба безопасности ознакомила своего агента Ф. Спитак.

Для связи с Требишовом, где жила Розалия Зарембова, Ферро стал использовать свою супругу Антонину Спитак, которая, конечно, не без некоторых опасений, согласилась с таким занятием. А для организации пункта постоянной агентурной связи был использован дом в Гуменном одного из активных работников КПС, товарища Ладислава Сабо. Он разработал оригинальную систему связи, основанную на световой сигнализации, которую осуществляла его жена. Она же и подавала ему соответствующие сигналы, при чьём-либо появлении. В соответствии с этими сигналами он выходил на тот или иной вид связи или вовсе скрывался. А информация к нему

поступала по разным каналам: от партийных работников, через жандармерию и через Антонину Спитак.

Наконец, используя **этот** канал агентурной разведки, через который шел контакт с подпольем, партизаны получили данные о трассе залегания немецкой кабельной связи Берлин – Фронт и о характере её охраны. Выследили охрану, двигавшуюся вдоль трассы, на открытой местности, на велосипедах. Охранники вели в руках велосипеды и не успели ойкнуть, как были уничтожены ножевыми ударами, якобы случайно, шедших им на встречу крестьян. А двигавшийся к ним в лесу конный патруль был уничтожен двумя выстрелами из засады. Партизаны заминировали ретрансляционную станцию и кабель в нескольких местах и подорвали их. Этот участок линии связи, Берлин – Фронт, надолго вышел из строя.

И Балюта занялся увеличением численности отряда. Для чего велась пропагандистская работа, как с бежавшими из плена советскими военнопленными, прятавшимися по лесам, так и с местным населением. Немецкая пропаганда трубила, что всех кто побывал в немецком плену, ждет только одно – расстрел. И якобы сам Сталин сказал, что все пленные – это изменники Родины. К сожалению, эта пропаганда бытовала не только во время войны, но и в огульный антисталинский период шестидесятых годов, да и сейчас активно муссируется некоторыми либеральными кругами. Но уже тогда, в конце 1943 г., командование Красной Армии было заинтересовано в развитии партизанского движения, как в Закарпатье, так и в Словакии, и не допускало такого огульного подхода.

Иван Кононович не раз вспоминал это, уже в мирное время, когда он находился на излечении в одном из запорожсталевских профилакториев. У него начались боли в ногах, сказалось военное лихолетье, и мне там довелось с ним встретиться, помогая отцу в его журналистской деятельности.

Вот тогда я услыхал его возмущенный голос:

– Ну, зачем они всё опошляют, мы не только доверяли военнопленным, конечно, после соответствующей проверки, а и развивали отряд за их счет. И, конечно, это происходило не без соответствующих инструкций из центра. Жизнь была гораздо сложней их пропагандистских взглядов. Для такой проверки мы стали использовать работников фирмы со звучным, в тогдашней Словакии, и довольно распространенным названием «Герман Геринг».

Герман Геринг, ко всем своим регалиям, был ещё и главным лесничим фашистской империи и имел ряд фирм в лесах Европы.

А эта фирма обжигала и заготавливала древесный уголь, и её

люди легально находились в лесах вокруг громадных штабелей дров, подлежащих обжигу. Как раз многие из этих людей охотно шли на сотрудничество с партизанами и к ним, для проверки и наблюдения можно было устроить на работу людей, прибывавших в леса и скрывавшихся от преследования властей, или беглых военнопленных. И как бы у меня ни вызывала ненависть эта фирма, распустившая свои щупальца по всей Европе, она была удобным прикрытием нашей агентурной деятельности.

– Сурово и поучительно объяснял сам Балюта суть происходивших событий.

По мере приближения фронта была дана установка – советским украинским партизанским отрядам, имеющим возможность манёвра, перемещаться на Запад, на Правобережную Украину, а впоследствии и в район Словакии.

В зоны будущей дислокации этих партизанских отрядов Советская авиация сбрасывала листовки, на которые и ориентировалось руководство партизанского отряда «Чапаев» в своей агитационной работе.

На самом деле, подход к военнопленным был весьма дифференцированным. Если солдат или офицер, попав в окружение, будучи вооружен, использовал в качестве пропуска немецкую агитационную листовку, добровольно сдавался в плен – такой солдат считался предателем. Если человек попадал в плен, будучи раненым, или уже истощенным, без боеприпасов и возможности оказать сопротивление, то к таким военнопленным было совершенно иное отношение. И для всех бывших военнопленных существовало одно – искупление вины участием в борьбе. Как говорили и требовали тогда партизаны, взявшиеся за оружие: «Искупление вины кровью».

Это впоследствии стало модно кричать.

– Вот, дескать, не гуманное отношение к бывшим военнопленным.

И тогда, да и сейчас, отношение во всех воюющих армиях к сдаче их солдат в плен было отрицательным и предусматривало наказание. А когда вопрос стоял о существовании страны, да и самого народа, этот подход был вполне рациональным. И партизаны в своей пропагандистской работе с различными группами военнопленных, прятавшихся по лесам, использовали этот подход.

– Вы тут прячетесь, не идете в отряд, не ведете боевых действий, а только мародерствуете. Вас за это ждет суровая кара. Вы должны искупить вину кровью. И это имело воздействие, даже на самых упрямых и уже деградировавших, от лесных шатаний, людей.

И пример партизан, и эта агитация имели влияние, и отряд начал быстро расти, приобретая уже серьёзную силу. Прибывали в отряд и небольшие группы самодеятельных, плохо вооруженных партизан, которые в окрестных селениях и лесах искали встречи с отрядом. Направление движения им указывали деревенские старосты, связанные с подпольем, а в лесах были заставы, которые под видом лесорубов сидели у костров, встречали такие группы и, после определенной проверки, отправляли в отряд.

Так попала в отряд группа Моисеева и Задонского. Оказывали содействие и лесники, которых удалось подключить к агентурной деятельности. Эта деятельность у них была успешной, ввиду их служебного положения и легкой связи с ними в лесу, незаметно от органов безопасности. Около Вранова, в деревне Рудлево, такую функцию выполнял лесник Езэф Хомичко, он был и связной, и фуражир, и разведчик, и партизанский резидент. И ему удобно было общаться с беглыми военнопленными, бродившими по лесам.

Отряд уже приобрел силу и начал вести боевые операции по ликвидации жандармских участков и захвату складов с оружием словацкой армии. Словакия, в тот период, была воюющей с СССР страной. При всех противоречиях словацкого общества и его профашистского режима, она была ещё не оккупирована немецкой армией. На территории Словакии свободно действовали немецкие разведслужбы и гестапо. В Словакии была создана организация по типу гестапо, государственная безопасность и полувоенное государственное формирование – «Глинковская гвардия». Через Словакию шли транспортные пути германской армии и располагались некоторые воинские контингенты. Поэтому, в этот период, партизаны нападали на немецкие обозы и транспортные колонны, добывая оружие и продовольствие, и вели борьбу со словацкой жандармерией. Но к местному населению отношение партизан всегда было хорошим. Как вспоминал один из весьма активных партизан – Львов Г.А.:

– С нашей стороны, по отношению к словацкому местному населению, никогда не допускался произвол или применение оружия. Наиболее сознательным крестьянам мы оставляли короткие записки с благодарностью за оказанную ими помощь. В одной из таких операций мне и моему командиру Смирнову, с помощью соседнего отряда, удалось захватить немецкий обоз, заготавливавший продовольствие для немецкой армии. Такой большой обоз тяжело было доставить в расположение отряда и часть продуктов мы отдали местным крестьянам, уже став их защитниками от немецкого произвола.

В результате таких акций взаимопомощи, у партизан

установились с местным населением дружеские отношения. А сам Смирнов вспоминал, что, командуя хоз-взводом и ведя заготовки продовольствия, они, однажды, увидали на дороге немецкий обоз, охраняемый пятью солдатами, остальные ездовые и обозники были поляки и пленные русские. К концу 1943 года, потерпев ряд крупных поражений на фронтах, немцы начали использовать на вспомогательных работах не только поляков, но и советских военнопленных.

Желая захватить продовольствие, мы напали на обоз, уничтожили немецкую охрану, разогнали поляков, не оказавших существенного сопротивления. Они только что-то бормотали о семьях, которые немцы могут расстрелять. Наши военнопленные сначала осторожно, а потом всё с большим доверием, в особенности, когда мы им предложили идти с нами, начали помогать. Этот обоз, к нашему удивлению, оказался не только с продовольствием, но и с боеприпасами. С таким грузом мы бы конечно не справились, но с помощью военнопленных, навьючив лошадей, мы привезли весь этот груз и пополнение в распоряжение отряда. И получили благодарность нашего командира, который тогда работал под кличкой Ягупов, и под этой кличкой был известен всем новым партизанам. Истинное положение дел знали его словацкие товарищи.

Вокруг него, постоянно участвуя в боевых операциях, выросло ядро руководителей отряда. Отряд уже расширился настолько, что его можно было разбить на два отряда, которые в обиходе партизаны называли ротами. Как раз тогда в отряд прибыло два офицера Красной Армии, один из которых был сбитый немецкой зенитной артиллерией летчик Александр Новиков. Вот их и назначили командирами рот, используя их боевой опыт.

Вокруг И.К. Балюты формируется группа офицеров. Это Александр Лунев – офицер Красной Армии, ставший впоследствии комиссаром отряда, Анатолий Митяев, который стал командиром отряда имени «Богуна», когда уже образовалось соединение. Оба они бежали с минного завода и прошли проверку боем, прежде чем получить право командовать подразделениями. Такой же путь прошли и комиссар отряда имени «Щорса» Николай Курачев, начальник разведки Михаил Цепков и другие.

– После такого успешного роста, проведения ряда смелых операций, и взрывов на железной дороге, во всех окрестных отрядах и группах, ещё к тому времени не примкнувших к отряду «Чапаев», начал расти авторитет Балюты. Его тогда называли – Иван Черный, а по мере роста авторитета – Черный Сокол, но всё-таки официальная его кличка, которую он признавал в тот

период, была – Ягупов.

Им был проведен ряд операций по уничтожению жандармских патрулей, которые уже опасались арестовывать партизан, но все равно вели активную слежку. А после пропажи обоза с боеприпасами, гестапо стало требовать от словацких властей, как доносила разведка, проведения армейской операции по уничтожению партизан. Но партизанские акции продолжались, и это всё больше и больше вызывало тревогу у словацких властей. Акции осуществлялись согласно директивам, полученным от Войтеха Боровского. Он связался с ЦК КПС, встретился с Каролом Шмидке, обсудил с ним сложившуюся обстановку, доложил о начавшихся действиях Словацких властей и получил дальнейшие указания. Конечно, чтобы осуществить полученные директивы, ему нужно было задействовать всех партизанских командиров. Для чего он смог организовать в Ганушевцах, ещё ранней весной 44-года, совещание партизанских командиров и нелегальных работников движения; и выработать с ними тактику развития движения и осуществления полученных директив.

Многие словацкие руководители партизанского движения считали, что нападение на жандармские патрули излишне, поскольку надо создавать народный фронт и привлекать словацкую армию, да и жандармерию, на свою сторону. Но пока это были только разговоры, никакого приказа или решения комитета не было. Словацкая армия, пока, была на стороне Германии, слежка за партизанским районом шла активно, и отряду приходилось принимать контрмеры. Да и как говорил сам Балюта:

– И армейские подразделения, и жандармерия становились сговорчивее, когда чувствовали силу партизанского движения.

Кроме того, с осени 1943 года, в Виравских лесах начал действовать отряд имени «Пугачева», и немцы и словацкие службы безопасности усиливают свою агентурную деятельность против партизан. Внедряют множество агентов и информаторов, а также усиливают воинские и полицейские подразделения. Действия спецслужб активизируются.

Президентом Словакии тогда был Иосиф Тисо, который был членом фашистской партии и действовал их методами. Он создал сильную полицию, имевшую хорошо разветвленную агентуру. Тисовская полиция уже арестовала четыре состава ЦК КПС, а уже 5-й состав – начал подготовку к восстанию. Так что обстановка создавалась не совсем благоприятная. Это потом, уже в период Словацкого национального восстания, всем сторонам удалось прийти к соглашению, а пока шла взаимная борьба и не только различных словацких политических сил, а и различных разведок,

в особенности английской.

Однажды Балюту вызывают в Ганушевцы для встречи с важными людьми. Это его несколько насторожило. Успехи партизан вели к увеличению количества раненых, за которыми нужен был постоянный уход, а присутствие врача в отряде обеспечить было тяжело, и раненых начали размещать у крестьян, в селах. Как раз, в Ганушевцах над Топлей, у Алжбеты Молиторис лежали раненные партизаны. И Балюта боялся, что он может засветить эту точку. Здесь же находился и врач отряда Г.Я. Катрук, с которым тоже надо было встретиться, чтобы передать ему связи в медицинских учреждениях для получения соответствующей помощи.

Масоряк по каналам связи передавал, что необходимо получить в армейской больнице, у Яна Цимермана, набор необходимого хирургического инструмента. Кроме того, необходимо было встретиться и с врачом, выдававшим нужным для партизан людям справки о нетрудоспособности, страхуя их от угона в Германию или привлечения к работам на немецкую армию. Этого врача, эту смелую словацкую женщину, хотелось привлечь к организации медицинской службы отряда.

Но его визит, к счастью, был в другой части Ганушевец и для места расположения раненых партизан прошел незамеченным. Как раз в этот вечер по радио выступал министр внутренних дел прогерманского Тисовского правительства Шаньо Мах, который заявил, что партизан на территории Словакии нет, беспокоиться ни правительству страны, ни германским союзникам нечего. Есть отдельные бандитские группы, в основном бежавшие из плена русские, и словаки должны помочь их переловить и уничтожить. А сам Шаньо Мах, по указанию господина Йозефа Тисо, совместно с министром обороны генералом Ф. Чатлашем, действовавшим заодно с германскими спецслужбами, приступил к подготовке армейской операции по уничтожению партизан. Это потом уже в 1945 году Иосиф Тисо не избежал наказания за все свои злодеяния и был казнен по приговору суда, а сейчас, в период развития партизанского движения, он был в полной силе и принимал все меры для уничтожения партизан, опираясь, конечно, на помощь немецких спецслужб.

В этот же вечер состоялась встреча с господами, которые отрекомендовали себя патриотами и предложили ему лететь в Англию, за оружием. Стало ясно, что от него хотят либо избавиться, либо перевербовать на сторону английской разведки.

Тем более что в Лондоне находилось правительство Чехословакии в эмиграции, и сам бывший президент Э. Бенеш. При этом с этими людьми его свели представители, называвшие

себя и патриотами, и коммунистами. Ему стало ясно, что это агенты влияния, и что начались игры различных сил в борьбе за контроль над партизанским движением. Балюта, конечно, отказался и сообщил, что партизанское движение уже переросло чью-то волю и манипулировать им уже никому не удастся. Как он установил позже, это были представители словацкой буржуазии, начавшей проявлять активность на фоне роста партизанского движения. Эти круги были связаны с эмигрантским правительством и готовили военный переворот, чтобы захватить власть до прихода Красной Армии и не допустить советские войска в Словакию.

Кроме того, они пытались создать условия для приезда в страну Эдуарда Бенеша, который планировал прибыть в Словакию из Лондона и приступить к осуществлению своих функций, если не президента – то руководителя готовящегося восстания, или армейского переворота. В своих действиях Бенеш недооценивал сложившуюся обстановку, в особенности, возможные меры германского командования, которые оно сразу же предпримет для его ликвидации. В конечном итоге, британская разведка Сикрит-Интелейджис-Сервис вразумила его, и он отказался от этих планов.

Поняв всю сложность создавшейся ситуации, И.К. Балюта поспешил в отряд и срочно предупредил партизан, чтобы они улучшили отношение к словацким крестьянам. Отдал приказ не разоружать солдат словацкой армии, поскольку могут пострадать их семьи. Дал указание временно прекратить нападения на жандармские участки и написать письмо крестьянам, что разрешается беспрепятственно в лесу заготавливать валежник и рубить дрова. Он ориентировал всех командиров подразделений на достижение самой широкой поддержки у населения, но и одновременно, приказал усилить партизанские акции.

Отряд к тому времени перешел к тактике маневрирования, и уходил из опасных зон возможного нанесения удара противником в Сланские горы, где Ягупов, использовав информацию Боровского о действиях службы безопасности, заложил вторую базу отряда ещё в марте 44 года.

К этому времени Красная Армия подходила к Дуклинскому перевалу в Карпатах. Это был кратчайший путь не только в Чехословакию, но и на Венгерскую равнину, где советские войска могли соединиться с войсками, уже изгонявшими оккупантов из Румынии, и немцы усиливали оборону на этом участке фронта.

Из донесений разведки стало ясно, что между деревнями Ставник и Бенедиктовце пройдет немецкая автоколонна с минометами и боеприпасами. Этот груз направлялся к

Дуклинскому перевалу. Штаб партизанского отряда запланировал операцию на участке дороги, проходящей у горы, возвышающейся над поляной, в лесистой местности, спланировав нападение с трёх сторон.

Две группы партизан, расположенных на правом и левом фланге участка, с двух сторон перекрывают дорогу и подрывают крайние автомашины. В это время центральная группа, ведя огонь на уничтожение охранения, наносит удар по центру колонны и, деморализовав противника, захватывает автоколонну.

Появилась немецкая автоколонна, которая состояла из десятка грузовых автомашин и одной легковой, с офицерами. В этой операции участвовала, дополнительно усиленная ударная группа Николая Курачева, в количестве около тридцати человек. Происходило это где-то поздней весной 1944 года.

Партизаны первой группы залегли у дороги в небольшом овражке, поросшем кустарником. Когда машина поравнялась с засадой, на дорогу выскакивает Курачев и огнем из автомата уничтожает офицера, так не осторожно ехавшего, в открытой легковушке, не предвидя опасности. Машина делает резкий поворот и переваливается в кювет. Партизаны начинают обстрел колонны со всех сторон.

Части немцев удается выскочить из машин и открыть ответный огонь, несколько очередей дает счетверенный немецкий зенитный пулемет, установленный на одной из машин. Но огнем центральной группы пулемет уничтожается. Истребив большую часть немецкого отряда прикрытия, партизаны подожгли машины, забрали раненых товарищей и ушли в лес, а за их спиной раздавались один за другим мощные взрывы – рвались боеприпасы.

В этом бою было уничтожено до 30–35 немецких солдат, но партизан постигло несчастье погиб командира роты Саша Новиков. А.Р. Новиков, летчик – стрелок-радист полка бомбардировочной авиации, самолет которого был сбит, а он попал в плен в бессознательном состоянии. Из плена ему удалось бежать и продолжить борьбу в отряде, но этот бой для него оказался роковым – последним боем, который он провел – смело и решительно. Бой уже затих, и Саша бросился к легковой машине забрать документы убитых немецких офицеров. Такие документы для армейских и фронтовых разведок всегда были желанной находкой. Не успел он выхватить документы, как уже, казалось бы, из затихших кустов раздался сухой отрывистый щелчок. Саша неестественно вскинул руки, развернулся и побежал в кусты на звук выстрела.

Так мы и нашли его в кустах, в 50-ти метрах от дороги. Он

лежал с каким-то одухотворенно спокойным лицом, казалось, что он спит. Но пульса уже не было. Его смерть стала легендой для местного населения. Похоронили мы его в местечке Градишко.

– Вспоминали его боевые товарищи. В этом же бою был ранен и спрятан у местных жителей партизан Ян Юрканин. Но он был выслежен местными фашистами и замучен в жандармском участке, – вспоминал уже позже, участвовавший в этих боях партизан – Ян Пажер.

Но, партизаны отомстили за своего товарища. Отряд из 18-ти партизан напал на этот участок в Шаришском Ставнике. Партизаны разгромили участок, который так зверски поступил с их товарищем и в котором велись расстрелы подпольщиков и местных коммунистов. И провели акцию возмездия, охладившую пыл местных фашистов. В этот же день была устроена авария поезда на железной дороге.

После этой акции командование противника решило начать активные действия с помощью словацкой армии. И.К. Балюта делает упреждающий тактический шаг. Он отправляет письмо командиру дивизии полковнику Маркусу и в угрожающих тонах предупреждает, что если дивизия предпримет что-либо против партизан, она будет уничтожена приближающимися советскими частями и по ней будет нанесен ответный авиационный удар. Такое письмо оказало существенное влияние, словацкая армия остановилась в нерешительности, акции против партизан не последовало.

В это время, где-то с середины мая – по июнь 1944 года, правительство решает укрепить спецслужбы в Восточной Словакии и усилить борьбу с партизанами. С этой целью, из Средней Словакии, переводят в Восточную Словакию – судетского немца, активного сторонника фашистского режима, накрепко связанного со службой безопасности и немецкими спецслужбами, подполковника И. Дреслера.

Положение Ф. Спитак усложняется. С него начинают требовать подробные данные о расположении партизанских отрядов, состав членов окружных комитетов КПС и даже состав ЦК КПС. А его свободные поездки, которые давали ему возможность связи с партизанскими командирами, берутся под контроль. И вообще, вопрос ставится так, что отсутствие данных будет расцениваться не только как служебное несоответствие, а и как нелояльность к режиму, с вытекающими отсюда суровыми последствиями. И на некоторое время он теряет возможность поставлять информацию отрядам, в то время как державная безопасность усиливает свои провокационные действия против партизан.

В Пряшев, по приказу министра Маха, в распоряжение подполковника Дреслера, передаются отдел державной безопасности, сильная воинская часть, и отряд разведки. Но Спишак находит выход. Он поручает ведение этой работы своим подчиненным, а сам, связавшись с некоторыми членами ЦК, сливает своим подчиненным некоторую устаревшую информацию, приобретая, тем самым, новый авторитет у своего начальства. И предлагает державной безопасности свои услуги в разработке шифра для связи с агентами, и ключа к его расшифровке, получая, соответственно, доступ к информации о действиях против подполья и партизан.

Пока Спишак улаживал свои дела, правительство применило ответный маневр против партизан. Командиру отряда вновь была предложена встреча с представителями патриотических сил, якобы для организации совместных действий. На этот раз И.К. Балюта назначил встречу в лесу, на поляне, у поваленного дерева, рядом с тремя дубами. Проверив местность и выставив тайное охранение, Балюта решил на встречу идти один, оставив вместо себя начальника штаба.

Сдвинув на бок маузер, которым он любил пользоваться в последнее время, и, спрятав пистолет в карман, он направился к трем дубам. Переговорщики, как и условились, пришли без охраны. На этот раз разговор был откровенный. Они сообщили, что являются английскими разведчиками и представляют английское командование, и напрямую предложили деньги, автомашины, оружие и полное покровительство британской разведки, если И.К. Балюта уведет отряд из зоны его действий в Восточной Словакии, в Венгрию.

В то время Черчилль, хотя уже и не надеялся склонить Рузвельта к открытию Второго Фронта на Балканах, но продолжал готовить операцию английских войск в Греции, и делал попытки отсечь проникновение советских войск в Словакию, которая была удобной базой для развёртывания действий Красной Армии во всей Восточной Европе. Балюта всё это отлично понимал. Советские войска стояли у Дуклинского перевала. ЦК Компартии Словакии вело работу по объединению всех сил для организации национального восстания, и он дал решительный отказ визитерам. И срочно поспешил в отряд готовить ответные действия и новые удары противнику.

В отряде командир и начальник штаба долго сидели над картой, изучая самые уязвимые для немцев места. Такими местами для немецкой транспортной сети, были три больших железнодорожных моста. Если их взорвать одновременно, то германское командование, на некоторый период, потеряет

возможность маневра.

В боевых операциях по подрыву мостов у деревень Косталанач и Обишовце, самым трудным был подрыв Косталаначского моста. Сложную задачу, бесшумно снять часовых и захватить охрану моста в караульном помещении, нужно выполнить стремительно. Для осуществления этой задачи была сформирована штурмовая группа из четырех человек, которую должен был поддерживать отряд прикрытия. И, как вспоминал партизан Львов Г.А.:

– Выскочив из-за насыпи, стремительным броском, снимаем часовых, врываемся в караульное помещение. Охрана, не успев схватиться за оружие, поднимает руки. Быстро переодевшись в немецкую форму, выталкиваем вперед, под дулами автоматов, разводящего немецких караулов, и с его помощью снимаем часовых на мосту, закладываем мины, поджигаем бикфордов шнур и начинаем отход. В это время охрана из другого караульного помещения, на второй стороне моста, открывает огонь. Но под автоматным огнём по немецким караулам нашей группы прикрытия, мы отходим в лес. За нашей спиной гремят взрывы.

– Взрыв Обишовского моста происходил более дерзко. К мосту подъехали днем на машине. Ничего не подозревавшая охрана была сразу уничтожена. Это дало нам свободу действий и возможность, до подхода немецких подкреплений, тщательно заминировать мост, собрать трофеи, погрузить их на машину и, отойдя на безопасное расстояние, взорвать мост.

Но ещё оставался мост Прешов-Кысак, через который немцы могли организовать обходной поток грузов. Для взрыва этого моста партизаны используют, всё ту же тактику внезапного удара, который уже отработан до совершенства и действует безотказно. Командир отряда, Ягупов, приказывает: «Взрывчатки не жалеть и взорвать мост так, чтобы его восстановление затянулось надолго». Многие партизаны вспоминали так запомнившийся им этот боевой эпизод и, дополняя друг друга, рассказывали.

– А взрыв моста Прешов-Кысак был такой мощный, и в него заложили такое количество взрывчатки, что разбросанные железобетонные глыбы ещё долго поражали воображение местного населения.

Особое внимание Ягупова, да и всех партизанских организационных групп, действовавших в районе Кошице-Кысак-Маргецаны, привлекала железнодорожная ветка, проходящая через этот район. Эта линия имела стратегическое значение, по ней проходили эшелоны, везущие войска на Восточный Фронт, а назад шли тяжелые составы, которые, натужно гудя, доставляли в

Германию награбленное имущество и промышленные материалы. В общем, на этой линии было произведено около 50-ти больших и малых акций.

Самая крупная операция была проведена по разрушению железнодорожного узла и станции Маргецаны, расположенной на слиянии рек Горнад и Глинец и имеющей важное транспортное значение. В Маргецанах располагался немецкий военно-транспортный отдел, курировавший поставки военного оборудования. На станции располагалась, и работала под усиленной немецкой охраной, группа советских военнопленных. Балюта и Кукарелли долго планировали эту операцию. Станция Маргецаны, была большим железнодорожным узлом, на котором одновременно работало от 6-ти до 10-ти маневровых и рейсовых паровозов. Их взрывы нужно было произвести так, чтобы надолго вывести этот участок железной дороги из строя, а как это сделать, если в отряде имеются только двухсотграммовые толовые шашки.

– Паровоз – это довольно большая металлическая махина, чтобы ему причинить невосполнимый урон, – говорит Мартин. На что Ягупов отвечает:

– А мы будем подрывать котлы паровозов, и без котлов они уже не сдвинутся с места.

Такую инструкцию они и дают партизанским группам. И напоминают о необходимости взрыва поворотного круга и диспетчерской станции. Тут же разведка донесла, что на станцию прибыл и проходит там техническое обслуживание немецкий военно-транспортный состав, идущий на фронт, груженный оборудованием и пиломатериалами. Ягупов, предварительно проработав этот вопрос с взрывотехниками и посоветовавшись с начальником штаба, дает указание – часть груженых вагонов подорвать, дабы ликвидировать возможность увода состава со станции, а остальное поджечь.

После проверки всех разведданных и повторного инструктажа начинается эта операция.

От деревни Злата Баня, во главе головного дозора, по проселочным дорогам прошел отряд партизан.

К станции подошли днем. Провели разведку, установили пулеметы на подъездных путях, разделились на группы. Каждая группа имела свою задачу. С наступлением темноты партизаны захватывают вагон с немецкими офицерами. Немецкая оборона становится дезорганизованной. Но окончательного успеха можно достигнуть после захвата станционного буфета, находившегося в довольно прочном здании, где находилась большая группа немецких офицеров и куда ринулись те, кто успел укрыться в начале операции. Первая группа партизан врывается в буфет.

Звучит команда: «Хэнде Хох!» – и часть офицеров, вздрогнув от неожиданности, поднимает руки.

Но молодой эсэсовский офицер, в форме шуцмана, до этого мирно пивший коньяк у буфетной стойки, быстро реагирует и вскакивает на подоконник, в проем узкого, но высокого окна, выполненного в стариной форме с вензелями, и, укрывшись в этом, довольно глубоком оконном проеме, с перекошенным лицом, автоматным огнем отсекает партизан, вынужденных ретироваться. Операция под угрозой срыва. В дверь буфета летит граната. Взрыв! Автомат на секунду замолкает. Через дверной проем видно разбитую мебель.

Взрыв перевернул все помещение, на полу раненые и убитые. Но буфетная стойка уцелела и прикрыла собой группу офицеров.

– Пытаемся вновь ворваться в буфет, – вспоминают участники акции. – Но нас опять отсекает огонь автомата. Все тот же немец ведет огонь. Нас выручает группа блокирования отхода немцев.

Услыхав бой в буфете, они ведут наружный огонь по окнам буфета. Шуцман ранен, он уже беспорядочно, судорожно стреляет, медленно сползает на подоконник. Автомат дергается, выпускает последнюю очередь в потолок и замолкает. Врываемся в буфет вторично. На этот раз успех. Короткий бой окончен. Группа немецких солдат и офицеров уничтожена. Несколько партизан ранено, но сопротивление немцев на всей территории станции подавлено.

– Разрушаем поворотный круг, взрываем водонапорные башни, уничтожаем станционное оборудование. Не забываем заминировать и взорвать диспетчерскую станцию, к нашему счастью её никто не охранял. Только прогремел взрыв диспетчерской станции, из укрытия слышим шесть глухих чавкающих взрывов. Рвутся котлы паровозов. Все группы перемещаются к двум товарным составам груженым лесом, грузовыми автомашинами, бочками с горючим и несколькими цистернами.

– Партизаны поджигают цистерны, минируют эшелоны и начинают отход. Звучат мощные взрывы, перевернутые вагоны; взрыв бочек с горючим и цистерн превращает все пространство – в огненное месиво. К полуночи операция разрушения станции закончена. Нужно уходить. В сумятице боя немецкая охрана оставляет безнадзорным барак с военнопленными Красной Армии. Они бегут за нами и просят, – товарищи не бросайте нас, заберите с собой, мы искупим вину. Больше нет сил терпеть немецкое насилие.

– Берем легковую машину. Она сразу заводится. За руль садится наш пулеметчик. А мы с Букетовым и Коноваловым

вскакиваем в машину и вперед, к станции Обишовцы. Там захватываем грузовую машину и Букетов на ней возвращается за остальными партизанами. Загружаем остальных партизан, забираем военнопленных и отправляем их на базу отряда. Бой окончен. Трудно сказать о немецких потерях в этой сложной и многоходовой операции, но на наших глазах было убито не менее шестнадцати немцев. Считать потери некогда и рана дает о себе знать. Боли усиливаются, и мы едем в соседнюю деревню искать доктора. Получив первую помощь и перевязав раны, возвращаемся в Злату-Баню, – вспоминали партизаны. – А Иван Кононович, склонив суровое лицо, подтверждал пережитое.

Но для отряда эта операция не прошла бесследно. Разведка донесла, что в Петровцах сосредотачиваются армейские части, жандармские отряды и на этот раз они уже усилены немецкими частями.

В службе безопасности подполковник Дреслер разрабатывает приказ о действиях против партизан и готовит его для отправки в областное управление, однако отправить его без шифровки он не имеет права, шифр и ключ находятся в Михаловцах у Ф. Спишак. Шифровальщик зашифровал приказ и отдал ему для отправки в областное управление. Ферро приказ дешифровал, описал всю акцию против партизан и отправил в отряды «Чапаев», и «Пугачев». В приказе были указаны местности, где должны проходить акции против партизан и характер действий по их уничтожению.

Из этой информации стало ясно, что противник усиленно готовит окружение отряда. Отряд нужно было срочно уводить на новую базу и покидать уже обжитые Сланские горы.

На прощанье провели несколько мелких операций: ещё раз перерезали кабель Берлин-Фронт, провели диверсию на железной дороге, взорвали проходящий поезд. Взрыв произошел слишком поздно и затронул последние вагоны, но железнодорожные пути были разворочены и захвачен груз, необходимый в повседневной деятельности отряда, особенно в условиях передислокации.

От посыльных пришла просьба Ф. Спишак о встрече. Он предлагал встретиться в Ганушевцах в гостинице «Грегу». У него ситуация сложилась так, что сам Иосиф Дреслер предлагал ему съездить в Ганушевцы, для уточнения ситуации и определения характера действий партизан. Необходимо было узнать и доложить в службу безопасности намерения и характер действия партизан в период подготовки операции правительственных войск.

– Когда я приехал в гостиницу, – вспоминал Ферро, – то там меня ждало предложение самому прибыть в штаб бригады,

который располагался в селе Петровцы, там и ждали меня руководители отряда. Помню, при этой встрече присутствовал Кукарелли с Кудрявцевым. Я рассказал им, что мне назначили нового начальника – капитана Эмиля Краковца, и мои действия стали более осторожными, поскольку я испытываю некоторое недоверие к нему, и даже в чем-то побаиваюсь, а его действия мне кажутся загадочными. Между нами возникло недоверие. Кукарелли меня успокоил, пояснив, что этого человека подводили к назначению наши товарищи, с его согласия, и его можно не опасаться.

– Встреча с Балютой И.К. была несколько позднее и носила эпизодический характер, – вспоминал Спишак, – на этой встрече мы обсудили вопрос возможных агентурных действий против самого Балюты.

– Рассказав им о характере действий против партизан, о том, что подготовлены совместные жандармско-армейские отряды, в которые были включены агенты безопасности, связанные с немецкими спецслужбами, я затронул и тему агентурных действий против партизан, – вспоминал те суровые и сложные годы Ф. Спитак.

– Ко мне обратился некто – Эшток, местный коммерсант, и рассказал, что с ним грозится расправиться командир отряда «Пугачев» А.Г. Емельянов, которому предложили увести отряд в Польшу за вознаграждение в 10 000 крон. Емельянов посчитал, что это его Эштока проделки, когда он, якобы, честный коммерсант и здесь не причем.

– Такие действия могут быть предприняты и против вас, – заметил Спитак. На все это Балюта отреагировал очень спокойно.

– Я этими играми сыт по горло, и хоть деньги отряду нужны, на эти аферы больше не пойду. Пусть центр принимает меры.

А, Ферро им сообщил, что начальником смешанного армейского отряда, который должен действовать против них, назначили капитана Кроковца. Это они приняли к сведению с удовлетворением, командовать операцией против партизан будет вроде бы свой человек. Но, при всем том, его возможности ограничены и, находясь под неусыпным наблюдением агентов службы безопасности, вряд ли он сможет сделать что-либо существенное, вопреки предписанному плану действий, не подставляя себя под удар.

Поэтому, собрав командиров подразделений, Балюта решает вести отряд на новую базу, которую предварительно подготовил подпольный комитет в Бардеевских горах. Комитет прислал проводника и ночами, быстрым маршем, обходя опасные посты и дозоры, которые могли выдать направление их движения, подразделения отряда благополучно добрались до Бардеево и остановились в окрестных лесах.

Предварительно провели переговоры с лесником о взаимодействии. Лесник первое время ничего не хотел знать, долго ходил хмурый и всё ждал расправы. Но, увидав хорошее отношение партизан, стал активно помогать.

В особенности, и это было важно на новом месте, он начал давать информацию о новом районе пребывания отряда. Расположившись на новом месте, отряд начал обживать местность, прежде всего, ведя разведку расположения и действий подразделений противника.

Старые базы снабжения были далеко, за отрядом шла слежка. Трудно было вести заготовку продовольствия и оставаться незамеченными. Но Ягупов находит выход из этого положения, применив, для ведения боевых действий, рейдовую тактику. Партизанские группы уходили на дальние расстояния и проводили там акции, о которых молва разлеталась по всем окрестным деревням.

В окрестностях этих лесов появилось несколько других отрядов, с которыми нужно было устанавливать контакты и находить общий язык. Но достигать соглашений было очень трудно, отряды привыкли к самостоятельности и неохотно шли на какое-то взаимодействие.

Подпольный комитет словацкой компартии, под эгидой которого действовал отряд «Чапаев», решил объединить все отряды, действовавшие в его районе, в соединение, под тем же

именем. Однако это объединение шло не так гладко, как хотелось. В отличие от чапаевцев, ряд отрядов возникал самопроизвольно и формировался из русских военнопленных. Естественно, они возглавлялись офицерами Красной Армии, попавшими в плен, которые хотели искупить свою вину перед Родиной, – боевыми действиями. И они стремились подчинить свои отряды штабам партизанских движений приближающихся фронтов.

Но поскольку они не имели налаженной радиосвязи с фронтами и зависели от снабжения местным населением, им пришлось идти на некоторые формы взаимодействия. Балюте приходилось встречаться с командирами отрядов и убеждать их в необходимости создания партизанского соединения. Некоторые командиры и партизаны этих отрядов говорили, что Иван Черный, как они его тогда называли, давит их на объединение и подчинение словакам. Балюта их убеждал:

– Словаки готовят всеобщее восстание и можно не сомневаться, что немцы на его подавление бросят крупные силы, и выстоять мелкими отрядами, поодиночке, нам не удастся. Некоторые мелкие отряды и отдельные группы пошли на объединение, а некоторые, более крупные отряды, такие как отряд имени «Емельяна Пугачева», все-таки стремились найти связь с фронтами и действовать самостоятельно.

Задача облегчилась, когда в распоряжение отряда «Чапаев», на парашютах, стали приземляться первые фронтовые разведчики и в штабы фронтов пошли радиограммы о существовании и деятельности отряда «Чапаев». Обстановка совсем изменилась, когда на базу отряда высадились несколько разведгрупп. 14 августа в расположение чапаевцев был выброшен парашютный десант. Это была разведгруппа А.А. Мартынова, штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта. Утром партизанская разведка нашла их в лесу, в горах. Эта группа имела самостоятельное задание, но временно, для изучения обстановки и отдыха расположилась у чапаевцев. Мартынов, кроме установления прямых контактов со своим командованием, помог наладить устойчивую радиосвязь со штабом партизанского движения. 20 августа высадилась группа майора Снежинского, а за ним и организационная группа Иванова.

В своих радиограммах штаб партизанского движения 1-го Украинского фронта, которому УШПД поручило координацию деятельности партизанского движения в Восточной Словакии, подтвердил линию на объединение отрядов и создание соединений. Тогда отряд «Чапаев» стал отрядом двойного подчинения.

Объединение начало осуществляться, но отряд имени «Пугачева» продолжал самостоятельные действия, несмотря на неоднократные встречи И.К. Балюты с его командиром Алексеем Гавриловичем Емельяновым. Разговоры часто шли в нелицеприятной форме, а иногда переходили во взаимные угрозы и брань.

Но все это результата не давало, и Балюта, который выполнял задание центра, доложил, что он прекращает попытки объединения и начинает готовить рейдовую группу, во главе которой он поставил Николая Курачева. По его замыслу эта группа приступила к тренировкам по операции взрыва мостов, имея в виду взрыв Ганушевского виадука.

Но судьба, ведущая Балюту по следующему кругу ада, не отпустила его душу. И, как он ни избегал опасных встреч, всё же толкала к ним. Встреча с командиром пугачевцев, о которой говорил пан Эшток из Узехова, все-таки должна была состояться, и этот пан якобы согласился дать Емельянову взаймы 10 000 крон. Встреча произошла в каменоломне и привела к трагическому концу. Один партизан был ранен, а Емельянов получил тяжелое ранение и был отвезен в больницу города Гуменнэ.

Хотя ни Балюты самого, ни его людей там не было, но среди партизан, пополз слух о его причастности к этому делу. Вражеская агентура и его политические противники, в особенности, сторонники буржуазной республики, которые слабы были в боях, но хорошо отсиживались в штабах и других укромных местах, которые можно было найти даже в среде партизанского движения, начали распускать слух о причастности И.К. Балюты к этому убийству. Мотив у них был простой – частые встречи и желание расширить сферу своего влияния.

Хотя Балюта уважал Емельянова как личность, но решение об объединении надо было выполнять, невзирая на личные симпатии или антипатии. Агентурные действия словацких и немецких спецслужб в отношении бригады «Чапаев» не были чем-то уникальным и необычным. Эти службы, в конце 1943 и в начале 1944 года, действовали довольно успешно. Так, недолго просуществовал, созданный в конце 1943 года, отряд под командованием Дмитрия Основина. Спецслужбам удалось арестовать командира отряда и отправить в концлагерь в Илаве, а его отряд, без своего командира, распался. Та же участь постигла и отряд под командованием майора Литвинова, действовавшего под кличкой Рокоссовский. Агентам немецкой разведки, внедренным в отряд, удалось убить командира отряда. После его гибели часть людей, из отряда, перешла в бригаду «Чапаев».

Разбираться в деле с отрядом им. «Пугачева» поручили Ферро Спитак. Хотя он чувствовал в этом деле вражескую руку, но ни он, ни его помощники тогда, по горячим следам, установить ничего не смогли и квалифицировали это дело, как несчастный случай, не взирая на разговоры о том, что отряд имени «Пугачева» примкнул к соединению только после гибели своего командира.

Уже гораздо позже, когда был раскрыт вражеский агент в отряде. И Иосиф Масоряк, занимавшийся этим делом, сообщил, что Емельянов А.Г. погиб от руки агента Центральной державной безопасности Словакии, опытного провокатора, на счету которого был ряд таких акций, всё стало ясно.

Этот агент тяжело ранил командира отряда, Алексея Гавриловича Емельянова, который умер в Гуменном в июле 1944 года.

После смерти Емельянова в отряде началось падение дисциплины, и даже распад отряда. Причем, партизаны не могли прийти к единому мнению, кто будет командиром отряда. Одна часть выступала за переход в партизанскую бригаду «Чапаев» и образование соединения, а другая выступала за создание отдельного отряда и предлагала назвать его «Ястреб».

После гибели Емельянова, Балюта И.К., по настоянию Пряшевской партийной организации, делает ещё одну попытку объединения с этим отрядом. Он пришел в отряд в сопровождении двух партизан охраны. Прошел в командирскую землянку. Предложил комиссару отряда собрать командиров подразделений и уже, не ссылаясь на словацкую позицию, а, ссылаясь на одобрение штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта, предложил объединение. Все присутствующие, как обычно, были вооружены, иногда такие споры заходили так далеко, а взаимные обвинения звучали так резко, что стороны хватались за оружие, но, слава богу, до стрельбы не доходило.

Если Балюта обвинял их в неподчинении приказу, то они обвиняли его подчинение Словацкому комитету – изменой Родине. Так что обвинения с обеих сторон были весьма нелицеприятные, но такова была обстановка тех дней, когда жизнь каждую минуту висела на волоске. Нельзя ту обстановку переносить в наши дни, и подходить с критикой того времени, с вновь возникшими либеральными понятиями, обвиняя ту или иную сторону, в то или иное время, в правильности или неправильности действий. Просто надо понять, что так это было! Но, Ягупов, в этой словесной борьбе, тоже переходил в наступление, зло и решительно выдвигая свои аргументы:

– Я не был призван в армию, являюсь лицом гражданским. В

создавшейся обстановке, когда за влияние над партизанским движением в Восточной Словакии борются все силы. И все союзные силы, создающие Национальный Фронт Словакии, и иностранные разведки, порой доходят до прямой конфронтации, я считаю наиболее лучшим выходом из положения идти на двойное подчинение – Пряшевскому комитету компартии Словакии и Украинскому штабу партизанского движения, который действует через штабы 1 – го и 4-го Украинских фронтов.

На этот раз беседа шла мирно. Командиры отряда «Пугачев» попросили его выйти из землянки и дать им время для совещания. После короткого совещания они согласились на объединение. В этом отряде было много хорошего вооружения, которое они добыли в боях, действуя самостоятельно. Этим вооружением они помогли доукомплектовать плохо вооруженные мелкие отряды и группы, ранее вошедшие в соединение. Руководство соединением было поручено И.К. Балюте.

Снабжать такое большое соединение в Бардеевских лесах, не имея всеобщей поддержки, какую им оказывала Пряшевская партийная организация, было тяжело. Поэтому, было принято решение вернуться в Сланские горы и расположиться на горе Шимонке. Гора Шимонка имела обрывистые крутые склоны, поросшие лесами. Гору перерезали ущелья, а у её подножья были болота. Это создавало идеальные условия для партизанской базы. Природа сама прикрывала её расположение, и если несведущий человек попытается добраться до штаба соединения, он скорее утонет в болоте, чем найдёт его расположение. И ко всему, Ягупов запланировал выставить боевое охранение в виде секретов на тех участках, где проход был всё-таки возможен, а на дальних подступах, в лесу, предусмотрел расположить партизанские дозоры, в виде крестьян заготавливающих валежник, которые должны были давать сигналы о появлении каждого подозрительного человека.

Закончив предварительное планирование операции, Ягупов дал приказ осуществить акции в старом районе обитания, дыбы сбить с толку разведслужбу противника. И, предварительно разгромив окружную жандармерию в Бардееве, чапаевцы ночью покинули свою базу и быстрым маршем передислоцировались в новый район своей дислокации.

На новом месте соединение начинает подготовку операций с получения разведданных, идущих по старым каналам их прохождения. Но получает неутешительные ответы. В июне 1944 года был арестован жандармами партизан их соединения Попович. Нужно было принимать меры к организации его побега из места заключения, пока его не передали службе безопасности,

или тем более гестапо, где из него пытками вытрясут всю информацию. Правда, спецслужбы Словакии редко, в то время, прибегали к помощи гестапо, но такая вероятность существовала, и нужно было торопиться с ответными мерами.

Акцию поручили Ф. Спитак. Он смог организовать побег заключенного при транспортировке в тюрьму. На этот раз, эта операция проводилась уже при содействии капитана Краковца, который договорился с конвойными, давшими возможность заключенному уйти. Он же переправил его на безопасные явки, которые до настоящего времени были в резерве и не могли числиться в агентурной разработке противника, а когда ситуация улеглась, отправил его в отряд.

Не прошло и недели, как прибыло новое сообщение.

– Арестован, при сопровождении русских военнопленных в соединение, словацкий украинец – партизан Василий Лещенко. Его уже передали в службу безопасности, и он под пытками дал показания. В особенности из него выбивали данные о комиссаре соединения Луневе, и он дал информацию, которую знал. А его показания по людям, которые вели связь с отрядом, имели косвенный характер, поскольку большего он просто не знал, но службе безопасности это давало материал, чтобы вычислить некоторых людей, работавших с партизанами. Этот материал доносили связные, получившие информацию из жандармерии. И люди, державшие связь с отрядом, начали принимать все меры предосторожности.

Особый удар испытал Балюта, когда узнал об аресте, где-то в конце мая – начале июня, начальника жандармской станции в Михаловцах, товарища Боровского, не только как человека оказывающего всестороннюю помощь соединению, но и как друга и брата по оружию. На этот раз его, как работника жандармерии арестовала, служба безопасности. Это, конечно, носило более опасный характер, поскольку возможностей быстрого освобождения своего товарища, у партизан не было. Но Ягупову, всё же, удалось восстановить всю картину провала Боровского.

– После ареста Лещенко, он почувствовал за собой слежку и не ночевал дома, скрываясь в надежных местах. Но служба безопасности выследила его, когда он ночью проведал семью, и схватила его. Он находился в Пряшевской тюрьме и должен был предстать перед военным трибуналом в Попраде. Не только Балюта, но и вся партийная организация предпринимала меры для освобождения Боровского, подключив все свои связи и всю агентуру в госаппарате Словакии. В результате всего этого прокурор потребовал: «Если не будет доказательств вины Боровского, а будут одни сомнительные предположения, то

Войтеха Боровского необходимо отпустить? Но Дреслер предпринял ответные шаги и отправил Боровского в концлагерь на Илаве.

Этот удар для соединения был тяжелым ещё и потому, что через Войтеха Боровского поддерживалась связь с пятым подпольным ЦК компартии Словакии и, персонально, с одним из его видных деятелей, с Каролом Шмидке. А он уже держал связь с партизанами через Ганушевское партийное областное руководство, которое координировало развитие партизанского движения в Восточной Словакии. Все попытки освобождения Боровского оказались безрезультатными. Но его, всё же, удалось освободить впоследствии в одном из лагерей, во время Словацкого национального восстания.

До сих пор успешные действия партизан, во многом базировались на добытых разведданных. Пока каратели карабкались по склонам гор, в поисках расположения отрядов и их штабов, соединение меняло дислокацию и начинало действия в другом районе. А тут опять неприятное сообщение.

– Под угрозой провала ещё один наш агент, действовавший в словацкой армии, и его надо принять в отряде.

На новом месте Балюта планирует действия соединения уже с учетом тех данных, которые смог с собой принести этот человек – словак Ян Пажер, который приходит в отряд по решению подпольного комитета партии. Он служил в качестве телеграфного механика в первой и второй словацкой дивизиях. Первая дивизия была расположена в Гиральтовцах, а вторая в Вышнее-Радвани. Эти дивизии командование словацкой армии старалось расположить в районах партизанских действий, дабы предотвратить расширение этих действий и расползание движения по всей Словакии. Этот человек был подключен к агентурной деятельности ещё в период учебы в школе телеграфных механиков и приобщен к общему делу товарищем Плахтой. Контактировал он с товарищем Минаровичем и Петром Бабеем, которые выходили с ним на связь, и получали всю агентурную информацию, начиная от армейских кодов – до перемещений частей немецкой и словацкой армий и их намерений в отношении партизанского движения.

Ян Пажер был очень важным звеном в партизанской деятельности и работал в условиях полной секретности, при этом его предупредили – любой неверный шаг и ему не сносить головы, но он вполне сознательно пошел на подпольную работу. Контрразведка словацкой армии и гестапо обнаружили утечку информации, и кольцо вокруг Яна стало сжиматься. По решению партийного комитета ему дали разрешение уйти в отряд, оставив

агентурную работу на своих товарищей телеграфистов, которые были ещё вне подозрений.

И.К. Балюта, используя информацию нового члена отряда, уже планировал новые операции с его участием. Они проходили в период май-июнь 1944 года. На основе этих данных отряд успешно проводил операции по уничтожению руководителей фашистских организаций. В стране имелись не только словацкие фашистские организации, но и отдельно существовавшие организации немецкого национального меньшинства, имевшие свои вооруженные отряды, которые вели провокационную развед-деятельность против партизан, и с ними, так или иначе, приходилось бороться, чтобы нейтрализовать их агентуру.

Полученные данные, во многом, способствовали и уничтожению постов визуального наблюдения словацкой армии. А, в июне 1944 года, с использованием этих данных, была осуществлена боле крупная операция – нападение на оружейный склад первой дивизии, в Гиральтовцах, при этом было захвачено большое количество военного имущества.

А уже в результате агитационной работы среди словацких солдат, в течение мая-июня, в отряд «Чапаев» пришло более 100 солдат первого батальона связи и не меньшее количество солдат из других подразделений 1-ой дивизии.

Продолжались и неоднократные нападения на немецкие автоколонны, разгром жандармских участков, разоружение военных караулов, диверсии на железной дороге. В этот период шла усиленная подготовка Словацкого национального восстания, а УШПД начинал передислокацию партизанских отрядов, действовавших на Украине и в Польше, в Словакию.

Так, где-то в начале августа, в район действия соединения пришла бригада «Александр Невский», под командованием Героя Советского Союза подполковника В.А. Карасева-Степанова. Бригада пришла в Словакию из Польши, и после жестоких боев остановилась между Бардеевым и Пряшевом, а штаб бригады остановился в селе Крижи. Подполковник пришел в штаб чапаевцев, встретился с И.К. Балютой, предложил ему взаимодействие и, передал для использования командованием отряда радиостанцию.

После ухода Карасева чапаевцы всё-таки предпочли действовать самостоятельно. Продолжили операции по нападению на военные караулы, а из более крупных акций провели взрыв мостов на железнодорожных линиях Кошица-Жилина и Кысак-Маргецаны-Велка Людина, используя свой опыт и отработанную тактику по взрыву мостов.

Балюта, при проведении этих операций, все время

чувствовал, осведомленность врага о некоторых своих действиях, и он начал менять решения прямо перед началом боевых действий. Как и в случае с убийством Емельянова А.Г., чувствовалась опытная вражеская рука, и он всячески старался выявить агента.

В отряд вместе с группой солдат словаков, не желавших воевать против партизан в словацкой армии, пришел словацкий солдат Дитковский, который вызывал подозрение тем, что по-словацки говорил с акцентом. А при общении с ним, в его реакции, чувствовалось, что он знает русский язык. Он всегда старался сблизиться с людьми, которые выходили на связь на конспиративные квартиры, ещё не попавшие в поле зрения службы безопасности. Так, он увязался за партизаном, выходившим на связь с Лацци-Бачи-Сабо, одной из наиболее надежных фигур движения сопротивления, у которого была одна из безопасных партизанских явок, получавшая информацию, как от партийного подполья, так и агентурную информацию. И однажды ему, когда он пришел вместе с партизанским посыльным, удалось застать Сабо дома. Дитковский быстро вышел, якобы по нужде, а через некоторое время появился наряд жандармов, который арестовал товарища Сабо. Так Дитковский дешифровал себя, правда, ценой ареста ценного для подполья товарища.

Он оказался сыном белогвардейского подполковника, работавшего ветеринаром в Пряшеве, опытным агентом службы безопасности. Он и дал показания, что бывший командир отряда имени «Пугачева» Емельянов был тяжело ранен одним из агентов службы безопасности. Этот агент смог выявить и выдать не одного человека, имевшего связь с отрядом. При допросе ему пытались объяснить, что все русские, все славяне объединяются для борьбы с общим врагом, а он, русский человек, пошел на службу к немцам, уничтожающим русский народ. Но в ответ ничего не могли получить кроме ненависти, за потерянную их семьёй, во время революции, собственность и привилегии в России. Ничего, кроме ненависти к простым русским людям, не говоря уже о коммунистах, не вырывалось из его груди даже перед угрозой смерти. Злобное желание вернуть своё господство, даже ценой порабощения России. А когда, уже потом, в шестидесятые годы, Балюте говорили, что белогвардейцы были радетелями России и патриотами, он всегда отвечал, что если и патриотами то собственных дворянских привилегий, а на страну и народ им было глубоко наплевать.

Готовились серьёзные события, и партизаны тщательно вооружались, сосредоточив своё внимание на оружейных складах

словацкой армии. Но Балюта, остро переживая выдвинутые против него надуманные обвинения, вспоминал:

– С Карасевым у меня сложились трудные взаимоотношения, в особенности, когда он уводил свой отряд на помощь столице Словацкого национального восстания и требовал, чтобы я присоединился к нему. Он не понимал, что в отличие от него, имеющего полную оперативную самостоятельность, я в оперативном, да и во многих случаях и в тактическом плане, был связан со всем словацким подпольем и успешные действия могли быть только в этой связке. Так сложилась ситуация в Словакии. А меня, впоследствии, некоторые словацкие товарищи пытались обвинить в не патриотичности действий, забывая со своей стороны, что я хоть и не военнообязанный, но всё-таки гражданин СССР. Однако боевое взаимодействие с отрядом Карасева всё же было.

– Пока отряд Карасева находился в районе наших боевых действий, несколько совместных акций было проведено, – напрягая свою память, вспоминал Иван Кононович.

– Осуществлено вторичное нападение на железнодорожный узел и станцию Маргецаны. Партизаны стремительным броском ворвались на станцию. Освободили измученных советских военнопленных, разбили поворотный круг, используемый для переустановки подвижного состава. Уничтожили телеграфное и телефонное устройство, захватили в эшелонах три грузовика, выбросив все ненужное для партизан имущество, усадили всех, кто без колебаний пожелал уйти с ними, разместились на этих машинах сами, к ним присоединилась часть словацких солдат из команды, прислуживавшей немцам. И быстро, как пришли, так и покинули станцию.

На трех захваченных автомашинах дошли до Златой-Бани, запутывая следы отхода, и затрудняя действие немецкой разведки, по нанесению ответного удара. В Златой – Бане взорвали и подожгли автомашины, взяв с собой захваченные у немцев пулеметы и боеприпасы, и уже пешком ушли в партизанский лагерь. Эта операция имела большой отзвук у местного населения и у солдат словацких дивизий, и в дальнейшем, во время восстания способствовала их переходу на сторону партизан.

После этой операции партизанское соединение настолько разрослось, что возникла необходимость в его реорганизации. Были образованны четыре мощных отряда. Отряд имени «Богуна», который всё время находился при партизанском штабе. Бывший Емельяновский отряд – имени «Пугачева», вошедший в соединение после смерти своего командира. Правда, от него всё-

таки отделился небольшой отряд «Ястреб», который пытался действовать самостоятельно. Отряд имени «Щорса», в который вошло много солдат из словацких дивизий, и отряд имени «Богдана Хмельницкого», с танками и артиллерией. Все эти отряды располагались южнее Ганушевцев в районе Петровцы, Павловцы и Германовцы.

Летом 1944 года, после арестов, проведенных службой безопасности среди руководства словацкого коммунистического движения, в Словакии было образовано пятое подпольное руководство КПС. Его членами стали Карол Шмидке, Густав Гусак, Ладислав Новоместски.

В конце августа, после длительных переговоров различных политических сил, удается создать единый национальный фронт под председательством первого секретаря Компартии Словакии Яна Швермы. Теперь ЦК компартии, а за ним и Пряшевский комитет, начали менять тактику и требовали перейти, от нападения на части словацкой армии, к сотрудничеству с ними. И добиваться их перехода на сторону готовящегося СНВ.

В районе действия чапаевцев располагался 1-й Восточнословацкий корпус, состоящий из двух дивизий и приданных подразделений, находившийся в подчинении профашистского правительства Тисо. В его задачу входило, в случае прорыва Красной Армии к Дуклинскому перевалу, оказать сопротивление советским войскам и остановить их продвижение вглубь Словакии.

Первой словацкой дивизией этого корпуса командовал полковник Нейман Маркус, который и ранее не предпринимал существенных действий против партизан. А теперь, когда он знал о создании единого фронта и готовящегося СНВ, он начал проводить тактику сближения с партизанами. Разведка донесла некоторые его высказывания в пользу партизан. Балюта и начальник штаба Кукарелли решили его проверить и написали ему письмо, составленное в жестких тонах, в стиле «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». В этом письме они говорили, что партизаны могут полностью разгромить дивизию, и он это прекрасно знает по последним действиям партизан. Но если командование дивизией хочет вести переговоры, то оно должно передать в условленное место пулеметы, тол, винтовки и гранаты.

По донесениям разведки полковник был вначале взбешен тоном письма, но, в конечном итоге, выполнил их просьбу, и партизаны поверили в искренность его намерений. Начались переговоры о переходе дивизии на сторону партизан. Впоследствии среди партизан было много споров, перешла ли дивизия на сторону партизан и влилась в состав соединения

«Чапаев» или дивизия приняла участие в Словацком национальном восстании, как самостоятельная единица и вошла в состав подразделений, подчиненных Словацкому национальному совету.

Конечно, на первом этапе Словацкого восстания, и сам полковник Маркус, да и начальник штаба всего Восточно-словацкого корпуса полковник Вилиам Тальский, вели переговоры и старались действовать совместно с соединением «Чапаев», и даже некоторые их подразделения входили в состав соединения. Как вспоминал И.К. Балюта:

– В начале восстания к чапаевцам перешло примерно 1660 словацких солдат и офицеров, а также штабные работники во главе с командиром 1-й дивизии полковником Маркусом. Но дальше, по мере развития ситуации и ответных мер германского командования, позиции изменились.

Германская разведка видела нарастание антигерманских настроений и принимала меры к укреплению словацкой армии.

Гитлер лично принял министра обороны генерала Ф. Чатлаша и военного атташе Словакии в Германии генерала Малара, который, возвратясь из Германии, принял командование Восточно-словацким корпусом. Но тенденции развала словацкой армии, и её перехода на сторону партизан, ему остановить не удаётся, и 29 августа 1944 года, Германия вводит свои войска, расположенные в Польше и Венгрии, в Словакию.

Началась повсеместная оккупация Словакии немецкими войсками. Но ещё 25 августа, зная информацию о надвигающихся событиях, и предвосхищая их, Компартия Словакии отдала своим организациям последние инструкции для организации боевого выступления и отпора врагу, а утром 30 августа, после вторжения немецких войск в Словакию, «Свободное Словацкое Радио» известило о начале Словацкого национального восстания.

Вторжение немцев вызвало бурю негодования во всех частях словацкого общества, и в Словакии начали вспыхивать очаги восстания. К 31 августа это движение охватило большую часть территории Словакии.

Во время введения Германией своих войск, генерал Малар, по вызову Чатлаша, вылетел в Братиславу, а его заместителем остался полковник Тальский. События осложнились тогда, когда командир корпуса генерал Малар, вернулся из Братиславы и выступил против восстания, назвав его авантюрой.

Но это было несколько позднее, а пока процесс перехода армейских подразделений на сторону партизан шел успешно. К концу августа к соединению присоединилось танковое подразделение, дислоцированное в Чемерной, под

командованием майора Добротки, в количестве около 300 человек, 13-ти танков, 2-х самоходных установок, 65-ти автомобилей и 13 мотоциклистов. Перешла на сторону партизан артиллерийская батарея из села Вранов. Обладая такими боевыми силами, партизаны уже могли нападать на немецкие гарнизоны. Чем они оперативно воспользовались к концу августа.

Был произведен подрыв железнодорожного виадука и уничтожен весь немецкий гарнизон в селе Ганушевцы. Для парализации железнодорожного узла навстречу друг другу было пущено два паровоза. Произошел взрыв, блокировавший железную дорогу. В тот же день началась ответная атака словацких частей, выступивших на стороне правительства – бронепоезда и танковой группы, под командованием майора словацкой армии Теодора Полка. Наступление развивалось на железнодорожный узел Кысак-Обишовце. Атака шла при поддержке немецких войск.

Партизаны потеряли 4 танка и понесли большие людские потери. По сосредоточению партизан немцы начали вести огонь из бронепоезда, который стоял на вокзале в Кысаке. Впечатление было такое, что немцы хорошо знают дислокацию партизан и имеют в соединении свою агентуру. Пришлось партизанам, участвовавшим в этих боях, срочно менять расположение и уходить на базу.

После этих боев, когда восстание нарастало и уже грозило перейти во всеобщее вооруженное восстание, ещё раз состоялись переговоры с полковником Маркусом. И вот здесь, он дал согласие перейти на сторону партизан и даже войти в состав соединения «Чапаев». К этому моменту соединение уже насчитывало несколько тысяч человек – со штабами, танками, артиллерией и боеприпасами и наносило серьезный урон немцам.

Только солдат словацкой армии, участвовавших в этих событиях, насчитывалось более 1500 человек. Кроме того, в период всеобщего восстания были вооружены и примкнули к боевым действиям, крестьяне близлежащих сел, таких как Петровцы, Ганушевцы, Германовцы, Злата Баня, Ремнина, Матяшка. Эти села действовали во взаимодействии с соединением «Чапаев». В них, и вообще во всех населенных пунктах, расположенных в зоне действия соединения «Чапаев», Компартия Словакии начала создавать национальные комитеты. Впоследствии, в период спада восстания, за участие в борьбе и оказание сопротивления германской армии, немцы сожгли эти села. А крестьяне, гоня перед собой скот, вместе с детьми уходили в леса.

В этих боях участвовало и танковое подразделение,

состоявшее из десятка танков. Бои шли с применением артиллерийских орудий, которые имелись в разных подразделениях. Немецкое командование, взволнованное размахом сражения, уже начинало готовить серьёзную армейскую операцию с использованием фронтовых частей. Усилилось и действие разведслужб противника.

Балюту продолжала волновать вражеская агентура, которая, с тем или иным успехом, следила за действиями отрядов. У него в душе возникло, не какое-то смутное предчувствие такой работы, а партизанская разведка смогла добыть доказательство её деятельности. В штаб соединения поступила копия телеграммы, которую отправлял вражеский агент в контрразведку службы безопасности. Её отправлял некий неизвестный агент, подписывающейся кличкой Фердинанд Схайда. В середине августа он доносил:

– В дополнение к моим ранее посланным телеграммам, заявляю, что люди направленные для выслеживания отрядов в леса севернее Гуменного, 14.8.1944 года вернулись в казармы. Прочесывание целого комплекса лесов не дало возможности обнаружить месторасположение партизанских банд, и они остались не выслеженными. Фердинанд Схайда.

Кто этот агент Фердинанд? Балюта ищет его всю жизнь и даже пытается найти после войны. А пока, приняв меры предосторожности, Балюта продолжает свою работу по расширению движения, и опять выходит на связь с полковником Маркусом. Полковник Маркус, давая согласие на взаимодействие с соединением «Чапаев», одновременно вел переговоры со Словацким национальным советом. А полковник Тальский, вообще, улетел на встречу с командующим 1-м Украинским фронтом – маршалом И.С. Коневым и дал ему гарантии в том, что если Красная Армия пойдет на штурм Дуклинского перевала – то Восточнословацкий корпус ударит по немцам, навстречу Красной Армии. При этом он совершенно не учитывал позицию командующего корпусом – генерала Малара, который был против восстания.

Эти обещания, когда уже шел процесс распада фашистского словацкого государства и его армии, были со стороны полковника Тальского не обдуманными и не подготовленными обещаниями, но они во многом определили дальнейшие действия советских войск. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, 3 сентября, одобрил планы наступления через Карпаты – на помощь СНВ, хотя для Красной Армии это было сопряжено с повышенными потерями в горах, по сравнению с существовавшими планами обходных ударов. И было принято решение:

– Войскам 1-го Украинского фронта маршала Конева, ударами из района Кросно в направлении на Дуклю, прорвать оборону противника и, наступая далее на Свидник и Прешов, войти в Словакию и соединиться с восставшими дивизиями и народом.

Немцы хорошо укрепили Дуклинский перевал, стянув туда несколько ударных частей, что вело к существенным потерям у наступающих войск Красной Армии. Но Советский Союз, желая помочь словацкому народу, шел на эти жертвы, в то время как генерал Августин Малар, своими действиями, подставлял свой корпус под разоружение немецкими войсками. И германские войска, ободренные такой позицией командующего корпусом, начали свою операцию по разоружению Восточно-словацкого корпуса, под кодовым названием: «Сбор картофеля».

Невзирая на то, что некоторые подразделения Восточнословацкого корпуса переходили на сторону партизан, это не имело широкого размаха. Всё же это была пока незначительная часть этого корпуса. Корпус насчитывал 25 тысяч солдат и офицеров, а с приданными подразделениями и инфраструктурой более 30 тысяч, и мог в решающую минуту переломить ситуацию, в зависимости от того, на чью сторону он станет. Однако, при нерешительности офицеров корпуса, генерал Малар отдал приказ потребовать разоружения партизан, а в случае неподчинения арестовывать партизанских комиссаров, которых начали назначать партизаны в районах восстания и расстреливать их, если они не подчинятся приказу. Этот приказ, в связи с прогрессирующим развалом словацкой армии, уже не мог быть выполнен, но окончательную сумятицу в войска он, конечно, внес.

А немцы, в это время, ввели свои части на территорию корпуса и начали разоружение словацких частей. Большая часть корпуса попала в плен, а остальные, довольно неустойчивые солдаты, разбежалась по лесам. Но часть подразделений, возглавляемых полковниками Маркусом и Тальским, осталась на стороне партизан.

Тем временем, 38-я армия 1-го Украинского фронта, усиленная танковыми корпусами, под командованием генерал-полковника Москаленко, проделав стремительный бросок из районов Польши, и 1-й чехословацкий армейский корпус генерала Людвига Свободы, неся потери, наступали в направлении на Дуклю, не находя обещанной поддержки со стороны Восточнословацких дивизий. В конце сентября войска Красной Армии вышли к Дуклинскому перевалу, но овладеть им, а вместе с ним, и самым коротким путем в Восточную Словакию не смогли, и были остановлены, не доходя районов Габура и

Боров, на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов.

А когда вспыхнуло восстание, и был создан в Банська-Бистреце Словацкий национальный совет, они оба, и полковник Маркус, и полковник Тальский, переподчинили имеющиеся в их распоряжении воинские подразделения – СНС. В той обстановке это было вполне естественно, когда Карол Шмидке стягивал на охрану аэродрома «Три дуба», который обеспечивал столицу восстания, партизанские отряды и воинские части из Восточной Словакии. Так же, как при подготовке восстания, так и в этот период, Ягупову приходилось встречаться с Каролом Шмидке и вести беседы по тактике партизанской борьбы. Эти встречи, которые оставили глубокий след в его душе, организовывал Войтех Боровский и о них часто вспоминал Балюта И.К. уже в мирное время.

В состав СНС вошли основные политические силы: двадцать четыре человека от компартии, такое же количество от буржуазных сил, которые себя именовало «Гражданским лагерем», и два командующих повстанческой армией, верные правительству Бенеша в Лондоне, Генералы Голиан и Рудольф Виест.

Но теперь и процесс распада словацкой армии, и процесс её перехода на сторону восставших стал схоластическим, и уже словацкие войска были не способны оказать содействие продвигающимся частям Красной Армии. Положение ещё усугублялось тем, что командование повстанческими армиями не подчинялось Совету обороны, а ориентировалось на указания буржуазного правительства из Лондона.

Многие члены Совета и военные были буржуазной ориентации, постоянно вели агентурную деятельность и интриги за влияние над боевыми подразделениями и всячески старались подставить под удар коммунистические силы.

Полковник Маркус с отрядом около 1000 человек, начав взаимодействовать с соединением «Чапаев», пошел на Маргецаны, а потом ушел в Банська – Бистрицу на поддержку столицы восстания. А Балюта и командиры отрядов стремились к полному переподчинению УШПД, поскольку они, в основном, были советскими гражданами. Словацкие же части, налаживая временные союзы, и даже периодически входя в подчинение отрядов советских партизан, стремились к созданию национального правительства.

В конечном итоге, ни полковник Тальский, ни полковник Маркус, в результате своих метаний, серьезного урона противнику не смогли нанести. Полковник Тальский, вступив в контакт и с чапаевцами, и с отрядом имени «Пожарского»,

который был передислоцирован с территории Украины, и с другими воинскими подразделениями, в конечном итоге, остался с небольшим словацким отрядом около двухсот человек.

И.К. Балюта вел переговоры не только с полковником Маркусом, а и с командиром авиационной бригады майором Тринка, тот накануне восстания обещал войти в его подчинение. Затем он также признал СНС в Банська-Бистрице, но когда дошло до дела, он вместе с полковником Тальским, оценив обстановку, предпочел перелететь на сторону Красной Армии. И в ночь, с 30 на 31 августа 1944 года, авиагруппа в составе 27 самолётов перелетела в расположение советских войск. Впоследствии она вошла в состав 1-го чехословацкого корпуса под командованием Людвига Свободы.

Советское правительство передислоцировало свои отряды, расположенные в Словакии, на защиту столицы восстания Баньска-Бистрицы. Эти отряды перешли в Словакию осенью 1944 года – отряды В.А. Карасева, В.А. Квитынского, М.И. Шукаева, и несколько других; и был прислан по просьбе СНС, для координации действий всех сил, участвующих в восстании, полковник Асмолов.

Полковник А.Н. Асмолов имел большой практический опыт партизанской борьбы на Украине и опыт руководства отрядами, полученный им ещё в период работы в Украинском штабе партизанского движения. По прибытии, он назначается заместителем начальника главного штаба партизанского движения Словакии, а затем начальником штаба. Но в тот период, после длительной борьбы в СНС за влияние на партизанское движение, всё-таки начальником штаба был назначен представитель Компартии Словакии Карол Шмидке.

Карол Шмидке входил в состав ЦК, участвовал в создании ряда национальных комитетов и, в конечном итоге, был один из тех, кто добился создания Словацкого национального совета. В тот период, одним из руководителей компартии возглавлявших эту борьбу, был Ян Шверма.

Чапаевцы поддерживали связь с ЦК, когда не стало Войтеха Боровского, с помощью партизанских посыльных. И, как они говорили: «Светлый был человек, мягкий и приветливый. С ним было легко общаться, и чувствовалась в нем внутренняя сила».

В период поражения восстания и отступления он погиб в одном из переходов в горах, где-то в начале ноября, когда повстанцы оставили Банско-Бистрицу и уходили партизанскими горными тропами от преследования противника. Но это было несколько позже, а пока, в Восточной Словакии, соединение «Чапаев» становится основной ударной силой, контролирующей

обстановку в этой части страны.

Все силы, участвующие в восстании: и правительство Бенеша в Лондоне, которое к тому времени было признано Советским правительством, и буржуазные силы, входящие в Словацкий национальный совет, и английская разведка, продолжают борьбу за влияние на соединение «Чапаев». Если контроль над территорией в Восточной Словакии будет за соединением «Чапаев», а И.К. Балюта будет оставаться его командиром, то полный контроль над формированием властей в Восточной Словакии будет принадлежать Пряшевскому комитету компартии Словакии, и, конечно, не без руководства партизанского соединения. А коалиционное СНС, и, тем более, правительство Бенеша в Лондоне останутся в стороне.

Если немцы заинтересованы в разгроме движения и ведут агентурную работу в этом направлении, то остальные буржуазные силы заинтересованы в уходе соединения из этой зоны действий, даже если они уйдут на соединение с Красной Армией.

В принципе, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин поддержал позицию председателя ЦК словацкой компартии Яна Швермы о создании единого Национального фронта различных политических сил под председательством самого Яна Швермы. Было решено, когда вспыхнет восстание, советские войска перейдут Дуклинский перевал и придут на помощь национальному восстанию.

В Восточную Словакию продолжают перебрасываться партизанские отряды с Украины и Польши. Приходит хорошо организованный, имеющий сильную боевую подготовку отряд имени «Пожарского», под командованием Беренштейна. Некоторые отряды шли с боями через территорию Западной Украины, где их продвижению оказывали противодействие бандеровские силы.

Получив пополнение из местного населения, которое начало активно подключаться к партизанской борьбе, соединение уже начало не только вести обычную диверсионную деятельность, но и приступило к контролю перевалов. Это никак не устраивало немецкое командование, и оно назначило за голову Балюты выкуп уже в размере 250 тысяч крон, значительно повысив цену за его голову.

Балюта проводит переговоры с рядом сочувствующих восстанию командиров Восточно-словацкого корпуса, которые шли на контакт, и через майора Т. Полка, начальника штаба 1-ой дивизии, который, с одной стороны, остается верен присяге, а с другой – готов оказывать помощь партизанам. Ему удается получить план обороны в Карпатах обеих Восточно-словацких

дивизий. И он начинает метаться между желанием части офицеров перейти на сторону партизан и своим желанием связаться с советскими войсками. В конце концов, в августе этот план он сам отправляет в штаб 1-го Украинского фронта. Через группу Мартынова, обойдя стороной партизанскую агентуру.

Балюту И.К. вызывают в Штаб партизанского движения и присылают за ним самолет. В штабе официально регистрируют соединение, вручают орден Красного Знамении, выдают удостоверение на имя Ягупова Валерия Ивановича – в том, что он, в действительности, является командиром партизанского соединения «Чапаев».

С этой поры, он юридически переходит под командование УШПД. В это время, в начале сентября, партизанское движение начинает обслуживать одна из дивизий ночной авиации 1-го Украинского фронта. Для приема грузов и посадки легкой ночной авиации, партизаны оборудуют площадку в районе Страйков, а в район Пряшева организуется доставка грузов на парашютах. И здесь же выбрасываются организационные партизанские группы.

С этими же самолетами из Киева возвращается командир партизанского соединения «Чапаев» – Ягупов. Несколько позже, где-то в сентябре, был заброшен через линию фронта, на самолете У-2, и прибыл в соединение «Чапаев», старший помощник начальника оперативного отдела штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта, капитан Виктор Кокин.

Согласно предписанию начальника штаба партизанского движения подполковника Бовкуна, он был послан для организации устойчивой радиосвязи с центром и оказания содействия деятельности партизанских отрядов, действующих в этом районе. Ему предписывалось действовать в вопросах составления документации, ведения переговоров с Восточно-словацким корпусом, выяснения настроения его бойцов и командования, содействия в объединении отдельных отрядов в соединения и в прочей деятельности. То есть его деятельность должна носить вспомогательный технический характер.

По прибытии в расположение чапаевцев, он пытался играть роль военного советника, поскольку, в тот период, соединение официально действовало под эгидой ЦК КПС и его Восточнословацкого комитета. Хотя уже тогда, получив радиостанцию от Карасева, Балюта И.К. старался согласовывать свою деятельность со штабами наступавших фронтов Красной Армии.

Роль военного советника у В. Кокина получалась неважно, поскольку он совершенно не знал обстановки в Словакии и после нескольких неудачных попыток вмешательства в действия

партизан, он перешел к налаживанию радиосвязи, передаче информации, получаемой через партизанскую агентуру, и в боевые действия не вмешивался. Да и события разворачивались так стремительно, что многие положения его предписания выполнять уже было поздновато. А вел ли он какую-либо агентурную развед-деятельность, со стороны не было видно. Он не привлекал партизан к этой работе, а они старались не вмешиваться в его дела. Жизнь шла своим чередом, как впоследствии вспоминали многие из партизанских бойцов. Ягупов же и организует взаимодействие с капитаном Кокиным, как представителем штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта, в особенности по передаче в центр добытой информации, о расположении и действиях немецких войск.

Впоследствии, в угаре полемики 60-х годов капитану Кокину, в прессе и переписке партизан, приписывались разные должности и звания; в основном майора контрразведки «Смерш», куратора партизанского движения Восточной Словакии, и высказывался ряд прочих версий, которые реально не соответствовали действительности.

Уже после войны в своих письмах И.К. Балюте, бывший начальник штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта полковник И.И. Бовкун писал, что во время войны он ни к каким званиям и регалиям капитана Виктора Кокина не представлял. Тем более что СНС, по представлению КПС, назначил начальником Главного штаба партизанского движения Словакии Карола Шмидке. А от заграничного руководства КПЧ в штаб 1-го Украинского фронта для координации партизанского движения в Словакии был назначен Август Шрам, бывший в то время в звании майора, которого и посылали в Словакию для координации деятельности партизан.

Этими же авиарейсами, организованными для поддержки партизанского движения, в расположение отряда, в район Страйков, возвращается и начальник штаба Восточно-словацкого корпуса полковник Тальский, летавший на переговоры с советским командованием. Тальский ненадолго задержался в отряде, старался не давать конкретной информации о своих договоренностях с командующим фронтом и постарался поскорее отбыть в штаб своего корпуса. А помощь Красной Армии шла по старым каналам и перешла в основном на авиационное обеспечение.

Если судить о масштабах авиационной помощи только в одном этом районе, то можно сказать, что в сентябре было сделано 39 самолетовылетов и доставлено семнадцать тонн грузов, конечно, не считая высадки десантных групп с их

вооружением и боеприпасами, а только говоря о конкретной помощи партизанским отрядам и соединениям.

Не все ночные полеты в гористой местности были удачны. Тогда уровень техники ночных полетов был ещё невысок, и такие полеты основывались на летной интуиции и опыте летчиков. Случались, конечно, и неприятности; так, при взлете не справился с управлением, врезался в гору и погиб летчик Михалевич, что привело партизан в большое уныние. Этот летчик хорошо сдружился с бригадой партизан, обслуживавших аэродром, и его гибель болью отдалась в их сердцах. Конечно, сама гористая местность создавала большие затруднения, и командование перешло на доставку грузов, сбрасывая их в специальных мешках с парашютом.

Кроме этих площадок, в период подготовки всеобщего восстания, партизаны имели посадочную площадку у села Петровцы, на которую высадилось несколько организационных групп советского командования. И соединение «Чапаев» становится реальной угрозой для немецкого командования в Восточной Словакии. Немцы начинают терять контроль над районом действия соединения и над перевалами, и против партизан направляется, находившаяся на отдыхе и переформировании и идущая к Дуклинскому перевалу, 108-я дивизия СС.

В начале боёв чапаевцев со 108 дивизией СС все, высаженные с Большой земли группы, уходят по своему назначению в Банська-Бистрицу, столицу восстания. А чапаевцы получают предписание начать наступательные действия с целью захвата Пряшевского аэродрома для высадки десантов Красной Армии.

Проведя разведку боем, чапаевцы начинают наступление на город Пряшев. К ним на помощь приходят отряды – М.И. Шукаева, В.А. Карасева и отряд Белова. Но заминировать пути подходов к Пряшеву и взорвать мост им не удалось. Для его обороны немцы стянули слишком крупные, для партизан, силы, а обстановка была такая, что свой излюбленный прием, внезапной атаки, Ягупову не удалось применить.

В районе боевых действий уже располагались фронтовые части, а не какая-нибудь тыловая команда; соответственно, была создана и фронтовая обстановка, и противник вел разведку на опережение действий партизан и был готов к их атакам, и взять город штурмом, рассчитывая на внезапность, они не смогли. Попытка захвата аэродрома также не увенчалась успехом, он охранялся немецкими войсками, занявшими хорошо укрепленные позиции. Но им удалось отвлечь на себя значительные силы противника. Пользуясь этим, СНС смог организовать основные

операции по доставке грузов СНВ на аэродром «Три дуба» под Банська-Бистрицей, охрана которого была хорошо организована, и который действовал до последних дней восстания.

Активно действовала в сентябре и радиостанция связи штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта, расположенная у чапаевцев. Сводки и разведданные передавались первые пятнадцать минут каждого часа. Партизанская разведка давала информацию для действия авиации Красной Армии, по нанесению бомбовых ударов. По партизанским разведданным, которые добывал командир разведки М.И. Цепков и агентура словацких коммунистов, в день подвергалось бомбардировке от 3-х до 20 точек противника.

В этот период ведут активную боевую деятельность офицеры Красной Армии, в своё время, бежавшие из плена – такие, как комиссар соединения А.Ф. Лунев, командир разведки М.И. Цепков, а так же начальник штаба словак Л. Кукарелли. Не менее активен начальник снабжения И.П. Смирнов и командиры отрядов, входивших в соединение: имени «Богуна» – А. Митяев, имени «Щорса» – Н. Курачев.

Но как говорил Ф. Спитак.

– Агентурная работа против партизан не только не затухала, но и набирала всё новую и новую силу.

Он давно не встречался со своими боевыми товарищами, и у него накопилось много информации, которую он получил по агентурным каналам и смог добыть сам, используя своё служебное положение. Конечно, всё это Спитак должен был передать партизанам. Но пользоваться обычными каналами связи стало просто опасно. Подвергать людей риску, когда везде шли бои, естественно, не хотелось. И он решил, с помощью майора Краковца, снова получить задание своего начальства на ведение разведки в партизанском районе. Такое задание, на имя Ф. Спитак, майор Краковец получает.

В партизанскую зону он отправился в конце августа, чтобы передать боевым товарищам всю информацию, которой он обладал, конечно, сделать это он мог только под прикрытием своего агентурного задания, которое получил от словацкой службы безопасности, уже действуя как её агент. Спитак побывал в Попраде и Пряшеве, откуда до Ганушевец пробирался один, на попутном транспорте, и в районе Микулаша, в штабе соединения «Чапаев», встретился с Балютой и Кукарелли и информировал их о ситуации на Липтове. Он знал о каком-то компрометирующем партизан неприятном документе, который инспирировала служба безопасности, но определенных данных на этот счет, не имел.

В это время, ввиду складывающейся тяжелой обстановки,

руководители соединения приходят к выводу о необходимости самостоятельно назначать партизанских комиссаров районов, с подчинением им местного населения и всех имеющихся служб. И на следующий день, собрав совещание партизанских комиссаров, Кукарелли начал выдавать им письменные приказы – распоряжения, скрепляя их печатью соединения «Чапаев». Такой декрет получил и сам Ферро Спитак. Этот документ давал полномочия на его действия совместно с Розалией Зарембовой в районе Гуменного, Требишова, Меджилаборец. Они сразу же попытались приступить к действиям, дабы реализовать полученные предписания, и стали предъявлять свои полномочия местным властям.

– Если у жандармского начальства эти приказы вызывали растерянность – они не знали, кому подчиняться, то местные, вооруженные фашистские группы, без колебаний, резко и активно, начали принимать вооруженные контрмеры и, в свою очередь, дабы не допустить перехода жандармских участков на сторону партизан, начали захват жандармских участков. Начальство некоторых участков позволяло осуществлять эти операции и производить аресты в своей среде. А генерал Малар вообще отдал распоряжение расстреливать партизанских Комиссаров. Правда, некоторые жандармские участки, например в Турцах и во Врутках, полностью перешли на сторону партизан, не считаясь с давлением фашистских групп, и даже оказали им вооруженное сопротивление.

В ответ на это, Словацкий национальный совет решает арестовать генерала Малара и посылает для выполнения этого приказа вооруженную группу, но он, чувствуя это, уезжает на аэродром и успевает взлететь, когда группа захвата двигалась к самолету. Эти действия ему все равно не помогают. В Пряшеве, который к тому времени захватили немцы, приземляется самолет генерала Малара. Немецкое командование арестовало его и передало гестапо. Его отвезли в Видень и там после допроса расстреляли. Так окончился бесславный путь колеблющегося и нерешительного человека.

В ответ на это, по соглашению сторон, участвующих в восстании, командование всеми словацкими частями, передается присланному из Лондона генералу Виесту и верному ставленнику Бенеша генералу Голиану. Правда, к этому времени, словацкие части либо попали в плен, либо были деморализованы, либо воевали на стороне партизан. Оба эти деятеля, активно выступавших за буржуазную республику, проводят нерешительную политику и не могут организовать активное сопротивление наступающим немецким частям. Они, скорее,

подставляют партизанские отряды, где основную силу представляли коммунисты, под удар немецких частей. Вот так, Народный фронт, созданный на выполнение узкой задачи отпора агрессии, не может выполнить свою задачу из-за внутренних противоречий и начинает терпеть поражение.

Партизанское соединение «Чапаев» поджимает идущая к фронту 108-я механизированная дивизия СС. В начале сентября немецкие части начали бои за Сланские верхи, бросая в бой танковые и моторизованные части, обеспечивая им поддержку сильным минометным огнем. Жестокие бои происходят в Петровцах, Германовцах и в Златой Бане. Немцы дотла сжигают эти села и уничтожают всё живое, что не успело уйти.

Партизанское соединение вступает в бой, пытаясь остановить противника. Бой длился около 11 часов. В нем участвовали почти все отряды соединения. Хотя немцы и понесли большие потери, но и партизаны, в этом бою, начали нести тяжелые потери. Это было первое крупное сражение с регулярной немецкой фронтовой частью, имеющей большой опыт ведения войны.

У партизан начали кончаться запасы боеприпасов, и немцам удалось окружить ядро партизанского соединения вместе со штабом. Отчаянно маневрируя и сосредоточив отряды на узком участке прорыва, используя складки местности, чапаевцам удалось нанести удар в направлении деревни Петровцы и выйти из окружения.

Сделав рейд к селу Матяшка, использовав знакомую местность и все преимущества района их постоянного базирования, партизаны остановились на отдых. Здесь они встретили отряд имени «Сталина», под командованием подполковника Шукаева, который был передислоцирован в эти леса, имея особое задание командования советских войск. Не рискуя наступать в горно-лесистой местности, противник прекратил преследование партизан.

Захватив свои трофеи и закончив отдых, партизаны отходят в направлении села Токаек. Но, как вспоминал начальник хозвзвода, партизан Смирнов:

– Идти дальше, таща за собой все трофеи и добытое вооружение было невозможно. Обращаюсь к командиру соединения, – вспоминает он, – ведя переписку с бывшими партизанами и готовясь к встрече с товарищами уже в мирное время.

– Что делать с этим громадным грузом, не подрывать же такое добро.

– Конечно, нет! – Говорит Ягупов. – Закапывайте его в ямы. Утрамбуйте землю и покройте дерном, чтобы противник не

обнаружил места захоронения. А когда оторвемся от преследования, вернемся и раздадим это оружие крестьянам окрестных деревень. В это время в Словакии восстание расширяется и приобретает всеобщий характер, и немцы несколько ослабляют натиск на чапаевцев.

В Баньска-Бистрицу, столицу восстания, уже ушли по приказу УШПД, ряд отрядов, действовавших в этих районах. Передислоцировал свои части полковник Маркус. Командиры некоторых отрядов настаивают и на передислокации соединения «Чапаев» вместе с ними. Но Пряшевский комитет, да и сам Балюта, понимают, что если Красная Армия быстро не преодолеет Дуклинский перевал и не выйдет на оперативный простор, то положение в Банська-Бистреце, довольно скоро, станет критическим. Кроме того, отряд потеряет привычный район боевых действий.

Ссылаясь на позицию комитета, которому он ещё продолжает подчиняться, Балюта на передислокацию не идет. Вот тут по Балюте и его соединению наносится удар агентурными методами, где-то в начале октября 1944 года, и потом всю свою жизнь он не может определить, кто и откуда его нанес. Как говорил Ф. Спишак, – в отряд приходит материал, состряпанный на основании фальшивых данных и нелепых обвинений, в первой половине октября 1944 года. Эти обвинения касались И.К. Балюты и некоторых командиров соединения, включая комиссара соединения А.Ф. Лунева. Балюта понимает, что вражеская агентура пытается нанести удар по основному руководящему ядру соединения, состоящему из советских граждан, бежавших из плена русских офицеров.

Это начинает не устраивать, не только, и не столько немецкое командование, сколько буржуазные силы и силы, поддерживающие правительство Чехословакии в Лондоне, входящие в состав СНС. Особенно эти силы, привыкшие играть в парламентские игры и заботящиеся о своих материальных интересах, раздражал тот факт, что в связи с создавшимся положением и необходимостью оказания отпора врагу, соединение в зоне своих боевых действий начало назначать партизанских комиссаров районов. Эти круги понимали, что это – основа будущей власти и не стеснялись с выбором методов достижения своих целей.

Даже находясь в тяжелом положении, преследуемый врагом, командир соединения готовит меры разоблачения этого хода, стараясь связаться с ещё оставшейся партизанской агентурой в противоположном стане. Но он не успевает это сделать.

Пытаясь ослабить позиции и самого командира соединения, и

его сторонников в отряде, вражеская агентура направляет аналогичную информацию в Киев. УШПД получает на И.К. Балюту какой-то компромат и для проверки достоверности этого компромата Балюту вызывают, 7 октября 1944 года, в Киев.

Оставив вместо себя командиром соединения начальника штаба Кукарелли, и не меняя задачи остальных командиров подразделений, Михаила Цепкова и Александра Лунева, Балюта, захватив с собой свой маузер за № 816383, на прибывшем самолете улетает в Киев. Он улетает по вызову начальника УШПД генерал лейтенанта Т.А. Строкача, для решения оперативных вопросов и уточнения ситуации, сроком на пять дней, согласно предписанию. А начальник штаба Кукарелли, так и командовал соединением до самого прорыва фронта и соединения с войсками Красной Армии.

Ни сама командировка, ни причина и характер вызова не предвещали ничего необычного. Поэтому И.К. Балюта, определив распоряжением по соединению права и обязанности своих основных заместителей, и написав на книге учета личного состава проведенных акций и регистрации отряда: «Доверяется для хранения т. Мартину», – отбыл в Киев.

В УШПД, после решения ряда оперативных вопросов, его задерживают до выяснения обстоятельств. Ему к этому периоду было чем отчитаться перед УШПД. Об объеме операций соединения говорят листы из журнала учета действия партизан. До 27.09. 1944 года отряд потерял убитыми 90 человек, ранеными – 78 и пропавшими без вести – 77 человек. И это на фоне немецких потерь: убитых – 2375, раненых – 2067 человек, уничтожено мостов разных типов, включая 3 железнодорожных – 22. Подорвано семь железнодорожных эшелонов, сто автомашин и повозок, 6 танков и 8 орудий и даже один бронепоезд, две железнодорожные станции и, конечно, большое количество более мелкой техники и вооружений.

В это время, Словацкое национальное восстание, охватывающее почти всю территорию Словакии и почти все воинские контингенты словацкой армии, а в отдельных случаях даже жандармерию, организует в Банська-Бистреце Словацкий национальный совет (СНС). Практически, это было национальное правительство Словакии. Однако это движение начинает терпеть поражение. Оно носит довольно рыхлый, в организационном отношении, характер. Несомненно, в состав этого движения входит и партизанское соединение «Чапаев», несущее основную тяжесть боев в Восточной Словакии.

Во всем движении постоянно, с неослабевающей силой, идет непрерывная борьба за подчинение всех сил единому центру.

Впоследствии шло много споров, как шел этот процесс, и где началось всеобщее восстание в Восточной Словакии; действиями соединения И.К. Балюты или в Средней Словакии, где действовал отряд под командованием Емельянова. Если считать восстание народным, то оно, конечно, началось с действий отряда Балюты и имело ядром русских военнопленных. А если считать это восстание национальным (а к этому стремилась его буржуазная и мелкобуржуазная составляющая) то оно началось в Средней Словакии, вокруг этого и идет идеологическая борьба долгие годы.

В период август-сентябрь 1944 года соединение «Чапаев» насчитывало до 2000–3000 человек и увеличилось почти вдвое с началом всеобщего восстания. А в период спада восстания и начала его поражения, численность отрядов соединения уменьшилась соответствующим образом. И продолжала уменьшаться в период локализации восстания в районе Банська-Бистрицы.

Словацкое восстание и его образовавшиеся структуры просят Советский Союз о помощи. Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин принимает решение помочь восстанию. В этот период, командовал 1-м Украинским фронтом маршал Конев, довольно известный полководец, считавшийся специалистом по наступательным операциям.

По замыслу Центра, в районе Дуклинского перевала, переброшенная из Польши 38-я армия, усиленная танковыми корпусами и 1-м чехословацким армейским корпусом, должна была устремиться вперед. В момент прорыва немецкой обороны, когда 1-й Восточно-словацкий корпус восстанет и нанесет решительный удар по немецкой обороне с тыла. В этот момент танковые корпуса 38-й армии стремительным броском пройдут ущелья Дуклинского перевала, с ходу возьмут перевал и выйдут на оперативный простор в Словакии.

Однако удара словацких частей не последовало, немцы смогли укрепить оборону, и остановить танки в ущельях Дуклинского перевала. Продвижение войск замедлилось, начался длительный штурм горных склонов. Немцы, приостановив наступление Красной Армии, начали подтягивать резервы к Баньска-Бистрице, и положение восставших стало ухудшаться.

Стало ухудшаться, под напором немецкой дивизии, и положение соединения «Чапаев», и примкнувших к нему частей Словацкой армии. Чтобы отвлечь на себя удар немецких частей, в наступление Красной Армии был брошен 1-й чехословацкий корпус. Однако он медленно продвигался вперед по горным склонам и быстрого успеха не имел.

В этот период усиливается нажим немецких частей, приступивших к подавлению восстания. Активизируется и агентурная работа против соединения «Чапаев», только теперь силы, заинтересованные в этом, меняют тактику. Они уже не пытаются подкупить командование отряда, а решают вытеснить отряд с территории Словакии, используя свою агентуру, а именно, сторонников национальной буржуазии, участвующей в восстании.

Эти силы поставляют дезинформацию о причастности основного руководящего звена соединения к связям с гестапо. Эти сомнения среди определенной части партизан можно посеять, благодаря тому страху и неуверенности, который создавался под постоянными ударами немецких войск. Кроме того, эту неуверенность сеяла немецкая агентура, что по германской военной традиции сопутствовало любой хорошо организованной наступательной операции Германской армии.

В УШПД информация поступает из Восточной Словакии по обычным каналам, и даже через людей считавшихся надежными и проверенными. По всей видимости, они и были сознательными или бессознательными носителями этой дезинформации.

7 октября 1944 года пала столица восстания Баньска-Бистрица, но освобожденные районы, с помощью советских партизанских отрядов удерживались ещё долго. В период отсутствия командира соединения «Чапаев», боевая и внутренняя обстановка в его отрядах ухудшается и в этой обстановке нервозности и неуверенности, перед наступлением немцев на село Завада, где были сосредоточены основные силы соединения, производятся аресты руководящей пятерки соединения «Чапаев».

Создается полевой суд под председательством некоего Фердинанда Улицая, помощника начальника штаба партизанского соединения, которого большинство партизан знало плохо. Этот трибунал, по воспоминаниям партизан, и выносит смертный приговор нескольким командирам. В ноябре, перед подготовкой отрядов к прорыву немецкой обороны, этот приговор суда приводится в исполнение, якобы под предлогом того, что в ситуации окружения соединения вражескими частями, доставить арестованных на Большую землю для дальнейшего разбирательства было крайне затруднительно. Так информировали в одном из писем чехословацкие источники.

Для меня этот вопрос оставался неясным и я, уже после смерти отца, продолжая начатое им дело, обратился к генеральному секретарю ЦК КПЧ товарищу Густаву Гусаку.

На это письмо я получил ответ от начальника Военно-исторического института ЧСР, который подтвердил эти данные,

сославшись на позицию В. Кокина, который по их информации, дал согласие на эту акцию. Однако, первопричину этой акции, приговор трибунала и сам трибунал, чехословацкие источники всячески обходят, по всей видимости, с точки зрения своих государственных интересов.

Уже после войны, И.К. Балюта делал запросы по поводу позиции В. Кокина, и ему сообщили, что Кировский райком КПСС города Саратова, 19 мая 1966 года, исключил В. Кокина из партии за то, что он занял позицию, не соответствовавшую его служебному положению, и превысил свои полномочия.

Но И.К. Балюту эти ответы никак не устраивали, и он считал основными виновниками и первопричиной принятых решений словацкую сторону, организовавшую трибунал, и не столько словацкую сторону, а сколько двух конкретных человек Улицая и Зарембову.

Он написал письма своим бывшим боевым товарищам, тем, кто стоял у истоков создания отряда и хорошо знал Балюту. Он писал Стефану Кубику, одному из активных участников создания партизанского отряда, да и всего партизанского движения, который в то время, естественно, уже после войны, работал в Славнефти:

– Как ты, присутствуя на заседании трибунала, мог промолчать, когда меня обвиняли во всех мыслимых и немыслимых, смертных грехах? – На что С. Кубик отвечал, что сторона обвинения, в частности некоторые словацкие товарищи, предъявляли, конечно, словесную, так называемую агентурную информацию, по поводу которой можно было высказать удивление, и разводить руками, не имея конкретных данных для её опровержения.

А когда они начали говорить о том, что ты осужден Советским судом и расстрелян, преподнося эту ложь, как якобы достоверные данные, у меня совсем опустились руки. Но давай прекратим копаться в этой истории, чтобы не заслонить от народа наш славный боевой путь и всю нашу борьбу.

Буржуазная пропаганда широко распространяла ложный слух о том, что якобы Ягупов осужден советским судом за связь с гестапо и расстрелян. Это создавало для буржуазных кругов в Словакии и английской разведки благоприятный фон для развития своей интриги, создания, в ситуации нестабильности, условий осуществления операции расправы с пятеркой руководителей соединения чужими руками. То есть, агентурная и пропагандистская работа в Чехословакии, в борьбе различных групп за власть и определение дальнейшего пути развития страны продолжалась ещё длительное время.

И, как впоследствии писал в своих письмах И.К. Балюте – Владо Волко:

– Те, кто в период Тисо, щеголял в гвардейских мундирах и был при власти, быстро перелицевался и стал кричать о своем участии в СНВ и о своей коммунистической стопроцентности. А нас, кто вел борьбу с первых дней, отстранили от участия во власти и Я, как был почтальон, невзирая на все мои заслуги, так и остался. Это письмо четко говорит – вот одна из причин дискредитации руководства соединения «Чапаев».

Да, но это было уже потом, а пока, под нажимом немецких частей, было запрошено разрешение на соединение партизанских отрядов с войсками Красной Армии. И началась подготовка к рейду в район прорыва немецкой обороны.

Вслед за отрядами, в направлении Кошаровце, наступает немецкий пехотный батальон 97-й горнострелковой дивизии, сковывая маневр отрядов. По лесистым склонам Сланских гор, в октябре 1944 года, отряды начинают свое движение на Северо-Восток, в направлении расположения войск Красной Армии, продвигаясь из района Ганушевец, и ведя постоянные бои с преследующим противником. В эти же районы отходят отряды под командованием Романа Стрельцова, Л.Ю. Беренштейна и Майорова. С ними продвигается и отряд имени «Сталина», под командованием полковника М.И. Шукаева.

Отряд Шукаева имел серьёзный боевой опыт партизанской борьбы на Украине и с боями пришел на территорию Чехословакии, его задача была – остаться на территории Словакии и продвинуться дальше в Чехию, по мере продвижения Красной Армии. Свою задачу, впоследствии, этот отряд выполнил и закончил свой путь в Чехословакии. А сейчас, после короткого отдыха, вместе с отрядами чапаевцев они отходят к селу Завада, и чапаевцы надеются на их боевой опыт, стараясь активно взаимодействовать с ними, при отражении атак противника.

К 16 октября, отряды достигают района Завада, где удаётся организовать посадочную площадку и перед прорывом обороны противника получить с Большой земли боеприпасы и продовольствие. Положение было тяжелым, шли бесконечные дожди, склоны превратились в мокрые и скользкие препятствия. Разжигать костры было опасно, по любому огоньку немцы начинали минометный обстрел, запасы продовольствия были на исходе, и приходилось, есть сырую конину. Хозвзвод, спрятав костры в ямах и ложбинах, пытался проварить конину, но под огнем противника вынужден был разносить её в ведрах и раздавать партизанам. И, как вспоминал один из партизан:

– Накрывшись плащ-палаткой, подстелив под бок сырой

валежник и слегка прокоптив в палатке, как в чуме, кусок конины, грызли её зубами перед боем, заедая отсыревшими немецкими галетами и пересчитывая каждый патрон, ждали помощи с Большой земли.

В это время помощь была особенно ценной. Самолеты сбрасывали её специальными мешками в районе посадочной площадки на парашютах. Не все мешки в горах удавалось найти, часть из них попадала к немцам, но положение отрядов всё же улучшилось. Во второй половине ноября немцы начали сжимать кольцо последнего партизанского района в Восточной Словакии, расположенного в районе Стропков-Гуменнэ-Медзилаборцы.

Немецкие войска, расположенные к югу от Завады, атакуют партизанские отряды, и они вынуждены отходить на Сольник. Чапаевцы отходят на Сольник, уводя за собой преследующие их немецкие части и давая возможность отряду Шукаева выполнить свою основную задачу – пройти в район средне-западной части Чехословакии в целях усиления боевой деятельности в тех районах. В оперативном просторе чапаевцев Шукаев оставляет один отряд, который прикрывает тылы, обозы и транспортировку раненых партизан. Севернее Сольника отряды разбивают лагерь и останавливаются на отдых. Партизаны падают как подкошенные, не дожидаясь, когда разобьют палатки, и начинают засыпать прямо на траве. Кажется, уже нет сил двигаться дальше. Три дня постоянных маневров и ночных переходов, позволивших вырваться из кольца окружения и оторваться от противника, дают о себе знать.

Четвертая ночь проходит спокойно. Но уже, после нескольких часов отдыха, начинается движение в партизанском лагере и подготовка к дальнейшему переходу.

Перед самым отходом из района Завадских гор, ряду подразделений, как вспоминали люди из группы армейских разведчиков, выполнивших своё задание и примкнувших к соединению «Чапаев», для выхода на соединение со своими частями, было объявлено, что вместо трагически погибшего Лунева комиссаром назначен некий Тристан, которого разведчики, к сожалению, не знали. И, как вспоминал партизан Чавро Д.Г.: «Тристан собрал комиссаров отрядов и объявил, что все расстрелянные товарищи – агенты гестапо». Все вновь назначенные лица, активно участвовавшие в этом деле, старались даже в последние дни, перед выходом на соединение с войсками Красной Армии, закрепить своё положение и убедить окружающих в своей правоте. Они прекрасно понимали, что на этом борьба не кончится, и будет ещё долго тянуться шлейф от этих событий.

Многие партизаны, сомневающиеся в правильности принятых решений, не могли высказаться по этому поводу, сосредоточив своё внимание на предстоящем бое, перед прорывом немецкой обороны.

Встретив серьёзное сопротивление немцев в этом районе, партизанские части, движущиеся на север в район Сольника, вынуждены были повернуть на восток и двигаться в направлении штаба советских сил 4-го Украинского фронта, в район Калинова, обходя основные силы 97 – ой немецкой пехотной дивизии.

Однако незаметно обойти силы такого крупного подразделения противника отрядам партизан было довольно трудно. Нужен был отвлекающий маневр, и тогда Мартин решает атаковать штаб немецкой дивизии, расположенный в селе Суково.

Отобрав 100 лучших бойцов, ещё обладающих, в условия горного похода, физической силой, сделав стремительный двухдневный переход в горах и пройдя незамеченными мимо немецких постов, партизаны атаковали немцев в деревенских домах, забросав их гранатами, и уничтожили штаб дивизии. Пространство озарилось пляшущим пламенем горящих домов, вырывавшим из темноты мечущиеся фигурки немецких солдат, по которым партизаны вели сосредоточенный, прицельный огонь из своих темных лесных укрытий. Оправившись от возникшей паники, противник усиливает минометный огонь, препятствуя отходу партизан.

Немцы срочно начали подтягивать подкрепления в район Суково, и завязали бои, преследуя штурмовую группу, осуществлявшую отвлекающий удар и начавшую отход вглубь лесного массива. Но группа, ведя маневр быстрыми и короткими марш – бросками в горно-лесистой местности, отрывается от преследователей и соединяется с основными силами. А немецкие подразделения, понеся потери, около сотни убитых и раненых, не рискуют вести дальнейшее преследование и отходят на исходные позиции. Эта тактика принесла успех, и основным силам партизан удалось продвинуться дальше – в район Меджилаборец.

Здесь же, в окрестностях села Суково, капитану Кокину удалось связаться со своим штабом и получить разрешение на выполнение вполне определенной, и довольно узкой задачи. Эта задача заключалась в координации действий восьми партизанских отрядов, оказавшихся в этом районе, при выполнении мероприятий, обеспечивающих прорыв немецкой обороны, до соединения с войсками Красной Армии.

Но за партизанами немцы продолжали посылать подразделение за подразделением, тесня партизанские отряды в район Габурово-Боров. Именно здесь в районе хорошо

укреплённой немецкой обороны, противостоящей частям Красной Армии, в самом неудобном для партизан месте, требующем прорыва укрепленных немецких позиций, отряды вынуждены идти на прорыв.

При этом партизанские отряды всё время преследуются с тыла немецкими частями, и у них остается один выход идти на прорыв, продвигаясь через немецкие минные поля. Это понимали и командир, и даже рядовые партизаны. Требовалась четкая организация прорыва, чтобы избежать лишних потерь. Прежде всего, запросили фронтовой штаб партизанского движения и вторично радиограммой получили разрешение на прорыв. Но, при плотном расположении немецких частей, атака могла захлебнуться. Неоднократные попытки взять языка, наконец, удались, и стало ясно расположение немецких частей между Габурово и Боровом, и их укреплений, насыщенных бревенчато-земляными пулеметными дзотами, хорошо замаскированными в лесистой местности.

Отряды соединения «Чапаев» расположились над Завадой, а остальные отряды, идущие на прорыв, – в районе Колбовце и севернее Гуменного.

Немцы, окончательно решившие избавиться от партизан в своём ближнем тылу, всё сильней и сильней поджимали партизанские отряды. Немецкие танки уже вели огонь невдалеке от главного партизанского штаба и уничтожали села, поддерживавшие партизан. Над Кошаровцами поднимался дым пожарищ. Кукарелли отдает последние указания – разделить между партизанами весь запас патронов и гранат и начать обстрел немецких позиций из пулеметов. Разведка донесла, что наиболее слабы позиции немцев в районе Калинов. Конечно, перед последним броском нужно было, хоть как-то, накормить людей горячей пищей и Кукарелли приказал зарезать нескольких коней.

– Опять конина, – взмолился Смирнов, – хоть какие-нибудь консервы, сварить какой никакой, а всё же суп.

– Ну, ты же знаешь, что все запасы консервов пришлось оставить перед последним переходом и закопать их в ямы, – сурово ответил Мартин. – А возвратиться туда уже нельзя, нас преследуют немецкие части, только людей потеряем. Так что действуй и не хандри.

Только начали варить конину, как немцы открыли огонь по дыму костров. Пришлось раздать полусырую конину партизанам. Медлить было нельзя. Минометный огонь немцев, начатый по дыму костров, мог накрыть расположение партизан. Построив отряды в колонны, организовав круговую оборону, партизаны

двинулись на прорыв. Пришлось прорываться невдалеке от немецких пулеметных гнезд под трассирующим огнем противника.

Отряды партизан приближаются к расположению советских войск. За ними идет мирное население, уходящее от карателей, а далее все, кто присоединился к партизанам в последнее время. В это время советская артиллерия начинает обстрел немецких позиций, и только увидав приближающихся партизан, прекращает огонь. Вперед выдвигаются заранее выделенные группы блокирования и уничтожения пулеметных гнезд противника. Эти группы были составлены из крепких ребят отряда имени «Богуна». Сигнал атаки – взрыв трех гранат. И как только смолкли немецкие пулеметы и прогремели три взрыва, партизаны бросились в атаку. Партизаны продвигаются вперед, натыкаясь на фланговый огонь пулеметных гнезд и дзотов противника, уходя от него лесистыми балками и оврагами.

Так подходит к концу операция сил, действующих с целью либо вытеснения, либо уничтожения партизанского соединения «Чапаев». Этим силам удаётся не дать отряду прорваться на северо-запад Восточной Словакии и остаться в её лесах, до прихода войск Красной Армии. Операция по выходу отрядов из окружения заканчивается.

Договорившись со штабом 4-го Украинского фронта, чапаевцы и все сопутствующие отряды идут на прорыв немецкой обороны в районе между Габурово и Боровом. Впереди немецкие траншеи, а дальше минные поля. Под артиллерийским и минометным огнем противника отряды, идущие на прорыв в горах Низких Бескид, растягиваются на довольно широком 80-ти километровом участке фронта, двигаясь в направлении Калинова.

Основная цель различных враждебных политических сил, действующих в Словакии и долго добивавшихся ухода соединения с её территории, достигается. Этот успех, конечно, временный, отряды, пройдя по немецким тылам, нарушив и прорвав оборону противника, значительно облегчают готовящуюся наступательную операцию Красной Армии. И 4-й Украинский фронт, преодолев укрепления противника, переходит в наступление в районе Медзилаборцы и устремляется на Словацкую территорию.

Командовал прорывом партизан, отдавал последние распоряжения перед прорывом немецкой обороны – Мартин. Немецкие части, расположенные в тылу партизанских отрядов, постоянно вели огонь по расположению партизан.

Активности Виктора Кокина, который по бытовавшим среди партизан слухам, якобы на период прорыва был назначен не

только командиром соединения, но и куратором всех партизанских отрядов, действующих в этом районе, не было видно. Правда, как это выяснилось позже, все эти слухи были абсолютно необоснованны, просто кто-то, играя на его честолюбии, хотел его руками убрать пятерку арестованных руководителей соединения. Но он всё же, как представитель штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта, собрал совещание всех командиров партизанских отрядов, находящихся в районе Габурово-Боров.

Этим отрядам штаб движения дал разрешение идти на соединение с войсками Красной Армии и, при подготовке прорыва, капитан Кокин координировал расположение отрядов и направление прорыва. Эту деятельность он осуществлял в период с 10 по 15 ноября, когда до выхода на соединение с войсками Красной Армии оставались считанные дни. Во время прорыва все партизанские командиры действовали самостоятельно, поскольку в сложившейся ситуации никакого единого командования партизанских отрядов, действовавших всё время самостоятельно, не было, и создать его, в этой обстановке, было, вообще, очень трудно.

Ночь перед прорывом Кукарелли провел вместе с группой Смирнова, которая должна была прикрыть партизан, идущих на прорыв с тыла. Чувствовал он себя неважно, его сильно знобило и, укрывшись одеялом, он долго не мог уснуть. От еды он перед боем отказался. Спал тревожным сном, постоянно просыпаясь и тревожно вскрикивая во сне. Проснулся он довольно рано, как только забрезжил рассвет и, разбудив группу Смирнова, молча, обдумывал позицию. Под утро подошел капитан Кокин, положил ему руку на плечо и сказал единственную фразу: «6.00, Мартин, пора действовать».

Мартин пожал всем руку, попрощался с группой прикрытия и ушел вперед, приказав Смирнову прикрыть тыл. Мартин построил отряды, идущие на прорыв в колонны, и организовал круговую оборону этих колонн. Он шел вперед во весь рост, не кланяясь пулям, в распахнутой шинели, с пистолетом в руках и взмахом руки звал за собой наступающих партизан. Таким и остался он в памяти многих, хорошо знавших его партизан, беззаветным борцом, героем Словацкого народа.

При прорыве немецкой обороны, часть партизан наткнулась на минное поле и дальше продвигались уже под огнем противника по минному полю. За ними шло местное население и все, кто присоединился к отряду в последнее время. Впереди были немецкие траншеи, а дальше минные поля. С тыла движущихся колонн немецкие части преследования начали

минометный обстрел местности. Дислокацию отрядов уже было невозможно изменить, нужно было продвигаться только вперед. Многие партизаны были убиты или ранены в этом бою. Такой интенсивный, скоротечный встречный бой с преследованием длился около получаса. Вместе с соединением «Чапаева» на Восток двигались отряды за «Родину» Романа Стрельцова, отряд Майорова, отряд им. «Пожарского» под командованием Беренштейна, и другие подразделения. Линия фронта на этом участке, под ударами партизанских отрядов, была прорвана.

От разрыва мины был убит командир одного из соседних отрядов, герой Советского Союза – Стрельцов. Это произошло за сутки до прорыва обороны немцев. Не суждено было и Людовиту Кукарелли встретиться с солдатами Красной Армии, он был убит пулей в затылок, в последние минуты прорыва.

Отряды утром, 24 ноября 1944 года, вышли на соединение с Красной Армией. Уже после соединения с регулярными частями, бойцы из отряда «За Родину» вернулись и вынесли тело своего командира, так же было вынесено и тело начальника штаба соединения «Чапаев», командовавшего прорывом Людовита Кукарелли.

После прорыва людей собирал капитан Кокин, он и сообщил партизанам о гибели Мартина, за телом которого были посланы бойцы. В этой местности в районе села Габура он и был похоронен. К сожалению, сразу среди партизан стал распространяться слух, а не умышленное ли это убийство Мартина, даже в этой обстановке вражеская агентура исправно продолжала сеять панику и слухи. Но тогда большинство партизан, смахнув скупую слезу от такого известия, отбросило эти слухи. И, среди многих погибших в этом жестком встречном бою, смерть Мартина была тяжелой, но естественной потерей.

Как вспоминал командовавший при прорыве группой прикрытия – Смирнов, после прорыва советское командование, прежде всего, решило накормить людей, изголодавшихся за весь период похода. Собрали их в одной из столовых, принадлежавшей расположенным в этом районе частям Красной Армии. Во время обеда к нему подошли партизаны, бывшие рядом с Мартином, когда он был убит, и сочувственно сообщили:

– Представляешь, какая потеря, на бегу, мы даже не успели понять, откуда идет стрельба, Мартин упал. Мы подбежали к нему, пульса уже не было, пулевое ранение в голову. К нашему приходу он уже скончался.

После войны, его жена Анча Кукарелли (Косткова) перевезла и перезахоронила его тело в Кошице. А в селе Габура ему соорудили памятник. Партизаны соединились с частями Красной

Армии в селе Калинов, где их и расположили лагерем. Тут они получили еду и отдых. В этом лагере сосредоточилось около 1200 партизан, вышедших из боя. Партизаны собирались группами, рассказывая друг другу эпизоды боя, и пытаясь подвести итог своих и немецких потерь. Но только несколько позже эту работу завершили начальник штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта подполковник И. Бовкун и чехословацкий представитель майор Шрам. Они подвели итоги операции прорыва и поздравили партизан с большим успехом удачного выхода из вражеского окружения:

– Из окружения вышло 1200 партизан и большое количество примкнувшего населения. Уничтожен 21 пулеметный дзот, нарушены линии связи и оборонные сооружения, живой силе и технике противника нанесен существенный урон. Облегчена задача частей Красной Армии, переходящих в наступление. – Подполковник И. Бовкун благодарит товарищей от имени командования Красной Армии, а майор А.Шрам от имени Чехословацкой стороны.

После прорыва обороны и соединения с регулярными частями, всех чехов и словаков отправили на пополнение 1-го чехословацкого корпуса, а остальных в 113 АЗСП, запасной стрелковый полк, где и была проведена проверка личного состава. Большинство было направленно на пополнение в 271-ю стрелковую дивизию. Кое-кто из людей, присоединившихся к отряду в последние дни перед прорывом и вызывавших подозрения, был направлен на пополнение в штрафной батальон. Но это был небольшой процент людей, пришедших вместе с отрядом, не более 1–3-х процентов.

Это происходило в конце 1944 года. И уже можно было окончательно подвести итоги успехов и потерь соединения «Чапаев». Тогда и были получены первые данные этих итогов. А уже позже, в мирное время, И.К. Балюта, подытожив все данные, приходит к выводу, что соединение на всем его боевом пути уничтожило более 8500 немецких солдат и офицеров, правда и потери соединения возросли до 600 партизан, соответственно, возросло и количество уничтоженной вражеской техники и сооружений. И, как считал Балюта И.К., чапаевцы нанесли урон противнику не менее 25 %, от всего количества потерь германских войск в Словацком национальном восстании.

В этот период, немцы уже видали, что борьбу за Карпаты они проигрывают, и начали формировать различные диверсионные группы, как их тогда называли партизаны – группы «Вольф», то есть волчьи группы. Их так называли, за их повадку действовать с необычайной жестокостью, не только с зазевавшимся

военнослужащим, а и с мирными гражданами. В задачу этих групп, входило, помимо диверсионной работы в тылу Красной Армии, и дестабилизация тыла, за счет страха, паники и слухов среди мирного населения.

Эти группы формировались из «зондеркоманд», агентуры гестапо, полицейских формирований и под видом советских военнопленных, бежавших из лагерей, переходили на сторону Красной Армии. Они начали активную работу в тылу Красной Армии уже с конца 1944 года.

Такие проверки, как считали многие партизаны, были суровой необходимостью. Хотя уже в шестидесятые годы, да и сейчас, пытаются осудить эти действия, приписав их мифическому «культу личности», превратив эту компанию в действие какой-то средневековой нечистой силы. Что ни здравствуйте, то – «культ личности», что ни до свиданье, то – «Бериевские методы». – Как говорил тогда отец: «Вот увидишь, с помощью этого мифического «культа личности», и постоянной, тенденциозной критики прошлого, мы поможем нашим врагам довести нашу страну до полного развала».

Тем более, в тот период в Словакии ни личности, ни культа просто не было, а действовали коалиционные силы СНВ, зачастую не дружественные Советскому Союзу. Но Советское Верховное командование всегда поддерживало СНВ, на всех этапах его развития. Многие бойцы, в том числе и И.К. Балюта, были беспартийными, но вели активную вооруженную борьбу под знаменем социализма и коммунизма.

Уже позже, доказав свою правоту, не без помощи своих товарищей, он приходит к выводу о необходимости вступления в ряды коммунистической партии, и вступает в неё в 1963 году. Будучи уже в годах, работая мастером, он понимал, что недостаток образования никаким жизненным опытом не заменишь, и занимался самообразованием, продолжал внутренне расти, выражая свои стремления искусством живописи. Но живопись, хоть он и оставил несколько неплохих полотен, не удовлетворяет его. Он поступает учиться в техникум и оканчивает его, после чего назначается начальником ОТК.

Перед ним всю жизнь стояло письмо его соратника по партизанской борьбе, Петра Бабея, который считал, что главная его заслуга в том, что он остался верен коммунистическим идеям, несмотря на все жизненные трудности – идеям, ради которых он и начинал организацию партизанского движения. Главное, чего хочет Иван Кононович на склоне лет, добился того, чтобы его товарищи по борьбе, там, в Словакии, знали, что он, Советский Человек, не только не предавал их, но и не мог быть предателем.

А вся эта затея нужна была тем силам, которые добиваются разрушения великой идеи славянского единства. И он не только восстанавливал своё доброе имя, но и доброе имя своей Великой страны, которое уже тогда старались опорочить некоторые силы в Чехословакии. Их циничная агентурная деятельность не может знать границ морального падения.

В Братиславе был воздвигнут памятник, изображавший безымянного воина, прототипом которого был И.К. Балюта. Этот памятник символизирует Словацкое Народное Восстание. Его воздвиг скульптор Йозеф Костка по рассказам многих основателей партизанского движения в Словакии, хорошо знавших И.К. Балюту.

Именно период конца 1944 года был наиболее активным периодом в политике Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, по реализации идеи создания блока славянского единства. И именно в этот период буржуазные силы в СНВ и спецслужбы союзников, думающие о будущем послевоенном развитии Восточной Европы, стараются работать на раскол славянского единства. И эта цель ими достигается уже сейчас, в период перестройки и реформ. А тогда, когда были живы люди, одержавшие Великую победу, им это не удавалось.

После войны Балюта И. К. обращается в советские органы за помощью в восстановлении своего честного имени там, в Словакии. Но получает ответ:

– Что советские органы ни против него, ни против пятерки его товарищей никаких обвинений не выдвигали. Расследование надо вести в самой Словакии. Балюта приходит за советом к своему старому знакомому и руководителю Н.П. Моисеенко, и они вместе начинают систематизировать и публиковать материалы по партизанскому движению в Словакии.

Понимая, что дело носит международный характер и имеет глубокие корни, Моисеенко Н.П. обращается в ЦК КПСС, к своему старому товарищу секретарю ЦК КПСС А.П. Кириленко. Дело сдвигается с мертвой точки, и наши органы получают возможность вести работу в городах и селах Словакии.

Обвинения в связях с гестапо не находят подтверждения и там, имя Балюты И.К. и его товарищей полностью реабилитируется. Этим делом занимается ЦК КПС, Кошицкий Обком КПС и назначенная им комиссия. Но дело всё равно всячески затягивается. И Иван Кононович пишет с горечью, письмо полное упрёков – Ф. Спишак. На что получает ответ:

– Дорогой Ванюша, мы предпринимаем всё от нас зависящее по общественной линии. Я, Стефан Кубик, Плахта и Майер написали открытое письмо к официальным органам, чтобы

ускорить рассмотрение дела и опубликовать опровержение тем измышлениям, которые были опубликованы в нашей прессе и литературе. Мы и Владо Волко оставались честными до конца, поэтому, в определенный период, нас и оттолкнули от власти и увели в тень, но мы всё равно оставались при своём мнении и оставались честными перед своей совестью.

– Да, ты пишешь о виновности Улицая и Розалии Зарембовой. Что касается Фердинанда Улицая, кажется из Кошиц, ты конечно прав. Многие наши товарищи настаивали на его допросе и выяснении всех нюансов, но он, в этот период, сильно болел, а в отношении него дело тормозилось не подвластными нам силами. А относительно Розалии Зарембовой, которая после войны была на ответственной партийной работе, хочу сказать, хоть и многие наши партизаны осуждают её в этом деле, но многие считают её преданным товарищем. Ведь она, во время войны, была агентурным курьером и вела разведку в нашу пользу.

О ней хорошо отзывался и товарищ Володя – командир отряда имени» Пожарского» – Л. Беренштейн. Правда, у разведчицы сложная судьба, как курьер моей разведгруппы она действовала нормально, но как политик она вела и самостоятельную деятельность.

Ты знаешь, что мне, в связи с моей работой в жандармерии поручали и некоторые контрразведывательные дела. Занимались и тем и этим всё те же люди. Приносили мне не только проверенную и добытую информацию, а и слухи, и сплетни. Конечно, имея профессиональный опыт, я многое отметал после проверки. А почему у Розалии вскружилась голова, и она бросилась активно в твоё дело, я не знаю, и не хотел бы, без серьезного расследования государственными органами, делать какие-то выводы в отношении её личности. Трудно сказать, была ли она бессознательным носителем дезинформации, раздуваемой женским любопытством, или в этом была какая-то корысть или просто заблуждение, или что-то другое. Ты, наверное, помнишь тот аналогичный эпизод с женщиной в гостинице, по национальности немкой, который ещё тогда сильно обрастал сплетнями и в отношении тебя и в отношении Мартина. Возможно, на неё повлияли эти слухи, а возможно у неё, как у разведчицы, где-то произошел прокол – сего вопроса я не ведаю.

– В крайнем случае, ещё тогда в 1944 году, когда передо – мной ставили этот вопрос, о твоей причастности к этому делу, делу – о якобы любовной связи с сомнительной женщиной, которую пытались представить как вражеского агента, я, при беглом расследовании, насколько позволяла обстановка того времени, отверг эту идею.

– Я отрицал какую-либо твою причастность к этому делу и снял с тебя все подозрения, оставался при этом мнении всю свою жизнь, даже когда это было крайне невыгодно для моей служебной карьеры.

– Многие партизаны высказывались отрицательно и о вестовом В. Кокина Штефане Тереке, но ты сам понимаешь, что вестовой, мальчишка семнадцати лет, никакой самостоятельной роли в этом деле играть не мог. Да и он помнит, и любит тебя, и писал во все инстанции, чтобы найти тебя и отблагодарить за отеческую заботу о нем – в тот наш славный, несмотря ни на что, партизанский период.

Только в 1962 году чехословацкая прокуратура, собрав всю информацию и разобравшись в деле гибели командира партизанского отряда имени «Пугачева» т. Емельянова и проанализировав информацию, полученную от Ферро Спишак, снимает все обвинения в адрес И.К. Балюты. И, как добавляет Ферро Спишак: «Думаю, что всё это произошло не без Гришина из Москвы».

А словацкая газета «Правда», в своих новостях сообщает, что министр иностранных дел Хноупек дал общегосударственное заключение о полной реабилитации И.К. Балюты и его товарищей. Правительство Чехословакии признает его заслуги в организации партизанского движения и награждает знаком «Звезда Чехословацких партизан».

И.К. Балюту приглашают официальные органы Словакии на открытие памятника советским и словацким героям-партизанам соединения «Чапаев», которые погибли по приговору инспирированного полевого суда, И.К. Балюта побывал в местах сражений в Словакии и встречался не раз со своими боевыми товарищами. Приехал туда он уже после того, как в результате болезни и фронтовых невзгод, ему ампутировали ноги, и передвигался он на протезах. Приветливая встреча старых боевых друзей произошла там, где когда-то шли бои. Ивана Кононовича сначала повезли на тележке, а потом понесли в Сланские горы на руках, на Лысую Поляну, где когда-то был штаб Чапаевцев и где, в этих местах – под Рогожником, погибли его боевые товарищи. С их могилы он взял горсть земли для передачи родственникам погибших товарищей. Там же ему вручили диплом почетного гражданина города Злата-Баня. Его тепло встречали в школах, городах и поселках. И ему все товарищи, с которыми он встречался, в частности, Милан Дубинский, которые хотели выяснить детали этого дела и писали, и говорили:

– Надо добиться, чтобы наши власти допросили бывшего председателя трибунала Фердинанда Улицая. К делу

подключился и Войтех Боровский, который просил власти отбросить антикультовские мефоды и рассмотреть дело по существу, выяснив все тайные пружины. Всё как было! Но дело вновь и вновь стопорилось. И Балюта, в письме Ф. Спитак писал.

– Вы пишете, что все наветы сняты. Как же так? Улицай и Зарембова говорили, писали, выдумывали всякую грязь. Они не воевали, а только болтали языками. Благодарю, что вы остались честным до конца и поддержали меня в трудную минуту, но справедливость в отношении их должна тоже восторжествовать.

И особенно поднимало его жизненные силы письмо Владо Волко, писавшего:

– Я никогда не верил их клевете, ты так отчаянно боролся с фашистами и ты изменник. Это была работа тех людей, которые тебя ненавидели – Улицай и Зарембова. Не будь тебя и Мартина, не было бы и такого большого отряда. Ванюша, я хорошо помню тебя, поскольку с такими искренними людьми встречался редко. Об этом я не побоялся сказать им правду, и они меня оттолкнули. Многое у нас в стране стало не получаться, но как может, что-либо получаться, если на передовые места ставятся не соответствующие этим местам люди, которые смеются над нами из-за угла, и делают всё, чтобы опорочить наши идеи – социализма и коммунизма.

Вот так уже потом, через союзы с буржуазными элементами во всевозможных фронтах, через объединение с социал-демократами, через размывание основных принципов и идей, в разных союзах, мы шли к августу 1968 года. Тогда был провозглашен так называемый гуманистический социализм, а, скорее всего, первая попытка капитализации страны, методом приватизации.

А через эту приватизацию – к отказу от дружбы с Россией. Через перестройку и реформы – к перерождению личности и партии. И, наконец, к проамериканскому, компрадорскому капитализму. Сначала Запад провел по этому пути Чехословакию. Ну, а за ней и СССР, а потом и Россию.

А сегодня в Словакии, помнят ли совместно пролитую кровь и совместную судьбу, или все поглощено в пучине глобализации и приватизации? Но как бы там, ни было – пусть все помнят:

– Колесо истории движется и возвращение идеи Славянского единства неизбежно! Хотелось, чтобы всё было так, как писали жители села Петровцы: «Вас и ваших бойцов у нас помнят, и будут помнить! Воспоминания о вас живут, и будут жить Вечно!»

9. Быстрый взлет с Л. И. Брежневым

Наконец, закончилась война. Все с криками: «Победа! Победа!», – бежали на площадь Свободы, стреляли в воздух, обнимались, плакали и ликовали! Победа была безмерной, всенародной! И радость была безмерной – всенародной! Молодые и старые, пожилые и степенные дарили друг другу улыбки, участие и сочувствие во всех потерях и горестях, которые каждый принес на своих плечах. Эта радость окрыляла людей и несла вперед к ликвидации громадной разрухи, принесенной войной.

Развалины, которые раньше казались сумрачными и свирепыми, вдруг перестали иметь угрожающий вид. Все спешили послушать обращение товарища Сталина И.В. к народу. К вечеру все затихло. И в эти торжественные минуты прозвучало:

– Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия поставлена на колени. Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

Помню громадный субботник, который организовали, после всех торжеств, в честь Победы. Субботник по расчистке завалов начался как торжественное мероприятие. Это был СУББОТНИК! С музыкой духовых военных оркестров, с танцами и кружащимися в ритме вальса парами! Но и работа спорилась тоже в этом ритме. В эти тяжелые послевоенные годы в истощенной войной стране – энтузиазм народа, сам по себе, был явлением уникальным и перед ним развалины начинают отступать.

Наступал новый послевоенный период восстановления разрушенного хозяйства, который дал немало ярких страниц, достойных памяти будущих поколений и удививший мир своими темпами. Конечно, расчистку завалов, приведение города в порядок, наведение идеальной чистоты на улицах и во дворах, такой чистоты, которую и сейчас не увидишь во многих городах, считающих себя цивилизованными, начали проводить сразу после освобождения города, дабы в городе не возникло никаких очагов инфекций и эпидемий.

Учитывая, что в те тяжелые годы продовольственный паек в тылу был небольшим, мы еще в 1944 году начали налаживать подсобные хозяйства на заводах, которые предстояло восстановить, что бы улучшить питание рабочего класса, организовав дешевые столовые на предприятиях. А главное, отчетливо помнится, как ещё в январе начали восстановительные работы на заводе «Запорожсталь». Как, ещё 23 февраля 1944 года,

телеграф принес весть о том, что Государственный Комитет Обороны вынес постановление:

– О подготовке к пропуску весеннего паводка и восстановлению Днепрогэса им. Ленина. – Вспоминал Отец новый мирный период своей жизни.

– К началу восстановительных работ строители столкнулись с разрушением почти всех верхних частей опор плотины. Шли бои, отступления и наступления, взрывы и бомбежки. Попытки немцев варварски уничтожить плотину, всю до основания, не дали осуществить разведчики Красной Армии. Но, отступая, немцам удалось взорвать здание электростанции. И, к тому же, надо было нарастить, методом последовательного бетонирования, 39 из 49 опор, – задумчиво вспоминал Отец начало работ после Первомайской, предпобедной демонстрации 1945 года.

– То, чем мы сегодня можем гордиться, в эти победные дни, как нашими трудовыми успехами, началось сразу, как только утихли бои и мы с первыми строителями, и инженером И.И. Кандаловым, который несколько позже был назначен главным инженером Днепростроя, пришли к Днепру осматривать все нагромождения бетона и искореженных металлоконструкций.

Иннокентий Иванович Кандалов, уже тогда, вынашивал идеи восстановления Днепрогэс. Это был человек с большим опытом гидротехнических работ, который начинался на Волховстрое и Чирчикстрое. Мы всегда прислушивались к его идеям, поскольку знали, что ещё в 1932 году он был награжден «Орденом Ленина» за строительство Днепрогэс, когда работал начальником гидротехнического отдела правого берега Днепра.

И.И. Кандалов был человек беспартийный, но всегда советующийся с партийными органами. Уже при осмотре плотины он заговорил о том, что у него есть идея восстановления, которую неплохо, перед разработкой проекта и отправкой в министерство, рассмотреть в обкоме партии.

Мы его поддержали, и я ему сообщил мнение бюро:

– Ну что же – вопрос важный, приходи в обком, соберем бюро, будет и А.П. Кириленко, тогда и обсудим твою идею. – Вспоминая недавнее прошлое, говорил Отец.

В обкоме Кандалов развесил наскоро сделанные схемы и эскизы, надвинув плотнее пенсне, и загадочно сощурив один глаз, ждал тишины и внимательно разглядывал рассаживающихся членов бюро обкома. Наконец, он заговорил.

– Донные отверстия! Да, да – не удивляйтесь! Пробитые в теле плотины донные отверстия, в количестве около 16-ти штук, позволят осуществить сброс воды с верхнего бьефа, оголить тело плотины и приступить к проведению гидротехнических работ.

– И он начал с увлечением рассказывать детали этой идеи, отвечая по ходу дела на вопросы, сыпавшиеся со всех сторон и, слушая краем уха обсуждение, которое велось по ходу доклада, членами бюро обкома. Он закончил и, в наступившей тишине, прозвучал голос А.П. Кириленко.

– Всё это хорошо, бюро обкома вас поддерживает. Нужно вести более детальную разработку и выходить на правительственные инстанции.

Но всем было ясно, чтобы всерьез приступить к работам, нужно наладить какой-то, хотя бы подвесной мост через разрушенную проезжую часть плотины, в центре которой зиял проран, а через него с ревом неслась вода. Посередине прорана одиноко возвышался уцелевший бычок, на котором и можно было закрепить концы подвесного моста и дать возможность начавшим съезжаться специалистам левого и правого берега приступить к работам.

– Помню, за эту работу взялась бригада монтажников Андрея Евграфова. Сам Андрей оборонял в сорок первом Ельню, а после нескольких ранений и госпиталя, восстанавливал своё мастерство на монтаже Красноярской теплоэлектроцентрали, – вспоминал свои впечатления от личных встреч и бесед Отец.

Скрепив довольно большой баркас с инструментами и пролетами подвесного моста, предварительно собранных на берегу, с тросом, связав его с системой лебедок на правом берегу, он приступил к монтажу.

В центре плотины преграда. С ревом в проран несется вода. К центральному бычку подобраться очень трудно. Лодку, спускаемую на закрепленном на корме тросе, всё время сносит вниз, угрожая смыть и людей и инструмент. Наконец, после восьмой попытки, бригаде удается закрепиться за этот одинокий бычок. А, что дальше? Перед ними двадцатиметровая монолитная, отвесная, бетонная стена. Выручает оборванный взрывом электрокабель, свисавший с вершины бычка. По этому электрокабелю, скинув бушлат, рискуя сорваться и погибнуть в бурлящем потоке – Андрей взбирается наверх, а за ним – вместе с пролетом моста, по спущенной им веревочной лестнице, поднимается и его бригада.

– Пролет моста закреплен, самый трудный участок пройден. А дальше уже по налаженной технологии, монтируется и весь подвесной мост. По этому мосту осуществилась первая связь левого и правого берега, так необходимая для начала работ. Прошли рабочие ещё в Первомайскую демонстрацию сорок четвертого года, которую мы с такой радостью готовили, как первую послевоенную демонстрацию. И, стоя на первомайской

трибуне, слышали искреннюю радость и крики ура, в честь наших побед на фронтах, проходящих мимо колонн, торжественно шествующих по улицам, так свободно после оккупации и немецких патрулей, стрелявших на поражение при каждом неверном шаге. – С радостным возбуждением вспоминал Отец.

– Строители уложили первые кубометры бетона и начали бетонные работы по всему фронту строительства. Работы на плотине и по всей территории города приобретали все больший размах, а областной газеты все ещё не было, приходилось ограничиваться боевыми листками и стенгазетами, которые конечно носили узкий, локальный характер. Вот когда мы прочувствовали, что такое газета и как пропагандист, и как агитатор, и как организатор. Прочувствовали это, когда её не было. И не только политические, но и технические вопросы решать было очень трудно без детального обсуждения в прессе.

Но в мае 1945 года мы вздохнули с облегчением. Начала выходить газета «Большевик Запорожья». И можно было обсудить весь ход работ. И мы начали обсуждать, прежде всего, проблемы строительных работ на плотине.

Сейчас мы говорим об этом, как о реальности. Рассказываем, как с помощью донных отверстий нам удается спустить воду верхнего бьефа Днепра и уравнять поверхности воды верхнего и нижнего бьефов. Сейчас мы говорим и о трудовом героизме бетонщиц бригады Полины Шило и Паши Коробовой, дела которых готовились ранее. Эти бригады, уже в период стабильного хода работ, один за другим закрывают щитами и бетонируют донные отверстия, когда бурлящие потоки воды не раз прорывают щиты и грозят смыть отважных бетонщиц. А тогда мы думали, как пробить эти донные отверстия, ведя работы со стороны нижнего бьефа Днепра. Эти трудные, но радостные дни уже мирного строительства остались в памяти на всю жизнь.

Трудные дни 1945-47 годов были именно такими днями, яркие своими впечатлениями послевоенного восстановительного периода. Рассказами отца, как они, отозванные с фронта, вместе с Андреем Павловичем Кириленко, а немногим позднее и с Леонидом Ильичом Брежневым, налаживали мирную жизнь города, восстанавливали партийную организацию, собирали людей, необходимых для начала восстановительных работ. И практически сразу, вместе с расчисткой завалов, приступили к восстановительным работам.

А к подготовке восстановления заводов они приступили, когда немцы были ещё за Днепром и продолжали налеты на совершенно разрушенный город. Уже был принят четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства

СССР, и они думали, как развернуть работы на полную мощность, чтобы осуществить его грандиозные наметки.

Пришел 1946 год, этот год запомнился не только крымскими суховеями, закрывавшими небо розовой пылью. Звенящим сухим зноем, повисшими высыпавшимися колосьями пшеницы и грандиозным неурожаем, который принесли с собой эти суховеи, а и серьезными историческими событиями. Этот год был памятным, кроме всего прочего, приездом молодого, фронтового генерала – Леонида Ильича Брежнева, о приезде которого Отец вспоминал:

– Леонида Ильича мы знали по довоенной деятельности сначала в исполкоме соседнего города Днепродзержинска и Днепропетровска, а затем уже перед войной, когда он работал секретарем Днепропетровского обкома партии. Мы были с ним почти одногодки, он родился в 1906 году, а я в 1909.

Воюя на Кавказе, мы интересовались всем фронтовым путем земляка от группы особого назначения Южного фронта, до боев под городом Новороссийском и всего пути 18-ой армии, где он был начальником политотдела в звании бригадного комиссара.

Мы знали, что он участник Парада Победы и, к моменту приезда, уже был в звании генерал-майора начальником политуправления Прикарпатского военного округа. Особенно представлял для нас интерес его опыт работы во фронтовых тылах 18-й армии, в период её боев на Украине.

С его приездом ожидали каких-то изменений, думали, что он наделен жесткими контрольными функциями, готовились к прибытию, анализируя весь цикл восстановительных работ, хотя знали, что в запас он ещё не ушел и продолжает служить в армии.

– В 1946 году Леонид Ильич приехал в Запорожье, как уполномоченный ЦК компартии Украины, для ознакомления с партийной и хозяйственной деятельностью Запорожской области. Мы встретили высокого, стройного, широкобрового, достаточно молодого генерала.

Справа налево: Брежнев Л.И., Колонии С.Е. После штурма. Западная Украина, 1944 г.

Ветер трепал его черные густые волосы, оттенявшие добродушно улыбающееся открытое лицо. Он легко находил общий язык в беседе, иногда шутил, был прост в обращении.

Приехал он один, так сказать, ещё не сняв генеральского мундира. Конечно, по сравнению с предвоенным временем, когда мне удалось увидать Леонида Ильича мельком, перед его уходом в армию, где-то в начале июля 1941 года – это был уже другой человек, – вспоминал Отец.

– Всё тот же Леонид Ильич, но более уверенный в себе. Конечно, уже сказался весь опыт войны, да и генеральское звание придавало ему и решительности, и солидности, и даже некоторой величавости, но манера общения оставалась всё та же, открыто – добродушная. И здесь он был всё тот же Лёня.

Конечно, обкомовские кумушки сразу заговори: «Не может быть, что бы такой видный мужчина и был один». Тогда, после демобилизации, некоторые офицеры приезжали, с так называемыми «фронтовыми женами». Это было редко, но все, же было.

Обычно такими женами были медсестры, вынесшие этих

офицеров с поля боя, или спасшие им жизнь во фронтовых госпиталях, перед которыми был какой-то моральный долг. Но с этим вопросом было строго. И Иосиф Виссарионович Сталин и ЦК, в случае появления жалоб на партийных работников – быстро освобождали их от должностей, – говорил Отец, вспоминая историю своего фронтового друга Жукова Я.Т., на которого написала жалобу какая-то женщина, в результате которой у него были серьезные неприятности по его служебной деятельности.

А уже я, в перестроечный период, столкнулся просто с легендой о том, что Леонид Ильич приехал с какой-то медсестрой и пригнал вагон репарационных вещей из Германии. Но это была нелепая телевизионная легенда. Во-первых, Леонид Ильич в Германии не служил, а наличие медсестры Отец никогда не подтверждал. Правда легенду могла родить фотография, которую я нашел в архивах, где Леонид Ильич снят в Чехословакии в 1945 году с работниками политотдела 18-й армии и за его спиной стоит довольно симпатичная девушка. Но ещё тогда, никаких подтверждений, кроме того, что она была работником политотдела, не было. И все досужие вымыслы затихли, когда к Леониду Ильичу приехала его семья. Да и люди тогда были заняты другими интересами.

В области ощущали ухудшение международной обстановки, начало холодной войны и экономической блокады Советского Союза. Чувствовали, что центр тяжести переносится на восстановление завода «Запорожсталь», и догадывались, что этот визит связан с изменением темпов и характера восстановительных работ.

Многие приезжали посмотреть на первенца индустриализации страны – Днепрогэс, но Леонид Ильич, в первую очередь, начал интересоваться состоянием дел по восстановлению разрушенных заводов. И Андрей Павлович Кириленко, секретарь обкома, не теряя времени, повёз его осматривать разрушенные металлургические предприятия, которые представляли собой груды перепутанных металлоконструкций и бетона. Уже тогда – эти два, в будущем крупных работника союзного масштаба, несколько отличались по стилю своей деятельности. Если Леонид Ильич больше применял коллегиальность в решении вопросов, то Андрей Павлович отличался большей академичностью и чаще решение ответственных вопросов брал на себя.

Немцы, при уничтожении металлургических предприятий, изобрели изуверский метод.

В центре: Л.И. Брежнев с работниками политотдела 18-й Армии. Чехословакия, 1945 г.

Толовые шашки закладывались в центральные колонны крупных цехов и взрывались; падая они увлекали за собой кровлю, металлоконструкции цехов перепутывались и, при минимуме затрат получался максимальный эффект безвозвратного разрушения. К этому же выводу, а именно, что восстановление невозможно, пришли технические комиссии Запада, посещавшие разрушенные заводы.

Отец, к тому времени, был избран секретарем горкома партии, в связи с необходимостью сосредоточить внимание на конкретном руководстве ходом восстановительных работ промышленности города. Горком располагался рядом с Днепрогэс, в здании кубического стиля тридцатых годов, которое, к тому времени, было полностью восстановлено и было одним из лучших представительских зданий в городе.

Кстати, восстанавливать его помогли гидростроители и принимавший в этом участие, по просьбе горкома, начальник строительства Днепрогэс Логинов Ф.Г., который с фанатичной настойчивостью отправлял каждый кубометр бетона в тело плотины и выпросить у него, хотя бы кубометр для городских или хозяйственных нужд, – это было, что-то! Но тут, говоря о важности партийной работы, оказал содействие. Правда, это содействие было получено не без некоторого курьеза, он почему-то считал, что это здание будет принадлежать Днепрострою. А,

когда узнал истинное положение дел, то сначала набычив голову резко заупрямился, а потом, поняв ситуацию, весело рассмеялся: «Ах вы, мошенники, и тут меня обошли». – Смеясь своим заблуждениям, говорил он, вспоминая, конечно, наши ранние противоречия, которые возникали, когда речь заходила о помощи при восстановлении города, которую он хоть и с сопротивлением, но все, же оказывал. Именно тогда Отец, анализируя ход событий, говорил:

– Приезжий генерал поедет на плотину, интересуясь ходом восстановления, которую как первенца индустриализации страны старались посмотреть многие, и обязательно заедет в горком партии. Вот когда мы обстоятельно поговорим обо всех наших проблемах.

– Разговор состоялся. Брежнев Л.И. произвел хорошее впечатление. Никакой жесткой манеры общения – довольно дружеская беседа. Леонид Ильич мягко улыбался и старался собеседника настроить на раскованный, повествовательный тон откровенного рассказа об особенностях проделанной работы. Он интересовался всеми трудностями строительства и восстановления, начиная с первых пятилеток, и вопрошал:

– Вы, Николай Петрович, прошли здесь весь путь от секретаря комсомольской организации школы ФЗУ – до секретаря и обкома комсомола, и обкома партии.

– Всё строительство ГЭС и комплекса заводов проходило на ваших глазах, при вашем участии в этих, определяющих судьбу страны, событиях.

– Скажите, что являлось основной движущей силой высоких темпов строительства, каков дух Днепрогэса первых пятилеток?

– Когда я был в ЦК КП (б) У, то мне говорили, что сам Иосиф Виссарионович Сталин считает:

– Секрет успеха нынешних восстановительных работ в том, чтобы возродить дух Днепростроя первых пятилеток.

Сразу же, – мечтательно закрыв глаза, вспоминал Отец, – в памяти всплывают Центральные механические мастерские Днепростроя, при входе в которые можно было прочесть яркий плакат, резко выделявшийся на сером фоне стройки, и представляющий один из лозунгов Днепростроя:

– Каждый ударник, рабочий и ИТР – должен стать бойцом за экономическую независимость СССР. А рядом лозунг.

– Даешь встречный план Днепрострою. – Когда каждый рабочий с энтузиазмом искал методы, как сделать:

– Больше и лучше!

Эти лозунги говорили о патриотическом порыве того времени, выраженном в экономических стремлениях народных

масс. Хотя впоследствии, в период перестройки и реформ этот лозунг встречного плана сильно критиковался, как вносящий диспропорции в планирование, но тогда планы корректировались и стыковались на новом более высоком уровне и диспропорции не допускались. А в период перестройки и реформ к власти пришли люди, просто не умевшие этого делать и уповавшие на то, что всё должно произойти само собой. Эти люди с примитивной улыбочкой и апломбом провозглашали: «Всё сделает рынок». А тогда эта инициатива народных масс была одним из мощных стимулов увеличения темпов развития.

Основным экономическим критерием, в тот период стала не прибыль, как при капитализме, а снижение себестоимости, которое Сталин предлагал еще в 1924 году, как основу антизатратной экономики. И, как считали в то время на Западе, это, в основном, и обеспечило «Советское чудо». Так называли западные экономисты темпы роста советской экономики в предвоенные годы, и они же применяли термин – «Сталинской экономики», подчеркивая тем самым немаловажную роль И.В.Сталина в разработке этой экономической системы.

А главный лозунг, который был, выдвинут при восстановлении, гласил:

– Победить оккупантов – это не только разгромить врага, но и восстановить страну.

И тогда, готовясь к встрече с Леонидом Ильичом, Отец вспоминал:

– Уже в 1944 году, когда обком партии располагался в небольшом домике среди развалин авиамоторного завода, мы с Андреем Павловичем Кириленко искали среди развалин помещение для проведения первой областной партийной конференции, стараясь сделать областной комитет штабом восстановительных работ. И, как только было окончено разминирование, сразу же приступили к расчистке завалов. И Отец радостно добавил.

– Вспоминаю, как просили приехать командующего фронтом, Малиновского Р.Я. и организовывали его встречу со строителями. Нам было важно вселить в людей уверенность, что возврат немцев невозможен, и защитить идущие работы с воздуха зенитными батареями.

Тогда же, в обком шли люди с их идеями восстановления, и не только пробивки донных отверстий в теле плотины. Обсуждались и варианты восстановления заводов. Рассматривалась идея подъема металлоконструкций за счет гидроподъёмников. Позднее обсуждалась и проблема подъёма наклонившейся при взрыве, но не упавшей многотонной

конструкции доменной печи № 3. Рождались основные лозунги и политические методы, которые могли вдохнуть жизнь в, казалось бы, неподъемные сооружения.

Так же, как и в годы первых пятилеток, так и в первые годы послевоенного восстановления, использовалась патриотическая идея, жившая в людях особенно ярко – идея народной власти и общенародной собственности. Конечно, фактор материальной заинтересованности использовался не в меньшей мере, однако, возможности страны тогда были крайне ограниченны, но невзирая на ни на что работы продолжались. Всё это я с увлечением рассказал Леониду Ильичу, – вспоминал Отец, – и он с удвоенной деловитостью продолжал осмотр заводов. На прощание Леонид Ильич сказал:

– Дела у вас идут не плохо, вы ещё в 1945 году восстановили механический цех завода «Запорожсталь», пустили мартеновскую печь литейного цеха, отремонтировали телефонный коммутатор. К этому времени вы восстановили плотину, аванкамерный мост и уже в восстановленном здании ГЭС, отделанном розовым армянским туфом, к июню 1946 года начали монтаж первой турбины. А монтаж стана горячей прокатки – «слябинга» начали ещё в марте 1946 года.

Но ситуация резко меняется, придется увеличивать темпы работ и на плотине, и на комплексе заводов и в первую очередь, восстановить завод «Запорожсталь», комплекс, обеспечивающий выпуск тонкого стального листа. Именно стальной лист сдерживает сейчас развитие автомобильной и судостроительной промышленности, а его отсутствие вносит диспропорции в развитие всего народного хозяйства.

Леонид Ильич произвел впечатление интеллигентного, хорошо образованного и технически грамотного, доброжелательного человека.

И то, что он 30 августа, по рекомендации ЦК КП (б) У, был избран первым секретарём Запорожского обкома партии, не только никого не удивило, но и вызвало надежду на существенную помощь.

Через некоторое время, с целью сосредоточить ответственность за весь цикл восстановительных работ на одном человеке, Леонид Ильич был избран и первым секретарем горкома партии, а я официально стал считаться вторым секретарем, – ведя исторический отсчет времени, вспоминал Отец.

– Но Леонид Ильич никак не ограничивал мои обязанности и я, как выполнял обязанности первого секретаря, так и продолжал их выполнять. Да и все, кто не был знаком с нашей

бюрократической кухней, продолжали считать меня первым в горкоме, и он ни разу не упрекнул меня в этом, и никогда не проявлял какое-либо раздражение, или недовольство. Работали мы с ним дружно, и легко находили общий язык. Он оказался довольно покладистым человеком и в жизни, и в работе и никогда не проявлял какие-либо признаки ревности, когда меня выдвигали по тем или иным вопросам вперед вышестоящие инстанции, а зачастую это делал и сам. Кстати, в те годы это была одна из черт его руководящей политики.

Л.И. Брежнев в центре группы специалистов, осматривает разрушения Завода «Запорожсталь».

В прессе, к тому времени, уже определилось основное направление требований, предъявляемых к восстановлению завода «Запорожсталь». Отмечалось отсутствие проекта организации и механизации работ, либо отсутствие, либо плохое выполнение графика работ. Учет велся не в физическом объёме, а в рублях. Такой учет не мог отразить реальное состояние дел. И многое другое.

Конечно, если учесть, что от всего комплекса заводов остались сплошные руины. А к тому времени, были окончены не только подготовительные работы, а уже начат монтаж слябинга и работы на доменной печи, то такая резкая критика могла показаться излишней. Но в стране отсутствовал тонкий стальной лист, который можно было выпускать только на «Запорожстали»,

а по дорогам бегали грузовые автомобили с деревянными кабинами, не способными выдержать нагрузку строительных работ. Поэтому такой подход можно было считать правильным, во всех аспектах его реализации.

Перебираю записи и документы отца. Внимание привлекает, когда-то стоявшая на его рабочем столе, фотография Л.И. Брежнева и газета «Индустриальное Запорожье», публикующая стенд областного краеведческого музея о героях восстановительного послевоенного периода. На этом стенде Л.И. Брежнев и Н.П. Моисеенко экспонируются рядом, как основные участники этой эпопеи. Смотрю фотографию Леонида Ильича, проникновенный взгляд из-под густых бровей, лицо доброе и одновременно решительное. На обороте надпись:

– В знак дружбы, утвердившейся при совместной работе в Запорожье. – Взглянешь, Коля, и вспомнишь 1947 год. 25.11.47 г. И подпись Л. Брежнев.

Да, это был трудный и решающий год возрождения промышленного комплекса. И Отец отмечал особенности характера 1-го секретаря, именно в этот трудный период: – Основной особенностью в деятельности Леонида Ильича было то, что он не зачеркивал труд людей, действовавших до него, а старался использовать их опыт в интересах дела и зачастую отмечал:

– Прошло три года после освобождения города, срок небольшой, но для советского народа он был достаточен, чтобы показать чудеса трудового героизма, подлинный пафос восстановления. Вся его деятельность исходила из обострившейся обстановки, начавшейся холодной войны, блокирования поставок для гидроэнергетики и стального листа для автомобильной промышленности и судостроения.

– А как дружили с Западом – ещё вчера. И на тебе блокада! А сейчас не стоит ли задуматься над этим – ведь форма существования Запада – постоянное экономическое давление на все страны мира.

Леонид Ильич, с первых дней пребывания в городе старался сделать работу партийной организации более конкретной и динамичной. Особое внимание уделял агитационно-массовой работе, воспитанию партийных и хозяйственных кадров, социалистическому соревнованию, заботе о бытовых условиях трудящихся. Он часто на митингах в беседах с рабочими говорил, что именно единством партии и народа, правильным руководством можно справиться с поставленными задачами. На фоне этого хочется сказать современным фракционерам.

– Пожалейте свой народ, не дробите его сознание. Народ

ходит и заглядывает в пьяные очи Ельцина, пустые глаза Путина, в ваши лукавые очи и, размазав своё сознание, идёт дальше. Ему, народу, сейчас трудно найти своего «Илью Пророка» – и не надо мельтешить на его пути. Леонид Ильич Брежнев, в те годы, старался собрать все силы в единый кулак для достижения поставленной цели.

К тому времени, основные технические решения по доменной печи, прокатному цеху, по монтажным механизмам уже имелись. Но единого проекта не было. Строительная площадка представляла упавшие после взрыва крупные металлоконструкции, тросы, лебедки и гидроподъемники.

Горком партии начинает готовить мероприятия, проводить заслушивание хозяйственных руководителей, начинает менять направленность партийно-пропагандистской работы, использует такую форму работы, как проведение митингов.

На одном из таких митингов, по поводу усиления темпов работ, Л.И. Брежнев и Н.П. Моисеенко внимательно слушали выступление директора завода «Запорожсталь» А.Н. Кузмина, отозванного из эвакуации по его же просьбе и назначенного на эту должность ещё в январе 1946 года. А потом, уже в рабочей обстановке обсуждали с Леонидом Ильичом его предложения, – вспоминал Отец один из эпизодов совместной работы.

Слева направо: Министр тяжелого машиностроения Юдин П.А., первый секретарь обкома Л.И. Брежнев и директор завода «Запорожсталь» Кузьмин А.Н.

– Директор завода Кузьмин, используя свой опыт и весь свой жизненный путь, призывал работников строительства проявлять оперативность в работе и говорил о том, что дальнейшая судьба страны зависит от воли, квалификации и умения работать каждого человека, участвующего в возрождении промышленности. Таков же тон выступлений был и у остальных участников этого митинга.

Ситуация несколько улучшается, но кардинального перелома не происходит. Темпы работ сильно сдерживают недостатки в материально-техническом обеспечении строительства, в системе организации и оплаты труда. В итоге, к концу 1946 года, планы работ были выполнены на 69 %.

Слева направо: Моисеенко Н.П., Кузмин А.Н., Дымшиц В.Э., Брежнев Л.И. Митинг. Запорожье, 1947 г.

В январе 1947 года, в трест «Запорожстрой» прибывает бригада ЦК ВКП (б) во главе с инспектором ЦК ВКП (б) товарищем Шамбергом М.А. Бригада, в основном, уделила внимание работе партийного комитета строительного треста, его роли месту и значению в восстановлении завода «Запорожсталь».

Бригада вскрыла ряд существенных недостатков в вопросах партийного руководства строительными работами и оплошности во всех административных, экономических и технических проблемах, стоящих перед строителями завода.

На изучении и критике этих вопросов бригада не

остановилась, – вспоминая те бурные объяснения, говорил Отец.

– Помню в одну из наших встреч товарищ Шамберг М.А., с лукавством спрашивает:

– Ну а как вы восстанавливаете атмосферу первых пятилеток, атмосферу строительства Днепрогэс, конечно кроме лозунгов и призывов, которые я уже видал, они, в общем, производят не плохое впечатление, но достаточно ли этого.

– Конечно, этого не достаточно. Вот у нас, в нашем театре, поставлена и идет пьеса «Кремлевские Куранты», как вы знаете о самом зарождении идеи строительства Днепрогэса у В.И. Ленина, и о его встречах с автором будущего проекта, профессором И.Г. Александровым. Так что это настроение создает и сам В.И. Ленин, которого неплохо играет один из наших актеров, заслуженный артист УССР товарищ Трощановский А.Ф. Да и профессор Александров И.Г. у нас смотрится не – плохо. Я эту пьесу смотрел во многих театрах, в том числе и московских, и наши товарищи звучат, право-слово, не хуже.

– Да как же, у вас городской театр ещё не полностью восстановлен, а мне говорили, что вы испытываете трудности в его восстановлении и финансовые, и материальные, в смысле отсутствия фондов на материалы.

– Все это, верно, мне самому приходится, в условиях отсутствия фондов, много сил и здоровья тратить на его восстановление. Знаете, хочется оставить после себя что-то существенное для городской культуры, а то мы все погружены полностью в производственные проблемы, и многим головы даже некогда поднять, чтобы посмотреть на звезды, так вот я и стараюсь дать людям какую-то радость.

– А как Леонид Ильич действует в этом вопросе?

– Знаете, однажды работники завода «Коммунар» отказались помочь в изготовлении арматуры для подвески театральной люстры, конечно довольно громадной и увесистой. Эта люстра предполагалась если не как одна из красивейших в Европе – то уж на Украине конечно. Так он их так отругал, что даже мне стало неудобно, и я, чтобы смягчить его критику, стал их оправдывать:

– Леонид Ильич, так это они делают и без фондов, и без денег. Леонид Ильич успокоился и миролюбиво проворчал. – Выручаете друг друга, землячки. А потом подумал и добавил, а может это и верно, должны же в партии быть доброжелательные товарищеские отношения.

И тут же, окончив воспоминания, – Отец продолжал.

– Но мы уже успели полностью отремонтировать дом культуры комбайнового завода «Коммунар», знаете, при въезде в город, такой в дворянском стиле, с балконом, балюстрадой и

колоннами. С небольшим садиком, навевающим романтические чувства. Вот там наш театр и дает представление. А городской театр, в действительности, недостроен. И трудности в этом деле есть, строим его методом народной стройки, да и предприятия всё же, хоть и под нажимом, но помогают. Мне все это доставляет много хлопот, приходится всю организацию этого дела брать на себя. Но в театре мы почти закончили внутреннюю отделку зала, и если не спектакль – то концерт московских актеров, наверное, провести там сможем. К нам, кстати, приехала концертная бригада из Москвы, и в ней московская знаменитость, Смирнов-Сокольский с его интереснейшими интермедиями. Ожидаем мы и Илью Набатова с его исполнением юмористических куплетов собственного сочинения, так что милости просим, будем рады вас видеть.

– А в чем вы видите экономическую сторону увеличения темпов работ?

– Экономическая сторона должна заключаться в повсеместном применении прогрессивной системы оплаты труда, которая имела успех в период индустриализации.

– А это как? – А это так, когда тарифная ставка оплаты труда повышается, по мере перевыполнения нормы выработки, от 100 до 200 % – в три раза. И самыми высокооплачиваемыми становятся квалифицированные рабочие ведущих профессий. И, конечно, мы планируем развивать такую форму организации производства, такую форму самоорганизации рабочего класса, да и всего трудового коллектива, как производственное совещание и сделать его не эпизодическим, а постоянно действующим.

Конечно, многим хозяйственникам это совещание, ввиду его свободы деловой критики, портит нервы, но мы рассматриваем его как прообраз будущего экономического самоуправления трудовых коллективов. Что не раз отмечали классики марксизма, как одну из черт будущего коммунистического общества. И, кроме всего – это совещание, эта свобода высказывания деловой критики, дает нам не только материал для дальнейшего снижения себестоимости продукции, не только держит руководителей под оком общественного контроля, не давая возможности перерождения, но и обеспечивает чувство хозяина, чувство участия в управлении производством каждому рабочему, каждому рядовому инженеру.

– Ну, а как Леонид Ильич вписывается в вашу производственную атмосферу, всё же он генерал и давно оторвался от производственной жизни, хватает ли у него грамотности во всех производственных, да и культурно-пропагандистских вопросах.

– Как бы между делом поинтересовался товарищ Шамберг. – Разговор наш уже принял неофициальный характер простого, дружеского обсуждения всех вопросов, я бы сказал, даже перешел в разговор бытового характера. И я хоть и осторожно вел себя с инспектором ЦК, и даже испытывал какой-то внутренний трепет, зная какую силу, будет иметь его доклад, там наверху, в ЦК КПСС, но все, же спросил.

– Что-то московские товарищи слишком уж интересуются мнением о Леониде Ильиче, у его прямо скажем, непосредственных подчиненных? Но инспектор ответил довольно просто.

– Представьте себе, это обычная рутина партийной работы после назначения работника на такой ответственный пост, такая работа как заполнение анкетных граф. Знаете, мне часто приходится выполнять контрольные функции, и такой опыт просто нужен, по моим служебным обязанностям. Так что если это вас беспокоит, то можете и не отвечать.

– Нет, почему же? – вспоминал Отец, – я, конечно, ответил ему о своих впечатлениях.

– Знаете, Леонид Ильич как-то сразу вписался в наши строительные и металлургические проблемы. Сказался его опыт и рабочего и инженера-металлурга. Правда, первое время, где-то около месяца, он входил в суть дела и старался перед принятием каких-либо важных решений консультироваться со мной. Со мной чаще, поскольку наши беседы имели историко-производственный, конфиденциальный характер и не носили формы обучения или натаскивания на решение проблем. Носили форму обмена мнениями двух инженеров, разбирающихся в существе вопроса. А что касается политико-пропагандистского опыта, его ему было не занимать. Правда, в первое время он тяготел к армейским приемам ведения работы, только всегда интересовался, как они лягут на нашу почву, и тут же корректировал задуманное. Правда, наши беседы он никогда не выносил на широкую публику. А я о них, конечно, если и рассказывал, то только в кругу близких товарищей. – Вспоминал Отец характер взаимоотношений с Леонидом Ильичом. И дальше продолжал о беседе с инспектором.

– Я уже прекратил говорить, поскольку мне показалось, что инспектор совсем не слушает. Но он оживил беседу вопросом, – ну а как с культурными вопросами.

– Представьте себе, – отвечал Отец, – при всей нашей занятости техническими и организационными проблемами иногда разговор переходил и на литературные темы. Я конечно больше говорил о Есенине, Леонид Ильич был больше склонен к

Маяковскому, ему нравился его рубленный решительный стиль, который больше подходил к эпохе восстановления. В общем, мы вели разговоры на литературные темы, на уровне любителей, оставляя решение этих вопросов профессионалам от искусства и литературы, и не потому, что мы в этих вопросах чего-то не понимали, а просто у Леонида Ильича был такой стиль работы.

– Конечно, если такой подробный интерес ко всем вопросам жизни города есть у комиссии, – размышлял Отец, – то будет соответствующая докладная записка в ЦК ВКП (б), а там глядишь и, по установившейся традиции, слушание нашего вопроса на высоком уровне.

Хотя мы знаем, что ЦК КП (б) У тоже готовит слушание этого вопроса и ряд мер по преодолению отставания. Но горком партии понимает, что без введения в действие такого мощного фактора, каким в те послевоенные годы, после гигантских побед, было имя и личность И.В. Сталина, резкого увеличения темпов работ не достичь. Поэтому в горкоме возникает мысль, чтобы трудовые коллективы приняли и отправили – И.В. Сталину соответствующее обязательство. Такое письмо-обязательство было принято и отправлено в Москву, а также помещено в местной многотиражной газете» Строитель», которую мы недавно создали, для оперативного освещения хода строительства. Это было ещё в марте 47-го года, когда 16 марта вышло постановление правительства о пуске в 1947 году первой очереди завода «Запорожсталь», именно тогда газета писала:

– Дорогой Иосиф Виссарионович! Получив решение правительства о сроках ввода в действие цехов завода «Запорожсталь», мы, рабочие и служащие стройки, обещаем Вам, выполнить годовой план к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и ввести цехи завода в строй в установленные правительством сроки…

Эту газету мы создавали всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Прекрасно понимая значение прессы в этом грандиозном деле. Впоследствии, после поддержки нашей инициативы ЦК ВКП (б), об этом писала и газета «Правда».

– Перед лицом больших трудностей «Запорожстроевцы», в своём письме товарищу Сталину, в марте 1947 года, взяли торжественное обязательство выполнить годовой план к 7 ноября 1947 года.

Сущность Запорожских обязательств, в их деталях, заключалась в пуске в июне доменной печи, в июле прокатного цеха «слябинг», в августе цеха тонкого листа, в сентябре цеха холодного проката, в ноябре коксовой батареи. К тому же, необходимо было построить 40 тысяч квадратных метров жилья и

всё это при условии повышения производительности труда на 12 %.

Март месяц у нас был особенно напряженный: и по делам строительства завода «Запорожсталь», и по вводу в строй мощностей Днепрогэса. Со всех участков громадного фронта работ, в любую минуту дня и ночи – мог быть звонок, звонили даже домой глубокой ночью, такой напряженный был темп работ, что организационные вопросы не терпели отлагательства ни на один час, ни на одну минуту. Однажды звонит начальник Днепростроя Федор Георгиевич Логинов:

– Вы там, Николай Петрович, с Леонидом Ильичом, не забудьте за своими делами – 3 марта 1947 года день пуска первых мощностей Днепрогэса. А то вы настолько увлечены запорожсталевскими делами, что о нас можете и забыть.

– Ну что вы, Федор Георгиевич, как можно? Как можно забыть проблемы Днепрогэс – символа индустриализации страны, да и символа всей нашей юности.

Федор Георгиевич был влюблен в гидротехнику, гидротехнические сооружения и Днепрострой, ещё с первых пятилеток, когда он, будучи студентом Ленинградского политехнического института, проходил практику, работая десятником на стройке. Поэтому он болезненно воспринимал, какое либо невнимание к этому делу.

В его голосе чувствовалась некоторая обида. Он крупный и талантливый руководитель, привыкший во многом самостоятельно решать вопросы и выходить со своими проблемами наверх, был осажен в одном из вопросов Леонидом Ильичем, который заставлял его больше считаться с областным руководством. Логинов Ф.Г. вспылил, но сдержался, старомодные четки, которые он использовал для успокоения, так и заходили в его руках. Но обиду не мог забыть ещё долго. С тех пор он некоторое время старался действовать через меня. Мы с ним работали давно и были в хороших отношениях. Я это прекрасно понимал и пытался сгладить страсти. Вскоре эта размолвка осталась позади и была забыта, как недоразумение.

Но всё равно, подчинялся он новому человеку трудно. За плечами у него было пять электростанций, воевал он на фронтах гражданской войны и был человек, в общем, своенравный, хотя и вполне разумный, достаточно грамотный и заслуженный руководитель.

– Что ты, Федор Григорьевич, ещё раз, как можно! Я же помню, как в июне 1946 года мы начинали монтаж первой турбины и как заканчивали её монтаж в декабре, да и весь город, на любом заводе, интересуется ходом работ.

К вечеру, 3 марта 1947 года, были окончены все пусконаладочные работы. В 21 час 13 минут пришло разрешение на подключение агрегата на параллельную работу с другими электростанциями Приднепровья. Со всех объектов, со всего города, со всей области, да, что там говорить – со всей страны продолжались звонки.

– Как на плотине? Что слышно? Как работы на турбине? Волновались все. Перед самым выездом на строительную площадку – звоню Логинову:

– На пуске будем, конечно, как условились. И не только на пуске.

Для пуска первой турбины необходимо набрать определенное количество воды в водохранилище, для чего необходимо закрыть донные отверстия, через которые вода с ревом уходит вниз по течению реки. Донные отверстия пробивались с нижнего бьефа, в два ряда, ещё в начале восстановительных работ. Один ряд отверстий был выше другого на 4,5 метра, что создавало удобство в работе при их закрытии. Часть из них, по мере окончания каждого этапа работ, мы закрывали и зимой 1945 года, и осенью 1946 года, сейчас надо закрыть щитами последние отверстия и забетонировать их проемы.

– Я нашел время, в текучке проблем восстановления заводов, и поторопился в бригады Полины Шило и Паши Коробовой, которые вели бетонные работы. Я торопился не столько с проверкой хода работ, не столько для вдохновения их на новые свершения, хотя и это было нужно, сколько попрощаться с Ненасытскими порогами, вдохновением моей поэтической юности, – счастливо улыбаясь и думая о чем-то своём потаенном, вспоминал Отец.

– Я стоял рядом с моей машиной, видавшим виды ЗИС-ом, опершись на его капот, и смотрел, как уходят под воду последние пороги, вместе с закрытием щитами донных отверстий. Вода пробивалась через щиты длинными плоскими струями и сбивала с ног бетонщиц. Над заделкой отверстий, на глубине, с обратной стороны щитов, чтобы устранить протечки работали водолазы.

– Логинову Ф.Г. уже доложили, что я здесь, и он подошел со своим вечно хмурым деловым видом.

– Николай Петрович, давай пойдем в бригады бетонщиц, они, привыкшие к всеобщему вниманию и славе, уже несколько затосковали и сбавили темпы работ, внимание стимулировало их работу.

У оставшихся донных отверстий, глядя на ревущую воду, которая мчалась со скоростью 10 м/сек, стояли девушки-бетонщицы.

– Ну, что девушки – полюбовались на уходящую красоту, пора и за дело. Надо закрыть последние донные отверстия и дать воду для пуска первого агрегата.

Слесари-монтажники установили каркасы из металлических труб. Вместе с последними каркасами подъехал и резко затормозил парторг ЦК ВКП (б) Иванов Павел Иванович, который возглавлял райком стройки. Проверить состояние дел подошел и инженер Данилевич Б.И. И со словами:

– Без риска дела не бывает, – полез в отверстие, уже оттуда махнул рукой и пронзительно вскрикнул, – давай! Давай!

Пошли машины с бетоном и девушки привычными движениями стали укладывать бетон в прораны отверстий.

Логинов был удовлетворен, и воскликнув: «Ну, теперь остались сушка и прокрутка турбины и можно приступать к первому пуску, после такой разрухи». – Лицо его сияло, улыбка прорвалась через весь его сумрачный вид.

На этот раз Леонид Ильич остался доволен ходом дела и даже однажды просил похвалить Федора Георгиевича. Но гораздо позже, уже при подготовке к пуску остальных агрегатов, эти взаимоотношения все-таки прорвало, и на одном из собраний Леонид Ильич выступил с резкой критикой в адрес Логинова.

– Но тут, же оговорюсь, – вспоминал Отец. – Когда казалось, что ситуация для Фёдора Георгиевича резко ухудшилась и он, казалось, прямо скажем, зашатался, – Леонид Ильич смягчил свой резкий тон и дал возможность Логинову остаться на плаву. В этом и была одна из положительных черт Брежнева. Он мог ценить способных людей.

Пуск первой турбины прошел успешно. Ритмичный шум равномерного вращения успокаивал душу и создавал уверенность в тылах, а именно в том, что дальнейшее продолжение работ на комплексе заводов будет обеспечено электроэнергией.

Ток первой турбины пошел в сети и поступил на строительство заводов. Можно было увеличить лимиты потребления электроэнергии. И главное, с облегчением вздохнули жители города. Перебои с ночным отключением электроэнергии значительно уменьшились.

ЦК КП (б) У, в свою очередь, в марте месяце вызывает секретаря горкома Н.П. Моисеенко и парторга ЦК строительного треста И.В. Соболевского на заседание Политбюро, с докладом о состоянии партийной работы на строительстве заводов.

Основательно подготовившись к заседанию Политбюро, и обсудив конечно все вопросы с Леонидом Ильичом, который поделился своим опытом общения с членами Политбюро Украины, мы с Соболевским выехали в Киев.

На заседании рассматривались не только партийная работа, а и комплекс вопросов связанных с восстановлением, уделялось внимание созданию всеобъемлющего графика работ и способов его выполнения.

– В своём выступлении, – вспоминал Отец, – мне пришлось поднять не только вопросы партийной работы, не только производственные вопросы, но и животрепещущий для нас вопрос о помощи городу и стройке продовольствием. И я был поддержан секретарем ЦК КП (б) У Коротченко Д.С.

– Две-три тысячи тонн картошки мы дополнительно вам могли бы выделить, учитывая наши скудные возможности. Вы же знаете? В прошлом году, какая была погода? Жара! Неурожай. Да и какая картошка в жару? И не мне вам рассказывать, как засорены минами и снарядами поля на Украине.

– Да, конечно, в 1946 году мы пережили сильнейшую засуху, когда южные суховеи поднимали в воздух пересохшую крымскую пыль, и она застилала розовой пеленой весь горизонт. Эта засуха охватила почти всю южную часть Европейской территории СССР и, по оценкам специалистов, превосходила по своей интенсивности, известную засуху 1921 года и трудности по сравнению с засухой и неурожаем 1933 года казались нам более существенные.

И чтобы не говорили впоследствии, о каком-то голодоморе, о причине неурожая – коллективизации, и какого-то раскулачивания, всё это было в десятки раз преувеличенная враждебная пропаганда. Тут я как раз отметил трудности 1933 года, – вспоминая те годы, – говорил Отец.

– Засуха и неурожай конечно были. Но коллективизация тут не причем. Во-первых – сплошной коллективизации ещё не было, а во-вторых – колхозы тогда сыграли положительную роль. Вспоминаю, как в колхозы были направлены работники авиамоторного завода, да и не только авиамоторного, и они помогали колхозам в уборке урожая. В этом и было их преимущество перед единоличными хозяйствами, которые оставались один на один со стихией. Но суть вопроса была вовсе не в этом. Жара была такая, и колос был настолько сухой, что при подборке валков зерно высыпалось, и колос уходил в солому.

– Но с уверенностью могу сказать, что организации каких-то преднамеренных действий для ухудшения ситуации – этого конечно не было. Правда активизировались некоторые троцкистские элементы, но это была больше шумиха в прессе.

Сейчас же засуха и неурожай были не меньшие, но послевоенное сельское хозяйство быстро восстанавливалось, невзирая на то, что немцы оставили после себя, прямо скажем,

пустыню. Это восстановление шло за счет возврата, строго по актам, всего имущества колхозов, которое мы отправили в центральные области страны. Но этого конечно было недостаточно. В1941 году мы отправили в тыл конечно только часть такого имущества. По – этому мы во всех разговорах в ЦК просили оказать более широкую помощь и не только скотом и птицей, а и техникой. И такая помощь уже начала поступать в область и из центральных резервов, и из репарационных поставок.

В особенности мне запомнились небольшие зарубежные зерноуборочные комбайны, промежуточное складирование которых мы устроили прямо в центре старой части города, на одной из открытых площадок. И эшелон с крупным рогатым скотом, овцами и птицей, которые за неимением ещё в колхозах помещений, был роздан колхозникам в индивидуальные хозяйства. Всё это вселяло надежду на быстрое преодоление трудностей и я, конечно, передал Коротченко благодарность за содействие в этом вопросе. Кстати, в частном разговоре с Коротченко Д.С., я передал и привет от Леонида Ильича, с которым они были знакомы с войны и, хорошо, взаимодействовали по линии Штаба партизанского движения. Коротченко Д.С., во время войны был секретарем ЦК КП (б) У, который располагался в 1942 году в Москве на Тверском бульваре, 18, а рядом во дворе, в отдельном флигеле, располагался УШПД.

Отец вспоминал, что во время войны ему приходилось бывать в этом здании по фронтовым делам, и он хорошо знал стиль работы ЦК и его воюющих органов – УШПД и подпольного ЦК компартии Украины. Коротченко Д.С. занимался руководством партизанским движением, выработкой оперативных и тактических решений ведения партизанской войны, которая, по сути, была войной, которую вела коммунистическая партия. То есть, наша партия была воюющей партией. И мне всегда казались смешными потуги разделить войну и партию, – вспоминая те суровые годы, говорил Отец.

– Коротченко Д.С. взаимодействовал с военными советами фронтов и армий, когда проводил по ту сторону фронта членов подпольного ЦК или уходил сам за линию фронта, где решал вопросы не только боевой жизни, но и мобилизации населения на тушение пожаров лесов и болот, которые преднамеренно поджигали немцы для вытеснения партизан. Такую работу он проводил неоднократно, когда находился в соединении Ковпака С.А., и прошел с партизанами не одну сотню километров. Вот в один из таких проходов за линию фронта они и познакомились с Леонидом Ильичом. И, провожая меня в Киев, Леонид Ильич, не

вдаваясь в подробности, коротко бросил:

– У нас с Коротченко было хорошее, боевое знакомство.

Эта фраза говорила о многом. В те годы люди, прошедшие войну, очень ценили фронтовые взаимоотношения за их чистоту и бескорыстность.

Первым секретарём ЦК КП (б) У, с 1946 года, был Каганович Л.М., а председателем Совета Министров Украины – Хрущёв Н.С. Встреча с Хрущевым Н.С. прошла нормально. В беседе с нами он радужно улыбался, весьма поверхностно интересовался ходом восстановительных работ, стараясь не вникать в технические подробности, а больше интересовался состоянием сельского хозяйства. Когда я уже уходил от Никиты Сергеевича, – с юмористической ухмылкой вспоминал Отец, – он вдруг встрепенулся и вслед мне спросил, а из каких ты Моисеенко? – Не из донбасских ли?

– Да нет! Я из бердянских! А, – а, – а! Довольно протянул Хрущев. Настороженность его спала и он, махнув рукой, улыбнулся.

– Ладно, ладно! Иди. Иди. А то я тут подумал, неопределенно сказал он, – вспоминал Отец непонятный для него финал встречи с Никитой Сергеевичем. А, как раз к этому, в нашей семье существовала история встречи дедушки Петра с Никитой Сергеевичем ещё в 20-х годах, когда дедушка ездил на заработки в Донбасс. Часто об этом рассказывала бабушка. Но я сам, да и Отец, относились к этому как к каким-то местным легендам. Но бабушка упорно твердила.

– Тот это Хрущев. Тот! Из села Калиновки, Киевской губернии, выходец из дворовых крестьян тамошней помещицы. На шахтах на поверхности немного поработал и стал рваться в руководящие работники. Тогда он ещё увлекался троцкизмом. Имя Троцкого было ещё довольно популярным. И Никита Сергеевич рассчитывал на успех. А дедушка говорил ему:

– Ты, Никита, хотя бы в шахту спустился, лицо угольной пылью обмазал, а потом бил себя в грудь и кричал, что тебя шахтера, а зажимают.

Так бы и умер этот рассказ, если бы я, уже в перестроечный период, не нашел подтверждение такого эпизода в «Памятных записках» Кагановича Л.М., где он говорит, что упреки Хрущеву в его троцкистском увлечении шли из окружкома, от товарища Моисеенко. А бабушка когда возражала Отцу в его сомнениях, говорила:

– Работал дед в окружкоме в Донбассе и там встречал Никиту, и там они повздорили. Дед был недоволен нахрапистостью и карьеризмом Хруща, так его тогда называли.

Так это было или не так, сейчас установить достоверно трудно, но совпадение информации из разных источников говорит о многом. Тем более подозрительное отношение к Отцу у Хрущева Н.С. существовало, казалось бы, без причины. А дед и отец характеризовали Никиту почти одинаково, как мужика хваткого, но скрытно мстительного, что пряталось за его радужной, казалось бы, такой демократичной, улыбкой.

Уже гораздо позже, в конце пятидесятых начале шестидесятых годов, в период так называемой «оттепели», когда птенцы оттепели, называвшие себя шестидесятниками, вдруг начали пропагандировать идею, что, мол, народ выиграл войну сам без партии, вот сам взял и без всякой организации пошел да и выиграл – без всякого Сталина и всякой партии. Вот так, по деревням собрал вилы и лопаты, и сам пошел и выиграл. И Отец рассказывал:

– Вспоминая события тех лет, уже в Хрущевский период, мне всегда хотелось задать ему вопрос: «Почему допускаешь, почему молчишь. Ведь ты-то знаешь, что партия была воюющей партией, никакой войны без партии просто не существовало. Что такое оттепель? Это что – вымысел, искажение истории или просто клевета?» – Но это было позже уже в 60-е годы, а пока нужно было встретиться с Кагановичем Л.М.

– Каганович Л.М. был известен нам ещё по Северокавказскому фронту, где он бывал, как представитель Ставки Верховного Главнокомандования, а это было тяжелое время 1941–1942 годов. Тогда немцы рвались в Баку. Каганович был одним из лиц, принимавших меры к ликвидации прорыва и стабилизации фронта. Тогда многие узнали его тяжелый характер и даже ходили разговоры, что в критической ситуации у него не только характер, но и кулак тяжелый. И как вспоминал уже позже, сам Каганович Л.М., – там они и познакомились с полковником Брежневым, который произвел на него хорошее, деловое впечатление. Однако беседа с Кагановичем Л.М. прошла довольно гладко, он увлёкся технической стороной графика работ, который пропагандировал после того, как в деталях был с ним знаком, работая на транспорте.

После всего этого, ЦК КП (б) У, принял постановление, в котором были определены меры по улучшению партийно-политической работы в тресте «Запорожстрой». А уже после этих заседаний, встреч и бесед, выходит ряд постановлений: политбюро ЦК КП (б) У, Совета Министров Украины, Совета Министров СССР. – «О мерах по улучшению работы треста «Запорожстрой».

Конечно, было отрадно внимание ЦК КП (б) У, который

направил на стройку пропагандистскую группу и художественную самодеятельность. Но главное, в чем мы уже начинали сомневаться, после беседы с Н.С. Хрущевым и Л.М. Кагановичем, что мы будем поддержаны в вопросе создания газеты «Строитель», а именно она могла помочь увидать все недостатки в целом. Однако положительно решился и этот вопрос. ЦК КП (б) У разрешил издание газеты «Строитель», четыре раза в неделю, тиражом 25 тысяч экземпляров и мы получили прекрасную возможность обсудить на её страницах с передовиками производства все интересующие их технические и организационные вопросы.

– Все эти мероприятия несколько улучшают положение дел. Темпы работ увеличиваются. В марте месяце удаётся наладить социалистическое соревнование отдельных ударников и двух строек – «Запорожстроя», и «Сталинградстроя». Налаживая взаимодействие со Сталинградскими товарищами, пришлось вспомнить свои контакты, которые были памятны ещё с лета 42 года. И эти воспоминания хорошо помогли в налаживании мирного взаимодействия и организационно технической помощи Сталинградских товарищей, – изменившись в лице от нахлынувших воспоминаний, и как-то посуровев, вспоминал Отец.

– Нарастание внимания к нашим проблемам не в малой степени было связано с тем, что сам И.В. Сталин интересовался ходом восстановительных работ. Часто приезжали И.Ф. Тевосян – министр черной металлургии, П.А. Юдин – министр строительства тяжелой промышленности. Они приезжали со своими начальниками главков, которые помогали им разобраться в сути происходящих событий.

Тевосян И.Ф., зачастую вместе с Л.И. Брежневым, старались глубже вникнуть в суть монтажных работ, интересовались техническими деталями, что вызывало у рабочих чувство ответственности. Тевосян в те годы слыл хорошим организатором, но в 1947 году в отношении завода «Запорожсталь» он выступал больше как заказчик и уделял внимание контролю качества и приемке работ.

Он был у Сталина на хорошем счету. Иосиф Виссарионович считался с его мнением. И он всячески старался сохранить эту репутацию, принимая все меры для оказания помощи в тех вопросах, которые касались его ведомства. Был он в этих вопросах пунктуален, аккуратен и довольно изобретателен при возникновении сложных нестандартных ситуаций.

– Впоследствии, в своём приказе по министерству, товарищ Тевосян оценивал качество выполненных работ – на отлично.

Министры И.Ф. Тевосян и П.А. Юдин налаживают взаимодействие, стараются снять ведомственные диспропорции непосредственно в цехах, на рабочих местах. Об этих эпизодах взаимодействия двух министров, во многом определявших ход работ, часто вспоминал Отец:

– Я готовился к встрече с товарищем Юдиным, прорабатывая вопросы перед его посещением строительства, мне хотелось узнать его мнение и о ходе строительных работ, и, вообще, общее впечатление о восстановительных процессах.

– Я встретил довольно внушительного, круглолицего человека, почти атлетического телосложения, по-летнему одетого в белый парусиновый костюм. – Деловито вспоминал Отец.

– Его разговоры были спокойны и рассудительны, с профессиональной оценкой ситуации. Он, в общем, был доволен ходом восстановительных работ, которые по своим темпам превышали общесоюзные нормы. Именно товарищ П.А Юдин оценивал разрушения на «Запорожстали», как наиболее тяжелые во всей мировой практике. Он говорил о грандиозности задач, стоящих перед страной:

– Представьте себе такую грандиозную цифру; во время войны из прифронтовых зон было эвакуировано 2590 предприятий и более 10 миллионов человек. Теперь большую часть эвакуированных предприятий нужно восстановить на прежних местах, вернув по большей части оборудование, но, не снизив, при всём этом, темпы производства в местах их военного обитания. Такую задачу во всей стране можно выполнить, создав образцово-показательный прецедент решения таких задач. Вот Вы у нас и являетесь, как бы образцово показательным полигоном отработки средств и методов решения этой грандиозной задачи. И далее Отец с вдохновением рассказывал.

– В этот день Леонид Ильич появился, несколько позже, в черном элегантном пиджаке и иссиня-белой рубашке с отложным воротником, с орденскими колодочками на левой стороне груди, чувствовалось, что он хотел произвести положительное впечатление на прибывших товарищей. Мы обменялись приветствиями, подождали всех, участвующих в осмотре и отбыли на территорию завода – изучать характер разрушений, и ход восстановительных работ. Хорошо помню, как перед встречей с Юдиным Леонид Ильич порекомендовал познакомиться с его статьей – «Школа передового опыта», характеризующей ход работ на «Запорожстали». Леонид Ильич любил, чтобы его сотрудники хорошо подготавливались к встречам и беседам с товарищами из центра и знали их взгляды на ту или иную проблему. А товарищ Юдин там писал:

– Ещё никогда, даже в годы войны, не решалась такая сложная задача. Никогда не входил в строй такой крупный завод, в такие сжатые сроки.

– Эта весна была для всех нас горячей трудной порой, – с вдохновением вспоминал Отец.

– Захватывал, увлекал объем намечаемых планов, о которых все время шла речь.

– Осуществить запуск громадного металлургического комплекса, практически в течение нескольких месяцев.

За рубежом многие вообще не понимали как это Советский Союз, в такое короткое время, надеется возродить свои промышленные гиганты.

Буржуазные специалисты на все лады гадали, сколько же десятков лет понадобится «красным» для ликвидации этих громадных разрушительных последствий, самой разрушительной в истории человечества войны, основной удар которой принял на себя Советский Союз. Известие о том, что советский народ собирается справиться с этой задачей всего за несколько месяцев вызывало на Западе недоверие, смешанное с изумлением. Ведь на Западе все знали, что гитлеровский план «Барбаросса» предусматривал разрушение Советского Союза настолько, что даже впоследствии, при всех благоприятных условиях его восстановление займет не менее 50-ти лет.

Нашлись пророки, которые нам предрекали провал. Буржуазная пресса твердила, что наша страна потерпит крах, пытаясь осуществить заведомо неосуществимое. Если говорить правду, то и нас охватывало некоторое волнение. Ведь это нам нужно было осуществить эти грандиозные планы.

Сейчас мы говорим, что партия знала, что партия была уверена в осуществимости поставленной задачи. Мы, конечно, стали уверенными в своих силах после того, как эту уверенность почувствовал Вождь. Мы знали, что основное свойство вождя – чувствовать настроение масс, настроение народа, его возможности и стремления, и призывать к решению тех проблем, которые может осуществить народ, конечно помножив эти усилия на организационные способности государственного и партийного аппарата. Поэтому мы всегда отвергали позицию Запада:

– Диктатор прикажет! Диктатор заставит! Вождь отличается от диктатора тем, что чувствует голос народа, голос масс и, обобщив и высказав этот голос, ведет народ за собой, а не насилует народ как диктатор западного типа. Запад никогда не понимал чисто восточного, чисто славянского понятия Вождь и всегда упорно был зациклен на понятии диктатор, которое родилось на Западе, осуществилось на Западе, бытовало, прежде

всего, на Западе.

А этот внутренний голос народа, прежде всего, почувствовал и высказал Иосиф Виссарионович Сталин. Он увидал, что, победив в войне, народ готов пойти на преодоление любых трудностей для налаживания нормальной жизни и восстановления страны. Народ считал себя воистину великим народом! Уже, вместе с ним, и мы стали уверены, что задача, которую ставят перед нами, осуществима. Мы почувствовали вслед за Сталиным, что соединение таланта и энтузиазма масс с организующей способностью партии даст результат.

– Организующая способность государства и партии разворачивалась в полную силу. Приезжали не только министры, но и секретари ЦК, Союзные и республиканские.

Довелось мне встречать и товарища Соловьева, заведующего строительным отделом ЦК ВКП (б). Это был высокий плотный человек в очках, с волевым выражением лица. Одет он был на официальный манер и взял с первой минуты официальный тон в своих расспросах о ходе строительства.

Он интересовался всеми вопросами, включая экономику, перед приездом большого начальства из Госплана СССР. И Леонид Ильич, старался проверить состояние системы оплаты труда и снижения себестоимости. Он однажды позвонил мне и попросил разобраться с жалобой рабочих завода «Коммунар» на снижение расценок на некоторых участках, которые, по их мнению, были произведены без каких-либо технических и организационных мероприятий. А как, оказалось, отменялись завышенные расценки, которые были введены на период освоения изделия, и ввиду необходимости повышения производительности труда за счет освоения продукции, и повышения квалификации рабочих. Но, не взирая на все разъяснения, у некоторых рабочих оставались нарекания. Вразумило их только то, что готовилось очередное снижение розничных цен, как венец снижения себестоимости и повышения производительности труда. И слова:

– Если вы хотите снижения цен, то нужно и повышать производительность труда, их полностью успокоило. И они с возгласом:

– Да конечно хотим. И заработок наш нисколько не упадет, просто нужно поменьше перекуров и немного оснащения. Вот и вся проблема.

– И, удовлетворенные, они приступили к работе. Ситуация в промышленности стабилизировалась и уже на новых расценках рабочие перевыполняли нормы выработки, изготовив ряд станочных приспособлений. Так система продвигала вперед рационализацию производства. И никаких силовых решений к

рабочему классу не применялось.

Справа налево: Моисеенко Н.П., Соловьев – зав. отд. Кузмин А.Н., Брежнев На совещании работников промышленности. Запорожье, 1947 г.

Наше ожидание подтвердилось, но приехал не кто-либо из второразрядных экономистов, а сам Вознесенский Н.А. – член политбюро ЦК ВКП (б), председатель Госплана, один из ведущих экономистов того времени. И вообще человек довольно близкий к товарищу Сталину, часто стоявший на трибунах рядом с ним, в тот период.

Готовясь к встрече с ним, пришлось ещё раз просмотреть его брошюру: «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», чтобы освежить в памяти основные идеи Николая Алексеевича и не вызвать нареканий Леонида Ильича за плохую подготовку. Тем более, мы знали, что эта брошюра была просмотрена и, в какой-то степени, отредактирована товарищем Сталиным. И Отец вспоминал свои

теоретические впечатления.

– Я рассказал Леониду Ильичу о своих впечатлениях от этой работы. В ней развивались основные идеи товарища Вознесенского, высказанные им на, не так давно прошедшей, сессии Верховного совета СССР, где он заострял внимание на действии таких экономических рычагов как цена, деньги, кредит, прибыль, премия. Но все эти понятия и определения широко использовались нами в промышленности и какого-то нового особенного звучания не имели. Я преподнес все свои соображения по этому вопросу Леониду Ильичу, – вспоминал Отец.

– Но Леонид Ильич остался, не удовлетворен этими, довольно известными в тот период, вопросами, и порекомендовал покопаться в его ранних работах. И мне повезло, я нашел одну из его ранних работ, опубликованных в журнале «Большевик» ещё в 1931 году. Эта статья называлась: «К вопросу об экономике социализма». В этой статье он особенно заострял внимание на диспропорциях в развитии народного хозяйства СССР и говорил о том, что это одно из главных орудий вредителей и различных оппозиционных групп, существовавших в партии в тот период. И тут Леонид Ильич откликнулся.

– У нас, конечно, вредителей нет, но на этот вопрос, стоит обратить внимание. Диспропорции, сами по себе, могут принести большой вред народному хозяйству. Ну а если их используют враги или недоброжелатели, то это настоящий динамит, – говорил Леонид Ильич ещё в те годы восстановительного периода.

Стоило уже в период перестройки и реформ, упустить этот вопрос из виду, как этот динамит и рванул. Его использовали перестройщики всех мастей и оттенков, для того чтобы доказать неспособность социализма решать возникшие проблемы и создать проблему пустых полок.

Сами их создали и пофарисейски начали о них кричать: «Вот видите пустые полки».

Правда, это было гораздо позже. А тогда они теоретически предвидели возможность такого развития событий, в ожидании приезда высоких гостей. И Отец вспоминал.

– Наконец, мы дождались приезда Вознесенского Н.А. и поняли, что наше волнение и подготовка к его приезду были не напрасны.

Решительно шагая по территории завода вместе с хозяйственниками, директорами стройки и завода, Николай Алексеевич увлекал за собой Л.И. Брежнева и всех сопровождающих товарищей. Мы шли с товарищем Л.Г. Мельниковым, секретарем ЦК КП (б) У – широколицым,

коренастым человеком, в его неизменном сером костюме и серой широковерхой фуражке. Шли вслед за ними, беседуя с заместителем министра тяжелого машиностроения товарищем Яковлевым В.И. о ходе изготовления недостающего оборудования. Одновременно мы прислушивались к словам Вознесенского. Он говорил:

Член политбюро ЦК ВКП (б), Председатель Госплана СССР перед докладом правительству о ходе восстановления металлургического завода «Запорожсталь» посетил этот завод. В первом ряду слева направо: Первый секретарь Запорожского Обкома КП (б) У Л.И. Брежнев, директор завода «Запорожсталь» А.Н. Кузьмин, председатель Госплана СССР Вознесенский, управляющий трестом «Запорожстрой» В.Э. Дымчин. Во втором ряду слева направо: секретарь Запорожского горкома КП (б) У Н.П. Моисеенко, секретарь ЦК КП (б) У Л.Г. Мельников и главный прокатчик завода АЛ. Боборыкин.

– В планировании выпуска всех комплектующих изделий и их поставок не должно быть сбоев, а такая тщательность нужна для обеспечения их четкости. Николай Алексеевич был

высокообразованным человеком, окончившим два института и опубликовавшим ряд работ по теории экономического планирования. В особенности, он уделял внимание ликвидации диспропорций в развитии народного хозяйства и необходимости наличия производственных резервов для осуществления этой идеи на практике. Леонид Ильич свободно вел с ним эту беседу, будучи уже полностью подготовленным по экономическим вопросам, проблемам планирования и проблемам снижения себестоимости.

В унисон этому, как только Вознесенский умолк, рассматривая очередной объект, Л.Г. Мельников поинтересовался у меня деятельностью Л.И. Брежнева, мнением руководителей и рабочего класса, да и вообще народа о нем. Мне уже тогда стало понятно, что идет обычная работа по подбору кадров на выдвижение. В грамотных руководящих кадрах, в тот послевоенный период, остро нуждалась страна. Кстати тогда он интересовался и А.П. Кириленко. Все эти вопросы шли; как бы невзначай, между делом. И мы тут же вернулись в разговоре к идеям, которые выдвигал товарищ Вознесенский.

– Эти идеи были близки нам, и мы были знакомы с ними ещё в предвоенный период, когда планировалось перемещение промышленности на Восток и, в особенности, в период реализации этих идей в начале войны. Но говорить, что Вознесенский Н.А, являлся творцом этой военно-экономической эпопеи, как считают некоторые, наверное, нельзя, поскольку главное в тот военный период было не спланировать это перемещение, а осуществить его под огнем противника.

Этим перемещением и руководил Государственный Комитет Обороны, и конечно, не без участия самого И.В. Сталина. А все планы быстро менялись, в зависимости от боевой обстановки и действий противника. Конечно, и роль планирования, и роль самого Вознесенского Н.А. возросла с 1943 года, когда он стал членом комитета по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. И осуществление планов стало возможным в соответствии с их предначертаниями, поскольку изменилась стратегическая обстановка на фронте и произошел коренной перелом в войне в нашу пользу. Он старался осуществить свои плановые и управленческие идеи на такой крупной Всесоюзной стройке, какой было восстановление завода «Запорожсталь» и всего Запорожского комплекса заводов.

Свою борьбу с диспропорциями в народном хозяйстве он видел не только в тщательности планирования, но и в проверке выполнения плановых заданий на местах, для чего на стройке часто находился представитель Госплана. И корректировка

отдельных звеньев плана шла по мере изменения ситуации. Эта корректировка, в основном, шла в направлении увеличения плановых заданий.

Его вклад в планирование восстановления разрушенного войной народного хозяйства был существен, а тщательность его составления определялась детальным изучением обстановки на месте.

Пользуясь его приездом, мы не только выслушивали довольно резкие и волевые суждения и требования на такую тему, как отсутствие стального листа, нарушающего все пропорции развития народного хозяйства, но и выдвигали требования, которые шли потоком; от несвоевременной поставки отдельных агрегатов, до отсутствия подшипников и прочей комплектации, с которыми мы сталкивались ежедневно.

– Он все наши требования и предложения тщательно фиксировал, и допоздна работал над их изучением и обработкой. А работал он с полной самоотдачей. Вознесенский и в дальнейшем, уже после завершения восстановления завода «Запорожсталь», памятуя налаженные отношения, помогал в вопросах завершения пятилетки восстановления народного хозяйства.

Нарастание внимания к нашим проблемам, увеличение поставок продовольствия и строительных материалов, вызвало не только всплеск трудовой активности народа, а и рост преступности в городе и его окрестностях, куда стекались преступные элементы из всей округи, оставшиеся после отступления немецких войск.

Нужно сказать, что определенная часть населения была деморализована и деклассированна немецкими оккупантами. И этот фактор нужно было предусмотреть и преодолеть. Да и немцы оставляли свою агентуру, на длительное залегание, в надежде ещё вернуться. Много оставалось работников полиции, агентов гестапо и прочих пособников оккупационного режима. Сначала они разбежались по дальним углам области, а после поражения Германии и начала хозяйственной активности Советской власти, стали стекаться в крупные города и заниматься бандитизмом. И при встречах с рабочими, которые в тот период были почти регулярными, мы постоянно слышали:

– Мы понимаем все трудности страны и откликнемся на них с полным вниманием! Полной отдачей! Но вы посмотрите, как в городе растет преступность. Страшно с зарплатой идти домой, того и гляди убьют.

– Смотрите, как дерзко действует банда «Коли Ковалевского», а как свирепствует «Женя-Глист», работают почище московской

банды – «Черной кошки».

Мы, конечно, укрепляли органы милиции фронтовиками, демобилизованными из Армии, фронтовыми разведчиками, но этих мер было недостаточно. Нужно было продумать всю систему борьбы с преступностью и увязать её с соседними областями на Украине, в особенности с Одесской областью, дабы предотвратить перелив преступного элемента с одной области в другую.

На бюро обкома партии, при распределении обязанностей, Леонид Ильич вопросы работы всей системы правоохранительных органов взял на себя. И он понимал, что необходима массированная антибандитская операция, и добивался разрешения на её проведение.

Банды действовали изощрено, убивали сторожей, ликвидировали и запугивали свидетелей и обычное судопроизводство захлебывалось. Нужно было решать вопрос агентурными методами, благо таких профессиональных людей среди бывших фронтовых разведчиков, было достаточно.

Изощренные грабежи магазинов, когда банды проникали через крышу, через стены соседних домов и вывозили товары не оставляя следов, начали резко идти на убыль, как только началась агентурная работа в их среде. Агентура, внедренная в эти банды, давала такую информацию, которая позволяла брать воров и убийц с поличным. Город быстро и надежно, на долгие годы, избавился от такой опасной и парализующей волю людей преступности. Все эти операции против наглой и опасной уголовщины, носили секретный характер, и в этот период Леонид Ильич часто работал ночами. Правда, и график работы остальных партийных работников был такой же.

В это время работали как И.В. Сталин, к девяти нужно быть на работе, к десяти он мог звонить, и работали до часу ночи, когда гасло окно в его Кремлёвском кабинете. Кроме того, всю ночь дежурил один из руководящих работников. Он работал по обеспечению утренней смены на заводах и был на связи с центром, который продолжал работу, конечно, не такую интенсивную как днем, а в тон размеренному и продуманному ночному ритму Иосифа Виссарионовича.

Однажды ночью, отец приходит очень взволнованный и говорит о звонке И.В. Сталина, который сказал:

– Вы должны помнить важность восстановления завода «Запорожсталь» и получения стального листа. Сейчас этот вопрос выходит на первое место, в сложившейся международной обстановке. – И добавил. – Вас будут слушать на ЦК ВКП (б).

Конечно, сразу звонки, сразу подготовительные работы. Старались не терять ни минуты. Какая громадная разница с

теперешним временем. Страна разваливается, а президент продолжает краснобайствовать, как актер на сцене провинциального театра, участвующий в бесконечной предвыборной кампании. Трудно даже подумать, что такая же реклама, такое же культивирование, как у современного руководства страны, могло быть у товарища Сталина. Несколько портретов на весь разрушенный город, да один два снимка в газетах, за весь период восстановления.

Но нас всех, почему-то, тянуло к товарищу Сталину, и мы, не только взрослые, а и даже школьники, бежали домой, чтобы послушать его пятнадцатиминутное выступление по радио. А для нас, подростков, ещё совсем детей, он был овеян славой победителя, ещё не замутненной антисталинской пропагандой, легендарного – почти сказочного героя, образ которого без всякой агитации сложился в детском подсознании, за период войны. И как бы в последующем этого многим ни хотелось, но так это было, и слов из песни не выкинешь.

В руководстве шли споры, кого посылать в Москву. Но уже начала складываться тенденция слушания данного вопроса. Слушания велись на уровне секретаря горкома и парторга строительного треста. Кроме того, все знали, что И.В. Сталин не любит пустого представительства и требует тонкого знания дела. Поэтому решили, что поедут наиболее компетентные люди, давно и профессионально занимающиеся восстановительными работами – Н.П. Моисеенко и И.В. Соболевский – секретарь парткома треста «Запорожстрой».

Это произошло уже несколько позже, после обсуждения их доклада на политбюро ЦК КП (б) У, таким образом, после Киева они были вызваны в Москву. Волнениям и тщательной подготовке, конечно, не было предела.

Понимая важность проблемы, и заслушав вопрос о состоянии партийной работы на стройке, ЦК ВКП (б) намеревался рассмотреть все аспекты обеспечения строительства.

На заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) ожидали И.В. Сталина, но он в этот период болел. Пришлось ждать несколько дней в гостинице, готовясь к заседанию. Наконец работники аппарата объявили, что в связи с несколько затянувшейся болезнью Иосифа Виссарионовича, заседание Оргбюро будет вести секретарь ЦК ВКП (б) товарищ А.А. Жданов. Однако он тоже был занят. В то время проходило совещание министров иностранных дел Восточной Европы, и ожидание продлилось.

Для нас ситуация была неопределенной, не ясным оставалось кто будет заниматься нашим вопросом – товарищ Сталин И.В. или А.А. Жданов. И такая неопределенность сохранялась вплоть до

начала заседания. Конечно, это ожидание вызывало томительное волнение, но позволяло фундаментально подготовиться к заседанию. Секретарь А.А. Жданова, участвующий в подготовке заседания, с которым мы неоднократно встречались в гостинице Москва, там же объявил:

– ЦК решил рассматривать вопрос без хозяйственных руководителей. Мы, конечно, вздрогнули, от такой навалившейся на нас ответственности, – нервно поеживаясь, словно это произошло вчера, – вспоминал Отец.

– Так что товарищи готовьтесь к заседанию серьёзно, время у вас есть, – продолжил секретарь, – и, вручив нам, переданные товарищем Ждановым в качестве подарка, открытки с видами Москвы и съездовские в, красном кожаном переплете блокноты для записей, торжественно, как победитель в битве под Аустерлицем, удалился.

Это решение вело к необходимости проработать и принять решения по всем вопросам, которые могли возникнуть, чтобы предстать на заседании в полном всеоружии, поскольку Иосиф Виссарионович, больше всего, не любил некомпетентности, а справиться у советников или хозяйственных руководителей уже не было возможности.

Жданов А.А. имел, в тот период, высокий авторитет в партии и слыл высококультурным человеком. К тому же надо не забывать, что он был довольно опытным работником, избранным в состав ЦК ещё в 1930 году. С 1934 года, он секретарь ЦК ВКП (б) и одновременно секретарь Ленинградского обкома партии. А с начала войны, уже в августе 1941 года, член Военного совета Ленинградского фронта. В особенности, его авторитет вырос после войны, когда он выстоял и смог организовать работу в блокадном Ленинграде. О нем говорили, как о будущем преемнике И.В. Сталина. С1944 года он работал секретарем ЦК ВКП (б) и занимался, в основном, идеологическими вопросами.

К сожалению, он рано умер. И ещё большее сожаление, и удивление вызывало, когда его старались опорочить в антикультовский период, обвиняя в каких-то репрессиях, когда мы помнили его выступление на мартовском пленуме ЦК 1937 года, где он говорил о развитии советской демократии и о подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР. И в памяти были ещё свежи его выступления на январском пленуме ЦК в 1938 году, где он как раз, защищал права членов партии от огульных обвинений и необоснованных исключений из партии. К тому же мы знали, что какого-то прямого отношения к силовым органам он не имел. Но шлейф этих обвинений, хотя и не доказанный, и вызывающий массу сомнений – остался, а уже

позже дотянулся до периода перестройки и реформ.

Конечно, все эти сомнения возникли гораздо позже, а тогда мы продолжали контакты с секретарем товарища Жданова и усиленно готовились к заседанию Оргбюро ЦК.

Секретарь А.А. Жданова, всё тот же товарищ, в сапогах и галифе – тогдашней типизированной, послевоенной партийной униформе, сообщил, что заседание, наконец, состоится, и пригласил приехать в приемную. Пришлось подождать, пока товарищ Жданов решил ряд текущих вопросов. Наконец секретарь пригласил нас войти, – напрягая память и вспоминая малейшие детали, говорил Отец.

– Кабинет А.А. Жданова поразил своей скромностью и простотой. Однотонные краски подчеркивали деловитость хозяина кабинета. Никаких завитушек и трафаретов, модных в то время. Все сели за длинный стол, покрытый зеленым сукном. На заседании присутствовало около 20 человек. В конце стола сидел А.А. Жданов Его черные волосы, с резко выделяющейся сединой у висков и короткие усы, подчеркивали бледность лица.

Жданов умело вел заседание оргбюро, интересовался всеми подробностями вопроса, чувствовалась его высокая культура. В процессе заседания он часто поднимался, задавал вопросы, делал замечания, вносил предложения, спрашивал мнение членов оргбюро; секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Кузнецова, секретаря ЦК и Московского горкома партии Г.М. Попова, М.Ф. Шкирятова.

Именно Шкирятов М.Ф. занимал, в то время, значительную должность, связанную с контрольными функциями – председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП (б). Включал Жданов в беседу и других присутствующих товарищей, интересуясь мнением возможно большего количества специалистов.

– Сталин появился один раз. Он был бледен, сутулился, сказывалось напряжение всех военных лет. Но в эти годы он не менял стиля своей работы, работал много и напряженно. Мы услышали спокойный, глуховатый голос И.В. Сталина, он сказал несколько фраз Жданову по тактике решения нашего вопроса и удалился покашливая.

Первым выступил, с результатами двухнедельной проверки, инспектор ЦК товарищ Шамберг М.А. Он вел проверку состояния дел в Запорожье, ещё до заседания ЦК, докладывал вопрос предварительно и выступал в прессе по нашим делам. В связи с этим, его выступление было кратким информационным, посвященным состоянию дела. За ним выступили наши представители. А уже за ними, министры – Юдин П.А., Тевосян И.Ф., Казаков Н.С., кстати, много вопросов было именно к

Казакову, поскольку он отвечал за поставки оборудования на «Запорожсталь», как министр тяжелого машиностроения СССР.

И, наконец, слово дали товарищу Щкирятову М.Ф., занимавшемуся контролем действий всех участников заседания, конечно, именно в этом вопросе, вопросе получения тонкого стального листа. – С какой-то суровой решительностью в глазах вспоминал Отец, вызванной тем, что этот материал, ни как, не шел в печать. То Жданов не нравился кому-то, то Сталин кому-то не импонировал, а пробелы истории заполнялись мифологизированными историческими рассказами, да и просто небылицами.

Проанализировав все эти выступления, секретарь ЦК ВКП (б) Кузнецов Алексей Александрович, сосредоточил критику на недостатках партийной работы парткома строительного треста. Критиковались все аспекты партийной работы, начиная с проведения пропагандистской деятельности и кончая бытовым устройством и питанием рабочих. Такой веселый и жизнерадостный, доброжелательный по своей натуре человек, как Кузнецов сегодня был суров и неумолим. В этот период, товарищ Кузнецов А.А., выполнял ряд обязанностей, которые ранее выполнял Маленков Г.М., который временно находился в Узбекистане.

Некоторые историки, извлекая из этого занимательный сюжет, весь ход событий представляли в виде бесконечной цепи интриг. Считали, что это назначение связано с желанием т. Жданова окружить себя своими людьми, но скорей всего это был естественный ход послевоенной кадровой политики выдвижения людей, отличившихся во время войны, выходцев из рабоче-крестьянских низов, так называемых народных самородков, каким и был Алексей Александрович.

И определенную роль, в его выдвижении сыграл тот факт, что сам Иосиф Виссарионович, в период критического состояния дел во время войны, в блокадном Ленинграде, направил ему записку, написанную красным карандашом, что он иногда делал в экстренных случаях. Эта записка говорила о том, что на него возлагается большая надежда и его усилия родина не забудет. Правда, это было в тот период, когда товарищ Жданов болел, и все-таки, общий вопрос организации обороны Ленинграда, Сталин, по-прежнему, возлагал на Жданова А.А. Но роль Кузнецова уже тогда возросла, и это явилось причиной его послевоенного выдвижения. Правда, секретарем Ленинградской партийной организации по рекомендации Жданова, и при согласии самого Сталина, он стал ещё перед войной.

И, что нам было особенно близко – это то, что он с самого

начала войны возглавлял в городе все оборонные работы вплоть до создания народного ополчения и не отходил от этих задач даже когда стал членом Военного Совета Ленинградского фронта.

Уже тогда он был введен в состав Оргбюро ЦК, которое в то время выполняло функцию одного из главных органов партии и, Алексей Александровичу, кроме своих секретарских обязанностей приходилось выполнять и функции, связанные с нашей работой. В крайнем случае, тогда говорили, что Иосиф Виссарионович его ценит и даже питает к нему некоторую слабость. А дальше вопрос шел, как в обычной кадровой работе. – Вспоминая рассказы Отца, листаю пожелтевшие его записи и нахожу:

– В своём выступлении, я попытался смягчить удар критики, наносимой по парткому строительного треста, мотивируя это тем, что дальнейшее, более детальное усиление контроля, и принятие решений партийными органами, может привести к подмене хозяйственных руководителей. Кроме того, я говорил о значительной работе, проделанной за весь восстановительный период. Однако это вызвало у товарища Жданова резкое недовольство, лицо его стало суровым. Товарищ Жданов, а затем и Кузнецов А.А. резко критиковали нас за попытку смягчить критику. Они говорили:

– Это ещё раз подтверждает наличие самоуспокоенности, прежде всего у вас – у партийных работников, у которых должна быть нетерпимость к недостаткам, отсутствию должного контроля, требовательности и помощи в деятельности хозяйственных органов. Дело дошло до того, что нас начали обвинять в непонимании особого значения задачи быстрейшего восстановления завода «Запорожсталь».

– Мне пришлось признать, что мы упустили крупные недостатки в работе парткома стройки и не мобилизовали коллектив строителей на преодоление трудностей, а также слабо контролировали хозяйственную деятельность.

– Я добавил ещё ряд недостатков, которые при проверке были не выявлены комиссией. Такие, как недостатки в расстановке кадров, формализм в партийной учебе, отсутствие внимания к вопросу улучшения бытовых и материальных условий жизни рабочих, в особенности, их питания в столовых, и ряд других вопросов.

– Лицо А.А. Жданова просветлело, А.А. Кузнецов заулыбался. Всем стало ясно, что с парткомом стройки вопрос решен, и Оргбюро перешло к вопросам организации поставок, обеспечению стройки людьми и техникой. И далее Отец вспоминал:

– В своей реплике товарищ Жданов тоже говорил о парткоме стройки, но критика его была направлена на исправление

недостатков. Он говорил:

– Стройка получит всё: людей, технику, материалы, дополнительные продовольственные фонды.

– Дальнейший ход обсуждения касался этих вопросов и порядка их реализации. Выступали, один за другим, товарищи, участвующие в заседании и довольно монотонно, в деловом виде докладывали свои предложения и принятые ими меры. Революционный порыв заседания и эмоциональный импульс, данный в его начале, стали затухать, и ход заседания стал переходить в обычную канцелярскую рутину. Но ближе к концу заседания дело в свои руки опять взял товарищ Жданов.

Он начал свой разговор в низком повествовательном тоне, всё время, поднимая накал своей речи. Его выступление длилось 30–40 минут. Он говорил как пламенный оратор – ярко, страстно, используя стиль митинговой речи, пытался придать заседанию эмоциональный характер, поскольку знал, что его речь станет прообразом всех будущих событий этого строительства. Немого передохнув, он воскликнул:

– Центральный комитет, товарищ Сталин, испытывает серьёзное беспокойство из-за недопустимо медленных темпов восстановления завода «Запорожсталь». Мы должны перевести эту задачу в более важное русло и поставить её как задачу первостепенной государственной важности.

Жданов рассуждал, убеждал, говорил о важности для страны производства холоднокатаного листа, выражал большое беспокойство за дело восстановления. Он старался, на нашем опыте, сделать образец послевоенного восстановления всего народного хозяйства Советского Союза, придав ему идеологическое звучание. – Он говорил, что были приглашены не хозяйственные, а партийные руководители потому, что ЦК считает:

– Выполнение поставленной задачи, в невиданно короткие сроки, сможет обеспечить только партийная организация. От того, как она мобилизует и сплотит многотысячный отряд строителей на выполнение сложного и огромного объёма работ, будет зависеть всё. ЦК надеется на областную, городскую и первичные партийные организации стройки и завода.

– Он говорил ещё раз о том, что ЦК ВКП (б), товарищ Сталин И.В. испытывает серьёзное беспокойство из-за недопустимо медленных темпов восстановления завода «Запорожсталь», и считает эту стройку – первостепенной, наиболее важной стройкой, имеющей принципиальный образцовый характер. Стройкой, государственной важности!

– В конце заседания товарищ Жданов поручил нам передать

каждому рабочему, что ЦК ВКП (б) обращается к ним с призывом приложить все силы, энергию и умение на окончание восстановления завода «Запорожсталь», в установленные правительством сроки и дать стране, в сентябре этого года, тонкий холоднокатаный лист.

Уже в частной беседе товарищ Жданов заострил наше внимание на том, что в этом вопросе не должно быть затягивания сроков, поскольку отсутствие холоднокатаного листа не позволяет стране стать на собственные ноги и создаёт угрозу обороноспособности нашего государства.

Наклонившись вперед. Проникновенно, с придыханием, он перешел почти на речитатив:

– Вам нужно разъяснить каждому коммунисту, каждому рабочему, каждому инженерно – техническому работнику, что от быстрейшего восстановления производства тонкого холоднокатаного листа, зависит судьба дальнейшего развития всей автомобильной промышленности СССР. Тем более что завод «Запорожсталь» должен стать основной базой отечественного производства листового металла и должен сыграть решающую роль в освобождении страны от импортной зависимости.

– Затяжка в этом вопросе, – отмечал товарищ Жданов, – не дает, как я уже говорил, решить поставленные страной задачи. И далее, разобрав вопросы особой значимости, товарищ Жданов переходит к вопросу партийно-политического обеспечения, решения всех хозяйственных вопросов.

– К партийной работе на «Запорожстали» мы предъявляем повышенные требования. Дело партийной работы «Запорожстроя» – это дело наше, дело нашей партии. – С пафосом произносит он, заканчивая своё выступление.

В пожелтевших от времени записях Отца, того периода, нахожу мысли товарища Жданова, несколько удивившие меня высказывания о важности единства и сплоченности в партии, высказанные в тот период, когда единство партии казалось незыблемым. Товарищ Жданов говорил о том, что в своей работе «Шаг вперед – два шага назад», В.И. Ленин подчеркивал, что нужна сплоченная, боевая партийная организация, чем она сплоченней, тем шире размах нашей политической работы.

Каково же значение этих мыслей сейчас, в период раздробленности коммунистического движения, если тогда товарищ Жданов, а перед этим и товарищ Сталин, уделяли этому такое внимание?!

– Тогда я поддержал мнение А. А. Жданова, – вспоминал Отец, – и пропагандировал его после приезда в Запорожье, во всех партийных организациях, при каждой представившейся

возможности. А в беседе с ним мы говорили:

– Жизнь это всегда подтверждает, что чем сплоченней, чем дисциплинированнее партийная организация, тем больше коммунистов привлекается к активной политической работе, тем больше влияет партийная организация на хозяйственные дела. И там же мы говорим, что расстановка партийных кадров не совсем верна, ещё мало коммунистов работает непосредственно на производственных участках, и ещё низка роль партгрупп на производстве.

– Прощаясь с нами, товарищ Жданов пожелал нам успехов в работе и поручил секретарю подарить нам фотографии портрета И.В. Сталина в маршальской форме, с медалью «Серп, и Молот», полученной им ещё до войны, и орденом «Победы», который был утвержден ещё в 1943 году. Это был фотопортрет, работы Б. Карпова – 44 года, который отец хранил всю жизнь.

– С этим мы распрощались и отбыли домой, – констатировал Отец, переходя к анализу пережитых событий.

– Уезжая из Москвы, проанализировав все события последнего времени, мы поняли, что Иосиф Виссарионович видит залог успеха – в объединении идеи возрождения мощной державы, имеющей самодостаточное народное хозяйство, с идеей славянского единства, выраженной в создании блока Восточнославянских государств, который активно создавался в то время. И всё это должно приобрести мощные очертания на базе борьбы за социальную справедливость и социализм. И мы должны были довести это до сознания каждого рабочего, что надежный мир, величие страны и благополучие народа могут быть достигнуты только на этой основе. Мы поняли, что это и есть основной постулат политики Сталина в концентрированном виде, на том временном отрезке, на котором происходили события, активными участниками которых мы были.

– После нашего приезда из Москвы Леонид Ильич Брежнев неоднократно освещал недостатки обкома партии, и свои лично, и призывал всех критично подойти к своей работе. Критическое отношение к себе нужно для успешного завершения поставленной задачи, – зачастую повторял он на всех общественных мероприятиях.

Все сказанные мысли А.А. Жданова и других участников заседания, предложения, внесенные нами, легли в основу постановления ЦК ВКП (б) от восьмого апреля 1947 года: «О работе парткома треста «Запорожстрой «. Там же были указаны конкретные меры, обеспечивающие все намеченные мероприятия. К тому же было принято постановление о завершении восстановления завода «Запорожсталь» к 7 ноября 1947 года. Оно

подкреплялось постановлением СМ СССР от 16 марта – «О восстановлении завода Запорожсталь». Главный смысл и основное содержание которых, было в повышении роли и значения партийных организаций стройки и завода, города и области.

С этой целью был проведен ряд мер, среди которых одной, наиболее важной мерой было то, что в апреле «Запорожсталь» объявляется всенародной, ударной стройкой. Отец особенно радовался тому, что на заседаниях в Москве удалось решить вопросы с обеспечением стройки продовольствием, жильём и комплектацией, что существенно обеспечивало принятые ударные темпы строительства.

На заседании, конечно, поднимался вопрос о самообеспечении на Украине, но там, же удалось объяснить, что сельское хозяйство и промышленность разрушены настолько, что такое самообеспечение невозможно ещё длительное время, кроме того, крымские суховеи и две засухи подряд несли эрозию почвы и губили урожай. И все понимали, что спасение может прийти только из России.

И оно пришло! Начали поступать вагоны с продовольствием, что позволяло организовать горячие обеды и подавать их на рабочие места. Это, в те тяжелые годы, сыграло не малую роль в повышении производительности труда. Люди видели заботу о них и работали самоотверженно, с энтузиазмом. Прибывали и вагоны с оборудованием и материалами, для обеспечения всего комплекса работ.

Невзирая на все наши трудности, мы не могли забыть о спорте. Увлеченность спортом, в особенности футболом, прорывалась сквозь все препятствия. И Леонид Ильич, конечно не без нашего участия и отчасти с нашей подачи, решает ускорить ремонт стадиона «Металлург», стоявшего разрушенным после оккупации, когда по нему прошлись немецкие огнемёты.

Тогда, городской командой, выступавшей на небольшом стадионе, была команда «Локомотив». Но обстановка требовала сосредоточить внимание на металлургии, а создание команды «Металлург» было созвучно этой задаче. И Отец вложил немало сил и энергии в восстановление этого стадиона. И не только его, а и всей прилегающей инфраструктуры, в особенности библиотеки имени «Горького».

И вот, наконец, первый матч с командой Ужгородской «Спартак». Матч, конечно, был дружеский, до встреч на первенство дело ещё не дошло. Стадион ещё полностью не восстановлен, везде видны следы строительных работ, но небольшая центральная ложа уже готова и там нас ожидает Леонид Ильич. Он был в черном плаще, черной вельветовой

шляпе и задумчиво смотрел на зеленное поле стадиона в сопровождении своего порученца.

Отец внизу осматривал ремонт трибун, а я лихо перепрыгивал по сожженным скамейкам, стараясь забраться повыше, на край трибун и сверху взглянуть на всю панораму стройки. Леонид Ильич взмахом шляпы позвал нас к себе. Усадил рядом и заговорил хрипловатым голосом. Казалось, у него возникают затруднения при разговоре, сказывались последствия новороссийской контузии. Напоминания Отца о Новороссийске, вызвали у него неприятные ощущения. В тот период о боях в Новороссийске он никому не рассказывал, хотя о других эпизодах военных лет говорил охотно. Последствия контузии были ещё свежи и вызывали у него напряженность в разговоре, но он её преодолел и заговорил.

– Николай ты сегодня прекрасно выглядишь, настоящий глава города.

Отец, к этому дню, надел свой серый костюм, яркий галстук и действительно выглядел представительно. – И Леонид Ильич продолжал.

– Вот, как представитель власти и сходи к футболистам. Сейчас настроение в народе антибандеровское, даже можно сказать ожесточенное и как бы это не сказалось на игре со «Спартаком», западенцы ведь. Предупреди наших футболистов, чтобы без грубостей. Нам нужно налаживать отношения с Западной Украиной, преодолевать бандеровщину. Хотя и у меня их бандитские действия оставили, мягко говоря, неприятный осадок. Ведь мне пришлось воевать в тех местах.

– Да, кстати, – продолжал он. – Как там расследование по покушениям 44–46 годов, как там бандеровский след.

Отец вспомнил эти неприятные для него минуты и ответил:

– Задержанный террорист всё изображает сумасшедшего.

– Ну и пусть изображает сумасшедшего, чем будет бандеровцем, – говорил Леонид Ильич. Нам надо налаживать взаимоотношения с Западной Украиной и этим следом лучше не бравировать. В народе и так много ненависти. Может быть, впоследствии, это умалчивание бандеровской террористической деятельности и привело к возрождению этих настроений в Западной Украине, уже в период перестройки и реформ. А тогда конечно, когда эта деятельность, как отрицательное явление, была настолько очевидна, что какое-то умолчание могло способствовать стабилизации обстановки.

Отец поднялся и ушел в раздевалку. Вернулся он радостно возбужденный. Военный оркестр уже играл футбольный марш, команды выходили на разминку, и он стал рассказывать:

– Поговорил с обеими командами, убедил их, что теперь нам жить вместе и нужно налаживать дружеские взаимоотношения. Да и наши ребята заявили.

– Обыграем их тонко, без грубостей, за счет нашего технического мастерства.

Матч начался, и Леонид Ильич заторопился:

– Ты, Николай, оставайся, а у меня сегодня много дел с преступностью. Да и к пленуму, по результатам вашей поездки в Москву нужно готовиться. Так, что я поеду!

Тогда Леонид Ильич футбол любил, но как-то сдержано без особого азарта. Но дела есть дела!

И он сел в свой ЗИС, хлопнул дверцей и тихо, не привлекая внимания, уехал в обком партии.

А вскоре был проведен 11-й пленум горкома партии, – вспоминал Отец. Этот пленум был посвящен вопросам повышения производительности труда, и на нем Моисеенко Н.П. рассказал, как товарищ Жданов учил их опыту работы с хозяйственными руководителями и на примерах показал, где должна быть требовательность к ним, а где должна быть конкретная и деловая помощь. Дальше он поделился своими впечатлениями от беседы с товарищем Ждановым, которые оставили в его душе живые воспоминания работы государственных деятелей крупного масштаба, и рассказал о ходе заседания Оргбюро ЦК.

На этом пленуме присутствовал и участвовал в его проведении Леонид Ильич Брежнев, который в своем выступлении активно поддержал все решения Оргбюро и наметил пути реализации этих решений.

Партийная организация сосредоточила свою деятельность на создании обстановки четкости, требовательности, внедрения графика работ, боевой мобильности и коммунистической самодисциплины. Создавалась обстановка творчества, энтузиазма и патриотизма, свойственная первым пятилеткам и Великой Отечественной войне. Все это осуществлялось на собраниях, митингах, в личных беседах.

– Хорошо помню своё выступление на предпусковом митинге цеха «слябинг», на котором говорилось обо всех этих проблемах, – вспоминал Отец, беседуя с товарищами в юбилейный год окончания строительства.

Конечно, этот стиль работы создавался партией, И.В. Сталиным, партийной организацией города, действовавшей с первых дней освобождения. Леонид Ильич Брежнев поддерживал этот стиль руководства. На общестроительном партийном собрании строительного треста, в июне 1947 года, Л.И. Брежнев говорил:

– «Запорожсталь» восстанавливает вся страна. Трудящиеся города поднялись на помощь стройке, их поддерживают колхозники области. Они решили, даже в горячую пору сева, послать на стройку своих людей. Это великое, патриотическое движение нашего народа, понимающего, как необходим стране Запорожский стальной лист.

Прямо на стройке, в гуще дел, находился кабинет Л.И. Брежнева, который стал своего рода штабом восстановительных работ, в котором дежурили партийные руководители; и часто можно было видеть самого Л.И. Брежнева, решающего, со своим окружением, оперативные вопросы строительства. Сюда же неоднократно прибывали министры союзных министерств.

Л.И. Брежнев, вместе с управляющим треста «Запорожстрой» Дымшицем В.Э. и министром строительства тяжелой индустрии Юдиным П.А., при осмотре возведенных конструкций, всем своим видом показывают, как они довольны ходом восстановительных работ, – вспоминал Отец, показывая мне одну из фотографий своего архива.

– И это удовлетворение возникло, по существу, как подтверждение правильности принятой нами практики работ, – говорил он.

– Кстати оба эти министра были награждены орденами «Ленина» за восстановление завода «Запорожсталь».

– А нами была принята практика организации работ, отработанная на монтаже второй турбины и генераторе Днепрогэс. Эти работы шли параллельно с работами на «Запорожстали», и им придавалась партийно-политическая составляющая, о которой говорил товарищ Сталин И.В. А именно:

– Практика восстановления атмосферы строительства Днепрогэс в первых пятилетках.

Эта практика заключалась в том, что на наиболее ответственные участки направлялись коммунисты, способные обеспечить высокие темпы работ. Эти люди сами обеспечивали выработку норм на 200 % и более, и имели моральное право требовать таких же темпов работ от остальных. Эта практика на «Запорожстали» имела тот же характер, но ещё большие масштабы. – Вспоминал Отец, отвечая на мой вопрос:

– А, насколько Леонид Ильич, ориентировался во всех этих довольно сложных делах? Насколько он был грамотен, для решения поставленных задач, или он старался спрятаться за стереотипную партийную фразу? И тогда Отец мне отвечал:

– В те годы этот вопрос даже не возникал. Весь ход работ шел естественным образом. В тех высоких темпах решения сложных задач, некомпетентность человека проявилась бы сразу, и он бы

явно не справился с порученным делом, чего за Леонидом Ильичом не наблюдалось.

С этим вопросом грамотности Леонида Ильича, как руководителя, мне пришлось столкнуться гораздо позже, после ряда публикаций уже перестроечного характера, которые умаляли его достоинства, как только могли. И я, еще раз анализирую тетради записей Отца, периода 1947 года. И нахожу одну из любопытнейших бесед Леонида Ильича на одном из партхозактивов, уже после всех бесед с товарищем Ждановым А.А.

Брежнев Л.И., беседуя с хозяйственными руководителями, ведущими строительство завода «Запорожсталь», довольно в свободной форме рассказывает о своих впечатлениях, анализируя ход строительства. Он говорит:

– Я там бываю в вечерних и ночных сменах и везде требую соблюдения графика. График является основным звеном выполнения плана, и я требую ответственности руководителей к самим себе и к этому графику. На стройке более половины людей работает по прогрессивной системе оплаты труда. Это не малый фактор повышения производительности. Некоторые квалифицированные рабочие, даже ночью, не уходят домой со стройки. Прогрессивная система оплаты труда сыграла существенную роль. Из этого пусть сделают вывод руководители других предприятий страны.

И, в связи с этим, Отец констатировал, что Леонид Ильич предлагал другим руководителям промышленных предприятий побывать на стройке и понять, почему выработка на одного рабочего, и увеличение объемов сданных работ повысились почти в два раза. И далее смотрю в записях:

– Леонид Ильич требовал, чтобы хозяйственные руководители ходили к рабочим, выступали перед ними, говорили с ними по настоящему, непосредственно в цеху, а не только на собрании. Тогда мы узнаем собственные недостатки и недостатки своих подчиненных. Ни область, ни горком партии не может отказать им в помощи, мы для этого и существуем и мы, партийные работники, обязаны оказывать им всемерную помощь.

Эти слова показывают широту государственного и экономического мышления Леонида Ильича и полностью снимают все наветы последующих лет.

Другой вопрос в том, что в 60-е годы экономического развития страны, эта прогрессивная система оплаты труда, которая требовала от центрального руководства интенсивной работы по организации производства, а не спонтанных эмоциональных всплесков, была постепенно сведена на нет. Она была заменена относительно равномерной системой оплаты

труда рабочих. А Леонид Ильич, придя к власти, не уделил должного внимания последствиям такого выравнивания. Правда, за это, как он считал, в политбюро отвечали другие люди, что необходимо учитывать в условиях коллегиальной системы руководства.

Но этот анализ был гораздо позже. А тогда нужно было приступать не только к широкому использованию экономических факторов, а и дополнять их политическими мероприятиями.

На всех гигантских просторах стройки было создано более семидесяти партийных организаций. Во всех этих организациях, участвующих в строительстве, проводилось ежедневное подведение итогов работы. На щитах вывешивались имена передовиков и требования к руководству. В бригады понесли яркое слово 920 агитаторов. Проводились производственные собрания, на которых обсуждались принятые обязательства.

– А поскольку, на строительстве было много молодежи, я предложил Леониду Ильичу выдвинуть на работу в качестве секретаря горкома комсомола товарища Всеволожского М.Н., энергичного напористого комсомольского работника, – мечтательно закрыв глаза, вспоминал Отец.

– Всеволожского я знал ещё со времен войны. Он имел практический опыт создания атмосферы первых пятилеток. Этот опыт он получил, когда возглавлял комсомольскую организацию на Днепрострое. Кстати, там он и был награжден орденом «Знак почета». Леонид Ильич, не долго думая, поддержал это предложение – в таких вопросах он мне доверял.

– Людей я знал, конечно, хорошо как коренной запорожец, и Леонид Ильич часто советовался со мной по кадровым вопросам. И мы тогда не ошиблись. Михаил Николаевич, впоследствии, стал одним из вдумчивых и грамотных первых секретарей обкома.

– Мы старались привлечь к обсуждению всех наших проблем, как можно больше активных товарищей, в особенности, молодежных руководителей. В ходе этих обсуждений у запорожстроевцев родилась идея: ввести в эксплуатацию доменную печь № 3 в июле, цех тонкого листа в августе, цех холодного проката в сентябре. Мы прекрасно понимали, что по темпам роста промышленной продукции и производительности труда мы намного опередим общесоюзные темпы роста, поставим рекорд в мировой практике введения в строй промышленных мощностей и сделаем нашу стройку образцом для будущих поколений. Конечно, внутреннее волнение не покидало нас. Но, как обычно в таких делах, отступление уже было невозможно и надо было идти только вперед.

Горком партии, совместно с областным комитетом, отбирает

и посылает на строительство, для улучшения партийной и производственной работы, 400 коммунистов и 200 комсомольцев. Создаются агитационные бригады, которые ведут активную работу с использованием киноустановок, распространяют коммунистические книги, создают атмосферу поиска, инициативы, творческого отношения к делу.

В организации масс, в личном примере коммунистов и комсомольцев, был ключ достигнутых успехов. – И не раз Отец говорил, вспоминая успехи и трудности той поры:

– Определенные трудности вызывало то, что сроки пуска второй турбины Днепрогэса были близки к срокам пуска объектов «Запорожстали». Турбина должна быть смонтирована уже в октябре, а в декабре она должна дать промышленный ток. Всё это хорошо согласовывалось с теорией Вознесенского Н.А. – пропорционального развития экономики, но вызывало определенные сложности в одновременной реализации двух поставленных задач.

Положение спасало то, что все подготовительные работы на Днепрогэсе были осуществлены заранее, а монтаж вели квалифицированные бригады, соревнование между которыми шло полным ходом. Конечно, существовали и технические неполадки, ведущие к большой потере вспомогательного времени.

С целью сокращения нормы времени на весь цикл работ, в бетоне, где шел непосредственный монтаж турбины, с помощью перфомолотков выдалбливались ниши, куда помещался сам рабочий и его рабочий инструмент.

Трудности вызывала подгонка пятитонных листов спиральной камеры, между новыми листами и старыми, уцелевшими после взрыва. Но монтажники решили и эту проблему, соединяя листы за счет сварки, с предварительной зачисткой и подгонкой краёв листа. И бригады монтажников заработали на полную мощность. Начальник строительства, Ф.Г. Логинов, понимал, что последовательное введение в строй энергетических мощностей возможно только тогда, когда будут организованы одновременные монтажные работы на всех девяти турбинах. И он последовательно добивался этой цели, налаживая ритмичный ход работ на этих объектах.

Но этого оказалось недостаточно для бесперебойного хода строительства. Вода из верхнего бьефа плотины, так или иначе, поступала в аванкамеру турбин и далее в восстанавливаемую гидростанцию, что затрудняло ритмический ход работ по всему фронту.

Федор Григорьевич, вместе со своим главным инженером, вышел в обком партии с предложением о строительстве высотной

земляной дамбы, чтобы отсечь поступление воды. По их подсчетам для реализации этой идеи было необходимо не менее 1000 рабочих, которых, конечно, со строительства заводского комплекса снять было нельзя. Во-первых, это были квалифицированные рабочие, а во-вторых, это сорвало бы ввод в строй металлургических мощностей, которые являлись первоочередной задачей. Однако Логинов продолжал настойчиво теребить обком партии, поскольку министерство такого количества людей просто выделить не могло.

Это несколько раздражало Леонида Ильича. Не сам факт таких требований, а довольно резкая и повелительная манера разговора у товарища Логинова, которой он, к сожалению, страдал и пользовался иногда без разбора, с кем и когда он бы не разговаривал. Иногда Леонид Ильич вспыхивал и говорил. – Николай Петрович объясни ты ему, чтобы он не говорил так, как будто мы у него на посылках. Но меры по реализации деловых предложений, Леонид Ильич, несмотря на это, все, же принимал.

И, наконец, выход был найден. Бюро обкома поручило эти работы П.С. Резнику, который занимался в обкоме партии, в тот период, сельским хозяйством. Он создал график, по которому колхозы области начали выделять людей для строительства дамбы, и ход работ на всем гидротехническом комплексе стабилизировался не в ущерб заводскому комплексу. И при этом, невзирая на некоторое недовольство сельского руководства, сами колхозники с охотой отнеслись к таким работам, тем более что это сулило им дополнительный заработок.

Сейчас много говорят, какой быть партии в 21-ом веке. Хотелось, чтобы партия использовала послевоенный опыт возрождения страны. Тогда ставка делалась на талантливых рабочих и вообще на талантливых людей. Всходила звезда бригадира монтажников И.А. Румянцева – почетного строителя, награжденного «Орденом Ленина», автора метода крупноблочного монтажа. Его последователя на Днепрострое, Евграфова А.Д., лауреата государственной премии М.И. Недужно – изобретателя телескопической стойки для подъёма тысячетонных конструкций, который в то время стал начальником монтажного управления. Стали известны и такие передовики производства, как бригадир монтажников Г.Н. Болтенко, обер-мастер такелажных работ Н. Чепига, бригадир штукатуров Татьяна Василенко и другие.

Отчетливо помню речь Румянцева И.А, когда мы с Леонидом Ильичом и другими партийными и хозяйственные руководителями, организаторами движения за повышение производительности труда, присутствовали на митинге, несущем

в массы его слова, как раз после завершения пуска доменного цеха. Кадры, ковавшиеся в годы первых пятилеток, вообще отличались высоким профессиональным и моральным уровнем, может быть, не все из них обладали таким ярким дарованием как Румянцев И.А., но все они были преданы своему делу, делу партии, – поманив меня пальцем, и показывая фотографию выступления Румянцева, говорил Отец.

В центре: Румянцев И.А. Выступление на митинге. Запорожье, 1947 г.

К сожалению, в последние годы, этот основной стержень постепенно размывался, терялся, заменялся чем-то неопределенным – типа общечеловеческих ценностей, это, наверное, и дало возможность произойти тому, что мы имеем на сегодняшний день, как итог перестройки и реформ.

А тогда и Леонид Ильич, и другие руководители, могли выдвинуть вперед активных товарищей. Так, на митинге по поводу пуска цеха «слябинг», выступает Н.П. Моисеенко. Кроме того, он выступал с докладом на активе при обсуждении

выполнения обязательств по сдаче в эксплуатацию завода «Запорожсталь».

– Но ты не думай, – покачав головой, с укоризной заговорил Отец.

Справа налево: Л.И.Брежнев следит за выступлением Н.П. Моисеенко, на митинге по поводу пуска цеха «слябинг».

– Несмотря на это, Л.И. Брежнев мог не упустить общего руководства проблемой и в нужный момент сконцентрировать внимание на главных вопросах, указать на отрицательные аспекты. На этом же активе Леонид Ильич учил людей преодолевать препятствия, видеть далекую перспективу. Чувство перспективы было присуще всей системе руководства.

В последние годы жизни Леонида Ильича, это чувство перспективы утрачивалось, и страна осталась без достойной замены руководителей.

А тогда работы продолжались с нарастающим темпом. Прибывают высококвалифицированные рабочие со всех уголков страны, и устанавливается трехмесячный срок их пребывания на стройке. К концу 1947 г. их было уже около 30 тысяч. Леонид Ильич считает, что каждого приезжего нужно обеспечить жильём, чтобы он не растрачивал силы на устройство в полуразрушенном городе, а все свои способности мог отдать стройке.

В этом вопросе он полностью поддерживал и развивал идеи

высказанные товарищем Ждановым на Оргбюро ЦК ВКП (б).

– Чтобы добиться окончательного решения вопроса ввода в строй мощностей, в установленные сроки, надо идти за советом и с просьбой к рабочим. Но прежде чем идти к рабочим за помощью, надо посмотреть в каких условиях они живут.

Н.П. Моисеенко на пуске ДНЕПРОГЭСА. Запорожье, 1947 г.

Решение этой задачи, конечно, состояло в увеличении темпов восстановления жилья. И мы, ещё в 1945 году, видели эту задачу во внедрении поточного метода его восстановления. Это была трудная задача, ввиду нестандартности разрушений.

Бригады, способные работать таким методом, готовились давно. И сейчас, когда эта проблема стала не только актуальной, но и обеспеченной строительными материалами, мы смогли задействовать эти бригады на полную мощность.

В действительности, люди за годы войны истосковались по нормальным условиям жизни. Конечно, сама техническая идея поточного метода восстановления и строительства жилья принадлежала стройтресту, а отдельные технические детали разрабатывались трестом «Запорожстрой», но разработка метода и его принципов, в масштабе города, осуществлялась уже горкомом партии.

Убедившись в полезности этого метода, я доложил Леонид Ильичу о результатах внедрения прогрессивного технологического процесса. Он поддержал эту идею, попросил широко распространить этот опыт и мы организовали научно-техническую конференцию, на которой, в большей степени, решались уже технические вопросы. То есть на городском уровне мы занимались этим вопросом вплотную. Поэтому, Леонид Ильич неоднократно поручал мне освещать этот вопрос на пленумах, партийно-хозяйственных активах, а зачастую решать не только вопросы с социалистическим соревнованием и вручением знамен победителям, а и решением хозяйственных и технических вопросов, когда люди спрашивали:

– Хорошо, сборка домов из отдельных, уже готовых конструктивных элементов, это прекрасно, а как это осуществить в масштабах всего города, да ещё и разрушенного. Вот как это осуществить, должна была показать одна из подготовленных ранее бригад, которую мы планировали сделать передовой бригадой, маяком производства, ориентиром по которому должны были равняться остальные коллективы. Поэтому бригадиры таких бригад тщательно подбирались, и немаловажным в их биографиях тогда считалось их боевое прошлое.

Одной из таких бригад, намечалась бригада бывшего партизанского командира И.К. Балюты. И я решил, что не мешает поговорить об этом с Леонидом Ильичем. – Вспоминал Отец, собирая данные о судьбе этого партизанского соединения.

– Однажды, у Леонида Ильича, обсудив все текущие вопросы, он заговорил об этой бригаде. И рассказал ему основную суть вопроса, боевое прошлое и тяжелую судьбу её бригадира.

– Как ты говоришь, соединение им. «Чапаева», командир его Ягупов – это и есть Балюта. Действительно мир тесен. – Оживился Леонид Ильич, и стал рассказывать, как тогда было модно, один из эпизодов своей боевой жизни.

– Представь себе, я о нем слышал! Где-то к концу ноября 1944 года, наш 4-й Украинский фронт, должен был перейти в наступление на территорию Словакии, в районе Медзилаборцы, Гавайя и Стропков. Хорошо помню, как командование отметило за перелом ситуации по разрушению обороны противника, которая долгое время в этом районе была довольно стабильной, командиров партизанских отрядов и соединения «Чапаев».

Когда мы выходили на передовые рубежи и изготавливались для наступления, нам передал все ориентировки по партизанскому движению в Словакии 1-й Украинский фронт. Такое решение было принято потому, что ситуация сложилась так, что все отряды попали в полосу наших действий. Вот при подготовке нашего наступления я впервые услыхал эту фамилию.

– Сначала в наступление двинулась 38-я армия, а потом и наша 18-я армия, где я, в звании генерал-майора, был начальником политотдела. Мы наступали в направлении Требишев и Михаловцы. Командующим фронтом, тогда был известный генерал И.Е. Петров, который и спланировал наш обходной маневр, после того, как танковые корпуса застряли в ущельях Дуклинского перевала. Ещё до начала нашего наступления, навстречу войскам фронта, пробивались на соединение партизанские отряды, и крупнейшее из них соединение имени «Чапаева».

– Отряды шли в трудных условиях, нарушая тылы противника; они облегчали нашу задачу перехода в наступление на этом тяжелом, гористом участке фронта, насыщенном бревенчато-земляными укреплениями по всей глубине обороны. А мы перешли в наступление в направлении на Гуменнэ, и наш штаб остановился в городе Требишев. Там мне пришлось заниматься налаживанием мирной жизни.

Создавались национальные комитеты. Мы помогали местному населению продовольствием и оказывали помощь в налаживании производства. Вот тогда и пошли ко мне местные жители, уцелевшие члены партийных организаций КПС, и даже пришел один товарищ с красным знаменем, которое он хранил с 1927 года. И многие из них вспоминали о действиях в этих краях партизанского соединения имени «Чапаева» и его командира Ягупова. Так что думаю, Николай Петрович, ты не ошибешься, ты все проверил. Тем более наши органы как ты говоришь, к нему претензий не имеют. Так мы и остановились на его кандидатуре.

Уже работая на новом поприще и вспоминая свою новую жизнь, как стабильную и спокойную, после всех пережитых мытарств, И.К. Балюта рассказывал часто на встречах, со своими друзьями, о своих новых впечатлениях:

– Даже имея некоторую подготовку в строительных специальностях и освоив их неплохо на участке поточного метода восстановления жилья, где я возглавлял бригаду слесарей монтажников, работы пошли не совсем хорошо.

– В 1946 году, в первые дни работы, когда мы начали восстанавливать пятиэтажные дома, пришлось довольно туго. Наша бригада едва справлялась с заданием. Не то, чтобы показывать методы работы другим, к чему нас готовили, а и перед самим собой было стыдно. Проклятая Война съела все навыки и сноровку. Появились совсем другие навыки и совсем другая сноровка, хорошие в бою, но абсолютно непригодные в строительных работах. Приходилось самому себя перестраивать, прежде всего, психологически.

И тут, в одну из наших встреч, – вспоминал Отец, – я рассказал Леониду Ильичу о ходе дел на восстановлении жилья и о тех трудностях, которые возникли в связи с потерей людьми квалификации за годы войны. Леонид Ильич живо откликнулся на это своим фронтовым опытом.

– А вот у нас, во время войны, ещё во время новороссийских операций, возник метод, который мы применяли при штурме городских сооружений и жилых домов. В особенности этот метод мы применяли на Западной Украине, когда мы штурмовали такие укрепленные города, как Мукачево и Ужгород, кстати, перед переходом на территорию Словакии в районы действия твоего партизанского героя.

– Этот метод заключался в том, что мы издали брошюру, где все элементы строительных конструкций были выделены и показаны способы их преодоления. И мы собирали открытые партсобрания, на которых обучали солдат методам преодоления этих элементов.

– А, что если этот метод применить и сейчас, только в обратной последовательности – не разрушения и преодоления, а восстановления и преодоления, – говорил с вдохновением Леонид Ильич.

– Мы испытали этот метод при восстановлении жилья и дела пошли гораздо лучше, – вспоминал Отец эти беседы. Однако до полного успеха было ещё далеко.

– И уже Балюта продолжал свой рассказ в одно из наших посещений санатория, где он находился в профилактории завода «Запорожсталь» на острове Хортица, когда он лишился ног и передвигался на инвалидной коляске. Эти беседы придавали ему силы в преодолении ещё одного круга его несчастий, уже как последствий войны. И он говорил:

– Но, продумав расстановку людей, проведя все

подготовительные работы к монтажу, разработав мероприятия по увеличению норм выработки, конечно, не без помощи горкома партии, у которого мы были на особом учете, мы добились реальных успехов. А, применив при монтаже грузоподъемную технику и разработав несколько приспособлений, мы достигли значительного увеличения норм выработки, превысив эти нормы в два-три раза. Вот теперь мы и смогли сказать руководству.

– Давайте! Ведите другие бригады! Мы сможем им не только показать высокие темпы работы, но и научить работать – так, же как мы.

Правда, проработал Балюта в этом качестве недолго, года полтора два. Работа была тяжелой, нужно было выполнять по полторы-две нормы, и держать престиж передовой бригады, а послевоенное здоровье уже этого не позволяло, и мы рекомендовали его мастером в механический цех завода «Запорожсталь», где он когда-то успешно работал. Там тогда работала группа механиков, отозванная с Магнитки на восстановление завода, ещё с 1945 года и эта работа ему была знакома, ещё по довоенному периоду, тем более что в ней участвовали его старые товарищи.

А на поточный метод восстановления жилья пришли другие, молодежные бригады, многие из которых стали, впоследствии, прославленными мастерами. Например, бригада штукатуров Тани Василенко. Эта бригада была награждена орденом и медалью – «За доблестный труд».

Стирая пыль со старых записей, Отец вспоминал:

– Поточный метод восстановления жилья позволил сократить время строительства в 2–3 раза и повысить производительность труда в 1,5 раза. А Балюта И.К., уже потом, продолжив своё образование, и окончив в довольно зрелые годы техникум, был назначен начальником смены, а затем и начальником ОТК.

– Теперь, оглядываясь на прошлое, начинаешь отчетливо понимать, какую серьёзную работу пришлось проделать обкому партии, конечно, не без активного участия Леонида Ильича, по организации восстановительных работ, по координации всех звеньев производства. Секретарю обкома приходилось заботиться о том, чтобы быстро ввести объекты в строй, не за счет перенапряжения мускульной энергии, а за счет научно технического прогресса, четкой организации производства, организации быта и культурного отдыха, мероприятий, способных полностью обеспечить, повышение производительности труда.

Однако, всё-таки, главной задачей в нашей жизни в 1947 году, – вспоминал Отец, – было: пустить на предусмотренную мощность Днепрогэс, задействовать весь металлургический цикл,

получить холоднокатаный стальной лист, и не упустить из виду создание новых двигателей на авиамоторном заводе.

Задействовать весь металлургический цикл нужно было, конечно, с получения чугуна. До войны работало три доменных печи, четвертая – комсомольская была готова к пуску.

Как раз именно к этой печи у меня было особенно теплое отношение, почти как к родному человеку. Мне этой печью вплотную приходилось заниматься еще, будучи первым секретарем обкома комсомола. Но доменные печи были немцами взорваны. От трех из них остались покореженные фундаменты и груды металлолома, и только одна чудом наклонилась, но не упала.

Конечно, проще было разрушить печь и на её фундаменте воздвигнуть новую конструкцию, что и предлагали западные эксперты. Но нам хотелось отыскать другой вариант, спасти домну, при этом сэкономить силы и средства, а главное выиграть столь необходимое нам время.

Здесь, может быть, как нигде на строительстве, крайне важно было исключить просчет, инженерную ошибку, которая могла обернуться катастрофой, человеческими жертвами. Домна должна была стать как новенькая; ведь всем поврежденным конструкциям следовало вернуть утраченную прочность. С этой печи и началось восстановление.

Но прежде чем восстановить доменную печь, нужно было осуществить восстановление сложной системы водоснабжения, электро-, газо– и воздухоснабжения. Была сооружена разливочная машина, построен рудокозловой кран, проложены десятки километров железнодорожных путей.

Особую важность имел рудокозловой кран. Эта громадная конструкция 120-метровой длины, весом 600 тонн, лежала на земле, поверженная взрывом, как громадный древний летающий ящур, в грудах обломков и металлолома. Но не загружать, же домну вручную? Представляете, какое количество людей и техники понадобится, не меньше чем при строительстве Египетских пирамид. А строить новый кран – это время и средства, средства и средства!

И тут однажды, при осмотре площадки Леонид Ильич вспомнил один из своих боевых эпизодов.

– Не буду тебе, Николай Петрович, рассказывать ни о Кавказе, ни о Новороссийске – ты тогда бывал в тех краях и всё это, наверное, знаешь. Но, если нам удастся добиться подъема духа народа до того уровня, который был у нас в победные дни, то с поставленными задачами мы справимся.

– Вспоминаю, что ко дню Победы мы стояли в Восточной

Словакии, в городе Поличка, и день Победы встречали там с большим вдохновением. И ты знаешь, стояли такие же задачи восстановления разрушенного хозяйства и налаживания мирной жизни.

По тогдашнему соглашению с президентом Чехословакии Бенешем всё, что находилось в полосе действия Красной Армии лежало в поле её юрисдикции. А поскольку при подавлении Словацкого восстания немцы разрушили всю хозяйственную инфраструктуру, то приходилось заниматься и налаживанием хозяйственной деятельности. От мелких мастерских до ткацкой фабрики и сахарного завода.

– Конечно, масштабы там были не те, но дух какой был. Дух! Казалось нам всё по плечу.

Воспоминания окончились, – притопывая ногой и потирая ладони, вспоминал Отец, – и мы перешли к сегодняшней прозе жизни – насколько подготовлены бригады монтажников и справятся ли они с этой задачей? К тому времени была подготовлена бригада Болтенко Г.Н., которая уже достигла виртуозного мастерства на монтаже других конструкций, эта бригада поддержала идею поднять кран, восстановив основные его узлы крупноблочным методом на земле.

Этап подъёма крана заинтересовал многих, некоторые пришли посмотреть на это, как на уникальное зрелище, которое можно увидать только раз в жизни, и то, наверное, только в цирке. Ну, а мы, конечно, смотрели на этот подъем с технической, экономической и производственной точки зрения.

– Когда мы, с Леонидом Ильичом, подъехали к площадке почти одновременно, там уже были и директор завода Кузмин А.Н., и начальник стройтреста Дымшиц В.Э. Бригаду Болтенко Г.Н., казалось, не смущало такое количество народа, рабочие носились вокруг крана, опутывая его тросами, как цирковые жонглеры, гордясь перед публикой своей ловкостью. Бригада умело поднимала кран методом тросов и лебедок.

Каждый, кто смотрел на этот огромный, висящий над землей кран, волновался и радовался за успех подъёма. К концу смены кран был установлен на место, и мы, с Леонидом Ильичем, поздравляли каждого рабочего бригады Болтенко Г.Н., и жали им руки, а сам Болтенко стоял рядом, радостный и счастливый.

Второй слева направо: Л.И. Брежнев. Первый справа: И.Ф. Тевосян. На монтаже прокатного стана.

В те напряженные дни мы прекрасно понимали организующую роль прессы. Но центральной и областной прессы явно не хватало для того, чтобы осветить оперативные вопросы строительства. И как раз сейчас, было, кстати, то, что раньше, не дожидаясь, когда этот вопрос приобретет остроту, мы проявили максимум инициативы, приложили максимум усилий и организовали выход газеты «Строитель». И теперь эта газета оказывала большую помощь в ускорении темпов работ. Действенности, содержательности, и конкретности её материалов, придавал большое значение Л.И. Брежнев. Отец вспоминал дальнейший ход событий того времени.

– В самые напряженные дни восстановления домны уделяется внимание ТЭЦ, которая должна дать заводу электроэнергию, пар и сжатый воздух. Именно в это время и родился новый метод крупноблочного монтажа, позволивший добиться большой экономии средств и времени. Предложил его Иван Александрович Румянцев.

Партийные и хозяйственные руководители проверяют готовность к пуску цеха холодного проката автомобильного листа, накануне митинга, посвященного партии и правительству о восстановлении первой очереди металлургического завода «Запорожсталь». 1947 г. В центре группы: второй ряд – министр П.А. Юдин; третий ряд – Л.И. Брежнев и Н.П. Моисеенко.

– Всегда с чувством гордости за наших рабочих вспоминаю этого специалиста, одного из лучших стахановцев «Запорожстроя». Он был мастер на простые, но умные изобретения, которые быстро двигали дело вперед. Работы продвигались; но без теплоэлектроцентрали, основного узла энергообеспечения доменной печи, запуск, конечно, был невозможен.

Теплоэлектроцентраль вызывала особый интерес у Леонида Ильича, он начал проявлять этот интерес не только к проблемным вопросам, но и к деталям работы, в особенности его, волновали условия труда рабочих. Однажды, вернувшись из Киева, он собрал большое совещание с участием бригадиров основных бригад, и по своему обыкновению, прежде всего, рассказал, за что хвалили и за что ругали нас, в ЦК Украины. Но сейчас особых выговоров он не привез, просто ему посоветовали не упустить из виду ТЭЦ, поскольку без неё запуск доменной печи на полную мощность был невозможен. И тут, обращаясь к собравшимся товарищам, и апеллируя ко мне, он сказал:

– Николай Петрович, можешь подтвердить, ты мне когда-то рассказывал, как тяжел труд клепальщиков тепловых котлов, в особенности для тех, кто работает внутри котла, ты сам в молодости работал клепальщиком. Я вот работал вальцовщиком и то представляю, что это такая жара, которую выдержать трудно. Там же жара не выносимая, а люди берут с собой и пьют нагревшуюся внутри, почти горячую воду. Нужно организовать подачу охлажденной воды клепальщикам, я думаю, что служба рабочего питания с этой задачей справится.

– Справимся, справимся, послышался из рядов голос начальника ОРС.

– И, Николай Петрович, ты уж будь добр, проследи, чтобы и вентиляторы им поставили и, более того, пусть ОРС организует подачу обедов на рабочие места, тогда и темпы работ можно увеличить.

Только я вышел от Леонида Ильича, а уже пора, опаздываю на сессию Областного Совета Депутатов Трудящихся, депутатом которого я неоднократно избирался. Город разрушен, централизованных поставок ширпотреба явно не хватает, а жить и работать надо, и мы развиваем артельную форму производства, небольшими предприятиями с общественной формой собственности. Артели ставят ряд вопросов. Вот по проблемам решения этих задач, а именно – поставок материалов и сбыта готовой продукции и должна состояться сессия, в ведении которой был весь объем местной промышленности. Кроме того, возникли вопросы по индивидуальной деятельности в сфере обслуживания.

Уже после этого совещания мы, с Леонидом Ильичем, думаем, как ускорить монтаж ковшового конвейера на ТЭЦ. Этот конвейер существенно отставал, ввиду недостаточной квалификации монтажников. И мы приходим к выводу, что на этот участок надо перевести бригаду товарища Баева, предварительно поставив ему задачу как коммунисту, и объяснив, что это не просто работа, а партийное задание – выправить положение, обеспечить фронт работ и увлечь за собой остальных монтажников. Как раз к этому, когда мы обсуждали с Леонидом Ильичом фронт работ, он вспомнил фронтовой эпизод так похожий на сложившуюся ситуацию.

– Николай Петрович, ты помнишь 42-й, момент «танкобоязни», особенно у молодого необстрелянного пополнения и как мы его преодолевали.

– Мы начали проводить занятия на макетах немецких танков, а потом притащили с поля боя подбитые машины. Суть была в том, чтобы в спокойной обстановке изучить все недостатки и

уязвимые места немецких танков и научить войска поражать эти танки в стационарных условиях. И сейчас желательно все узлы отработать на поверхности, а уже потом идти в бой. В данном случае на общую сборку. И момент путаницы и нерешительности будет преодолен. Так рождался метод, впоследствии названный, методом: «крупноблочной сборки».

Этот метод дал положительный результат, и работы на ТЭЦ ускорились, положение выправилось. Ковшовый конвейер был предназначен для подачи угля из бункера. Бригадир Баев опустился в бункер и стал наблюдать за работой бригады, которую он должен был сменить, изучая недостатки её работы. А тем временем, его бригада, используя крупноблочный метод, на поверхности собирала отдельные узлы, готовя в стационарных условиях весь ковшовый конвейер к сборке.

Затем он расставил людей своей бригады по расчетным рабочим местам и начал монтаж всего конвейера. Эта работа, вызывавшая столько нареканий и грозившая сорвать весь цикл работ, в итоге была выполнена за несколько дней.

Усиливаются темпы работ и на домне № 3. Согласно проекту реконструкции доменной печи, решили разрезать кожух печной шахты в поперечном направлении, одну сторону поднять, образовавшийся зазор заделать двусторонними накладками и поднять печь восемью гидравлическими домкратами, грузоподъемностью сто – двести тонн каждый. Чтобы избежать аварии, применили ряд конструктивных и технологических приемов, обеспечивающих безопасность работ.

– В самый разгар работы, когда до первой загрузки домны оставалось не менее четырех недель, мы решили собрать актив, обсудить ход работ, меры по реализации намеченных планов и наметить перспективу на будущее. С докладом на активе пришлось выступать мне. – Вспоминал и анализировал события Отец:

– Я продумал весь ход работ, напомнил собравшимся о решениях, принятых в ЦК ВКП (б), о выступлении товарища А.А. Жданова и рассказал о мерах, которые необходимо принять для успешного завершения работ.

– В конце заседания выступил Л.И. Брежнев, который, как мне отчетливо помнится, обратил особое внимание на творческий подход к делу и на то, чтобы все наши усилия могли стать образцом возрождения промышленности не только для «Запорожстали», а для всего города, всей страны.

Именно тогда Леонид Ильич активизировал свою работу. Он ежедневно бывал на производственных оперативках, на строительно-монтажных участках и даже в ночных сменах. Решал

возникающие вопросы в живом общении с народом. Наверное, это общение и способствовало повышению требовательности и ответственности людей к своей работе.

Для ускорения темпов применяется такой метод организации работ, как анализ партийными группами выполнения графика работ строительных бригад, и принимаются меры по его реализации. В итоге бригады выполняют нормы на 140 %. И, в результате всех подготовительных работ, доменная печь № 3 начинает свой подъем.

Пять с половиной томительных часов, мы с Леонидом Ильичом следим, как продолжается подъём огромного сооружения, разрезанного и скрепленного двухсторонними накладками, которое поднималось гидравлическими домкратами. Наступил ответственный момент, нагрузку постепенно на себя приняли домкраты.

Скорость движения верхней части доменной печи медленнее движения минутной стрелки часов. Медленно, но уверенно доменная печь начинает своё движение. Но вот незадача, зазоры между разрезанными частями доменной печи, как бы их не скрепляли двусторонними накладками, начинают увеличиваться, причем абсолютно неравномерно по всей длине домны. И тут Леонид Ильич замечает образовавшийся казус, и мы срочно требуем мастера механомонтажных работ. Но он, с невозмутимым видом, говорит об этом как о чем-то надежном и проверенном, хотя, естественно, риск был, но он успокаивает.

– Леонид Ильич, у нас предусмотрено компенсировать образовавшиеся зазоры заранее приготовленными клиньями.

Время идет и доменная печь, невзирая на все волнения, становится на проектную отметку.

Комплекс работ по запуску домны № 3 подходит к концу. Проект реконструкции доменной печи, который разработал главный инженер управления «Стальмонтаж» А.В. Шегал и в котором многие сомневались, оказался действенным. Широкий разворот политической работы взбудоражил всех рабочих, всех инженеров.

Теперь всё внимание переходит к огнеупорщикам, все бригады, обгоняя друг друга, захваченные спортивным азартом движутся к финалу. Они ведут облицовку доменной печи, в которой особого искусства требует кладка лещади. Этот вопрос Леонид Ильич закрепляет за мной, он вообще часто вперед выдвигал меня, оставляя за собой общий контроль ситуации, а я отслеживал весь цикл работ и вручал красное знамя бригадам победительницам. Облицовочные работы подходят к концу, а вместе с ними и окончание работ на доменной печи.

Сверхмощная доменная печь, построенная по последнему слову техники и разрушенная фашистами, восстановлена. Директор завода А.Н. Кузмин ещё раз обходит доменную печь, придирчиво оглядывая все вокруг, и дает команду: «Пуск!»

– Мы наблюдаем, как из прожженной кислородными резаками летки по желобам хлынул в чугуновозы первый послевоенный, такой дорогой для наших сердец, чугун. Горновой печи со счастливым лицом провозглашает.

– Пошел первый послевоенный чугун «Запорожстали», а вокруг озаренные желтым пламенем стоят довольные и счастливые люди, которые дали новую жизнь доменной печи.

А.Н. Кузмин жмет руку начальнику строительного треста В.Э. Дымшицу и благодарит его за отличную работу.

После шести лет перерыва над городом пронесся гудок «Запорожстали»! Правительственная комиссия, возглавляемая вице – президентом Академии наук СССР, академиком Иван Павловичем Бардиным, принимает работы. Домна № 3,29 июня 1947 задута! Важный этап работ закончен! И особенно лестно такое решение услыхать из уст основателя советской металлургической науки, так много сделавшего для отечественной металлургии, из уст академика Бардина И.П.

Академик Бардин и был человеком, имевшим отношение к проектированию и строительству не только объектов завода «Запорожсталь», а и ещё не одного металлургического комбината. Иван Павлович, – как вспоминал Отец, – говорил.

– Да, товарищи, вы, конечно, поработали на славу. Представляете редкий случай в моей практике. Существенных претензий почти никаких нет.

Академик старался поближе познакомиться со мной, стоя там же, на трибуне митинга, и поговорить о ряде вопросов организации строительных работ, поскольку его интересовала проблема реализации научных разработок.

Справа налево в первом ряду: Академик Бардин И.П., Моисеенко и др. Пуск завода «Запорожсталь». Запорожье, 1947 г.

Но, кроме этого он знал о моем представительстве, при слушаниях данного вопроса, и в Киеве, и в Москве. Знал он и о наших выступлениях на самом высоком уровне, и его интересовало, – вспоминал Отец: «А нет ли каких либо претензий по его научной части».

– И я его успокоил, сказав, что к общему удовлетворению все кончилось благополучно и нам осталось отправить приветственные телеграммы.

Леонид Ильич отправляет приветственные телеграммы в ЦК КП (б) У и СМ Украины, Кагановичу Л.М. и Хрущеву Н.С., и не раз оглашает их на митингах и собраниях.

В ответ мы получаем письмо ЦК КП (б) У на имя Л.И. Брежнева, уже после пуска доменной печи и ТЭЦ.

– Объективности ради и невзирая на то, что впоследствии, уже в эпоху Хрущева, одно упоминание имени Кагановича могло вызвать у всего его окружения, да и у него самого, непоправимый гнев, хочу сказать, что письмо было деловое. – Вспоминал Отец,

стремясь к исторической объективности в своих воспоминаниях.

Это письмо говорило о том, что партийная организация сделала правильные выводы, обращало внимание на механизацию работ, борьбу за снижение себестоимости, хозрасчет и особенно указывало на анализ графиков выполнения работ.

И вообще, Леонид Ильич не стеснялся своих хороших отношений с Кагановичем, которые у него установились ещё во время войны, на кавказских фронтах. Это потом он сторонился воспоминаний на эту тему, в период так называемой антипартийной группы. Эта группа, скорее всего, носила малодейственный кулуарный характер и была предтечей созревающей антихрущевской оппозиции. Однако, Хрущев Н.С. раструбил её значение до небес, превратив в антипартийную группировку.

Я думаю, здесь сыграл роль комплекс неполноценности, который испытывал Н.С. Хрущев при одном упоминании имени товарища Сталина. Он как-то съёживался, жалко улыбался и умолкал, хотя никакого Сталина поблизости не было. Наверное, это и было одним из факторов начала компании под странным названием – «критика культа личности», абсолютно не вяжущаяся с религиозным, истинным значением этого Слова.

Однако это было потом, а пока всего месяц остаётся до запуска цеха «слябинг», цеха горячей прокатки крупногабаритных заготовок – слябов. Цех представлял собой перепутанные металлоконструкции, опоясанные тросами, которые были соединены с лебедками и гидравлическими домкратами, стоящими на фоне перекосившегося миксера и провалившихся мартеновских печей.

Хотя работы на этом цехе начались давно и, кроме расчистки и подготовки площадок, ещё в марте 1946 года, начался монтаж отдельных узлов слябинга, ход работ вызывал тревогу и не удовлетворял требованиям темпов ввода в строй металлургических мощностей.

Нужно было придать восстановлению всего этого хозяйства энергию штурма, элемент атаки. Здесь работали люди, ещё в 1943 г. освобождавшие Запорожье.

Такие как пулеметчик Ляшенко П.И. Именно он во время войны выбивал немецких автоматчиков в сквере у проходной, прикрывая прорыв своего подразделения. А мастер монтажных работ, начальник монтажа слябинга – Н.Е. Шмыгло, лечил тяжелые бомбардировщики под Сталинградом. Сегодня прилетал весь израненный самолет, а завтра в бой. И ещё до войны он монтировал самые сложные узлы тонколистового стана горячей прокатки. Так что опыт у него, конечно, был. Такие люди, сразу

понявшие призыв, и поведут за собой коллектив – Докладывал Отец Леониду Ильичу, сосредоточенно листая дела представляемых товарищей.

Слева направо: Кузмин А.Н., Дымшиц В.Э. Машинный зал цеха «слябинг». Запорожье, 1947 г.

– Это всё хорошо, это всё правильно, – задумчиво, с грустью воспоминания говорил Леонид Ильич.

– Вспоминаю войну, и наше политуправление 18-й армии, и не тот Новороссийский период, когда важны были люди штурма, рывка, прорыва, а именно наше пребывание в Словакии, когда мы выполняли, в некоторой степени, восстановительную функцию.

– Хочу сказать тебе, что все наше политуправление от сержанта до генерала, было как один организм, уже настроенный на созидательный лад. И если мы так же мобилизуем парторганизации строительных участков, то наш успех безусловен.

Гидравлические домкраты и телескопические подъёмники, а главное люди, сделали своё дело, тяжелые металлоконструкции прокатных цехов восстановлены, идет усиленный монтаж оборудования в цехе «слябинг». Этот цех, который назывался по наименованию прокатного стана, а именно цех «слябинг», был задуман, и осуществлено его проектирование ещё под руководством народного комиссара тяжелой промышленности, Серго Орджоникидзе.

Крайний слева Брежнев Л.И. и командование 18-й армии. Словакия, 1945 г.

Слябинг – важное звено восстановительного процесса; он дает заготовку для всего дальнейшего технологического цикла. Но

трудности монтажа, казалось, вот-вот застопорят дело. К сожалению, отдельные узлы слябинга приходили не в нужной последовательности и затрудняли монтаж. Для решения этой задачи, на руководство монтажом многотонных конструкций был назначен обер-мастер такелажных работ Александр Николаевич Чепига, который имел большой опыт такого монтажа и достиг, в этом вопросе, большой квалификации. Его не смущал разнобой поступающих узлов, он довольно быстро разбирался в предназначении каждого из них и монтировал их методом мозаики.

Как только это затруднение было преодолено, возникает ещё одна нестандартная ситуация. Маслопроводы забиты настолько, что восстановление всей системы смазки под вопросом. Возникает необходимость замены трубопроводов длиной около 10-ти километров. Но в дело включается мастер «Союзмантажстроя» товарищ Ткалич, со своей форсункой, которую он сконструировал и изготовил для выжига всех загрязнений из трубопроводов. Возникает надежда, что это спасет всю систему смазки стана. Форсунка с шипением и свистом, выбрасывая синеватое пламя, выжигает трубопроводы, а их кислотное травление и нейтрализация закрепляют успех. Можно вздохнуть с облегчением. Кажется, система смазки стана спасена, – рассказывал, радуясь своему успеху Ткалич.

– И вообще, – говорил он, – мы восстановили и ввели в строй на «Запорожстали» 12 тысяч точек смазки. Иногда нас преследовали неудачи, но Леонид Ильич не раз подходил к нам и ободрял, веря в успех нашего изобретения. Внимание секретаря обкома вдохновляло на дальнейшие искания.

– Приходилось заниматься не только политико-массовой работой, но и оказывать конкретную помощь хозяйственникам, – сосредоточив своё внимание, на этом вопросе, – вспоминал Отец:

– Оказывать влияние на поставщиков через их партийные и хозяйственные органы. Леонид Ильич охотно подключался к решению этих вопросов. Запомнилось несколько драматических эпизодов, например, организация срочной поставки внезапно вышедших из строя подшипников, когда пришлось обзванивать все инстанции, всех друзей и знакомых. А когда возникли неполадки с монтажом в прокатном цехе, когда имеющиеся специалисты не могли справиться с задачей, пришлось обращаться к Леониду Ильичу.

– После изучения обстановки на месте, прихожу в кабинет Леонида Ильича, как раз в тот, который на стройке. Он посмотрел на меня и заулыбался.

– Что ты, Николай Петрович, такой сумрачный, что-то

случилось в прокатном цехе?

– Да, Леонид Ильич, монтаж застопорился, нужен шеф-мастер с Новокраматорского завода.

Тут же Леонид Ильич начинает решать и эту задачу. Трудности на монтаже прокатного стана были и чисто технические, как установить многотонные крупногабаритные детали, громадные вал-шестерни, и не только установить, а и ввести их в зацепление. Пока они были предварительно установлены на деревянные леса и вызывали всеобщий интерес. Здесь же, на этих лесах, Леонид Ильич, с министром черной металлургии товарищем Тевосяном, решает не только вопросы поставок, а и сугубо инженерные вопросы монтажа. Рядом с вал-шестернями идет заинтересованный разговор с рабочими-монтажниками.

Уже позже, в ряде публикаций, появились разговоры о якобы малообразованности и низкой грамотности Леонида Ильича, основанные на мнении людей, судивших об этом по правильности простановки знаков препинания. А тогда, когда мы говорили о грамотности Л.И. Брежнева, то, конечно, подразумевали высоко ценившуюся в тот период его техническую грамотность; и как рабочего прокатчика, и как инженера-металлурга, да и политическую грамотность, соответствовавшую его жизненному и воинскому пути. Грамотность, которая позволяла тут же, на этих монтажных лесах, понять не только суть происходящего, но и дать деловой совет.

Весь этот круговорот событий, казалось, втягивал их в какую-то воронку, откуда они не могли выйти, чтобы передохнуть и с новыми силами заняться решением всех проблем. И отец начал приглашать Леонида Ильича, с семьёй, в цирк, над строительством которого он шефствовал. Цирк располагался в парке металлургов на площадке, откуда открывался вид на всю промышленную и природную панораму Днепра.

Цирк уже начал свои гастроли с летающими гимнастами, группой львов Бугримовой, и чемпионатом по французской цирковой классической борьбе. Для этих летающих гимнастов Отец изготавливал, на одном из заводов, их цирковую оснастку. И забрав её, заехал за мной и повез в цирк, не только посмотреть представление, но и встретиться с детьми Л.И. Брежнева.

Прибыли мы к началу представления и расположились в небольшой пятиместной ложе Леонида Ильича. Конечно, этой ложей пользовались и другие, но когда приезжал Леонид Ильич, это было его законное место. Так за этой ложей и закрепилось название «Брежневская ложа», хотя он сам бывал там очень редко.

Мы ждали его с нетерпением, но он всё не появлялся.

Наконец, после антракта он приехал с Галей и Юрой. Галя была уже взрослой девушкой десятиклассницей. А Юра семиклассник в школьной форме, удивленно округленными глазами наблюдавший за рычащими львами.

Леонид Ильич пробыл минут двадцать и, наклонившись к Отцу, прошептал:

– Николай, оставляю детей на тебя, а мне нужно подготовиться к завтрашней встрече.

Галя и Юра, охотно просмотрев выступление львов, заскучали, когда на арену вышли борцы, и начали проситься домой. А Отцу, организовавшему этот чемпионат, уезжать никак не хотелось, тем более на эту встречу прибыл бывший чемпион СССР Стрижак. Кстати, он подошел к отцу с просьбой о двойном пайке для борцов, тогда была ещё карточная система. Это был высокий стройный атлет в сером удлиненном пиджаке и вельветовой шляпе, выгодно отличавшийся от других борцов, которые уже начали свой парад на арене и представляли собой довольно толстые и угрюмые фигуры.

Стрижак ушел в раздевалку и появился на арене в красном трико чемпиона СССР. Но Галю это никак не увлекало, и она всё просила отвезти её домой. Отец отдал им свою машину и отправил домой с шофером. А мы остались смотреть встречи, на которых Отец увлеченно болел, поддерживая возгласами своих знакомых борцов. И далее мы с борцами, в их небольшом набитом до отказа автобусе, отправились домой, живо обсуждая, удачные схватки. Эти встречи давали Отцу разрядку. И утром, помолодевший и по-новому деловой, он с энергией говорил на новых деловых встречах:

– Если мы все свои силы отдавали заводам, то это не значило, что мы забывали о строительстве ГЭС, и мне приходилось постоянно контактировать не только с начальником строительства Логиновым Ф.Г., но и с рабочими бригадами.

– Логинов улыбался редко, смеялся еще реже, но мы с ним постоянно сотрудничали, в вопросе пуска второго агрегата и мой приезд на плотину был регулярным явлением, правда, для этого приходилось использовать субботы и воскресенья и брать с собой сына, чтобы он понял широту и размах наших работ.

Как раз в августе 1947 года был намечен пуск второго агрегата, а сейчас, в июле, Логинов решил провести пробный пуск. Правда, до полной токовой нагрузки было ещё далеко. Но Федор Григорьевич позвонил и напомнил об этом, пусть промежуточном, но все, же событии.

Представителем обкома партии должен был быть Резник Петр Савельевич. Леонид Ильич не хотел лишний раз бередить старую

размолвку с Логиновым и попросил присутствовать на пуске, от обкома партии, Петра Савельевича. Мы с ним созвонились и прибыли почти вместе. Нас встретил инженер Шацкий Г.А., который на Днепрогэсе прошел путь от дежурного техника до главного инженера гидроэлектростанции. Он всегда тщательно относился к своим обязанностям, а сейчас он отвечал за пуск, поэтому именно он встретил нас и провел к турбине. Там уже нас ждал Ф.Г. Логинов. При нашем появлении он дает команду. – Пуск! И мы наблюдаем равномерное вращение агрегата, мерное гудение турбины, мигание сигнальных лампочек на щите управления. Турбина стабильно работает под нагрузкой, никаких сбоев не наблюдается, дефицит электроэнергии ликвидирован. Второй генератор, при определенной доводке, скоро выйдет на проектную мощность!

Хорошо идущие дела на Днепрогэсе, конечно, радуют душу и стимулируют работы на комплексе заводов. Но проблемы есть проблемы и они остаются. Их надо решать. Проблема с шеф-мастером, как и прежде, тормозит окончательный монтаж и наладку слябинга. Повторный звонок Леонида Ильича в Новокраматорск даёт результат. На следующий день, утром, самолетом шеф-мастер прибывает в Запорожье, и в тот же день монтажные работы продолжатся. И уже 15.07.1947 года началась холодная прокрутка слябинга.

Стан, скрипя и вздрагивая отдельными не смазанными узлами, словно прося помощи у сновавших вокруг него рабочих, тут же заливавших масло в эти узлы, начал вращение с нарастающей и нарастающей скоростью. Стан, вибрируя, выявляет все дефекты и недоработки, и шумно проскрипев своими вращающимися узлами, останавливается для дальнейшей доделки и наладки.

А уже через две недели, а это почти через месяц после пуска домны № 3, конечно, напряженного, но уже ритмичного труда, 30 июля, над будкой слябинга зажегся зеленый светофор – сигнал к началу прокатки. Как поведет себя слябинг после всех мытарств, выпавших на его долю, остается вопросом и будоражит душу каждого участника работ. Очень волнуется начальник технической инспекции на монтаже слябинга И.А. Рыбалченко. Его волнение понятно, ведь это он – конструктор первого советского слябинга. Но на этот раз было сделано так много изменений и усовершенствований, иногда в экстремальных условиях, что, невзирая на весь его опыт, есть из-за чего волноваться. Вместе с ним волнуемся и мы. И нас будоражит вопрос – как поведет себя слябинг.

Прокатка стального листа началась, мощный тиглер-кран

подает первый раскаленный многотонный слиток. Старший оператор, Григорий Антонюк, начинает прокатку. Первый лист, второй и третий, уже полностью готовы, но это ещё не испытание, а только начало. Стан, после длительного перерыва в работе и при таком уникальном перемонтаже, может остановиться в любую минуту.

Только после пятой тысячи тонн прокатанной стали, только после опробования стана на всех режимах прокатки и на всех требуемых типоразмерах прокатываемого сляба, стало ясно, что все узлы слябинга, под нагрузкой, работают безотказно.

Работы по монтажу и пуску цеха горячей прокатки – цеха «слябинг», дали большой опыт организации производства и я сел за его анализ и обобщение материалов для статьи в прессе, – вспоминал Отец. И такая статья: «Некоторые итоги работы промышленности Запорожья и задачи партийной организации», появилась уже в августе.

Все трудности запуска цеха «слябинг» позади, но это ещё только начало технологической цепочки. Впереди цех горячей прокатки тонкого листа, который намечено ввести в строй в августе месяце 1947 года. Этот цех начали восстанавливать после подъема и восстановления цеха «слябинг», используя те же методы подъема разрушенных конструкций, того же мастера Недужко. Подъем разрушенных конструкций был произведен с помощью изобретенных, им же, телескопических стоек.

В стране тогда был большой дефицит крупнотоннажного подъемного оборудования, а именно, 75-ти тонных кранов. Но мы прекрасно помнили, как в 1941 году, при погрузке и эвакуации крупнотоннажных конструкций использовали 30-ти тонный кран, устанавливая каждый конец монтируемой конструкции поочередно на платформу, сооруженную из железнодорожных шпал. Этот метод монтажа и был использован мастером Чепигой А.Н., что существенно увеличило темпы монтажа. Мастер А.Н. Чепига имел большой опыт работы. Это он, со своей бригадой, устанавливал на Днепрострое семидесяти пятиметровые мачты высоковольтной линии электропередачи через Днепр, это он навешивал створки ворот запорожских шлюзов. А теперь его направили на этот ответственный участок.

Монтаж стана уже подходил к концу, бригады начали подводить к нему энергопитание и смазку, и тут вскрылось отсутствие чертежей на систему смазки, которые были утеряны во время всех военных неурядиц. Из каждого соединяемого узла торчали пучки трубок её подвода.

Конечно, за время транспортировки и переустановки вся маркировка была сбита, и порядок их соединения оказался

неизвестен. Это вызвало задержку почти у всех бригад монтирующих систему смазки. Но выручила, всё та же, бригада Ткалича И.Я. Недаром он впоследствии стал мастером монтажных работ и был награжден медалью за «Трудовое отличие».

Он был один из тех коммунистов, которые не только могли сами перевыполнять нормы, а и вели за собой остальных. И вот он, изучив характер сочленения, пришел к выводу, что соединяемые узлы можно определить методом продувки. И, собранная таким образом и проверенная предварительной прокачкой, система смазки дала положительный результат, одновременно выявив отдельные узлы, требовавшие перемонтажа. Но, присутствующий, как раз в это время, министр тяжелого машиностроения, товарищ Н.С. Казаков, взволновался:

– Вы представляете, что произойдет при пуске, если в часть узлов не поступит смазка. Вы же сожжете все узлы. Вы же выведете из строя весь стан. Это же будет катастрофа. Пусть будет задержка в пуске – только не это. Давайте немедленно готовить пробный пуск без нагрузки и пока не убедимся в поступлении смазки ко всем узлам – нагрузку не давать. В чем-то его опасения были справедливы. – Утвердительно кивая головой, вспоминал Отец.

– И мы организовали пробный пуск стана. За всеми организационными хлопотами не заметили, как наступила ночь. Но, не опробовав стан, никому уходить, домой не хотелось. И пробный пуск стана состоялся в ночь с 23 на 24 августа. На этот пробный пуск остался министр тяжелого машиностроения товарищ Казаков Н.С. и другие руководители. Они тревожно ходили вдоль стана, вслушиваясь в работу его узлов, ощупывали все подозрительные места: «Не греются ли?». Пробный пуск прошел удачно. Казаков сразу же докладывает результаты в Москву и дает команду на продолжение доводочных работ и устранение выявленных недостатков. Леонид Ильич, осматривая территорию завода, перед пуском, заметил.

– Ну и замусорена же эта территория, Николай Петрович. Давай, организуй городской субботник по уборке территории. На пуске будет много людей.

– Леонид Ильич, город на субботниках уже отработал ни много, ни мало, а 500 тысяч человеко-дней. Куда ещё?

– Но мы, же не можем срывать рабочих с пусковых объектов, – отпарировал Леонид Ильич. Ещё раз попроси людей помочь.

И, 25 августа 1947 года, почти километровый цех горячей прокатки, преодолев все предпусковые трудности, включился в общий производственный ритм. Сразу же звонок из Киева:

– Брежнева Л.И. вызывают в Киев в ЦК КП (б) У, доложить обо

всех проделанных работах.

В Киеве он долго не задерживается и скоро появляется на объектах. После приезда, на одном из совещаний, Леонид Ильич рассказал о своих беседах в ЦК Украины:

– Я недавно был в Киеве, и там мне сказали, что ЦК ВКП (б) просило не ослаблять внимание к холодному листу, именно холоднокатаный лист держит страну. Поэтому нас просят, что бы мы дали стране лист ни на один час позже установленного срока. И пусть остальные товарищи не обижаются, что я не уделяю им такого же внимания, как этой стройке, поскольку именно эта стройка наиболее важна для страны.

И мы все своё внимание переносим на цех холодной прокатки, – вспоминая напряженные дни того времени, говорит Отец.

– Цехом холодной листопрокатки мне довелось заниматься в период его строительства и пуска, когда я, ещё молодым человеком, работал первым секретарём, первого, во вновь созданной Запорожской области, обкома комсомола. Был, если можно так сказать, родоначальником областной комсомольской организации и курировал всю молодежную работу на стане, как на ударной стройке. И все методы, и приёмы работы первых пятилеток мне были хорошо знакомы. Стан был пущен первого апреля 1939 года, когда после ряда операций прокатки, травления и термообработки – тонкий стальной лист был отправлен на автомобильные заводы страны. – С грустью, вспоминая свою трудную, но радостную боевую молодость, говорил Отец.

А сейчас, на восстановлении стана работало много людей, которые в 1941 году продолжали плавить металл до подхода к городу вражеских танков. Тогда они говорили:

– Мы плавим металл до последней минуты, чтобы залить его в наглые глотки врагу, чтобы остановить его шествие по нашей земле. – Мы куём оружие победы! Мы остановим врага!

Сейчас перед нами стояла аналогичная задача, которую надо было решить в более сжатые сроки и обеспечить металлом решение уже мирных задач. В этом немаловажное значение имело и творческое взаимодействие двух способных руководителей – А.Н. Кузьмина и В.Э. Дымшица.

– Что касается Кузмина, то он был выходец из рабочего класса и не просто рабочего класса, а петроградского рабочего класса, который был наиболее грамотный и революционный. Нажимая на слово петроградский, не раз говорил Отец:

– С 15 лет он познал труд рабочего человека, повышал свою грамотность на рабфаке, а потом учился в Ленинградском горном

институте, работал на конструкторской работе и на ряде строек металлургических предприятий. А его коллега В.Э. Дымшиц имел не меньший послужной список.

– Мне, как секретарю горкома партии, доставляло громадное удовлетворение, когда я наблюдал за действиями этих двух руководителей. Как они дружно и технически грамотно, в напряженной обстановке, решали сложные организационные и технические вопросы. Они прекрасно знали детали дела, и умело пользовались помощью партийных и хозяйственных органов. Разумно приводили в действие все рычаги управления, направляя весь сложный механизм к достижению цели. Вот они в машинном зале цеха «слябинг» обсуждают ход восстановительных работ и решают все назревшие вопросы.

Это их взаимодействие создает спокойную деловую атмосферу на всех участках огромного строительства, уверенность в правильном ходе порученного дела. Уже впоследствии за умелое руководство многотысячными коллективами и успехи в работе они были награждены орденами Ленина. Так проходило становление красных директоров, которые во многом, своей самоотверженной работой, предопределили и успех работ, и темпы экономического роста.

Не пресловутая конкуренция, о которой на всех углах трубит буржуазия, а сознательное и патриотичное отношение к делу определяло тогда темпы роста, значительно превосходившие все достигнутые темпы и экономические показатели всех промышленно развитых стран.

Монтаж взорванных несущих конструкций цеха холодной листопрокатки был окончен несколько раньше монтажа оборудования. Наиболее ответственные работы, по восстановлению этого цеха, производила бригада И.И. Вангровского. К этому периоду он проявил себя, как один из лучших бригадиров, который выполнил годовую норму ещё задолго до окончания 1946 года. А в следующем году, уже на монтаже цеха холодной листопрокатки, он добивался подъёма на более высокую ступень.

Этих результатов он планировал достигнуть за счет усовершенствования телескопических двухступенчатых подъемников, превратив их в трехступенчатые механизмы, и использовав деррик-кран, который, к сожалению, лежал на земле в сильно разрушенном состоянии. Конечно, его ремонт и восстановление обойдутся бригаде значительной потерей времени, зато последующий выигрыш во времени, во всех монтажно-восстановительных работах был очевиден.

Бригада Вангровского много сделала для ускорения темпов

работ. Сыграл, определенную роль, опыт, который был получен в прошлом и при сборке мостов через Урал и Днепр, и при монтаже линий электропередач, и при сборке ангаров газгольдеров. Но немаловажное значение, для достижения высоких темпов, имела и работа партийных органов.

Для достижения этих результатов проводился ряд политико-массовых мероприятий, оказывалась конкретная хозяйственная помощь. Слова Жданова не забывались и не уходили в песок, как часто случалось в более поздние годы. Слова и идеи имеют действенную силу. При этом наиболее ответственные работы поручаются товарищам, способным исполнить авангардную роль. – Вспоминает Отец ход событий, подтверждающих эту мысль:

– Как обычно, приезжаю в цех холодной прокатки, осматриваю ход работ, интересуюсь трудностями и неполадками. Электромонтажники жалуются, что монтаж приборов задерживает кровля, вернее, не сама кровля, а её постоянные протечки.

– Поднимаюсь по шаткой деревянной лестнице на крышу цеха. На крыше работает бригада, проводящая гудронирование поверхности крыши. Тут же, на крыше, горит небольшое приспособление для разогрева пищи, и рядом, в небольшом деревянном домике, отдыхает часть бригады, вторая часть ведёт гудронирование. Интересуюсь, почему и отдых, и обед тут же на крыше.

Бригадир, несколько удивившись моему вопросу, казавшемуся ему само собой разумеющимся делом, отвечает:

– Коммунисты и комсомольцы, которые пришли по призыву партии, по партийному набору, решили, до окончания работ, не уходить с рабочих мест и вся бригада поддержала их. Мы решили ускорить работы. Все процессы были организованы так, что потребовалось моё минимальное вмешательство. Вопрос решился инициативой рабочих коммунистов. Леонид Ильич одобрил эту инициативу и попросил рассказать об этом всем монтажникам.

Темпы работ были увеличены. Ход работ ритмично приближал дело к его завершению. Очень оперативно работают бригады электриков на монтаже электрооборудования и приборов. Не менее оперативно, существенно сократив сроки монтажа, работает бригада коммутатчиков. Сроки пуска всего комплекса наступают, а коммутатчики запросили 25 дней на монтаж схемы автоматического управления масляными выключателями на подстанции. Положение складывается довольно сложное. Не хочется ударить лицом в грязь из-за такого небольшого объема работ и сорвать сроки пуска.

Но тут сами рабочие выходят с предложением: поручить

окончание этих работ бригаде Козловского В.Е. Виктору Евгеньевичу всегда поручали сложную и срочную работу. Он обладал уникальной способностью, хорошо изучив схемы монтажа, представить весь ход работ рабочим так ясно, что оставалось проводить технологические операции одна за другой, не теряя время на размышление над методами решения вопроса. Эти работы удается выполнить всего за пять дней и спасти лицо всей монтажной организации.

Сокращение сроков этих работ позволяет наладчикам оборудования осуществить более тщательную и качественную наладку. Остались последние недоделки, пробные пуски и наведение порядка перед общим и окончательным пуском, для чего, уже по установившейся традиции, проводились городские субботники.

И 29 сентября, на месяц раньше срока, металлургический гигант был воскрешен, запущен цех холодной прокатки, задействован весь металлургический цикл.

К восстановленному цеху холодной прокатки со всех сторон стекается народ. Здесь те, кто строил стан, кто демонтировал его во время войны, и кто его восстанавливал. Представители городских организаций, жители города. Всё пространство забито людьми, люди сидят даже на металлоконструкциях. Сцена украшена знаменами, лозунгами и плакатами. Звучит торжественный гимн СССР.

На митинге выступают управляющий строительным трестом В.Э. Дымшиц, передовики производства, министры. Секретарь ЦК КП (б) У Мельников Л.Г. и другие товарищи, прибывшие из Москвы и Киева, поздравляют собравшихся с успехом, досрочным окончанием работ. Л.И. Брежнев зачитывает телеграмму ЦК и Совету Министров Украины с сообщением о достигнутом успехе.

Собравшиеся слушают прекрасный концерт артистов из Москвы и Киева, а мы думаем о главном. О том, что производительность труда повышена на 30 %. О том, что создалась новая ситуация окончания этапа работ, которую нужно было обсудить с Леонидом Ильичом. Встречаемся с Леонидом Ильичом, обсуждаем проведение праздничного митинга по этому поводу и ряд других праздничных мероприятий.

Леонид Ильич считает, что эта эпопея наиболее ярко отражает весь восстановительный послевоенный период. А главное, мы обсуждаем письмо к товарищу Сталину, которое впоследствии было опубликовано в газете «Строитель»:

– Докладываем вам, дорогой товарищ Сталин, что, преодолевая большие трудности, связанные с полным разрушением цехов завода, мы обещали в своём письме к вам

выполнить годовой план к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Мы счастливы, доложить Вам, что все цехи введены в действие в точно установленные сроки. Желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, здоровья на благо нашей любимой Родины!

Начальник стройтреста, Дымшиц В.Э., подводит итог проделанной большой работы. По своему обыкновению, точно и конкретно в цифрах, он докладывает.

– Производительность труда выросла на 30 %, а заработная плата на 27 %.

Тогда четко отслеживали, чтобы рост производительности труда превышал рост заработной платы. Это потом забыли этот принцип и в стране начались экономические диспропорции и неувязки, которыми тут же воспользовались птенцы перестройки и реформ.

Праздничный митинг, по поводу сдачи в эксплуатацию первой очереди завода, был проведен 2 октября. Собрались десятки тысяч людей и те, кто шесть лет назад под вражеским огнем демонтировал и отправлял в тыл оборудование, и те, кто после освобождения от фашистов устанавливал это оборудование, кто возвращал жизнь гиганту тяжелой индустрии.

Громовое: «Ура» и буря оваций встретили, украшенный транспарантами эшелон стального холоднокатаного листа, который под звуки гимна Советского Союза, сливающегося с торжественными паровозными гудками, проплывает перед людьми и отправляется в Москву на автомобильный завод им. Сталина. «Сталинское задание выполнено» – алый лозунг, реющий над толпой, подвел итог промышленной эпопее!

– Здесь же, в президиуме митинга, где собрались руководители партийной организации города и области, представители Центра и руководители завода, принимается решение отправить послание товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу, за подписью руководителей всех организаций, участвовавших в строительстве:

– По решению Правительства, по Вашему, товарищ Сталин, указанию завод, который, казалось, нельзя было вернуть к жизни – вновь возрожден и начал выпускать тонкий холоднокатаный стальной лист для автомобильной промышленности.

Самый важный период завершился. На митинге ораторы тепло говорят о людях, о рабочем классе, о специалистах, об их самоотверженном труде, о внимании и помощи центральных органов, о ведущей роли коммунистов, о приветственной телеграмме товарища Сталина, которая гласила.

– Советский народ высоко ценит самоотверженный труд

рабочих, инженеров и техников, успешно справившихся с восстановлением первой очереди завода «Запорожсталь».

– Ваша работа показывает, как советские люди, применяя передовые социалистические методы труда, решают большие и сложные задачи по возрождению предприятий, разрушенных немецкими оккупантами.

– Желаю Вам дальнейших успехов в вашей работе.

И глубоко вдохнув, полный эмоций от воспоминаний того решающего пуска, Отец продолжал:

– Прекрасно помню выступление на митинге Л.И. Брежнева. Он хорошо отозвался о самоотверженной работе рабочих и инженеров, об умелой организации работ и технической смелости руководителей, о неистощимой изобретательности людей, работавших на всех уровнях громадной производственной пирамиды.

– В президиуме митинга, во время выступления Леонида Ильича, – с теплотой вспоминал Отец, – я сидел рядом с заведующим отделом ЦК ВКП (б) товарищем Соловьевым, и он тоже, в унисон с ранее задаваемыми вопросами Мельникова Л.Г., стал спрашивать о Леониде Ильиче. Я ему ответил и задал вопрос.

– А что, Леонида Ильича планируют выдвинуть на повышение, почему представители центра часто задают такие вопросы? На что товарищ Соловьев загадочно покачал головой и не ответил ничего определенного. Но для меня этот вопрос уже был ясен, хотя бы по характеру задаваемых вопросов. И в действиях самого Леонида Ильича начал чувствоваться всесоюзный масштаб. Успехи и опыт, полученный на «Запорожстали», он начинает пропагандировать во всесоюзном масштабе. Звонит директору Мариупольского металлургического завода, рассказывает о достигнутых успехах, приглашает приехать и ознакомиться с опытом работ.

Этот эпизод, – как говорил Отец, – ему запомнился в деталях, поскольку ему пришлось знакомить мариупольских товарищей с опытом работ. А директор этого завода прибыл с целой бригадой начальников цехов и специалистов, которые довольно подробно и профессионально интересовались техническими, экономическими и политическими аспектами проблемы.

Главный этап восстановления окончен. Отец вспоминает:

– Договариваемся с Леонидом Ильичом встретиться в его кабинете, на стройке. Обсуждаем весь прошедший период, когда удалось в течение четырех месяцев воссоздать, по существу, металлургический комбинат.

Октябрь месяц для нас был трудным и насыщенным, и на

предпусковые трудности, и на радости торжественных пусков. Но, за эпопеей возрождения завода «Запорожсталь», нужно не забыть и об остальных не менее важных делах.

И я, 14 октября, тороплюсь поздравить главного конструктора завода 478, «Запорожского авиазавода», который тогда так именовался, с большой творческой победой, – с тихой улыбкой вспоминает Отец.

– Правительство, после ряда испытаний и опробований в полете, присвоило сконструированному, Александром Ивченко двигателю имя его конструктора, и дало ему марку – АИ. Для меня это было особенно ценно, ибо я помнил 1941 год, как мы с А.П. Кириленко отправляли этот завод в Омск. Именно этот завод, в те суровые годы, быстро освоил выпуск моторов для самолетов, и, что особенно важно, для бомбардировщиков А. Туполева. Они собирались там же в Омске, на соседнем предприятии и, уходя в бой, решали судьбы многих сражений.

– Но не за горами было ещё одно эпохальное событие, 22-го октября, после всех предварительных пусков и проверок, дал промышленный ток второй промышленный агрегат Днепрогэса, который мы отметили не менее торжественно.

В этот период ряда успехов в промышленном развитии страны, Леонид Ильич чувствовал прилив сил и энергии. Он анализирует ход событий и делает выводы, которые впоследствии будут иметь значение в развитии всей страны.

– Леонид Ильич говорит, что это был героический 1947 год, когда нам, не снижая темпов, предстояло пустить на требуемую мощность Днепрогэс и дать стране холоднокатаный стальной лист. Это событие мы ещё долго, в нашей жизни и жизни последующих поколений, будем вспоминать. С этими словами Леонид Ильич обнял меня и подарил своё фото с дарственной надписью.

Здесь же они приходят к выводу, что основным аспектом, приведшим к успеху, явилось то, что все планы были объединены в общестроительный план и отражены в одном комплексном графике. График организовывал и дисциплинировал строителей. Они пошли в бой единым фронтом. Дело было за мерами, которые закрепили бы производственный подъём масс. В техническом отношении такой мерой являлся принцип крупноблочной сборки. В организационном плане – совмещенный график, в общественном аспекте политико-массовая работа, обеспечившая этот подъем. А в экономическом отношении – система снижения производственных затрат, на основе снижения себестоимости. Всё это гарантировалось оргпромфинпланом – системой организационных, технических и финансовых

мероприятий, обеспечивающих это снижение. Это вело к широкому внедрению новой техники. Такой план составлялся, исходя из безусловного требования снижения себестоимости, только при условии повышения качества выпускаемой продукции и функциональной потребительской полезности изделий. Все это выливалось в постоянное снижение цен на промышленные изделия, и можно было с уверенностью говорить: «Есть снижение цен, есть повышение количества и качества выпускаемой продукции – значит, экономика работает нормально».

Грандиозные цифры, характеризующие восстановительный период, говорят о труде тысяч людей, об усилиях всей страны, пережившей опустошительную войну, но чувствствующей свою силу и готовой на новые свершения.

– Но главное во всей этой истории – накопленный опыт. Ещё никогда в такие сжатые сроки не входил в строй крупный металлургический завод. Родились прогрессивные методы руководства, образец для всей страны и для будущих поколений.

Хотя дальнейшие восстановительные работы ещё долго продолжались, напряжение спало, стало известно, что Леонид Ильич скоро уедет в Днепропетровск. Решили немного отдохнуть и, заодно, отметить расставание. Под Запорожьем, вниз по Днепру, в плавнях была хорошая утиная охота. Выехали на нескольких машинах в плавни, остановились на песчаной косе, стояла ясная солнечная погода. Немного поохотились. Леонид Ильич, довольный и счастливый, выходя из кустов, протянул двух уток, поправляя охотничье ружье, висевшее стволом вниз, на его разгоряченном полуобнаженном плече. – И со словами:

– Давайте жарить уток, – присел у костра. Жарили уток на вертеле, наслаждались солнцем, Днепром и ясной погодой. Все были счастливы от сознания честно исполненного долга.

В конце года, в ноябре месяце, Л.И. Брежнева избрали первым секретарем Днепропетровского обкома партии. В работе пленума принял участие и представлял Леонида Ильича секретарь ЦК КП (б) У товарищ Мельников Л.Г.

Леонид Григорьевич Мельников, в этот период, вплотную занимался судьбой Леонида Ильича. Тем более, судьба Мельникова Л.Г. сложилась так, что после ухода Кагановича Л.М., в конце 1947 г., на работу заместителем председателя СМ СССР, Мельников Л.Г. становится 1-м секретарем ЦК КП (б) У, а Коротченко председателем совета министров Украины. А несколько позже Мельников Л.Г. переходит на работу в ЦК ВКП (б). И дальнейшая его кадровая деятельность естественным образом, продолжалась с использованием ранних наработок, сделанных на Украине.

Так что, когда говорят, что Хрущев Н. С. с самого начала покровительствовал Брежневу Л.И., а он впоследствии предал его, то относительно начального периода его послевоенной деятельности вряд ли это было так, поскольку в этот период Хрущев был председателем Совмина Украины и кадровой деятельностью в ЦК не занимался.

А интересовался этим вопросом и заведующий строительным отделом ЦК ВКП (б) товарищ Соловьев, и даже инспектор ЦК Шамберг М.А. Оба они и товарищ Соловьев, и товарищ Мельников интересовались информацией о деятельности Леонида Ильича. Но это не носило характера какого-то протекционизма, а было обычной кадровой работой ЦК по подбору руководящих кадров с перспективой их роста. А кандидатура Леонида Ильича, да и Андрея Павловича Кириленко, соответствовали существовавшим тогда требованиям выдвижения партийных работников на более высокие должности.

Внимание уделялось выходцам из рабочего класса, имеющим высшее образование и боевой опыт. Поэтому они с Кириленко почти одновременно разъехались с повышением, один в Днепропетровск, а второй в Николаев. Андрей Павлович тоже первым секретарем, но уже в менее крупную область, как по промышленному потенциалу, так и по объему восстановительных работ.

Когда Брежнев Л.И., в 1949 году, ушел на дальнейшее повышение, то заменил его, в Днепропетровске, Кириленко А.П. Такой характер роста этих руководителей был вплоть до избрания Леонида Ильича, весной 1950 года, первым секретарем ЦК компартии Молдавии и членом ЦК ВКП (б). Это произошло на девятнадцатом съезде партии, конечно, не без участия И.В. Сталина.

И всё это у Леонида Ильича, скорее всего, было естественное продвижение по службе, в связи с острой послевоенной нехваткой достаточно грамотных руководящих работников. Это, конечно происходило на фоне, еще бытовавших в то время партийных работников, не имевших высшего образования, так называемых выдвиженцев, коим был и сам Н.С. Хрущев. А участие Никиты Сергеевича в судьбе Леонида Ильича, стало заметным уже после смерти И.В. Сталина.

Отсюда, из Запорожья, Леонид Ильич стартовал в большую политику! Всего год и три месяца пришлось ему проработать в Запорожье, однако, как неоднократно говорил сам Леонид Ильич, это дало ему большой опыт в дальнейшей деятельности.

Вслед за этим состоялся пленум обкома, на котором Леонид Ильич был освобожден от занимаемой должности, в Запорожье, в

связи с его избранием в Днепропетровске. На этом пленуме было сказано много теплых слов в его адрес. Многие в последующем говорили, что это скорей всего дипломатический протокол. Но позднее утвердилось мнение о справедливости этих высказываний.

– Мне неоднократно удавалось беседовать с людьми, работавшими с Л.И. Брежневым и не только в Запорожье, а и в Молдавии, и в Казахстане и в Москве. Приходилось беседовать с людьми, встречавшимися с ним в неофициальной обстановке, – решительно говорил Отец. – И у меня сложилось четкое мнение о нем и как о секретаре, и как о человеке. И мне кажется, что это довольно объективное мнение, в крайнем случае, на раннем этапе его деятельности. Многие считали, что последующее награждение Леонида Ильича орденом Ленина, вместе со многими участниками этой строительной эпопеи было вполне справедливым и заслуженным. Кстати, я тогда был награжден орденом Трудового Красного знамени.

– Свой орден Леонид Ильич очень ценил и часто выделял из всех своих наград. И еще раз, уже после бесед со многими людьми, Отец характеризовал его как личность.

– Леонид Ильич – это душевный человек, доброго сердца и светлого ума.

– Он редко решал вопросы единолично. Всегда старался советоваться, умел терпеливо выслушивать людей, находить в их мнении рациональное зерно, сплотить вокруг себя актив и направить его на выполнение самых сложных задач. И главное, что я хочу отметить.

– За это его не боялись, а уважали. Уже на том этапе своей деятельности, Леонид Ильич проявлял признаки коллегиального руководства, но и спросить мог довольно жестко, однако пользовался методом жесткого администрирования редко.

– Думаю, не случайно, уже, будучи секретарем ЦК КПСС, Леонид Ильич, в мае 1958 года, приехал в Запорожье вручать орден Ленина Запорожской области. Он не только прикрепил к знамени орден Ленина, а и тепло встретился со всеми, с кем сработался в 1947 году. Леонид Ильич не раз передавал через секретаря обкома М.Н. Всеволожского, который в восстановительный период был секретарем горкома комсомола и принимал активное участие в возрождении завода «Запорожсталь», приветы и поздравления. Леонид Ильич не забывал прошлого и делал это, будучи генеральным секретарем.

Именно таким, молодым, ярким, импозантным, с добродушным выражением лица, запомнился он на всю жизнь. Именно таким он и должен быть, как один из символов эпохи. И,

конечно, не эпохи застоя, а эпохи «Стабильного развития». Никакой эпохи застоя не было. Вся жизнь прошла на фоне работы, борьбы, всё новых и новых свершений и постоянного движения вперед!

И, конечно, крайне несправедливо, когда современная пропаганда выхватывает отдельные эпизоды слабости человека, в последние годы его жизни и концентрирует на этом внимание публики. Когда много говорят о его низком культурном уровне, неспособности оценить литературные и художественные особенности того или иного произведения искусства, хочу сказать, – с грустью вспоминал Отец:

– В те годы, когда стояла задача возрождения страны, и мы работали, не считаясь со временем, трудно было найти пару часов для культурного досуга. Но мы в обкоме партии, имея небольшой просмотровый зал, смотрели все новинки киноискусства, обсуждали важнейшие литературные произведения, прежде чем они выходили в массовую публику, и наши суждения были довольно компетентными, поскольку в молодости мы увлекались и литературой и искусством.

– Правда и тогда Леонид Ильич не навязывал своего мнения и старался, чтобы эти вопросы решали соответствующие специалисты. И это было, конечно, никоим образом не ввиду низкой грамотности, а скорее приверженности коллегиальным методам партийного руководства. Грешит, конечно, этим современная официальная российская пропаганда. Грешит она, упирая на физические недостатки на склоне лет Генерального секретаря. Если бы мировая практика пошла по этому пути, то вся мировая история предстала бы перед нами, как сборище калек и паралитиков.

– Но всё это было впоследствии, через много лет. А пока Леонид Ильич уехал, а мы перебросили силы на восстановление второй очереди завода «Запорожсталь», которое продолжалось неослабевающими темпами. При этом мы не забывали, конечно, и об окончании монтажа и наладки третьего агрегата Днепрогэса. И, как результат нашего труда, и усилий многих и многих людей, – 2 декабря 1947 года, завод «Запорожсталь» и организации, обеспечившие его восстановление, награждены орденом Ленина.

– И вот мы, уже присутствуем на церемонии награждения. Председатель Запорожского облисполкома, депутат Верховного Совета Пономаренко В.Н. – вручает в этом важном году, этот славный орден, директору завода А.Н. Кузмину, который и сам персонально был награжден таким же орденом. Награждение идет под звуки торжественного марша и возгласы: «Ура».

Пономаренко зачитывает указ Председателя Президиума Верховного совета СССР от 2.12.47 г.

В тот период мы добивались пропорциональности развития промышленности и всего народного хозяйства. Восстановленные мощности никоим образом не должны были простаивать. И 13-го декабря 1947 года наши усилия по промышленному пуску третьего агрегата Днепрогэса дали результат. Агрегат дал промышленный ток. Это был последний этап восстановления первой очереди Днепрогэса.

Два важных события отпраздновали не только мы, а и вся страна, дал ток Днепрогэс, и пошел первый металл, восстановленной первой очереди завода «Запорожсталь», в этом конечно, был и личный вклад Л.И. Брежнева. Правда, величину этого вклада, которую пытаются определить многие историки, трудно измерить, поскольку это было общесоюзное дело. В нем участвовали руководители и коллективы всех рангов. Но можно только с уверенностью сказать, что такой вклад был.

Конечно, в конкретные дела на низовом уровне он старался не вмешиваться, давая простор инициативе подчиненных ему товарищей, за исключением тех случаев, когда к этому принуждала сама жизнь. Но можно с уверенностью сказать, что такие случаи нередко были. Из этих случаев он с честью выходил, как довольно грамотный инженер-металлург с солидным инженерным и рабочим стажем.

Уже находясь в Днепропетровске, Леонид Ильич, весной 1948 года, решил показать на практике стиль и метод руководства, выработанный в Запорожье в период восстановления, днепропетровским товарищам. В этот период я уже вернулся к секретарским обязанностям в обкоме партии и уже сам отвечал за весь ход восстановительных процессов. Тогда наше внимание уже было перенесено на восстановление Днепровского алюминиевого и Коксохимического заводов. Не снималась и задача окончательного восстановления мощностей авиамоторного завода, не говоря уже о Днепрогэсе. Короче говоря, на мне, как секретаре обкома по промышленности, уже были все вопросы, которые мы раньше решали с Леонидом Ильичем, – перечисляя цели и задачи, говорил Отец.

– В мае месяце Леонид Ильич на нескольких машинах с группой руководящих работников партийно-хозяйственного актива, подъезжал к Запорожью со стороны правого берега Днепра. – Рассказывал уже мне, после смерти отца, когда я готовил к печати некоторые его рукописи, старый его друг – Петр Савельевич Резник, который в то время был секретарём обкома партии и занимался сельским хозяйством.

Мы сидели в небольшом, но довольно уютном парке «Пионеров», расположенном вокруг дворца пионеров, светлой радости моего детства, и Петр Савельевич, наклоняясь ко мне, проникновенно говорил:

– Конечно, что касается производственных вопросов, Николай был у него на первом плане, о чем Леонид Ильич часто говорил и даже писал в своих воспоминаниях, а вот, что касается остальных вопросов и внеслужебной дружбы, тут уже на первом плане был я. Так что когда днепропетровцы решили приехать, кроме официальных звонков, был и не официальный звонок мне. И мы решили собраться у меня дома в узком кругу: Андрей Кириленко, Николай Моисеенко, Леонид Ильич и Я. Ты, конечно, не думай, что тогда мог быть такой банкет как сейчас – эту моду на банкеты, по поводу и без повода, ввел Хрущев, больно он любил поесть. Устроят, бывало банкет, и не столько съедят и выпьют, сколько растащит обслуга.

– Твой Отец, в этот Хрущевский период работал председателем госконтроля по Запорожской области, и мужественно боролся с этим недугом.

Однажды приехали высокопоставленные особы, да и сам Хрущев бывал неоднократно, и для них устроили банкет на острове Хортица, все это обошлось, как сейчас помню, в 63 тысячи рублей, уже послереформенных денег. Если судить по Сталинскому курсу, то это 630 тысяч рублей, а это были, в то время, большие деньги и эти деньги списали на хозяйственную деятельность завода «Запорожсталь». А твой Отец на всех участников наложил начет по 400 рублей, госконтроль имел тогда такое право.

Будьте добры, господа хорошие, ели пили – оплатите. Они конечно, к Хрущеву с жалобой. Отцу намекнули, мол, не лезь в это дело. А он развернулся и материалы на съезд партии. Хрущев тогда терял авторитет в партии и народе. И ты сам понимаешь, отношения были испорчены.

А при Сталине всё было чрезвычайно строго, только попробуй, беды не оберешься!

У него, у Сталина, с этим вопросом был порядок. Хочешь собраться, собирайся, как все люди, за свой счет и без излишеств. Так что моя жена, Анна Ивановна, приготовила нашу любимую картошечку рассыпную, селедочку с лучком, маринованные баклажаны, она сама их великолепно готовила, солененьких арбузиков, стояли у меня в сарайчике, я сам любил их солить – небольшие такие полузелёные. Бывало, засолишь – прелесть просто. Никаких тебе деликатесов не нужно. И, конечно, грамм по 150 столичной водочки, больше ни-ни – не моги и думать!

Николай, твой отец, тот не пил с фронта. Он рассказывал, что пойдешь, бывало, через линию фронта провожать партизан или подпольщиков – темно, одно лишнее движение и немцы на звук как пальнут и всё – хана!

А он не пил и выжил, а многие выпьют для храбрости и вперед, и сгорали как дым. А он, с тех пор, не пил. Как на фронте, делил свою долю с друзьями, подольет нам и радуется. Да вот тебе и фотография – я, с Андреем Павловичем, на моем старомодном диване.

Так он, диван, и стоит у меня старомодный, но дорогой моему сердцу – реликвия. Сейчас все мебель поменяли на модную, стильную, а мне так уютней, я уже пенсионер, за престижем не гонюсь, меня старое греет.

– Так вот, тогда мы посидели. Вспомнили, как водится, прошлое. Твой Отец, всё рассказывал живые эпизоды строительства и возрождения промышленного комплекса. Леонид Ильич любил слушать живые рассказы, набирал реальные ощущения, сухую пережеванную информацию не любил. Рассказал он нам, о своём новом житье-бытье и мы разошлись. На этот раз уже надолго. Кстати, ещё тогда, в нашей беседе, Леонид Ильич говорил о том, что наши успехи не в малой степени были связаны с прогрессивной системой оплаты труда и тщательной подготовкой производства во вторую и третью смены. А Никита Сергеевич потребовал односменной работы.

Организация труда рабочих и подготовка производства резко ухудшились, начались простои у рабочих, и реальная сдельщина была заменена «выводиловкой» среднего заработка, с оплатой простоев по тарифу. Заработок рабочих упал, и в некоторых местах начались забастовки. Твой Отец тогда докладывал в ЦК, что такие резкие переходы снизят прирост промышленной продукции и доведут, в общем, хорошую идею ликвидации ночных смен – до абсурда. Так оно и получилось, начало расти недовольство Никитой Сергеевичем в рабочих коллективах. А люди, которые сдерживали его напористость, которой он доводил уже не идеи Сталина, а свои собственные, вызывали у него гнев, и он применял против них суровые меры. Мы старались обратиться к Леониду Ильичу, который лучше разбирался в вопросах промышленности.

Были у нас с ним кое-какие контакты и при Хрущеве, когда он работал Председателем президиума Верховного Совета, тогда мы пытались к нему обращаться и по поводу кукурузной эпопеи, и по поводу тарифной политики. Но Никита Сергеевич его тогда одернул: «Не твой вопрос! Не лезь!»

– Нам ещё доставалось от Хрущева и потому, что он любил

показывать первенцы индустриализации зарубежным гостям и часто с ними наезжал к нам и сам. Толи приезжал Шах – Ин-Шах Ирана, Реза Пехлеви. Толи лидер Египта Гамаль Абдель Насер. Толи другие азиатские деятели. Вот тогда перед его приездом и начинались резкие требования мгновенного осуществления его идей, которые он сам, своей торопливостью, неподготовленностью, напором, зачастую доводил до абсурда.

Однажды при его приезде произошел вообще курьёзный случай. Он тогда был увлечен идеей напряженного железобетона. Так, увидав уже готовую троллейбусную линию, в которой были применены ажурные сварные металлоконструкции в качестве опор, он заставил их срезать и заменить бетонными столбами.

– С кукурузой вопрос стоял более остро. Кстати, история с кукурузой носила такой же – одноплановый характер, без учета всех возможных особенностей и потерь, как и наступление под Харьковом во время войны. Ему говорят.

– Немцы под Кременчугом собрали сильную ударную группировку, могут ударить во фланг. А он.

– Ничего! Наступление нужно продолжать!

– Так и с кукурузой. Ему говорят: «У нас технология полностью механизированная, настроена на пшеницу, дающую в наших краях урожай не меньше чем кукуруза. А для кукурузы нет ни техники, ни химикатов, ни людей, для ручной уборки». А он.

– Ничего! Посевы расширять! На уборку бросим студентов!

У нас, в тот период, первым секретарем обкома был Владимир Владимирович Скрябин. Так Никита Сергеевич смог его сломать и тот засеял всю область кукурузой. Результаты, конечно, были плачевны. Часть полей так и ушла под снег.

Вот тогда мы, с твоим Отцом, результаты обследования и отправили в ЦК, что вызвало у Никиты Сергеевича крайнее раздражение.

Ещё и сейчас многие спорят на эту тему, подменяя вопрос о неподготовленности кукурузной компании в те годы, вопросом о качествах кукурузы как культуры. Кстати, качества кукурузы как культуры отмечались ещё на пленумах ЦК и в 46-м и в 47 году, и предусматривалось расширение её посевов, так, что сама идея была не новой. Но тогда такое увеличение предусматривалось по мере его технического, материального и научного обеспечения, и, конечно, без навала и перегибов.

– Встретился я с Леонидом Ильичом, уже потом, после того как он на 19-м съезде в 52-м году был избран членом ЦК. И даже гораздо позже, когда он был секретарем ЦК и Генсеком. Встретился если не по несчастью, то по неприятности уже точно, – говорил Петр Савельевич, – блеснув на солнце своим

бритым черепом, который вовсе не уродовал его, а, наоборот, делал величественным, похожим на одного из командующих танковых войск.

– Ты же знаешь мою дочь Жанну. Так вот, когда её муж генерал авиации погиб на учениях «Днепр», она осталась без квартиры в Москве. Старую квартиру они уже сдали, а новую он еще не успел получить и погиб. А это дело, после его смерти, так и затерли по инстанциям.

– Я добился у Леонида Ильича приема, встретил он меня как старого друга, радужно. Вопрос решил сразу. Справедливость восстановил мгновенно. Все расспрашивал про заводы, про город. Всё спрашивал, как там Николай, пусть всё опишет, он же вел записи, как там все наши, как те с кем он воевал. Не знаю как сейчас, разные слухи ходят, тогда он сохранял присущую ему открытость и добродушность.

Тут я не удержался, вмешался в его рассказ и задал мучавший меня вопрос о культе личности, что это такое и был ли он. А главное, я поинтересовался:

– Вы тогда общались с руководством на довольно высоком уровне, и сами приводили стихи:

Я, помню, как горели эшелоны.
И черный мессер падал на толпу.
И, выпрыгнув в окно, горящего вагона,
Все люди обращались не к богу,
А к НЕМУ!

А что это – может это, и есть культ личности? Что вы тогда думали?

Петр Савельевич, остановился, задумавшись над моим неожиданным вопросом, набрал воздух в легкие и заговорил низким тяжелым голосом:

– Начиная с 44-го года, после того, как Сталин восстановил все церковные институты в 43-м году и практически создал церковь, такой, какой она есть сегодня. В крайнем случае, всё это было сделано не без его ведения и даже с его участия. В православной среде начали распространяться слухи о святости И.В, Сталина. И даже поговаривали о том, что архиепископ предложил возвести его в ранг святого защитника земли Русской, как Александра Невского или Дмитрия Донского и тогда этот слух многие поддерживали. Но мы, как партийные работники отвергли это, конечно, не без консультаций с центром. И говорили, что сам Сталин выступил резко против всякого обожествления. И мы полностью отбросили все разговоры на эту

тему. И эти слухи вскоре прекратились. И немного подумав, он продолжил:

– Поэтому я с полной уверенностью могу сказать, что никакого культа личности не было! Да и Леонид Ильич, когда пришел к власти, прекратил, до некоторой степени, эту антисталинскую пропаганду под названием: «Борьба с культом личности». А относились мы тогда к этим усилиям Хрущева Н.С. с ухмылкой, как к очередной блажи Никиты Сергеевича.

– Но, конечно, в те тяжелые годы, когда каждый стоял перед гранью уничтожения, образное православное подсознание, которое всё равно оставалось, даже у неверующих людей, и не могло исчезнуть за такой короткий срок и требовало образного воплощения в лике вождя. Но с полной уверенностью ещё раз могу сказать, что партия, да и мы сами отбросили, какое либо обожествление личности.

Но эти разговоры были уже потом, через много лет, а тогда отгремели праздничные торжества, уехал Леонид Ильич, а впереди остались новые заботы и новые пуски.

Работа над реализацией четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, на 1946–1950 годы, продолжалась. Кстати, существенную лепту в становление и развитие этого плана внес Вознесенский Н.А., с которым и в дальнейшем продолжалось сотрудничество. Эта работа не могла остановиться на достигнутом уровне и, естественно, продолжалась не менее самоотверженно, правда, уже по отработанной технологии организации производства.

Уже несколько позднее многие стали считать, что стратегом экономической победы над фашизмом был Вознесенский. Так они считали на основе того, что он зачастую спорил с И.В. Сталиным.

– Но, наверное, не в спорах дело, когда Николай Алексеевич был иногда и амбициозен, и высокомерен, а в тех идеях, которые воспринимались не только партийным аппаратом, и не столько им, сколько народными массами, а в особенности рабочим классом, который, в то время, был ключевым звеном этого восстановления.

И здесь, можно с уверенностью сказать, исходя из всего анализа ситуации за тот период, конечно, главенствующую роль играли, пусть коротко и сжато – зато емко высказанные, но все-таки, идеи И.В. Сталина. Он, как политик, тоньше чувствовал настроения момента, и выдвигал идеи, которые воспринимались народом! Воспринимались массами! Воспринимались рабочим классом! И конечно, как вспоминал Отец, – все наши экономические знания и теории, основывались на идеях и теориях, высказанных ранее и В.И. Лениным, и И.В. Сталиным.

Основой моих знаний, – ещё раз с уверенностью повторял Отец, – стала работа И.В. Сталина: «Новая обстановка и новые задачи хозяйственного строительства». – Которые он высказал в речи на совещании хозяйственников ещё 23 июля 1931 года, да и другие речи, и отчетные выступления, на съездах и конференциях.

Конечно, все эти воспоминания и суждения были гораздо позже, когда их отшлифовало время, но зародились они тогда, и сопутствовали и жизни Отца, и моей жизни, вплоть до перестройки и реформ, когда одним из грехов социалистической системы оплаты труда её критики стали считать всеобщую уравниловку.

А в те годы Иосиф Виссарионович мужественно боролся с уравнительной системой оплаты труда и противостоял тем кругам в партии и стране, которые стали предтечей современного либерализма.

– Но тогда, особенно остро привлекали внимание насущные проблемы хозяйственного строительства, – отбросив размышления, говорил Отец.

– В тот период мы продолжаем работы по доводке промышленных мощностей Днепрогэса и радуемся вместе со всем городом, когда за заслуги в его восстановлении награждается группа участников этого восстановления, а организация «Днепрострой» награждается орденом Ленина.

Суть последующих этапов развития нашей промышленности была заложена в реализации тех проектов, в которых ещё участвовал Л.И. Брежнев.

Эти работы заключались в восстановлении и пуске «Коксохимзавода» в 1948 году, в завершении восстановления и в пуске на полную мощность всех десяти мартеновских печей завода «Запорожсталь» в 1949 году, да и остальных объектов промышленного комплекса, работы над которыми мы ведем уже по освоенной технологии.

И вслед за этим, мы уже пускаем в 1948 году коксовую батарею «Коксохимического завода». И на трибуне, по случаю пуска, рядом со мной, – вспоминал Отец, – уже нет ставшего привычным и нужным Леонида Ильича.

Но школа, созданная в те годы, продолжала действовать, как один из образцов промышленного развития всей страны. Конечно, в её создании принимал участие не только Леонид Ильич, и даже не столько он, а вся промышленная элита Центра и партийная организация области. И тут конечно нельзя отбросить, невзирая на всю критику последующего периода, роль и значение идей Сталина И.В., который направлял это развитие. И сколько бы, в

последующем, не ёрничали над словом учитель.

Через много лет могу твёрдо сказать. Да! Он был учитель, – вспоминал Отец.

Как раз после этого пуска, уже без Отца, мне удалось побывать в доме, где жил Леонид Ильич. Конечно, там был новый хозяин, вновь избранный первый секретарь – Енютин Г.В., с сыном которого, Валентином, я учился в школе. И он, зная, что я большой любитель полета голубиных стай, пригласил меня в гости посмотреть птицу Леонида Ильича, за которой присматривал его бывший порученец.

Слева направо в первом ряду, второй: Моисеенко Н.П. Пуск «Коксохимзавода». Запорожье, 1948 г.

Это был довольно просторный, кирпичный, одноэтажный дом, имевший шесть комнат, две из которых были совсем маленькие – для детей. Дом был старой кладки, с ажурным кирпичным забором и большими металлическими воротами. Во дворе рос огромный ветвистый тополь, рядом с которым, установленная на высоком помосте, располагалась голубятня, на

её шесте ворковали породистые голуби.

Мы стояли под сенью дерева, а порученец показывал любимых голубей Леонида Ильича и говорил:

– Скоро приедет Леонид Ильич и заберет меня к себе, и голубей заберет. Вот смотрите, какие красавцы, разве таких голубей оставишь. В одной руке он держал красного, белохвостого, чубатого голубя, выведенной местной Николаевской породы, а в другой белую короткоклювую голубку с изящной головкой и саблевидным крылом. Порученец взмахнул рукой, выбросил вверх красного голубя и он почти вертикально «свечой» начал набирать высоту. А за ним, немного погодя пустил в полет белую голубку. Голубка, пошла по кругу, набирая высоту и увеличивая круг полета, пока они вместе не превратились в большие точки и не растворились в небесной голубизне. А порученец, как-то загрустив, заметил:

– Вот так и ушел от нас вверх Леонид Ильич, как этот красногривый голубь.

А дальше, был завод Ферросплавов, Огнеупорный и Метизный заводы, предприятия области и весь город, который восстанавливается ставшими уже привычными темпами. К 1950 году весь город, все заводы были практически восстановлены. Страна сумела, в невиданно короткий срок, не только достичь довоенного уровня производства, а и превзойти его. И я был счастлив от сознания выполненного долга, а и от всего моего участия в этом грандиозном деле, таком успешном, и неповторимом экономическом, техническом, и организационном эксперименте. – Со счастливой улыбкой на лице вспоминал Отец.

– И мне, со всей очевидностью открылась экономическая и политическая стратегия того времени, все её участники, во всём их разнообразии. – Уже через многие годы, – с полной уверенностью говорил Отец, – который смог проанализировать степень участия каждого в этом грандиозном деле. И он, склонившись над своим рабочим столом, произнес:

– Так что стратегом экономической победы над фашизмом, а вернее, над одной из форм Европейского капитализма, который господствовал в тот период почти во всей Европе, был, конечно, И.В. Сталин. Это подтверждает та неразбериха в экономических реформах, проводимых Н.С. Хрущевым и падение темпов прироста промышленной продукции, которое смогло, тоже за короткий период, свести почти к нулю те преимущества, которые были достигнуты экономической системой Сталинского периода.

Особенно наш успех был оценён иностранными специалистами, когда мы обучали этих специалистов для стран Народной Демократии, Индии, Китая, и даже Канады, – писал

Отец в одном из своих очерков. Эти специалисты приезжали изучать наш опыт, обеспечивший темпы роста промышленного производства страны, которые были не мене 13 % процентов. А таких специалистов было ни много – ни мало, но более 500 человек. Они смогли оценить наши успехи и стать нашими последователями уже в своих странах.

Первый ряд, в центре: Моисеенко Н.П. с профсоюзной делегацией японских металлургов на заводе «Запорожсталь».

И радостно было видеть, что все эти методы осваивались и внедрялись, даже в промышленности Японии, и продолжали давать положительные результаты. А специалисты из 35-ти стран мира, не менее 100 человек, приезжали посмотреть и послушать доклады о наших достижениях.

И грустно, и печально было смотреть, когда уже в Хрущевский период эти методы отбрасывались у нас, их родоначальников, а прирост промышленной продукции падал до 1,5–2%. А Никиту Сергеевича, казалось, все это не только не волнует, но даже не интересует. Он был увлечен мыслью, сделать все, наоборот – в пику И.В. Сталину. А когда говорят, что дорогой Никита Сергеевич был незаконно смещен, то это опять вызывает удивление. Как так, он же пренебрегал основными законами развития общества, его промышленности и сельского хозяйства, и его падение было естественным следствием этих причин, не говоря уже о некоторых свойствах его характера.

Но пока, все эти огорчения в будущем, а мы радуемся, что за успешное усовершенствование методов восстановления Днепрогэс, в 1951 году, присуждена Государственная премия в области науки и техники начальнику Днепростроя Ф.Г. Логинову и главному инженеру И.И. Кандалову, который в последние годы жизни заведовал кафедрами ряда московских вузов. И пущена на полную мощность эта гидростанция, этот символ эпохи, символ индустриализации Советского Союза.

Вот они Моисеенко Н.П., Резник П. С. и будущие министры: Логинов Ф.Г., а рядом директор завода «Запорожсталь» А.Н. Кузьмин, начальник стройтреста В. Э. Дымшиц – стоят на этом пуске.

Вот они матросы великого проекта – красные директора, выполнившие свой долг. Они стоят, как на подводной лодке «Советский Союз», уходящей в дальнее плавание. В трюмах и на командных пунктах её рулевые и механики, а на палубах матросы.

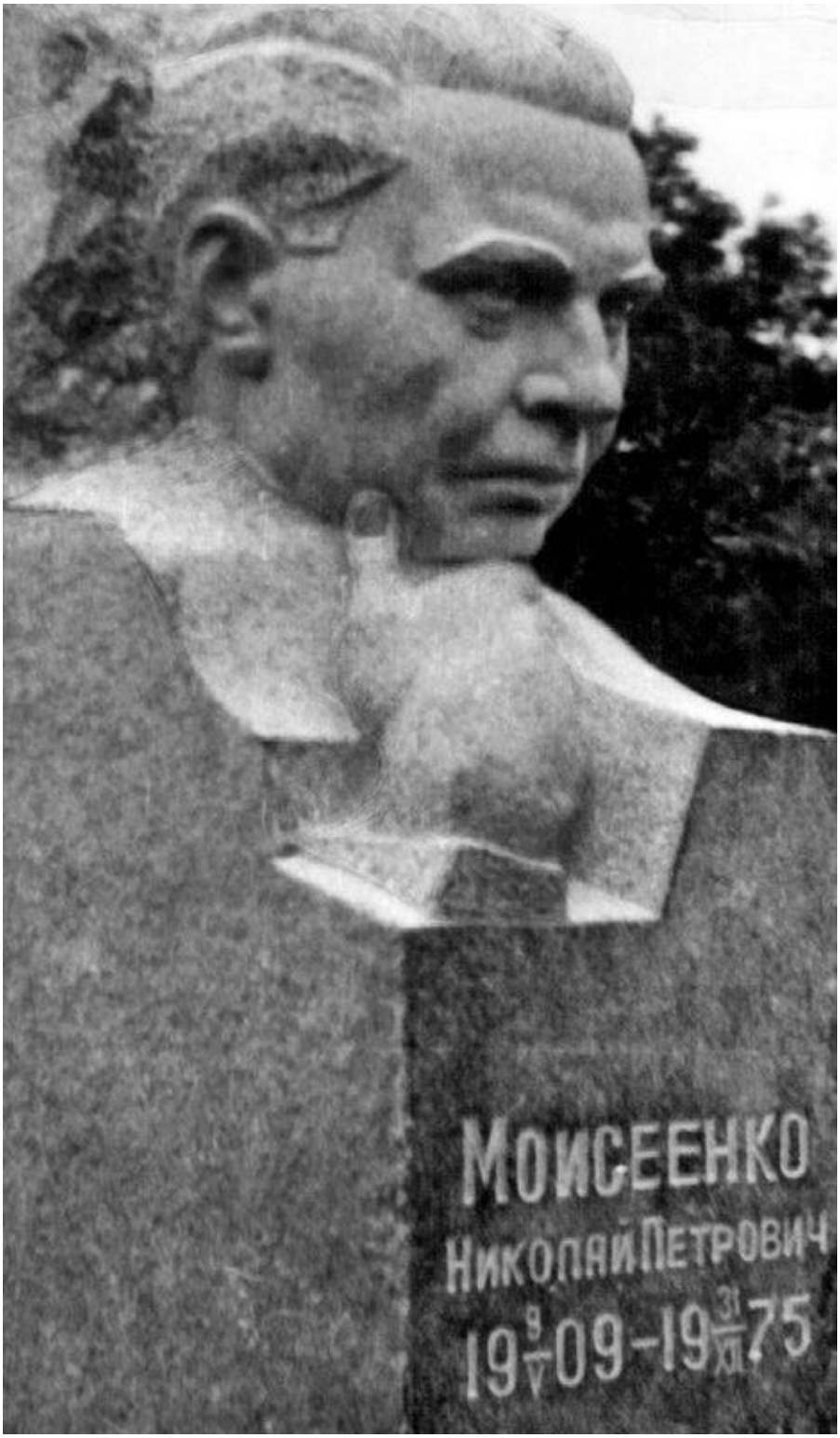
Они смело смотрят вперед и ещё не знают, что Советский Союз, как древняя Атлантида покроется морской пучиной. Утонет в море лжи, клеветы, предательства и обмана. Но символы его, его атланты останутся на поверхности. Они продолжают свой длительный поход, пока люди, своим равнодушием позволившие утопить Великую державу поймут, что без неё у них нет жизни, и нет счастья, и тогда Атлантида – Великий Советский Союз, всплывет. И первыми из морской пучины вынырнут три основные составные части великой державы: – Россия! Украина! И Белоруссия! Уже опять Советские республики!

А ПОКА АТЛАНТЫ ПРОДОЛЖАЮТ СВОЁ ПЛАВАНИЕ! ОНИ

ЖДУТ!

И уже через много лет, когда перестройка разорвала наши народы, по живому, безжалостно разделила нас и наши семьи, и оторвала нас от могил наших предков, я приехал в Запорожье.

Воспоминания захлестнули моё сердце. И стоя на могиле предков, рядом с памятником Отца, я вспомнил всю свою жизнь и эту историю. Все рассказы и воспоминания Отца прошли перед моим взором. И отчетливо выделился эпизод, с которого начался этот рассказ.


МОИСЕЕНКО
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
19 9/V 09 - 19 31/XII 75

Моисеенко Н.П. Памятник на могиле. Запорожье, 1976 г.

– Последний выстрел Великой Отечественной войны возник перед моим взором, рука потянулась к перу, и я вернулся к воспоминаниям Отца. Все картины возникли передо мной как на яву, и я начал описывать все наши мысли, встречи, беседы и переживания, все события эпохи одно за другим ложились на бумагу.

А после описания всех событий, захвативших целую эпоху края, где мы родились, и отразивших, во многом, всю эпоху Великой страны, появился этот эпилог и это воспоминание.

10. Эпилог. Последний выстрел

Последний выстрел Великой Отечественной, который прогремел и вспыхнул перед моими глазами, запомнился мне на всю жизнь и ещё долго будоражил мою душу. Он слился в сознании с моей первой, почти детской любовью.

Бывает любовь с первого взгляда, а моя ранняя любовь – чувственная и красивая, как первый весенний гром, зародилась вместе с выстрелом зенитной пушки. Как раз после приезда в наш город командующего фронтом Р. Малиновского, пообещавшего прикрыть работы на Днепрогэсе и город от налётов вражеской авиации, зенитными батареями.

И уже через несколько дней после его обещания, под окнами нашего дома прогрохотала колонна машин. И остановилась за маленькой заболоченной речушкой – Московкой, заросшей кленовником и ивняком.

Ну, как же мне, почти мальчишке, усидеть дома, когда рядом разворачиваются такие события.

Сорвавшись с места, стремглав, по ухоженной тропе, раздвигая кусты, бегу вперед на пригорок, к берегу, откуда открывается вся панорама, лежащая за рекой. Усевшись на берегу, я наблюдаю разгрузку зенитных орудий, счетверённых пулеметов и снарядных ящиков.

В один миг машины опустели и одна за другой, по узкой накатанной земляной дорожке, ушли в город. Солдаты, коротко перекурив, быстро взялись за лопаты и, привычными движениями, начали окапывать площадки под орудия.

Она появилась внезапно – маленькая, белокурая, смеющаяся, с ярко синими глазами, с наушниками на голове и небольшой портативной армейской радиостанцией. Бросив на меня свой искрящийся взгляд, быстро заговорила: «Ольха. Ольха. Я – сосна. Я – Сосна!». В её наушниках что-то загудело, заскрипело, закашляло. Она быстро обернулась, сверкнула глазами и крикнула куда-то вниз: «Связь есть! Связь есть!»

– В окопе появился пожилой, сутулый лейтенант с землистым лицом, подстать его окопной жизни. Коротко бросил: «Слышу! Слышу!»

– Посмотрел на меня, проворчал: «Наташа, брось играть в любовь, брось дразнить мальчишку».

– Согнал её с бруствера и скрылся в землянке. Но она появилась вновь, опять уселась на бруствер окопа, щелкая семечки, и сверкая глазами.

В её наушниках запел зуммер, она взмахнула руками, как

испуганная чайка. Спрыгнула в окоп и закричала: «Воздух. Воздух!»

Вся площадка вздрогнула, зашевелилась, забегали солдаты, словно ожившие тени, занимая места у орудий.

Раньше совсем не заметные, покрытые кленовыми ветками, закивали длинными стволами зенитки, заскрипели, заметались, заохали счетверённые пулеметы. Казалось, вся растительность, такая величаво спокойная, развернулась в направлении цели и замерла.

Темно-синий двухмоторный бомбардировщик, с обрубленными крыльями, с ясно видными черными сдвоенными крестами на плоскостях, с леденящим душу надсадным воем моторов, появился на небольшой высоте из-за острова. Как всегда, не ожидая опасности, он пересек Днепр и направился к вокзалу, где скопились воинские эшелоны, с горючим и боеприпасами, ожидая отправки, через недавно наведенный армейскими саперами, временный деревянный мост, низко нависший над Днепром всей своей деревянной громадой.

Наташа выскочила из блиндажа и под команду лейтенанта:

«Огонь! Огонь!» – Закрыла лицо руками и вскрикнула: «Ой! Что будет?» – Пронзила меня лучом удивленных, испуганных глаз и скрылась в окопе.

Голубой луч вонзился в моё сердце, зенитки тявкнули красно-желтым пламенем, пулеметы застрочили короткими очередями, трассирующие пули устремились к цели. Моё сердце ёкнуло, опустилось в тоскливо щемящую изморозь, и счастливо заныло: «Где она?»

Самолет дернулся, как человек с разбегу наткнувшийся на внезапное препятствие, на мгновенье остановился и, продолжая полет неравномерными рывками, задымился. Из его фюзеляжа вырвалось пламя. Не долетев до цели. Сбросив беспорядочно бомбы, на его корпусе появились маленькие черные фигурки.

Фигурки перевалились через борт и полетели вниз. Через секунду они закачались на раскрывшихся, как бутоны роз, белых цветах парашютов. Казалось, вот они рядом, можно добежать и схватить их за пыльные шлемы. Я сорвался с места, присоединился к ватаге мальчишек, которая, пыля по улице босыми ногами, неслась к парашютистам. Нас обогнала полуторка с комендантским взводом и устремилась вперед за город в кукурузное поле, куда приземлялись парашютисты.

Машина вернулась с двумя пленными летчиками в черных комбинезонах, и остановилась у ворот комендатуры, рядом с хлебным киоском, у которого толпились женщины. Они рванулись к машине, и с криками стали забрасывать немцев

камнями. Из ворот вышел комендант, выстрелил в воздух и сказал: «Прекратить произвол».

– Охрана увела перепуганных летчиков, а я поспешил на батарею к Наташе рассказать, какие они – немцы. Мы возбужденно обсуждали удачный воздушный бой, и радостно смеялись первой, казалось совсем нашей победе.

Я начал часто прибегать к Наташе на батарею. Часовые уже перестали обращать на нас внимание. Ласковые прикосновения мягких Наташиных пальцев, отдавались в моём сердце сладкой щемящей болью и томлением. Мы болтали о городских делах, рассказывали о себе и смеялись радостно и тревожно.

Однажды Наташа сказала, что скоро уходим. Фронт уже давно ушел далеко за Буг, и поцеловала меня. Я весь обмер, покраснел, затрепетал как скворушка, выпавший из гнезда, и смущенный ушел домой переживать свои чувства.

Они ушли ночью, оставив за собой полуразрушенные окопы, обломанные ветки, запах пороховой гари и человеческой стоянки.

В почтовом ящике я нашел записку с номером полевой почты и коротким:

– Прощай и пиши!

Я, конечно, писал – и о своих чувствах, и о той громадной стройке, развернувшейся вокруг нас, но ответы получал все реже и реже. Сердце моё стонало, и я написал:

* * *

Девочка милая,
– зорька лесная,
Сердце болит,
– кровоточит душа!
Разве не слышишь
– звезда ты лесная.
Нервы как струны
– звенят у меня.
С болью и с песней
– тебя вспоминаю!
Алые губы,
– огонь твоих глаз.
Плавлюсь, и капли
– по телу стекая,
Красным металлом
– струятся из глаз.
Душу пронзило

– как болью распятья.
Кровь через кожу
– струится горя.
Красные капли
– в янтарь застывая,
Катят по телу
– огонь унеся!

Ответы получал все реже и реже. Она коротко писала о своей жизни, с полным невниманием к моим страданиям. Я перестал писать в никуда и уходил всё дальше и дальше, захваченный новой жизнью. Но однажды получил от неё короткое письмо. В глаза бросился какой-то взволнованно извилистый, но все, же её почерк: «Прости меня, мой голубоглазый малыш, ты ещё не стоишь на ногах, а жить надо. Жизнь есть жизнь. Я выхожу замуж. Прости и прощай!».

Письмо без обратного адреса, с одним словом. Никополь!

Сердце моё сжалось, и я постарался всё забыть, бродя вдоль берега Днепра и смотря на мигающие огни уходящих ночных кораблей. Однако память ещё долго возвращалась к тому радостному и тревожному чувству, родившемуся с последним выстрелом зенитной пушки. Наконец, новая жизнь с её тревогами и заботами, унесла меня вперед, и всё вскоре скрылось, как в речном тумане.

Прошло много лет. Нас сильно измотали различные перестройки и реформы. Развал страны, деградация промышленности, развал собственности Великой державы сильно повлиял и на нас самих. Мы стали какие-то отчужденные, замкнутые. Но однажды на вокзале, среди мешочников, их озлобленных выкриков и вокзальной суеты, я увидал её, с двумя парнями, натужно волокущими огромные мешки.

Её было трудно узнать, печать всех бед легла на её лицо. Но что-то толкнуло нас в сердце. Мы остановились, взяли друг друга за руки и тихо сказали: «Это ты». И вместе ответили: «Да, это я». Мы грустно держали друг друга за руки, и долго молчали. Наконец полились слова:

Девочка моя,
– Звездочка родная.
Ты стоишь опавшая
– словно не живая.
Опустились локоны
– взгляд поник совсем.
Только лишь осталось

– солнце, насовсем.
Только лишь шевелится
– та двойная боль.
В сердце не залеченном
– на всю жизнь с тобой.

И дальше, слово за словом, полился вопрос за вопросом. – Как живут ваши поселки? Как живете вы? – с волнением спрашивал я.

– С трудом выживаем. А главное нет той душевной тишины, того душевного покоя, той уверенности в завтрашнем дне. Сплошная погоня за куском хлеба. Кажется, остановишься и погибнешь. Всё челночим и челночим, этим нелегким промыслом нас просто раздавили; раздавили и бросили на дорогу мировых перекрестков и нас, и нашу душу. Раздавили безжалостно – до боли, до полного омерзения. – Звучал её печальный голос.

– А хотелось бы вернуться в прошлое. Такая ностальгия в душе. Мы же мечтали о жизни чистой и светлой, а теперь всё в этих неистовых криках, всё в этой суете, в этой блеснувшей своим крылом черной птицы наживы, поманившей нас за собой, и бросившей на перекрёстке мировых дорог.

И хочется вернуться в прошлое и исправить какую-то нелепую ошибку, какое-то нелепое недоразумение, проснуться утром и увидеть, – всё по-прежнему, все, как и было, и сказать:

Тишины я хочу
– в этих криках.
Тишины вдоль
– заснувших плетней.
Тишины – мои черные руки,
– как обрубки седых тополей.
Тишины, где нет боли душевной,
– об ушедшем величье твоем.
Где мы вместе с тобой не заплачем,
Где мы вместе с тобой запоём.
И чтоб белые лебеди плыли,
– к той далекой ушедшей мечте.
Не хочу я обрубков горелых
– в этой дикой блатной пустоте.
Не пройдешь по поселку с гитарой,
– не споешь ты степную кугу.
А напившись кавказской отравой,
– кровью харкнешь на черном ветру!

Вся наша, такая спокойная, послевоенная – советская жизнь, с её постоянными улучшениями, родила в нас мысль, а не медленно ли мы бежим, а нельзя ли бежать быстрее, к тому послевоенному ожиданию чего-то святого и светлого. Какой-то встречи, с кем-то, или с чем-то, что сделает нас лучше, возвышенней и чище, а нашу жизнь одухотворенней.

И мы оба поняли, что все это разбилось об эти тяжелые каторжные мешки. Мы оба поняли, что в чем-то мы изменили сами себе. Где-то промолчали, а где-то приспособились. Перестроечная толпа, кружась в диком азарте, завращала нас, разделила и понесла в разные стороны. Остались только мысли прозрения, и ощущение беды и тревожных воспоминаний:

И не будет дней святых
– я боюсь!
И уйдет от нас совсем
– розовая Русь.
Красно-розовая Русь
– не спеши.
Мы ушли бы в рай с тобой
– не греши.
Кто-то властною рукой
– сдвинул нить,
Чтоб для нас опять с тобой
– дверь закрыть.
Хоть мечтали мы всегда
– как в строю.
Много весен не пройдет
– мы в раю.
Но случилася беда
– видит Край.
Как закрылася дорога
– в Красный Рай!
Как оставила ты нас
– у крыльца.
Завертелся дикий пляс
– до конца.
Как найти нам дальше путь
– в те края?
Где жила моя мечта
– ты да Я!
Но расстались мы с тобой
– вот вопрос?
Повернули ось земную

– в перекос!
Дней спокойных, тишины
– не найти.
Только горьких дней моих
– не сочти.
Расскажи, как дальше жить,
– чтоб моля,
Ты вернулася опять
– как Земля!

Она взмахнула мне рукой уже на подножке уходящего поезда, и сквозь стук вагонных колес я услыхал её голос.

– Она вернется! Вернется! Я знаю. Ты только жди! Взмах руки слился с дымкой на горизонте и исчез. А в воздухе осталось одно. – Ты только жди! Жди!

11. Приложения

В приложениях представлены исходные данные, на основании которых проверялись факты, приведенные в повести «Эпоха победителей». К этим материалам относятся архивные данные имен и фамилий действующих лиц. Перечень понятий и определений, а также просторечных выражений существовавших в период, когда происходили те или иные события.

Приведены литературные источники, подтверждающие достоверность фактов и событий воспоминаний Отца и всех действующих лиц данной повести.

Представлены документальные источники и фотографии из личного архива Моисеенко Н.П. его сподвижников, друзей и соратников, архивные и музейные документа послужившие документальной основой при создании повести «Эпоха победителей».

Все эти материалы подтверждают достоверность описанных событий и доказывают объективность изложенного материала.

12. Перечень имен

Алейников Г.И.
Александров И.Г
Ангелина П.
Андросов М
Антонюк Ф.
Асмолов А.Н.
Бабей П..
Баев – бригадир.
Балюта И.К. (Ягупов И.)
Барбюс А.
Баранов К.И.
Баранов П.И.
Бардин И.П.
Белов –Ком. Отр.
Бенеш Э.
Беренштейн Л.Ю.
Бобровницкий Б.
Бовкун И.И.
Болтенко Г.Н.
Болдеров К.В.
Боровский В.
Борош П.
Брежнев Л.И.
Букетов И.М.
Бухарин Н.
Бучакчинский М.М.
Вайнер Л.
Вангровский И.И.
Василенко Т.И.
Ватутин Н.Ф.
Вебер К.
Вейзенбауэр Э.
Виест Р.
Вознесенский Н.А.
Врангель П.Н.
Вродзинская Х.
Волко В.
Всеволожский М.Н.
Гагарин Ю.
Гальдер Ф.
Гелен Р.

Геринг Г.
Гешонек Э.
Гитлер А.
Глинка А.
Глухенький С.Я.
Голиан Я.
Гончар Н.Г.
Гриценко И.Г.
Грубонева Е.
Гусак Г.
Гудериан Х.В.
Данилевич Б.И.
Демченко М.
Деникин А.И.
Дитковский – агент.
Добротка – майор.
Дорошенко П.
Дреслер И.
Дроздовский М.Г.
Дробязко В.И.
Дубинский М.
Дуриков – стрелок.
Дымшиц В.Э.
Евграфов А.Д.
Ельцин Б.Н.
Емельянов А.
Емельянова Ж.П.
Емельянов А.Г.
Енютин Г.В.
Жданов А.А.
Желтов А.С.
Жуков Г.К.
Жуков Я.Т.
Заремба Р.
Зинухова Ю.
Зуберец С.
Иванов – ком. отр.
Иванов П.И.
Ивченко А.Г.
Каганович Л.М.
Калинин М.И.
Калинин Я.М.
Кандалов И.И.
Карасев – Степанов В.А.

Карасев А.
Катрук Г.Я.
Квитынский – ком. отр.
Кириленко А.П.
Климашевский А.
Климашевская М.П.
Ковпак С.А.
Кожедуб И.Н.
Козловский В.Е.
Кокин В.И.
Комаров П.Н.
Конев И.С.
Коробова П.
Корниец Л.Р.
Коротченко Д.С.
Костка И.
Краковец Э.
Куб М.
Кубик (Фридман) С.
Кудрявцев В.И.
Кузнецов А.А.
Кузьмин А.Н.
Кукарелли (Минарович М.)
Кукарелли (Косткова) А.
Курачев Н.И.
Ладыгин А.А.
Лелюшенко Д.Д.
Ленин В.И.
Леонов В.И.
Лесечко М.А.
Лещенко В.
Литвинов – майор.
Логинов В.И.
Лукин М.М.
Лунев А.Ф.
Львов Г.А.
Ляшенко П.И.
Май Маевский В.З.
Майоров – ком. отр.
Макаров Ф.М.
Малар А.
Малиновский Р.Я.
Манштейн Э.
Маресьев А.П.

Марчук Н.
Мартынов А.А.
Матюшин Ф.С.
Махно Н.И.
Мах Ш.
Мельников Л.Г.
Мельников Г.М.
Митяев А.Н.
Михалевич – летчик.
Михайленко А.И.
Мозолевский А.
Моисеенко Н.П.
Моисеенко П.Е.
Моисеенко Е.Т.
Молиторис А.
Молотов В.М.
Молодчий А.И.
Мосоряк И.
Москаленко К.С.
Набатов И.
Налигацкий Е.П.
Налепка Я.
Наседкин М.С.
Наумхайбер – пред. Рейха.
Недужко М.И.
Несмашный Г.И.
Новиков А.М.
Новиков А.Ф.
Новоместски Л.
Орджоникидзе Г.К.
Осипенко И.В.
Основин Д.
Пажер Р.
Петров И.Е.
Петровский Г.И.
Покрышкин Л.И.
Полина П.
Полк Т.
Понамарёв В.П.
Попов Г.М.
Попович – парт.
Проскура В.Г.
Путин В.В.
Резник П.С.

Решетняк П.М.
Рокоссовский К.К.
Роман П.
Руденко А.Д.
Румянцев И.А.
Рыбалченко И.А.
Рыжевский Я.Д.
Рыков А.И.
Сабуров А.Н.
Сабо Л.
Свобода Л.
Симонов Н.В.
Скрябин В.В.
Слободяник В.С.
Смирнов И.П.
Смирнов-Сокольский Н.П.
Снежинский.
Соболевский И.В.
Соловьёв.
Спишак Ф.
Спишак А.
Сталин И.В.
Стрельцов Р.
Строкач Т.А.
Судец В.А.
Суров Н.С.
Схайда Ф.
Тальский В.
Тевосян И.Ф.
Тельман Э.
Терек С.
Тимошенко С.К.
Тисо И.
Тихонов С.Л.
Ткалич И.Я.
Тращановский А.Ф.
Трегубенко А.Ф.
Тристан – комиссар.
Троцкий Л.Д.
Туполев А.Н.
Тухачевский М.Н.
Улицай Ф.
Хинкель О.
Хомичко Е.

Хрущев Н.С.
Цветаева М.
Цепков М.И.
Цимерман Я.
Чавро Д.Г.
Чатлаш Ф.
Чепига А.Н.
Чудан М.М.
Шамберг М.А.
Шацкий Г.А.
Шверма Я.
Шегал А.В.
Шереметьев А.Г.
Шило П.
Шкирятов М.Ф.
Шмидке К.
Шмыгло Н.Е.
Шобер Р.
Шольц Я.
Шрам А.
Шробар В.
Шукаев М.И.
Щербаков А.С.
Юдин П.А.
Юрканин Я.
Ягупова К.З.
Яковлев В.И.

13. Перечень понятий

Абвер – военная разведка фашистской Германии.

Абверкоманды – дезорганизационно-диверсионные группы немецкой военной разведки отдела Восток.

Арбайтен – рабочие команды.

Бычки – опоры плотины.

Ваг – река в Словакии.

Восточный Вал – оборонительный рубеж немецкой армии на Украине.

Гестапо – тайная полиция фашистской Германии.

ГКО – Государственный Комитет Обороны.

Засеки – деревянные казацкие военные укрепления.

ЗИС – модель советского легкового автомобиля.

ЗКФ – Закавказский фронт.

ИТР – инженерно технические работники.

Капо – надзиратель немецких концлагерей.

КПС – Коммунистическая партия Словакии.

КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии.

Мессершмит (Мессер) – наименование немецкого самолета-истребителя.

Миксер – резервуар для разогрева жидкого чугуна перед заливкой в мартеновские печи.

Начкор – командующий корпусом.

ОКБ – Штаб оперативного руководства немецких войск. (Личный штаб Гитлера).

ОКХ – Главное командование сухопутных сил.

ОРС – отдел рабочего снабжения.

ОТК – отдел технического контроля.

ПТР – противотанковое ружьё.

Рама – название немецкого самолета-разведчика. (Фоке-Вульф – 189).

РВС СССР – Революционный Военный Совет СССР.

СД – служба безопасности Специальных соединений немецких войск. (Орган разведки и контрразведки).

СКБ – специальное конструкторское бюро.

Слябинг – прокатный стан крупных стальных заготовок – «слябов».

СНВ – Словацкое национальное восстание.

СНС – Словацкий национальный совет.

СС – специальные соединения немецких войск службы безопасности Германии.

СС «Эслянд» – немецкая дивизия СС, сформированная в

Прибалтике.

Тутовник – среднеазиатский сорт шелковицы.

Узловая – крупная железнодорожная станция.

УШПД – Украинский штаб партизанского движения.

Фордик – наименование американского полугрузового автомобиля.

ЧССР – Чехословацкая Социалистическая Республика.

Шмайсер – наименование немецкого короткоствольного автомата.

Шуцман – полицейский.

Эльхот – горное селение.

Эльхотские ворота – долина между горными хребтами.

«ЭМКА» – модель советского легкового автомобиля.

Язык – пленный, захваченный для получения информации.

14. БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аморт Ч.* СССР и освобождение Чехословакии. Прогресс. М., 1976.

2. *Анфилов Б.А.* Провал Блицкрига. Наука. М., 1974.

3. *Береништейн Л.Е.* Зона Буры. Политическая литература. Украина. Киев, 1976.

4. *Бикташев В.М.* Мы старше своей смерти. Записки узника Дахау. Уфа., 1966.

5. *Брежнева Л.* Племянница Генсека. Центрполиграф. М., 1999.

6. Великая Отечественная война 1941–1945. Политиздат. М., 1970.

7. Война в тылу врага. Политиздат. Выпуск 1. М., 1974.

8. *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. 1931–1947. Политическая литература. М., 1979.

9. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. Госполитиздат. М., 1948.

10. *Вознесенский Н.А.* Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950. 15–18 марта 1946 г. Госполитиздат. М., 1946.

11. Восемнадцатая в сражениях за родину. Воениздат МО СССР, М.,1982.

12. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. Воениздат МО СССР. М., 1971.

13. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Воениздат. МО СССР. М., 1968.

14. *Гелен Р.* Война разведок. Центрполиграф. М., 1999.

15. *Гелен Р.* Секретные миссии. Служба. Терра. М., 1997.

16. *Гречко А А.* Годы войны. Воениздат МО СССР. М., 1976.

17. *Гудериан Х.В.* Воспоминания солдата. Феникс. Ростов на Дону, 1998.

18. *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном Восстании. Правда. М., 1969.

19. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. АПН. М., 1974.

20. Запорожская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сборник материалов. Запорожье, 1959.

21. *Затешилов В.* Подвигом славны твои земляки. Запорожское книжно-газетное издательство. Запорожье, 1962.

22. История городов и сел УССР. Запорожская обл. Институт истории АН УССР. Киев, 1970.

23. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1943. Т. 3. Воениздат. МО СССР. М., 1961.

24. История Второй Мировой войны. 1939–1945. Т. 4. Воениздат. МО СССР. М., 1975.

25. *Каганович Л.М.* Памятные записки. Вагриус. М., 1966.

26. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Т. 7. Политиздат. М., 1985.

27. То же. Часть 1,2,3. Политическая литература. М., 1954.

28. *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи. Речь на 3-м Всероссийском съезде РКСМ. Октябрь. 1920. Полное собрание сочинений, т.

41. Политическая литература. М., 1977.

29. *Ленин В.И.* Речь на 8-м всероссийском Съезде Советов. Декабрь. 1920. Полное собрание сочинений. Т. 42. Политическая литература. М., 1977.

30. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, т. 35. Госполитиздат. М., 1962.

31. *Махно И.* Азбука анархиста. Вагриус. М., 2005.

32. *Масоряк И.* Партизанские тропы. Словацкое педагогическое издательство. Пряшев, 1963.

33. Партизанское движение в Чехословакии во Второй Мировой войне. Наше войско, 1961.

34. *Самсонов А.М.* Крах фашистской агрессии. Наука. М., 1975.

35. *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1969.

36. *Семанов С.* Досье без ретуши. Брежнев правитель золотого века. Вече. М., 2004.

37. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. А.Н. СССР. Институт истории. Наука. М., 1976.

38. *Сталин И.В.* Сочинения, т. 6–10. Август-декабрь. 1927. Государственное издательство политической литературы. М., 1947–1950.

39. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Огиз. Госполитиздат. М., 1947.

40. *Строкач Т.А.* Наш позывной Свобода. Политическая литература. Киев, 1979.

41. *Суходеев В.* Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия. Эксмо. Алгоритм. М., 2004.

42. *Суходеев В.* Сталин военный гений. Олма Пресс. М., 2005.

43. Украинская СССР в Великой Отечественной войне, тт. 1–3. Запорожье, 23.05.1974.

44. *Цветаева Марина.* Белый стан. Новый журнал. № 53. Энциклопедия Третьего Рейха. Лохид-Миф. М., 1996.

15. Перечень источников

В данном перечне представлены архивные и музейные документы, а также документы и фотографии из личных архивов лиц представленных в повести. Документы сгруппированы по главам и расположены в алфавитном порядке.

15.1. К главе 1-6

1. *Брежнев Л.И.* Фото с дарственной надписью. Запорожье. 25.09.1947 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 10.02.1976.

2. Он же. На встрече с рабочим классом Запорожья. Фото. Запорожье, 15.07.1947 // Там же.

3. Он же. Данные // Архив МО СССР, ФЗЗ, ОП 682524, д 12, Л.Л. 168–169.

4. Гагарин Ю.А. и генерал-майор Алейников Г.И. проездом в Крым. Фото, 15.06.1972 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 10.02.1976.

5. Дорогие реликвии. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 5.12.1974.

6. *Дробязко В.И.* Фото. Александровск. 1919 // Архив Моисеенко Г.Н. М.,10.02.1976.

7. *Жуков Г.К.* Заместитель Наркома обороны. Генерал армии. Положение о штрафных батальонах действующей армии. 26.09.1942. Правда. М., 29.05.2007.

8. Запорожская битва. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 13.10.1973.

9. *Калинин М.И.* Выступление на митинге в честь пуска Днепрогэс. Правда. М., 11.10.1932.

10. *Климашевская М.П.* Мать рассказывает о сыне. Орджоникидзе. Фото. 1964 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 10.02.1975.

11. *Махно. Н.* Привлечение к уголовной ответственности Революционным трибуналом Украины. Красное Запорожье. Запорожье, 27.05.1922.

12. Материалы 18-й партийной конференцией ВКП (б). Правда. М., 19–21.02.1941.

13. *Махалов В.* Так начиналась война. Правда. 21–22.06.2005.

14. Мобилизуем все резервы. Правда. Выездная редакция. Омск. 22.02.1945.

15. *Моисеенко П.Е.* Акт гражданского состояния.// Государственный архив Запорожской области. Богоявленская церковь. Г. Бердянск. Бердянский уезд. Таврическая губерния. Запорожье, 5.09.2007.

16. Он же. Солдат Черниговского полка императорской армии с семьёй. Фото. 1912 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

17. Он же. Солдат 46-го запасного полка императорской армии с семьёй. Фото. Бердянск. 1915 //Там же.

18. *Моисеенко Г.Н.* Память пламенных лет. Правда, Столицы. М.,18.02.2003.

19. Он же. Поклонимся великим тем годам. Позиция.

Запорожье, 4.05.2006.

20. *Моисеенко Н.П.* За работой над рукописью. Фото. Запорожье, 10.12.1974 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

21. *Моисеенко Н.П.* История Запорожского комсомола. Тетрадь записи событий № 5. 1922–1928 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 10.02.1970.

22. Он же. Школа ученичества Александровской, Екатерининской Ж.Д. Присвоена квалификация котельщика четвертого разряда. Удостоверение № 10806/18. Запорожье, 1929 // Краеведческий музей. Фонды. Запорожье, 16.02.1976.

23. Он же. Секретарь комсомольской организации. Список выпускников школы ФЗУ при мастерских Екатерининской Ж.Д. Станция Александровская. 15.09.1929. Тетрадь записи событий истории запорожского комсомола // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

24. Он же и др. Инсценировка «5 лет без Ильича». Фото. Запорожье. Клуб им. Дробязко. Кружок «Малых форм», 1929.

25. Он же. Тетрадь записи событий строительства Днепрогэс. 1932 // Там же.

26. Он же. Тетрадь записи событий по строительству и восстановлению Днепрогэс. 25.05. 1927 – 5.04. 1947. К рукописи книги «Свет над Днепром» // Там же.

27. Он же. Утвержден секретарем обкома КП (б) У. Решение Политбюро ЦК ВКП (б). М.1941. Трудовая книжка. 5.05.1941.// Запорожье. Краеведческий музей. Фонды, 16.02.1976.

28. Он же. Биографическая справка. 5.04.1941-21.09.1942 // Там же.

29. Он же. Является уполномоченным Военного Совета Южного фронта. 15.10.1941 // Там же.

30. Он же. Является уполномоченным Военного Совета Южного фронта и направляется в районы Ростовской области для выполнения оперативного задания. Удостоверение. 21.06.1942 // Там же.

31. Он же. Является уполномоченным Военного Совета Южного фронта с правом контроля поставок для частей Южного фронта. Удостоверение. 26.07.1942// Там же.

32. Он же. Командируется в город Самарканд для выполнения специального задания Военного Совета Южного фронта. Удостоверение. 15.07.1942 // Там же.

33. Он же. Является уполномоченным Военного Совета Южного фронта и направляется в город Сталинград для выполнения специального задания Военного Совета Южного фронта. Удостоверение. 25.07.1942 //Там же.

34. Он же и т. Жуков Я.Т. Направляются в распоряжение

Военного Совета Северокавказского фронта. Удостоверение. 17.08.1942 // Там же.

35. Он же. Секретарь Запорожского обкома. Направляется в Орджоникидзевский край и Сталинградскую область по особому заданию. Удостоверение. 1.08.1942 // Там же.

36. Он же. Является уполномоченным Военного Совета Северной группы войск ЗКФ и следует для выполнения специальных заданий. Удостоверение. 25.08.1942 // Там же.

37. Он же. Состоит на действительной военной службе, в действующей Красной Армии, в должности начальника оперативного отдела Военного Совета Северной группы войск Закавказского фронта. Удостоверение. 29.09.1942 // Там же.

38. Он же. Секретарь Запорожского обкома. Разрешен въезд и временное проживание в Москве до 30.12.1942. Пропуск № 1001 // Там же.

39. Он же. Направляется в Москву в Распоряжение ЦК КП (б) У. Удостоверение. 23.03.1943 // Там же.

40. Он же. Направляется в Москву в распоряжение ЦК КП (б) У сроком на 20 дней. Удостоверение. 22.04.1943 // Там же.

41. Он же. Направляется в Харьков в распоряжение Запорожского обкома КП (б) У. Удостоверение. 27.09.1943.

42. Он же. Дети семьи трудовой. Рукопись книги. Запорожье. 1965–1968 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1970.

43. Он же. В дни суровых испытаний. Рукопись книги. Запорожье. 1937 // Там же.

44. Он же. На струнах комсомольской юности. Инженер машиностроитель. Запорожский машиностроительный институт. Запорожье, 3.11.1967.

45. Он же. Выпускники первой пятилетки. Инженер машиностроитель. Запорожский Машиностроительный институт. Запорожье, 1.06.1973.

46. Он же. Немеркнущая биография непокоя. Комсомолец Запорожья. Запорожье, 23.05.1974.

47. Он же. Его голубая дорога. Комсомолец Запорожья. Запорожье, 22.01.1975.

48. Он же. Возрождение гиганта // Октябрь № 7. М., 1977.

49. *Несмашный Г.И., Молодчий А.И., Куликов С.А.* У гвардейского знамени. 74 полк. Фото. 1942.// Архив Моисеенко Г.Н., 10.02.1976.

50. Перекопско-Чонгарская операция. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 10.02.1968.

51. Переправа через Днепр. Штурм острова Хортица. Фото. 1941 // Запорожье. Краеведческий музей. Фонды. 10.02.1976.

52. Рыбин А. Рядом со Сталиным в большом театре. Записки

военного коменданта // Архив Моисеенко Г.Н. 7.11.1996.

53. Салов Ф. Аварии в котловане Днепростроя // Бюллетень Государственного Днепровского строительства. События до 24.10.1928. М., 1928.

54. Симонов М.В., Несмашный Г.И., Калашников – стрелок-радист, Дуриков – стрелок. Экипаж самолета после бомбежки Берлина. Фото. 1942 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

55. Социалистические шаги Запорожья. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 18.10.1975.

56. Сталин И.В. Информационное сообщение о пленуме ЦК ВКП (б). О восстановлении членов партии. Постановление январского пленума. Правда. М., 19.01.1938.

57. Он же. Выступление по радио Председателя Государственного комитета обороны. Правда. М. 03.06.1941.

58. Он же. Доклад на пленуме ВКП (б). 5.03.1937.0 недостатках партийной работы. Правда. М., 19.01.1938.

59. *Степаненко И.П.* Отзыв на книгу «Память пламенных лет» Письмо. Запорожье. 8.08.2007 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.08.2007.

60. *Судец В.А.* Маршал авиации с группой военных на вокзале Запорожье-1. Фото. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 13.10.1973.

61. *Троцкий Л.Д.* Резолюция о выступлении Троцкого Л.Д. Пленум ЦК РКП (б). 17–20.01.1925. Правда. М., 20–30.01.1925.

62. Эстония. 20-я дивизия СС. Отдельные части. М., Правда. 18–19.10.2005.

15.2. К главе 7

1. *Брежнев Л.И.* Группа офицеров 18-й армии перед наступлением на Житомир. Село Колонщина. Киевская область. Фото. 24.12.1943 // Архив Музея «Победные дни России». М., 13.11.2002.

2. Он же. Партсобрание. Западная Украина. Коломыя. Фото. 5.07.1944 // Там же.

3. Он же. Командование 18-й армии. Западная Украина. Коломыя. Фото. 26.07.1944 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

4. Он же и Колонии С.Е. Фото. 1944 // Там же.

5. Он же. Офицеры 18-й армии. Карпаты. Фото.10.06.1944 // Там же.

6. Он же. Служащие политотдела 18-й армии. Закарпатье. Фото. 30.09.1944 // Там же.

15.3. К главе 8

1. Документы соединения «Чапаев» // Архив института истории партии при ЦК КП (б) У, Ф-81, 84.

2. *Балюта И.К.* Тетради записей № 1,2,3. Трагедии Черных лесов. Запорожье. 1964 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 10.02.1976.

3 Он же. Письмо доктору исторических наук, полковнику Семиряге М.И. Запорожье, 20.11.1966 // Там же.

4. Он же. Письмо от Львова Г.А. Казань, 26.03.1967 // Там же.

5. Он же. Письмо от Владо Волко. ЧССР. Наместово, 9.07.1963 // Там же.

6. Он же. Письмо от Боровского. ЧССР. Высокие Татры, 3.11.1965 // Там же.

7. Он же. Письмо от Яна Хажера. Бучовице, 23.05.1966 // Там же.

8. Он же. Письмо от Милана Дубинского. Пряшев, 13.05.1964 // Там же.

9. Он же. Письмо от подполковника Сидорова М.Е. Казань, 19.09.1963 //Там же.

10. Он же. Письмо от Смирнова И.П. Калининская область, Бежецкий район, п/о Крупицы, д. Костерино, 31.03.1964 // Там же.

11. Он же. Письмо от Смирнова И.П. 22.07.1966 //Там же.

12. Он же. Письмо от Наседкина М.С. Мценск. Орловская область, 7.03.1965 //Там же.

13. Он же. Письмо от Онопченко С.Е. Коростень. Житомирская область, 11.09.1963 //Там же.

14. Он же. Письмо от Ф. Спитак. Братислава, ул. Сухомлинская, д. 35.1964 // Там же.

15. Он же. Письмо от жителей села Петровцы, 21.06.1964 // Там же.

16. Он же. Письмо от А. Молиторис. 1963. Ганушевцы над Топлей, район Пряшев, Восточнословацкая область, Чехословакия // Там же.

17. Он же. Командировочное предписание. 7.10.1944 // Там же.

18. Он же. Фотокопия письма о назначениях в соединении. Октябрь, 1944 //Там же.

19. Он же. Копия письма начальника штаба партизанского движения 1-го Украинского фронта, героя Советского Союза, полковника И. Бовкуна // Архив Запорожского телевидения. Копия // Там же.

20. Он же. Письмо от Кубика (Фридмана). ЧССР // Архив И.К.

Балюты. Запорожье, 1964.

21. Он же с врачом отряда т. Катрук. Фото. Сланские горы. 1944 // Там же.

22. Он же. Пребывание в Словакии. Правда. Орган КПС. Братислава. 29. 04.1964.// Там же.

23. Искры и пламя сопротивления во Врановском районе. Издательство идеологического отдела КПС во Вранове. Пряшев, 1970 // Там же.

24. Карта боевого похода бригады «Чапаев» на соединение с Красной Армией. ЧССР. 24.11.1944 // Пряшевский музей. Копия // Там же.

25. *Ладыгин А.А.*Подготовка к операции. Фото. Киев, 11.06.1944 // Там же.

26. Он же. Капитан. Коле и Анне в дни Отечественной Войны. Фото. 27.08.1944 // Там же.

27. Он же. Подполковник. Заместитель начальника отдела контрразведки. Фото. Киев, 1977 // Там же.

28. Личный состав партизанского соединения «Чапаев». Фотокопия. Словакия, 27.09.1944 // Там же.

29. Львов Г.А., Болдарев К.В., Вейзенбауэр Э. с проводником. Группа советских военнопленных перед отправкой к партизанам. Фото. Словакия, 1944 // Там же.

30. *Масоряк И.* Партизанскими дорогами // Новая жизнь. № 35. Орган ЦК культурного союза украинских трудящихся. ЧССР. Пряшев, 2.09.1967 //Там же.

31. Моисеенко Г.Н. Письмо от Фарер Н.К. // Архив Моисеенко Г.Н. 9.11.1979.

32. Он же. Письмо от Смирнова И.П. М., 25.03.1980 // Там же.

33. Он же. Письмо от Моисеева. М., 30.03.1980 // Там же.

34. Он же. Письмо от Франтишека Спитак. Братислава, 25.12.1977 // Там же.

35. Он же. Письмо от начальника Военно – исторического института ЧССР. Братислава, 13.04.1981 // Там же.

36. Он же. Письмо от В.А. Ладыгина. Киев, 18.07.2005 // Там же.

37. Он же. Письмо от профессора, доктора Бобке, директора Центрального партийного архива ГДР. Берлин. Институт Марксизма-Ленинизма. Июнь, 1980 //Там же.

38. Он же. Письмо от заведующего музеем завода «Запорожсталь». П. Омельченко. Запорожье, 9. 07.1979 // Там же.

39. Он же. Письмо от Карла Вебера. ФРГ. Штутгарт, 5.10.1980 //Там же.

40. *Моисеенко Н.П.* В лесах под Матяшкой. Рукопись книги. Запорожье, 1975 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

41. Мост Прешов-Кысак после взрыва. Фото. Прешов, 1944 // Там же.

42. Опять был среди нас. Пребывание И.К. Балюты в Словакии. Пряшевская обл. Пряшев, 19.09.1967 // Там же.

43. Партизанское соединение «Чапаев». Журнал учёта боевых операций. Словакия. 27–28.09.1944// Там же.

44. Партизанское соединение «Чапаев». Книга учета личного состава, проведенных акций и регистрации отряда. Словакия, 1944 // Там же.

45. Памятник героям. Правда. Орган КПС. Братислава, 11.09.1967 // Там же.

46. Путь к свободе // Научный сборник. Т. 2.1966. Музей Украинской культуры в Свиднике. Пряшев, 1966 // Там же.

47. Радиограмма № 1184, 27.08.1944. Копия // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

48. Списки личного состава соединения имени «Чапаева». Киев. 1941–1945. Копии. // Там же.

49. *Спитак* Ф. Письмо от Балюты И.К. Братислава. 19.05.1964. // Там же.

50. *Терек С.* Письмо отделу кадров завода «Запорожсталь». Запорожье, 26.11.1965 // Там же.

51. *Терек С.* Вестовой партизанского отряда имени «Чапаева». Фото. 29.11.1965 // Там же.

52. *Ткаченко И.С.* Его там звали Ванюшей. Правда Украины, 29.30.1963.

15.4. К главе 9

1. *Байбаков Н.К.* Тогда у нас была настоящая держава. Правда. М.,17.11.2005.

2. *Бардин А.П.* Выступление на митинге у доменной печи. Строитель, 3.07.1947.

3. Он же и Моисеенко Н.П. на митинге на площадке листопрокатного цеха. Строитель, 30.07.1947.

4. Они же. На митинге по поводу завершения строительства доменного цеха // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

5. Большая производственная победа. Правда. М., 27.07.1946.

6. *Брежнев Л.И.* Оценка начального периода восстановительных работ. Большевик Запорожья. Запорожье, 13.10.1946.

7. *Брежнев Л.И.* Работники политотдела 18-й армии. Фото. 1945. Чехословакия // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

8. Он же и министр черной металлургии Тевосян И.Ф. на монтаже прокатного стана. Запорожье. Фото. 1947 // Там же.

9. Он же с группой товарищей. Запорожье. Фото. 1947 // Там же.

10. Он же и Дымшиц В.Э. с министром Юдиным П.А. Запорожье. Фото. 1947 // Там же.

11. Он же. В Словакии. Фото. 3.04.1945 // Там же.

12. Он же. В Словакии. Фото. 5.06.1945 // Там же.

13. Он же. Выступление на общестроительном партийном собрании Запорожстроя. Запорожье. Строитель, 17.04.1947.

14. *Владов П.* Задрав корму, идет ко дну. Правда. М., 21–24.10.2005.

15. *Вознесенский Н.А.* Осмотр хода строительства. Фото. 1947. Запорожье // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

16. Он же. К вопросу об экономике социализма. Большевик. № 23, 24. М., 1931, № 1,2,1932.

17. Война двух миров // Сборник статей по вопросам экономики. Ростов на Дону, 1999.

18. *Губенко Г.И. и др.* Рецензия на книгу «Память пламенных лет». М., 15.06.2006 //Архив Моисеенко Г.Н. М., 20.06.2006.

19. *Дымшиц В.Э.* Первый этап. Червонное Запорожье, 1.07.1947.

20. *Ермалавичус Ю.Ю.* Доктор исторических наук, профессор. Рецензия на книгу «Память пламенных лет». М., 2.06.2006 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 2.06.2006.

21. *Изюмов Ю.* Жизнь и судьба секретаря ЦК ВКП (б) Алексея Кузнецова. Досье. История и современность. М.3.03. 2005.

22. *Кузмин Н.А.* Выступление на митинге. Запорожье. Фото. 1947 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

23. Он же и Дымшиц В.Э. Решение назревших проблем. Запорожье. Машинный зал цеха «слябинг». Фото. 1947 // Там же.

24. Кириленко А.П. и Резник П.С. перед встречей с Брежневым Л.И. Запорожье. Фото. 1948//Там же.

25. *Коваленко А.С.* Письмо-рецензия на книгу «Память пламенных лет». Запорожская областная государственная администрация. 20.02. 2008// Там же.

26. *Кожемяко В.К.* К 100-летию со дня рождения Л.И. Брежнева. Память пламенных лет. Правда. М., 29.09.2006.

27. *Кулиджанов Л.* Этапы большого пути. Литературная газета. М., 15.12.1976.

28. *Малахов Г.А.* Полковник, доктор исторических наук, профессор. Рецензия на книгу Моисеенко Г.Н. «Память пламенных лет». Московский военный университет. М., 17.05.2006 // Архив Моисеенко Г.Н. 20.05.2006.

29. *Моисеенко Г.Н.* Ставка была на талантливых людей. Правда. М.,29.09.2006.

30. *Моисеенко Н.П.* Рукопись книги «Опять в строю». Запорожье, 1970 // Архив Моисеенко Г.Н. М., 10.02.1976.

31. Он же. Второе рождение. Рукопись очерка. Запорожье, 1970 // Там же.

32. Он же. Запись событий. Запорожье, 1946–1947 // Там же.

33. Он же. Запись выступления и беседы Жданова А.А. на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б). Тетрадь записей № 4,1947 // Там же.

34. Он же. Запись беседы и выступления Л.И. Брежнева на собрании городского партактива. Об итогах работы промышленности. Тетрадь записей N 24, 1947 // Там же.

35. Он же. Митинг по поводу пуска коксохимической батареи «Коксохимического завода». Запорожье. Фото. 1948 // Там же.

36. Он же. Тетрадь записей № 2. Восстановление завода «Запорожсталь». Запорожье. 15.07.1947 // Там же.

37. Он же. В дни суровых испытаний. Рукопись повести. Запорожье, 1970 // Там же.

38. Он же. Выступление на предпусковом митинге цеха «слябинг». Фото. 1947 // Там же.

39. Он же и заведующий отделом ЦК ВКП (б) Соловьёв и др. Пуск первой очереди завода «Запорожсталь». Президиум митинга. Запорожье. Фото. 2.10.1947 // Там же.

40. Он же. Митинг по поводу сдачи в эксплуатацию первой очереди завода «Запорожсталь». Запорожье. Фото. 2.10.1947 // Там же.

41. Он же. Депутат Запорожского Областного Совета депутатов трудящихся. Депутатский билет № 6. Запорожье. 1949 // Там же.

42. Он же. Зарубежные делегации и группы обучения: Индия, КНР, КНДР, Финляндия, Канада, Япония. Запорожье. Фото. 1949–1958 // Краеведческий музей. Фонды. 10.02.1976.

43. Он же. Профсоюзная делегация японских металлургов на заводе «Запорожсталь. Фото. Запорожье. 07.06.1955 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

44. Он же. Металлургический ордена Ленина завод «Запорожсталь» им. Серго Орджоникидзе. Справка. Запорожье, 1958 // Там же.

45. Он же. Пропуск на пленум ЦК КП (б) У. 10.02.1946. Запорожье // Краеведческий музей. Фонды. 10.02.1976.

46. Он же. Пропуск № 126 на 11-й пленум ЦК КП (б) У. 10.05.1946 // Там же.

47. Он же. Мандат № 203. Делегат 16-го съезда КП (б) У. Киев, 1949 //Там же.

48. Он же и Резник П.С., Логинов Ф.Г., старший инженер Шацкий Г.А. Пуск второго агрегата ДГЭС. Фото. 1947. Запорожье // Там же.

49. Он же и Резник П.С., Логинов Ф.Г. ДГЭС восстановлен. Запорожье. Фото. 1947 // Там же.

50. Он же и Резник П.С., Логинов Ф.Г., Кузмин А.Н. на пуске ДГЭС им. Ленина. Запорожье. Фото. 1947 //Там же.

51. Он же. Некоторые итоги работы промышленности Запорожья и задачи партийной организации. Большевик Запорожья. Запорожье, 23.08.1947.

52. Он же. Постановление Комиссии Советского контроля СМ УССР об утверждении Моисеенко Н.П. 1962. Запорожье // Краеведческий музей. Фонды. 10.02.1976.

53. Он же. В дни суровых испытаний. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 11.08.1970.

54. Он же. Добрый посев. Запорожская Правда. Запорожье, 15.09.1970.

55. Он же. Монтажник Евграфов. Запорожская Правда. Запорожье, 18.08.1970.

56. Он же. Возрождение гиганта // Октябрь. № 7. М., 1977.

57. О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период. Постановление пленума ЦК ВКП (б). Правда. М., 28.02.1947.

58. Письмо обязательство т. Сталину И.В. Запорожье. Строитель, 22.03.1947.

59. Пленум Запорожского обкома. Постановление о переводе

Л.И. Брежнева в г. Днепропетровск. Запорожье. 1947 // Партархив Запорожского обкома КП (б) У, Ф-101, Д-15, 51–80.

60. Постановления и документы партийно-политической работы на «Запорожстрое» // Там же. Ф-157, Д-1738, Л-61-63,65-106,140.

61. Пуск цеха горячей прокатки. Запорожье. Фото. 1947 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

62. Письмо т. Сталину и его приветствие. Строитель. Запорожье, 3.10.1947.

63. Перечень источников подтверждающих правильность фамилий лиц, проходящих в рукописях Моисеенко Н.П. // Архив института истории партии при ЦК Украины. Ф-84, д-1, е, х, р-1 и др. // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

64. *Румянцев И.А.* Выступление на митинге по проблемам повышения производительности труда. Запорожье. Фото. 1947 // Там же.

65. *Сталин И.В.* Фотопортрет работы Б. Карпова. Фото. 1944. Подарок Жданова А.А. // Там же.

66. Он же. Великий и загадочный Сталин. Досье. М., 12.2001.

67. Он же. Отчетный доклад 17-му съезду партии. Правда. М., 28.01.1934.

68. Он же. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников. Правда. М.,5.07.1931.

69. *Тевосян И.Ф. и Юдин П.А.* Министры налаживают работу. Запорожье. Фото. 1947 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1976.

70. *Ткачев А.* Книга, которая учит побеждать. Индустриальное Запорожье. Запорожье, 18.05.1979.

71. Учиться у Ивана Румянцева. Строитель. Запорожье, 26.03.1947.

72. Указ о награждении восстановителей Запорожстали. Большевик Запорожья. Запорожье, 5.07.1947.

73. *Хрущев Н.С.* Запорожская делегация на съезде КП (б) У. Киев. Фото. 1949. Запорожье // Краеведческий музей. Фонды. 10.02.1976.

74. *Шамберг М.Л.* О работе партийного комитета треста «Запорожстрой». Строитель. Запорожье, 17.04.1947.

15.5. К главе 10

1. *Моисеенко Н.П. и др.* Памятник на могиле. Фото. Запорожье. Капустяное кладбище. Аллея Почета. 1976 // Архив Моисеенко Г.Н. 10.02.1978.

2. *Моисеенко Г.Н.* Письмо от Запорожского Городского Совета. Запорожье. 31.03.2008 // Там же.